

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 1 (132) • 2020

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 572 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.02.2020 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 950 экз. Заказ 52.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Е.Р. Ергашев	доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 1 (132) • 2020

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2020

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
R.S. Davletgildev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Грачев Н.И.**
Политические режимы: к вопросу о содержании понятия и основаниях классификации
- 25 **Аниканов А.К.**
Общие черты отечественной и западноевропейской политико-правовой мысли XVIII – первой половины XIX века о правосудии
- 30 **Горячева Т.С.**
Евгенические идеи в уголовной антропологии России в конце XIX – начале XX века
- 37 **Мун В.А.**
Законодательное регулирование охраны прав беременных женщин и женщин-матерей в России в середине XIX – начале XX века
- 45 **Чернышов А.В.**
К вопросу о формировании понятия «законный интерес» в юридической науке
- 51 **Яковлев М.В.**
К вопросу о профессиональной правовой культуре на примере военнослужащих Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 58 **Хижняк В.С.**
Международно-правовые стандарты регулирования правового статуса неправительственных организаций и конституционно-правовые проблемы их реализации в Российской Федерации
- 68 **Отставнова Е.А.**
Конституционная обязанность заботиться о родителях в странах Европы, Азии и России: сравнительный анализ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 82 **Мхитарян Ю.И.**
Реформа правового режима саморегулирования в сфере предпринимательской деятельности
- 94 **Чурилов А.Ю.**
Проблемы охраны программ для ЭВМ
- 102 **Масолкин М.Д.**
Особенности заключения и формы договора страхования жизни и здоровья

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 109 Верина Г.В.**
Ревизия законодательной концепции преступления
- 121 Швердяев С.Н.**
Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства
- 133 Шминке А.Д.**
К вопросу о концептуальном объяснении системности уголовного процесса
- 140 Кирова Т.А.**
Понятие уголовно-правового обеспечения

КАФЕДРА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И КРИМИНОЛОГИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И УЧЕБНЫЕ АСПЕКТЫ В СФЕРЕ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

- 149 Варьгин А.Н., Яковлев Д.Ю.**
Использование криминологических знаний в деятельности органов прокуратуры
- 156 Ефремова И.А.**
Роль осуществления прокурорского надзора за освобождением от наказания в связи с болезнью
- 163 Овсянников И.В.**
Несогласие государственного обвинителя с применением особого порядка судебного разбирательства
- 169 Асташкина Е.Н., Курохтина Е.С.**
Сущность прокурорского надзора: теоретико-правовые аспекты
- 178 Богомолова К.И., Касаев И.Х.**
К вопросу о совершенствовании деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений
- 185 Вишневецкая И.Н.**
Преступления против женщин: понятие и криминологические особенности
- 191 Никитин А.А.**
Законодательное ограничение судебного усмотрения
- 198 Якушева С.Е., Желоков Н.В.**
О нравственных началах прокурорской деятельности

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 207 Попов В.В., Тришина Е.Г.**
О разъяснениях Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы по вопросу уплаты налога иными лицами в бюджет
- 213 Быстрова Е.Ф.**
Актуальные вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг на современном этапе
- 219 Садчиков М.Н., Курбатов Н.М.**
К вопросу правового регулирования и обеспечения информационной безопасности при использовании технологии блокчейн в банковском секторе экономики Российской Федерации

- 230 Яковлев Д.И.**
Проблемы правового регулирования проведения камеральной и выездной налоговых проверок
- 235 Решетняк А.Е.**
Роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере потребительского кредитования

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 242 Новичкова И.Ю., Слобожникова В.С., Суслов И.В.**
Общественно-гуманитарные науки современной России: между прошлым и будущим
- 251 Ковалева Н.Н.**
1.0 Международная научно-практическая конференция «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (обзор)
- 256 Кобзаренко Е.М.**
Некоторые проблемы правоприменительной практики при рассмотрении гражданских дел о защите деловой репутации

РЕЦЕНЗИИ

- 264 Баранов В.М.**
Новаторский учебник по теории, практике, технике девиантного государственного управления

ПЕРСОНАЛИИ

- 273** К юбилею ученого и педагога (профессору Николаю Михайловичу Конину 85 лет)
- 276** Николай Антонович Придворов. 85 лет со дня рождения

ИНФОРМАЦИЯ

- 278** В диссертационных советах

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- 16 Grachev N.I.**
Political Regimes: on the Issue of the Concept Content and the Grounds for Classification
- 25 Anikanov A.K.**
Common Features Of Domestic And Western European Political And Legal Thought Of The XVIII – Pevoy Half Of The XIX Century About Justice
- 30 Goryacheva T.S.**
Eugenic Ideas in Criminal Anthropology of Russia in the late XIX – early XX Century
- 37 Mun V.A.**
Legislative Regulation of Pregnant Women and Women-Mothers' Rights Protection in Russia in the Middle of the XIX – early XX Centuries
- 45 Chernyshev A.V.**
Formation Of The Concept «Legal Interest» As An Important Question In Legal Science
- 52 Yakovlev M.V.**
On the issue of professional legal culture on the example of military personnel of the Federal service of the national guard of the Russian Federation

CONSTITUTIONAL LAW

- 59 Khizhnyak V.S.**
International Legal Standards for Regulating the Legal Status of Non-governmental Organizations and Constitutional and Legal Problems of Their Implementation in the Russian
- 69 Otstavnova E.A.**
Constitutional duty to take care of parents in Europe, Asia and Russia: comparative analysis

CIVIL LAW

- 83 Mkhitaryan Y.I.**
Reform of the Legal Regime for Self-Regulation of Business Activities
- 94 Churilov A.Y.**
Problems of Computer Programs Protection
- 102 Masolkin N.D.**
Features of the Conclusion and Form of the Contract of Life and Health Insurance

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT RIGHT. CRIMINAL PROCEEDING

- 110 Verina G.V.**
Audit of the Legislative Concept of Crime

- 121 Sheverdyayev S.N.**
Conceptual gaps in the system of Russian anti-corruption legislation
- 133 Shminke A.D.**
On the Issue of Conceptual Explanation of the Criminal Procedure Systemic Nature
- 140 Kirova T.A.**
Notion of Criminal – legal Support

DEPARTMENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AND CRIMINOLOGY: THEORETICAL AND LEGAL, RESEARCH AND EDUCATIONAL ASPECTS IN THE FIELD OF STRENGTHENING THE RULE OF LAW

- 149 Varygin A.N., Yakovlev D.Yu.**
Using of Criminological Knowledge in the Activities of Prosecution Authorities
- 156 Efremova I.A.**
The Role of Prosecutorial Supervision of Exemption from Punishment due to Illness
- 163 Ovsyannikov I.V.**
Disagreement of the Prosecuting Official with a Special Trial Procedure
- 169 Astashkina E.N., Kurokhtina E.S.**
The Essence of Prosecutor’s Supervision: Theoretical and Legal Aspects
- 179 Bogomolova K.I., Kasaev I.K.**
On the issue of improving the activities of law enforcement agencies to detect and prevent iatrogenic crimes
- 185 Vishnevetskaya I.N.**
Crimes against Women: Concept and Criminological Features
- 191 Nikitin A.A.**
Legal Limitation of Judicial Discretion
- 199 Yakusheva S.E., Zhelokov N.V.**
On the Moral Principles of Prosecutorial Activity

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 208 Popov V.V., Trishina E.G.**
On Clarifications of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Federal Tax Service Regarding the Payment of Tax by Other Persons to the Budget
- 213 Bystrova E.F.**
Actual Issues of Protecting the Rights of Consumers of Financial Services at the Present Stage
- 220 Sadchikov M.N., Kurbatov N.M.**
On the Issue of Legal Regulation and Information Security when Using Blockchain Technology in the Banking Sector of the Russian Federation Economy
- 230 Yakovlev D.I.**
Problems of legal regulation of in-house and on-site tax audits
- 235 Reshetnyak A.E.**
The Role of Prosecutor’s Bodies in Law Enforcement of Consumer Crediting

OTHER BRANCHES OF LAW

- 243 Novichkova I.Yu., Slobozhnikova V.S., Suslov I.V.**
Social and Humanitarian Sciences of Modern Russia: Between the Past and the Future
- 251 Kovaleva N.N.**
1.0 International scientific and practical conference “Problems and Challenges of Digital Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations” (review)
- 256 Kobzarenko E.M.**
Certain Problems of the Law Enforcement Practice in Considering Civil Cases on the Protection of the Business Reputation

REVIEWS

- 264 Baranov V.M.**
Innovative Textbook on the Theory, Practice, and Technique of Deviant Public Administration

PERSONALIA

- 273** To the anniversary of the scientist and teacher (Professor Nikolai Mikhailovich Konin is 85)
- 276** Nikolai Antonovich Pridvorov. 85 years since the birth of

INFORMATION

- 278** In Dissertation Councils

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10001
УДК 321.02

Н.И. Грачев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ

***Введение:** под политическим режимом, как правило, понимается совокупность способов, средств и приемов осуществления государственной власти. Но историческая практика государственного строительства показывает, что указанное определение страдает определенной узостью, не отражает многих качественных характеристик политического режима как одного из элементов формы государства. **Цель:** установить полное аутентичное содержание данного понятия, которое позволило бы уйти от господствующего в теории государства схематичного и упрощенного подхода к типологии политических режимов, согласно которому все они подразделяются на демократические и антидемократические, а среди последних выделяют авторитарные и тоталитарные. В этой классификации под демократическим режимом понимается лишь одна из его разновидностей, которую правильнее было бы назвать либерально-демократическим режимом и которая характерна лишь для современных капиталистических государств Запада, где ключевой характеристикой является понятие либерализма, а не демократии. **Методологическая основа:** диалектический, системный, сравнительно-правовой, исторический методы. **Результаты:** в статье обосновывается, что для квалификации политического режима в конкретной стране, на любом историческом этапе ее развития необходимо определить: фактического носителя государственного верховенства; в интересах каких общественных классов и слоев этот носитель осуществляет властно-управленческую деятельность; и лишь в последнюю очередь, какие политические и правовые формы, методы и приемы преобладают в его деятельности. Только исходя из таких критериев становится возможным выделение либерально-демократического, тоталитарно-демократического, тоталитарно-олигархического, авторитарно-олигархического, авторитарно-либерального, авторитарно-демократического, олигархически-либерального, олигархически-демократического и иных режимов, нередко упоминаемых в отдельных научных и публицистических работах, но практически игнорируемых современной юриспруденцией. **Выводы:** самыми крайними противоположностями среди политических режимов являются тоталитаризм и либерализм, которые в своем «чистом» виде практически не встречаются. Почти всегда политические режимы функционируют как некие промежуточные состояния между этими двумя*

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 1 (132) • 2020

© Грачев Николай Иванович, 2020
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации): e-mail: grachev.n.i@mail.ru
© Grachev Nikolay Ivanovich, 2020
Doctor of law, Professor, Constitutional and administrative law department (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)

крайними полюсами, имея тенденцию к одному из них. Не может существовать и абсолютно «чистых», неограниченно демократических режимов. Народ всегда и везде выступал и выступает как основной объект власти, а не ее субъект. Важнейшую роль в идентификации политического режима в том или ином государстве играет установление его социальной сущности, т.к. невозможно конституированное теоретическое и практическое определение оптимального режима функционирования государственного механизма в отрыве от общих основ устройства социума.

Ключевые слова: политический режим, государственная власть, суверенитет, политико-правовой порядок, олигархия, демократия, либерализм, авторитаризм, тоталитаризм.

N.I. Grachev

POLITICAL REGIMES: ON THE ISSUE OF THE CONCEPT CONTENT AND THE GROUNDS FOR CLASSIFICATION

Background: under the political regime, as a rule, we mean a combination of methods, means and techniques of exercising state power. But the historical practice of state construction shows that this definition suffers from a certain narrowness, does not reflect many of the qualitative characteristics of the political regime as one of the elements of the form of state. **Objective:** to establish the full authentic content of this concept, which would allow us to get away from the schematic and simplified approach to the typology of political regimes that prevails in the theory of the state, according to which they are divided into democratic and anti-democratic, and among the latter they are distinguished - authoritarian and totalitarian. In this classification, a democratic regime is understood to be only one of its varieties, which would be more correct to call a liberal democratic regime and which is characteristic only of the modern capitalist states of the West, where the key characteristic is the concept of liberalism, and not democracy. **Methodology:** dialectical, systemic, comparative legal, historical. **Results:** the article substantiates that in order to qualify the political regime in a particular country, at any historical stage of its development, it is necessary to determine: the actual holder of state supremacy; in the interests of what social classes and strata does this medium carries out power-management activity; and only last but not least, what political and legal forms, methods and techniques prevail in its activities. It is only on the basis of their criteria that it becomes possible to distinguish between liberal-democratic, totalitarian-democratic, totalitarian-oligarchic, authoritarian-oligarchic, authoritarian-liberal, authoritarian-democratic, oligarchic-liberal, oligarchic-democratic and other regimes that are often mentioned in separate scientific and journalistic works, but actually ignored by modern jurisprudence. **Conclusions:** the most extreme opposites among political regimes are totalitarianism and liberalism, which in their “pure” form practically do not occur. Almost always, political regimes function as some intermediate States between these two extreme poles, with a tendency to one of them. Absolutely “pure”, unlimited democratic regimes cannot exist. The people at all times and in all regions spoke and acts now as the main object of power, and not its subject. The most important role in identifying the political regime in a given state is played by the establishment of its social essence, since it is impossible to determine and constitute the optimal mode of functioning of the state mechanism in isolation from the general principles of the structure of society.

Key-words: political regime, state power, sovereignty, political and legal order, oligarchy, democracy, liberalism, authoritarianism, totalitarianism.

Окончание (начало в № 6 (131) 2019 г.)

Тоталитаризм как государственный режим противоположен не демократии, которая в «чистом» виде гораздо ближе к форме правления, а либерализму. Демократия вполне может быть тоталитарной. В то же время монархия, аристократия и авторитаризм легко сочетаются с либерализмом.

Либерализм как система ценностей и государственный порядок основан на приоритетах интересов отдельных индивидов, отделении их от общего государственного интереса и их противопоставлении. Интересы индивидов, выраженные в закрепленных законодательством субъективных правах и свободах, признаются священными и неотъемлемыми. Основными среди них со времен Дж. Локка являются права на свободу, собственность и личную неприкосновенность [19, с. 277–330]. Права и свободы закрепляются конституцией, которой, по этой причине, присваиваются те же роль и значение, которые имело Священное Писание в традиционном обществе, исповедовавшим религиозные ценности. Тем самым индивидуальные интересы и субъективные права с точки зрения теории либерализма обладают приоритетом перед волей большинства или демократически сформированного законодательного органа.

Отсюда *либеральным* является такой режим, при котором государство предоставляет максимум свобод отдельным лицам, в первую очередь в области экономики, и — в идеале — практически не вмешивается в общественную жизнь, выполняя функцию «ночного сторожа», применяя принудительные меры только в случае нарушения субъективных прав и свобод. Важнейшим признаком либерального режима являются: свобода частной собственности, рыночные отношения и свободная конкуренция в экономической сфере; идеологическое многообразие (плюрализм) и свобода деятельности политических партий и общественных движений, средств массовой информации — в общественно-политической сфере; этнический, региональный, конфессиональный и т.д. плюрализм в культурной сфере. На уровне государственной организации важнейшими являются принципы конституционализма, парламентаризма, правового государства как верховенства права над государством и его ограничение правами и свободами личности, организация верховной власти в соответствии с принципом разделения властей.

Формами правления при таком режиме могут быть любые модели республиканизма и парламентарная монархия. Если режим удовлетворяет интересам подавляющего большинства населения, то его можно характеризовать как *либерально-демократический*. Его обязательными признаками являются: организация государственной власти на началах выборности (единственное ограничение — наличие наследственного монарха в парламентарных монархиях); всеобщее избирательное право; регулярное проведение выборов; реальная возможность вынесения проектов политически значимых решений на референдумы; наличие национального консенсуса о либерально-демократических ценностях и целях и поддержание на этой основе национального политического единства и солидарности. Такой политический режим существовал в странах Запада (Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) после Второй мировой войны почти до начала нынешнего столетия.

Однако либеральный режим может осуществляться в интересах весьма узкой части экономически господствующего класса (крупной буржуазии и сросшейся с ней верхушки родовой аристократии в Великобритании XVIII–XIX вв., монополистической буржуазии в развитых экономически странах Запада в конце XIX – первой

половине XX вв., мировой финансовой олигархии начиная с 90-х гг. XX в.). В таком случае политический режим становится *либерально-олигархическим (олигархически-либеральным)*.

Олигархия (пер. с греч. — *власть немногих*). *Олигархический политический режим* — это политико-правовой порядок, при котором власть осуществляется в интересах достаточно узкой социальной группы. Проблема определения этого режима заключается в том, что во все времена, во всех государствах существует ясно выраженное меньшинство, элита, являющаяся представителем господствующих культурных тенденций в общественной жизни, а среди элиты выделяется еще более узкий слой, фактически управляющий государством (правящий класс, ведущий слой и т.д.). Как писал по этому поводу Р. Арон, «все режимы, по сути, определяются борьбой за власть и тем, что власть находится у небольшой группы» [20, с. 42]. Поэтому с точки зрения наличия фактического социального субъекта верховной власти, все известные государства являются олигархиями «и вообще не существовало никакого иного государства, кроме олигархического» [21, с. 545]. Это вытекает из иерархического строения всякого государственно организованного общества. Однако, исходя из их социальной сущности, можно выделить *идеальные, «чистые», неограниченные олигархии*, существующие в *государствах с открытым олигархическим режимом властвования*, где олигархическая (аристократическая) форма правления совпадает с олигархическим режимом (Спарта в античном мире; Венеция и Генуя в средневековой Италии; Новгородская республика, в которой вече с XIII в. превратилось в собрание «золотых поясов» и др.), и *олигархии ограниченные, замаскированные демократическими или авторитарно-автократическими формами*.

По своим генезису, субъекту и социальной сущности олигархический режим может быть: *аристократическим*, когда власть осуществляется в интересах родовой знати (феодалные государства средневековой Европы); *плутократическим (плутос, пер. с греч. — богатство)*, осуществляемым в интересах крупной финансовой буржуазии, банковского капитала (Россия середины — конца 90-х гг. XX в., когда страной правили не столько официальные органы власти, сколько крупные банкиры, разбогатевшие на финансовых махинациях и приватизации — так называемая «семибанкирщина»; многие «молодые демократии», вступившие на путь капиталистического развития проходят этот этап); *бюрократическим*, осуществляемым в интересах политико-административной элиты и проводимым ею самой; *теократическим (клерикальным)*, когда власть принадлежит жреческому сословию и происходит соединение духовной и светской власти; *партократическим*, когда господство правящей партии маскирует реальные интересы крупного капитала или верхушки партийно-государственной элиты; *военным (милитократия или стратократия)* — особая форма авторитарного правления, когда власть прямо принадлежит верхушке армии, за которой скрываются интересы крупных собственников либо самого генералитета, сросшегося с военно-промышленным капиталом (Япония в 1900–1945 гг., Турция с основания республики в 1923 г. генералом М. Кемалем (Ататюрком) по 2000-е гг., режимы генерала Зия-Уль-Хака в Пакистане в 1977–1988 гг., генерала А. Стресснера в Парагвае в 1954–1989 гг. и подобные им режимы в других странах Южной Америки в разные периоды истории XX в.).

Олигархия достаточно легко сочетается с демократией. По сути, все *либерально-демократические режимы являются олигархически-демократическими*, где

фактическая власть олигархии замаскирована демократическими институтами и процедурами, а демократия выступает технологией отбора правящей элиты и ее своевременной ротации. Это вытекает из того факта, что народ как совокупность составляющих определенное сообщество людей, в целом не способен осуществлять функции управления. Достаточно часто так называемые демократические режимы на деле есть не что иное как плутократические олигархии, о чем еще более века назад писали такие выдающиеся классики западной политической мысли как В. Парето и Г. Моска [22, с. 59–67; 23, с. 412–417].

Олигархия может быть авторитарной (автократической). Исторический опыт показывает, что подавляющее большинство всех авторитарных режимов бывают *авторитарно-олигархическими*, реже *авторитарно-демократическими*. Они возникают в условиях революционной ситуации или острой классовой (внутриклассовой) борьбы, что позволяет политическому лидеру, официальному или фактическому главе государства, возвыситься над борющимися партиями и стать относительно автономным по отношению к ним, проводя политику исходя из собственного понимания ситуации, интересов господствующего класса или широких народных масс. К авторитарно-олигархическим в первую очередь относят так называемые бонапартистские (цезаристские) режимы, вырастающие «из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции» [24, с. 79–85]. Кроме режима Юлия Цезаря в период перехода от республики к монархии в Древнем Риме, Наполеона I и Наполеона III во Франции XIX в., к ним относят протекторат О. Кромвеля в Англии (1649–1658 гг.), О. фон Бисмарка в эпоху объединения Германии (конец 60-х – начало 90-х гг. XIX в.), франкистский режим в Испании (1939–1975 гг.), режим А. Салазара в Португалии (1933–1968 гг.), целый ряд южноамериканских, азиатских и африканских режимов на протяжении XX в. К авторитарно-демократическим можно отнести голлистский режим во Франции (1958–1969 гг.), кемалистский — в Турции (1923–1938 гг.), режим М. Каддафи в Ливии (1969–2011 гг.), современные режимы в Венесуэле (начиная с президентства У. Чавеса в 1999 г.), братьев Фиделя и Рауля Кастро на Кубе с 1959 г. по настоящее время, нынешние режимы в Китае и Иране и некоторые др.

Различают «жесткие» и «мягкие» авторитарные режимы. Но все они в настоящее время в большей или меньшей степени отличаются следующими чертами: а) монополией на политическую деятельность (реализацию суверенных прерогатив) фактического главы государства (группы политических лидеров, военной хунты и т.д.); б) практическим отсутствием легальной оппозиции правящему режиму, которая может вообще запрещаться, существует формально либо ставится в условия, которые не позволяют ей нормально функционировать (псевдомногопартийность); в) фактическим подчинением представительных органов органам высшей исполнительной власти, превращением парламента в законосовещательный орган при главе государства и концентрацией реальных властных полномочий в исполнительном аппарате; г) преобладанием в деятельности главы государства (политического лидера, диктатора, вождя) дискреционных, т.е. основанных на собственном усмотрении, полномочий, что дает ему возможность действовать вне конституционного поля, часто при формальном соблюдении конституции (режим «мнимого конституционализма»); д) ограниченным вмешательством в экономику и другие неполитические сферы жизни общества, гарантированием, хотя и не в полном объеме, личных и социально-

экономических прав граждан; е) для управления общественной жизнью и проведения необходимых реформ могут использоваться террористические методы, но они носят, как правило, временный и весьма ограниченный, выборочный характер.

Таким образом, авторитарно-олигархический и авторитарно-демократический режимы легко спутать, если при их рассмотрении брать за основу классификации используемые ими формы и методы осуществления власти. Главное, что в данном случае их отличает, это различная социальная сущность. Олигархический режим осуществляется в интересах господствующего класса или какой-то его части. При демократическом режиме деятельность государственной власти отвечает интересам широких народных масс. При таком подходе авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически одновременно обратили внимание в 10-х–20-х гг. прошлого века такие разные мыслители, как М. Вебер [25, с. 372–383; 26, с. 228–242; 27, с. 399–403], В.И. Ленин [28, с. 194–203; 29, с. 245–247] и К. Шмитт [30]. Поэтому демократия как политический режим достаточно часто сочетается с диктатурой и авторитаризмом государственных лидеров или партийных вождей.

Аналогичный подход необходим и при анализе *тоталитарных режимов*. Среди них можно выделить «правые», фашистские, национал-шовинистические, выражающие интересы наиболее реакционных кругов монополистического капитала, являющиеся по своей социальной сущности *тоталитарно-олигархическими*, и «левые», социалистические, выражающие интересы широких народных масс, которые по своей социальной сущности являются *тоталитарно-демократическими*. Однако, прежде всего, при их характеристике следует иметь в виду, что тоталитаризм есть разновидность идеократических государственных режимов.

Идеократия (пер. с греч. — *власть идей*). *Идеократический режим* — это такой государственный порядок, при котором не только политическая и правовая сферы, но и вся общественная жизнь всецело определяются господствующей идеологией. Государственная власть, ее организация и деятельность, мораль и законодательство строятся на общепринятой системе идей. Основные идеологические постулаты выступают как высшие социально-нравственные ценности и потому являются основными регуляторами всех общественных отношений, с которыми должны соотноситься политика и право. В Древнем мире и Средневековье практически во всех государствах существовал идеократический режим, который, как правило, принимал форму *теократии* или имел ее существенные признаки.

Теократия — такой государственный порядок, в котором происходит соединение верховной религиозной и светской власти (верховным правителем признается Бог или его заместители на земле) и вся социальная жизнь строится в строгом соответствии с нормами господствующей религии. Теократическими государствами были Древний Египет, государства Шумеро-Аккадской цивилизации, Иудейское царство, древние и средневековые Китай и Индия. В конце I – начале II тысячелетия в странах Западной Европы многие аспекты теократической государственности воплощались в форме папозаризма, когда римские первосвященники сосредоточивали в своих руках как духовную, так и светскую власть. Великими теократическими империями были Византия и Арабский халифат.

Своеобразными теократическими чертами обладали Османская империя и Московское царство. Практически все мусульманские государства вплоть до XX в. имели теократические режимы. В настоящее время они сохраняются в Саудовской Аравии и Иране, хотя первая является монархией, а второй — республикой.

В XX в. основной формой идеократии стал тоталитаризм. *Тоталитарный* (пер. с лат. total — *всеобщий*) режим — это такой государственный порядок, который характеризуется попыткой полного огосударствления всех сфер жизнедеятельности общества. Ему присущи следующие отличительные черты: а) наличие единой государственной идеологии, обязательной для всех, ее квазирелигиозный характер; б) идеологизация всей общественной жизни, подчинение постулатам господствующей идеологии всех социальных процессов; в) монополия государственной власти на информацию, ее полный контроль за всеми СМИ; г) однопартийная или псевдомногопартийная система с единственной правящей партией, которая выступает официальным выразителем господствующей идеологии; д) строго иерархическое построение партийного аппарата, замыкающегося на личность вождя (вождистский характер правящей партии), который фактически, а часто и формально, является главой государства; е) сращивание партийного и государственного аппарата, в котором все важнейшие посты занимают партийные функционеры; ж) жесткая централизация власти и концентрация всей полноты властных полномочий на верхних этажах партийно-правительственной иерархии; з) отсутствие либо формальный характер деятельности представительных органов; и) полный контроль партийно-государственного аппарата над всеми сферами жизни общества — экономической, культурной, духовной и, до определенной степени, личной жизнью граждан; к) достаточно широкое и периодически повторяемое применение террористических методов для достижения идеологического и политического единства общества.

Таким образом, от авторитаризма тоталитарный режим отличается идеологическим единообразием и всеохватывающим контролем над экономикой и другими отраслями общественной жизни. Классическими тоталитарными режимами обычно считаются: фашистские режимы Б. Муссолини в Италии (1922–1943 гг.) и А. Гитлера в Германии (1933–1945 гг.) — тоталитарно-олигархические режимы; социалистические режимы И.В. Сталина в СССР (1929–1953 гг.), Мао Цзе Дуна в Китае (1949–1976 гг.), Ким Ир Сена и его наследников в Северной Корее с 1945 г. по настоящее время, иногда к ним относят режим Ф. Кастро на Кубе — это тоталитарно-демократические режимы. Так же, как и авторитаризм, тоталитаризм может быть «мягким», существующим на грани с авторитарным способом правления (социалистические страны народной демократии в Восточной Европе в 50-е–80-е гг. XX в., СССР в брежневскую эпоху в 1964–1985 гг., современный Китай).

Схожесть авторитарного и тоталитарного режимов объясняется, в первую очередь, их демократическим происхождением. «Масса по своей природе в состоянии исторгнуть из себя только два крайних типа общественного устройства — анархическую охлократию, либо авторитарную диктатуру». Точнее, она «обреченно идет» через первое ко второму, поскольку охлократия и анархия, как формы, не существуют. Они по своей сути «есть последовательное отрицание всякой формы». Поэтому конечной станцией «необузданного движения масс остается авторитаризм в своих разнообразных конкретно-исторических проявлениях — вождь, народный монарх, диктатор» [31, с. 91]. Об этом же писал

Х. Оргета-и-Гассет, который подчеркивал, что, несмотря на всю внешнюю недемократичность и деспотизм, политические режимы, подобные русскому большевизму и итальянскому фашизму, являются ничем иным, как политическим диктатом масс [32, с. 47, 95].

Сказанное позволяет сделать несколько выводов:

Во-первых, *самыми крайними противоположностями в классификации государственных режимов являются тоталитаризм и либерализм*, которые в своем «чистом» виде практически не встречаются. Почти всегда политические режимы функционируют как некоторые промежуточные состояния между двумя крайними полюсами, имея тенденцию к одному из них. Из этого факта вытекает возможное выделение тоталитарно-демократического, тоталитарно-олигархического, авторитарно-олигархического, авторитарно-либерального, авторитарно-демократического, олигархически-либерального, либерально-демократического и всех иных режимов.

Во-вторых, *не может существовать абсолютно «чистых», неограниченных демократических режимов*. Народ всегда и везде выступал и выступает как основной объект власти, а не ее субъект. Поэтому демократия как «власть народа» чаще всего оказывается представительной системой правления, при которой народ делегирует свои властные права своим представителям — депутатам, консулам, президенту. Не случайно отождествление субъекта и объекта власти стало основным логическим противоречием всех демократических теорий XIX–XX вв., которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств.

В то же время можно выделить целый ряд признаков, которые позволяли бы отнести те или иные государственные режимы Нового и Новейшего времени к ограниченно демократическим: а) соответствие деятельности государственного аппарата интересам широких социальных слоев в относительно долгосрочной перспективе; б) легитимация (признание и поддержка) со стороны широких народных масс установленного политико-правового порядка; в) организация верховной (как минимум) государственной власти преимущественно (поскольку имеются ограниченные наследственные монархии) на основе выборов, прямых или косвенных; г) реальная возможность вынесения проектов государственных решений на референдум; д) установление всеобщего и равного избирательного права и права на участие в референдумах; е) регулярное проведение выборов; ж) поддержание единства и национальной (цивилизационной) солидарности или консенсуса в вопросе о базовых социально-нравственных ценностях (мировоззренческое единство) и целях социального-политического развития, утверждение и воспроизводство на этой основе национализма и патриотизма.

При этом является очевидным, что форматы демократических институтов и практик прямо и непосредственно зависят от национальной политической культуры, исторической специфики, внутривластного положения и внешних условий, в которых находится то или иное государство, пытающееся реализовать принципы демократического правления.

В-третьих, определение политического режима конкретной страны вовсе не предполагает учета всего многообразия форм, путей, методов и приемов реализации государственной власти и управления. *При квалификации политического режима важен учет самой природы и приоритетности, предпочтительности используемых форм и способов властвования*. Сама же эта приоритетность за-

висит от внешних и внутренних обстоятельств, условий, в которых находится данное конкретное государство, целей и задач, которые стоят перед государством и обществом на данном историческом этапе их развития, национальной культурно-цивилизированной константы, сложившейся за весь период их существования. А определение такой приоритетности методов, способов, средств и форм в деятельности государственных структур находится в компетенции верховной власти государства.

В-четвертых, *важнейшую роль в определении политического режима в том или ином государстве играет установление его социальной сущности*, на что в первую очередь и должны быть направлены усилия исследователя. Это вытекает из того, что невозможно теоретическое и практическое конституированное определение оптимального режима в отрыве от общих основ устройства социума. Сама постановка вопроса о лучшем политическом режиме вообще или для какого-то конкретного государства выглядит чрезмерно абстрактно.

В-пятых, *не существует и не может существовать какого-то единого наилучшего (идеального) политического режима ни вообще, ни для какого-то конкретного государства*. В каждом государственно организованном обществе формы, способы, средства и приемы используемые в управлении социальной жизнью институтами публичной власти, как и сама их организация, должны отвечать национально-культурной традиции страны, быть приспособлены к условиям конкретной исторической обстановки и обеспечивать государственный суверенитет.

Библиографический список

19. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1998. Т. 3. С. 135–405.
20. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
21. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 386–624.
22. Парето В. Трансформация демократии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.
23. Mosca G. The Ruling Class. New York; London: McGraw-Hill, Inc., 1939. 514 p.
24. Ленин В.И. За деревьями не видят леса // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 34. С. 79–85.
25. Вебер М. Будущая государственная форма Германии // Вебер М. Политические работы. М.: Праксис, 2003. С. 343–393.
26. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии // Вебер М. Политические работы. М.: Праксис, 2003. С. 107–299.
27. Вебер М. Рейхспрезидент // Вебер М. Политические работы. М.: Праксис, 2003. С. 399–403.
28. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 36. С. 170–208.
29. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 235–331.
30. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
31. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 годы. М.: Собрание, 2008. 463 с.
32. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997. С. 43–163.

References

19. *Locke John*. Two Treatises of the Administration // *Locke J. Works: In 3 volumes vol. 3*. М.: Thought, 1998. P. 135–405.
20. *Aron R*. Democracy and Totalitarianism. М.: Text. 1993. 303 p.
21. *Alekseev N.N*. The Current State of Science of the State and Its Immediate Objectives // *Alekseev N.N. Russian People and State*. М.: Agraf, 1998. P. 386–624.
22. *Pareto V*. Transformation of Democracy. М.: Publishing house «Territory of the future», 2011. 208 p.
23. *Mosca G*. The Ruling Class. New York; London: McGraw-Hill, Inc., 1939. 514 p.
24. *Lenin V.I*. For the Trees Can't See the Forest // *Complete works*. М.: Politizdat, 1969. Vol. 34. P. 79–85.
25. *Weber M*. The Future State Form of Germany // *Weber M. Political works*. М.: Praxis, 2003. P. 343–393.
26. *Weber M*. Parliament and Government in New Germany // *Weber M. Political works*. М.: Praxis, 2003. P. 107–299.
27. *Weber M*. Reichspresident // *Weber M. Political works*. М.: Praxis, 2003. P. 399–403.
28. *Lenin V.I*. The Immediate Tasks of the Soviet Power // *Lenin V.I. Complete works*. М.: Politizdat, 1969. Vol. 36. P. 170–208.
29. *Lenin V.I*. Proletarian Revolution and Renegade Kautsky // *Lenin V.I. Complete works*. М.: Politizdat, 1969. Vol. 37. P. 235–331.
30. *Schmitt K*. Dictatorship. From the Origins of the Modern Idea of Sovereignty to the Proletarian Class Struggle. SPb.: Science, 2005. 326 p.
31. *Pavlyuchenko C.A*. «The Knights of the Sword»: the Party and Government after the Revolution. 1917–1929. М.: Collection, 2008. 463 p.
32. *Ortega-I-Gasset H*. Revolt of the Masses // *Ortega-I-Gasset H. Selected works*. New York: Oxford University, 1997. P. 43–163.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10002

УДК 340.12

А.К. Аниканов

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О ПРАВОСУДИИ

Введение: актуальность тематики статьи подтверждается не теряющим своей остроты интересом к творчеству западноевропейских философов-просветителей; кроме того, в научном сообществе не утихают споры по поводу самостоятельности отечественных идеологов рассматриваемого периода. **Цель:** исследование воздействия политико-правовых воззрений западноевропейских просветителей Ш.Л. Монтескье, Ф.-М. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, П.А. Гольбаха и других на отечественную общественную мысль о правосудии. **Методическая основа:** использовались исторический, контекстный методы, а также метод сравнительного анализа. **Результаты:** анализ воззрений западноевропейских просветителей показал, что влияние последних на отечественную политико-правовую мысль о правосудии особенно ярко проявилось по трем направлениям: место и роль судебной власти в связи с теорией разделения властей, обоснование правосудия моделью общественного договора и соотношение правосудия как государственной функции с идеей естественного права. **Вывод:** воззрения на правосудие отечественных мыслителей и государственных деятелей XVIII – второй половины XIX вв., несмотря на безусловное влияние идей европейских философов-просветителей Европы, представляют собой не прямое заимствование политико-правовой мысли Европы, а являются ее органичной частью за счет творческой переработки просветительских идеологов исходя из российских реалий.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, правосудие, суд, разделение властей, общественный договор, естественное право.

A.K. Anikanov

COMMON FEATURES OF DOMESTIC AND WESTERN EUROPEAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE XVIII- PEVOY HALF OF THE XIX CENTURY ABOUT JUSTICE

Background: the relevance of the topic of the article is confirmed by the continuing interest in the work of Western European philosophers-educators; in addition, the scientific community does not cease to debate about the independence of domestic ideologies of the period under consideration. **Objective:** study of the impact of political and legal views of Western European educators Charles Louis Montesquieu, Voltaire, Jean-Jacques Rousseau, Paul Henri Holbach and others on the domestic public thought about justice. **Methodology:** historical, contextual methods, as well as the method of comparative analysis. **Results:** analysis of the views of Western European enlightenment showed that the influence of the latter on domestic political and legal thought of justice is particularly evident in three areas: the place and role of the judiciary in connection with the theory of separation of powers, the

rationale of justice model public contract and the ratio of justice as a state function with the idea of natural law. Conclusions: views on justice Russian thinkers and public figures of the XVIII – the second half of the nineteenth century, despite the undeniable influence of the ideas of European enlightenment philosophers of Europe, are not a direct adoption of political and legal thought of Europe, and are an integral part of creative recycling educational ideologies, on the basis of the Russian realities.

Key-words: *the age of Enlightenment, justice, court, separation of powers, social contract, natural law.*

Российское государство и общество XVIII – первой половины XIX вв. испытывали заметное влияние идеологии Просвещения и в широком смысле европейской культуры. В рамках настоящей статьи рассмотрим, по каким направлениям зарубежная и в первую очередь западноевропейская просветительская политико-правовая мысль оказала влияние на отечественную общественную мысль об осуществлении правосудия наибольшее воздействие. При этом примем во внимание, что по отдельным вопросам общие позиции вырабатывались приблизительно в один исторический период, но вне прямой связи.

Как зарубежными, так и отечественными мыслителями поднимался вопрос о самостоятельности судебной власти в рамках теории разделения властей. Так, философ-просветитель Шарль Луи Монтескье (1689–1755 гг.) выделяет среди прочих судебную власть в качестве самостоятельной. Соединение исполнительной и судебной власти ведет к узурпации¹. Слияние же судебной власти с законодательной также дает весьма нежелательные результаты: «...жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем»². Наиболее последовательный сторонник и родоначальник теории разделения властей Шарль Луи Монтескье предполагал их равенство. Более того, философ допускал возможность верховенства права только в случае взаимного сдерживания ветвями власти друг друга [1, с. 86]. Теория разделения властей, предполагающая самостоятельность судебной власти, была воспринята С.Е. Десницким, творчески переработавшим учение и выделившим законодательную, судебную и наказательную ветви власти. Самостоятельный характер судебной власти отстаивался и в конституционном проекте Н.М. Муравьева в разделах «Судная Власть»³, а также «Внутреннее Образование Судной Власти и степени оной»⁴.

Отметим, что немецкий философ позднего Просвещения Иммануил Кант (1724–1804 гг.) говорил о субординации ветвей власти. В частности, судебную власть он подчинял власти исполнительной, которая, в свою очередь, производна от законодательной. Позицию подчинения судебной власти администрации, т.е. власти исполнительной, поддерживал и отечественный мыслитель эпохи Екатерины II князь М.М. Щербатов. Просветитель-педагог и юрист А.П. Куницын, выделяя законодательную, исполнительную и блюстительную власти, считал правосудие лишь одной из функций исполнительной власти. Сложный взгляд

¹ Монтескье Ш.Л. О духе законов // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 12.06.2019).

² Там же.

³ Конституция (соч. Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах). URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/> (дата обращения: 01.12.2018).

⁴ Там же.

на соотношение законодательной, исполнительной и судебной власти был у государственного деятеля и реформатора М.М. Сперанского, провозглашавшего необходимость установления независимой судебной власти, над которой, однако, находится монарх⁵.

В западноевропейской политико-правовой мысли как рассматриваемого, так и более ранних этапов в подавляющем большинстве случаев правосудие определяется исходя из теории общественного договора.

Голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645 гг.) считал, что правосудие — это своего рода совместные действия самозащиты основной массы граждан против более влиятельных соотечественников [2, с. 49]. Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.) целиком в традициях теории общественного договора утверждает, что осуществление правосудия представляет собой общественное, общегосударственное дело и отдельно взятый индивид не может им заниматься [3, с. 13]. Правосудие, по мнению философа, — это то, что появляется у человечества с переходом в цивилизованное состояние. В его понимании правосудие — это результат взросления человечества [3, с. 16]. Правосудие — это механизм уравнивания всех перед лицом закона, чем данное явление и интересно, прежде всего, для общества [4, с. 478]. Лучший вариант построения судебной власти, по мнению Жана-Жака Руссо, предполагает ее контроль со стороны общества.

Воззрения Жана-Жака Руссо относительно природы правосудия не могли не оказать воздействия на российского писателя-просветителя А.Н. Радищева. Последний отстаивал мысль, схожую с тезисами Ж.-Ж. Руссо о том, что человек, преступающий закон, есть враг общества, против которого должно помочь государство правовыми методами: «Против врага своего, он защиты и мщения ищет в законе» [5, с. 278]. В случае, если законными мерами государство защитить человека не может, гражданин может использовать право самозащиты [5, с. 278]. В связи с такой аргументацией А.Н. Радищев не считает предосудительным убийство крестьянами жестоко издевавшегося над ними помещика, т.к. он своими действиями поставил себя вне закона [5, с. 278].

Правосудие — это не просто справедливость, но и результат сложения общих волей. Такая трактовка правосудия, доведенная до абсолюта, позволила Жану-Жаку Руссо утверждать, что единожды нарушенная справедливость создает опасность для всей конструкции правосудия [4, с. 56]. Поддерживать такой режим достаточно непросто, особенно если брать в расчет имущественное неравенство участников процесса: «Самое необходимое и, быть может, самое трудное в правлении — это строгая неподкупность в правосудии для всех, и в особенности в том, чтобы охранить бедняка от тирании богача» [5, с. 58].

К теории общественного договора близки, на наш взгляд, формулировки относительно природы правосудия, данные российским государственным деятелем В.Н. Татищевым. Он считал правосудие важнейшей государственной функцией, поддерживающей в государстве стабильность социальной организации [6, с. 200]. Искажение правосудия, умаление значения этой деятельности может быть весьма опасным для государства: «...народ легко в смятение придти может; тогда ни великие богатства, ни сила войск крайнему всего общества разорению воспрепятствовать не могут» [6, с. 200].

⁵ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (1809 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/#sub_para_N_200 (дата обращения: 12.06.2019).

Французский философ Поль Анри Гольбах (1723–1789 гг.) достаточно идеалистически характеризует правосудие, полагая, что его назначение состоит в достижении всеобщего благоденствия [7, с. 173]. Правосудие, по убеждению философа, теряет в современном ему обществе одно из своих главных качеств — беспристрастность, в связи с чем он задается риторическим вопросом: «Твердой ли рукой держит правосудие свои весы, одинаково ли относится оно ко всем гражданам?» [7, с. 179]. Свою позитивную роль правосудие играет только тогда, когда является порождением другого характерного для просветителей явления — общественного договора. Поскольку правосудие предстает в качестве общего дела, оно представляет собой государственную монополию и каждый может пожинать его плоды только через работу судов [7, с. 230].

Итальянский мыслитель Чезаре Беккариа (1738–1794 гг.), наиболее известной книгой которого была «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), в своих воззрениях на правосудие также стоит на позициях теории общественного договора. Правосудие в этой связи представляется вынужденным процессом, которые допустили люди для уравнивания процессов в своем сообществе [8, с. 202]. В связи с таким представлением о правосудии у Ч. Беккариа весьма рационалистический взгляд на справедливость [8, с. 203]. Отметим, что в отечественной политико-правовой традиции понятие справедливости в религиозном смысле и правоприменительной практике зачастую накладывались друг на друга. Объяснение такой тенденции кроется, в т.ч. в обожествлении власти монарха, от лица которого и осуществляется правосудие.

Немецкий философ Фридрих Гегель (1770–1831 гг.), разрабатывая проблемы гражданского общества, считал суд его неперменной частью, что тоже, на наш взгляд, является «идеологическим отголоском» теории общественного договора [9, с. 227]. Суд выражает общую волю и интересы, поэтому гражданин как может искать в нем защиты, разрешения неоднозначной ситуации, так и должен явиться в него, если к нему предъявляются какие-либо претензии.

Природа правосудия через призму теории общественного договора весьма оригинально развивалась А.П. Куницыным, увидевшим истоки отечественного правосудия на севере Руси — в Новгородской и Псковской республиках [10, с. III].

На политико-правовую мысль России, вне всякого сомнения, оказала влияние идея естественного права, обоснованная философами-просветителями. Разделяя право на естественное и позитивное, французский философ-просветитель Дени Дидро (1713–1784 гг.) отмечает, что судьи оперируют вторым и поэтому могут принимать несправедливые решения. Причина кроется в рукотворности позитивного права, выражающего не истину, а интересы тех, кто его принимает [11, с. 211]. Характеристика естественного права в философии Поля Гольбаха тесно связано с правосудием. Последнее в представлениях П.А. Гольбаха синонимично справедливости и в этой связи должно уравнивать людей [7, с. 173]. Отметим, что подобная трактовка правосудия характерна для просветительской концепции естественного права. В действительности же главенствует позитивное право, которое вытеснило естественное и в следствии этого устранило правосудие [7, с. 174].

Нельзя не усмотреть влияния идей естественного права в совестных судах, введенных в 1775 году Екатериной II по проекту отечественного ученого С.Е. Десницкого. Несколько позже профессор Царскосельского лицея А.П. Куницын в своем труде «Право естественное» (1818 г.) [12] предпринимал попытки соединить понятие о естественном праве с правом объективным, являясь продолжателем идеологии философии Просвещения и, в частности, учения Дени Дидро.

Подводя итог настоящей статьи, еще раз отметим разносторонние культурные связи Западной Европы и России XVIII – первой половины XIX вв., что проявилось, в том числе и в воздействии идеологии Просвещения на отечественную политико-правовую мысль. В разрезе воззрений на правосудие это особенно ярко проявилось по трем направлениям: место и роль судебной власти в связи с теорией разделения властей, обоснование правосудия моделью общественного договора и соотношение правосудия как государственной функции с идеей естественного права.

Библиографический список

1. *Стрельникова И.Ю.* История зарубежной политической и правовой мысли: учебное пособие для магистров. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 195 с.
2. *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А.Л. Саккетти. М.: Юридическая литература, 1956. 867 с.
3. *Руссо Жан-Жак.* Об общественном договоре или принципы политического права. М.: ОГИЗ, 1938. 123 с.
4. *Руссо Жан-Жак.* Политические сочинения / изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. 640 с.
5. *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 501 с.
6. *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. 248 с.
7. *Гольбах П.А.* Избранные произведения в двух томах. М.: Соцэкгиз, 1963. Т. 1. 714 с.
8. *Беккария Чезаре.* О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
9. *Гегель Г.Ф.В.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
10. *Куницын А.П.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е.и.вел. канцелярии, 1843. 151 с.
11. *Дидро Дени.* Избранные философские произведения. М.: ОГИЗ Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1941. 280 с.
12. *Куницын А.П.* Право естественное. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1818. 144 с.

References

1. *Strelnikova I.Yu.* History of foreign political and legal thought: a textbook for masters. Simferopol: it "ARIAL", 2018. 195 p.
2. *Grotius G.* On the law of war and peace: three books that explain natural law and the law of peoples, as well as the principles of public law. A.L. Sacchetti. Moscow: Legal literature, 1956. 867 p.
3. *Jean-Jacques Rousseau.* On the social contract or the principles of political law. Moscow: OGIZ, 1938. 123 p.
4. *Jean-Jacques Rousseau.* Political writings / ed. podgot. B. Bernardi, S.V. Zanin; Rev. edited by I.A. Isaev. SPb.: Rostock, 2013. 640 p.
5. *Radishchev A.N.* Complete works. M.; L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938. Vol. 1. 501 p.
6. *Tatishchev V.N.* Selected works on the geography of Russia. Moscow: Geografgiz, 1950. 248 p.
7. *Golbach P.A.* Selected works in two volumes. Moscow: Sotsekgiz, 1963. Vol. 1. 714 p.
8. *Beccaria Cesare.* On crimes and punishment / translated and introd. art. Moscow: Yurid. NKU publishing house of the USSR, 1939. 464 PP.
9. *Gegel' G.V.F.* Philosophy of law. Moscow: Thought, 1990. 524 p.
10. *Kunitsyn A.P.* Historical image of ancient legal proceedings in Russia. SPb.: Type. The second Section of the Proceedings. E. I. vel. offices, 1843. 151 p.
11. *Diderot Denis.* Selected philosophical works. Moscow: ogiz GOV't. polit publishing house. lit-ry, 1941. 280 p.
12. *Kunitsyn A.P.* Natural Law. SPb.: Type. I. Johanneshov, 1818. 144 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10003

УДК 34.096

Т.С. Горячева

ЕВГЕНИЧЕСКИЕ ИДЕИ В УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Введение: рассматривается влияние медицинских и антропологических исследований на развитие уголовно-правовой науки. Раскрывается содержание криминальной антропологии, представленной в России такими учеными, как П.Н. Тарновская, В.Ф. Чиж, Д.А. Дриль и др. **Цель:** дать оценку воздействия евгеники на взгляды представителей уголовной антропологии в России в конце XIX – начале XX в. **Методологическая основа:** использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования, среди которых анализ, синтез, формально-юридический, историко-правовой и др. **Результаты:** на основе работ дореволюционных и современных ученых, анализируются взгляды отечественных исследователей на взаимодействие генетических факторов и условий внешней среды и их влияние на преступное поведение человека. **Вывод:** евгенические идеи, связанные с возможностью улучшения природных качеств человека, были восприняты представителями антропологического направления в уголовном праве России, предлагавшими осуществлять профилактику преступности с помощью медицинских мероприятий, направленных на борьбу с алкоголизмом и уменьшение болезней, передающихся по наследству.

Ключевые слова: евгеника, уголовная антропология, наследственность, профилактика преступности, криминология.

T.S. Goryacheva

EUGENIC IDEAS IN CRIMINAL ANTHROPOLOGY OF RUSSIA IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY

Background: the article deals with the influence of medical and anthropological research on the development of criminal law science. The content of criminal anthropology which is presented by such Russian scientists as P.N. Tarnovskaya, V.F. Chizh, D.A. Drill and others is exposed. **Objective:** to assess the impact of eugenics on the views of criminal anthropology representatives in Russia in the late XIX-early XX centuries. **Methodology:** general scientific and special research methods, including analysis, synthesis, formal legal, historical and legal were used in the research. **Results:** on the base of the works of pre-revolutionary and modern scientists the author of the research has analyzed the views of Russian scientists on the interaction of genetic factors and environmental conditions and their impact on criminal behavior. **Conclusion:** eugenic ideas related to the improvement of human natural qualities were perceived by representatives of the anthropological direction in the criminal law of Russia, who suggested to deliver crime prevention by means of medical measures aimed at combating alcoholism and reducing hereditary diseases.

Key-words: eugenics, criminal anthropology, heredity, crime prevention, criminology.

© Горячева Татьяна Сергеевна, 2020

Аспирант кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Goryacheva Tatyana Sergeevna, 2020

Postgraduate student of the History of state and law department (Saratov State Law Academy)

Необходимость изучения антропологического компонента для повышения эффективности уголовного законодательства признается рядом современных ученых, что определяет интерес к проблеме взаимодействия юридической и медико-биологических наук. Демографические проблемы во многих странах мира и увеличение наследственных и врожденных заболеваний, выявленных благодаря современным достижениям генетической науки, возродили интерес к евгенике — одному из самых популярных научных направлений в России в первые годы Советской власти. Вместе с тем еще в конце XIX в., евгеника, изучающая факторы, способные улучшить или ухудшить врожденные качества будущих поколений [1, с. 13], привлекала внимание психиатров, криминологов и специалистов в области уголовного права.

Евгеника активно развивалась во многих странах западной Европы и Америки, а также в России в связи со стремлением противостоять росту преступности, распространению алкоголизма и душевных заболеваний. В научной среде того времени особенно популярной была идея «вырождения человечества» [2, с. 3], подтверждением которой ученые считали распространение различных заболеваний, способствовавших ухудшению здоровья нации, происходившего на фоне общего снижения рождаемости. В этих условиях, забота об улучшении врожденных качеств будущих поколений, являвшаяся главной целью евгеники, признавалась приоритетной не только учеными-медиками, но и юристами.

Евгенические идеи были восприняты представителями антропологического направления в отечественном уголовном праве, которые вслед за профессором судебной медицины, психиатром Чезарио Ломброзо утверждали тезис о существовании «врожденной преступности» и наличии антропологических признаков вырождения, отличающих преступников от «честных» людей. Физическими признаками вырождения, наблюдавшимися у преступников, признавались различные врожденные отклонения от нормы в анатомическом строении человека, признаками нравственного вырождения считались жестокость и отсутствие раскаяния, а также низкий уровень умственного развития.

Уголовная антропология изучала преступника как особую разновидность человеческого рода, стараясь установить и объяснить связь между анатомическими и физиологическими особенностями человека, его нравственными качествами и отношением к социальному порядку. Возникнув в медицинском сообществе, данное научное направление нашло широкий отклик среди юристов. В России общепризнанным главой уголовно-антропологической школы стал известный криминолог Д.А. Дриль, который утверждал, что задачи уголовной антропологии, как и науки уголовного права, заключаются в изучении преступников, в исследовании их разнообразия и особенностей, слагающихся под влиянием общественной среды, определив тем самым средства борьбы с преступностью [3, с. 19].

Наиболее последовательно уголовную или криминальную антропологию в России представляли такие ученые, как П.Н. Тарновская, В.Ф. Чиж и др. Отмечая важность и полезность для общества биологических исследований в направлении уголовной антропологии, П.Н. Тарновская подчеркивала, что, разбирая преступника как антропологическую разновидность, они указывают на истинные, реальные, а не умозрительные причины возникновения преступности. И прежде всего указывают на причинную связь между нисходящим поколением и всеми патологическими и социальными факторами, действовавшими на восходящую линию предков [4, с. 485].

Вслед за итальянскими коллегами представители данного научного направления исследовали у преступников особенности анатомического строения, физиологического развития и психического состояния. Приводя антропометрические данные, собранные представителями итальянской школы, ученые писали об «аномалиях уха», «асимметрии носовой вырезки» и пониженной болевой чувствительности, присущей большей части преступников [5, с. 7].

Одна из первых женщин-психиатров в России, П.Н. Тарновская, выступая в 1891 г. с докладом «О воровках» на заседании 1-й секции Русского Общества охранения народного здоровья, определила признаки вырождения, присущие женщинам-преступницам. Внимательно изучив труды итальянских антропологов, выявивших такие характеристики вырождения преступниц и проституток, как «косой череп», аномалия лба, ушей и зубов, тонкие губы, выдающиеся скулы, избыток вертикальных морщин на лбу, преждевременное поседение волос и меньший вес и рост, чем у нормальных женщин, П.Н. Тарновская утверждала в своих исследованиях, что правильно сформированный череп является исключением у населения тюрем [6, с. 49].

Проведя обследование более ста воровок в исправительной тюрьме Литовского замка Санкт-Петербурга, П.Н. Тарновская составила антропометрические таблицы, характеризующие признаки женщин-преступниц. По мнению ученой, окружность головы у воровок больше, чем у проституток, и меньше чем у «честных» женщин. При этом средний рост интеллигентных женщин на 1,5 см меньше роста воровок. В качестве признака физического вырождения преступниц, ученая отметила чрезмерное развитие затылочного бугра, асимметрию лица, различные аномалии зубов и ушей. В качестве нравственного вырождения — отсутствие у преступниц раскаяния [6, с. 47].

Идею вырождения преступников поддерживал известный психиатр, участник международных медицинских конгрессов, профессор В.Ф. Чиж, читавший курс лекций по судебной психопатологии в Императорском Санкт-Петербургском университете. По его мнению, наиболее доказанными анатомическими признаками преступника следует считать сравнительно малую вместимость черепа, покатый лоб, развитые надглазничные дуги, асимметрию черепа и лица. Ученый отмечал, что у убийц сравнительно часто наблюдаются большие скулы и большая нижняя челюсть, мало волос на лице, а само лицо имеет «специфически бледно-серый цвет». К признакам нравственного вырождения В.Ф. Чиж относил «бесстыдство многих очень молодых, еще только начинающих свою карьеру, преступников», врожденное отсутствие сострадания к ближнему и слабое умственное развитие. В этом отношении он признавал преступников «низшей породой людей», не способных развиваться умственно [7, с. 33, 36].

Изучению умственной работоспособности несовершеннолетних преступников посвятил свою докторскую диссертацию ученик В.М. Бехтерева, профессор А.Л. Щеглов, утверждавший, что экспериментальная психология должна в первую очередь, изучать малолетних преступников для получения сведений относительно роли и значения «прирожденной организации преступника взрослого». Проведя обследование несовершеннолетних мальчиков, находящихся в Земледельческой колонии для малолетних преступников и в отделении для малолетних при Санкт-Петербургской тюрьме, а также в начальном городском и ремесленном училищах, А.Л. Щеглов пришел к выводу о низкой работоспособности, быстрой утомляемости, невнимательности и слабой памяти малолетних

преступников по сравнению с учениками городского и ремесленного училищ [8, с. 110, 113].

Иначе на данную проблему смотрели юристы. Являясь активным сторонником учения Ч. Ломброзо и признавая его заслуги в изучении личности преступника, Д.А. Дриль тем не менее критиковал его тезис о прирожденном или неисправимом преступнике. «Из искусственной совокупности различных признаков, — писал он в 1904 г., — составилась один сборный тип сначала «преступного человека» вообще, а потом «прирожденного или неисправимого преступника». Тип, в его отдельных частях наблюдаемый у очень многих вовсе не преступных людей, но в его совокупности почти не наблюдаемый ни у кого из преступников» [9, с. 15–16].

Возражая французскому криминологу, одному из основоположников социальной психологии Габриелю Тарду, отрицавшему наследственную передачу преступных склонностей и утверждавшему, что на путь преступления попадают с детства, а большинство известных убийц и воров являются сиротами или брошенными родителями детьми, П.Н. Тарновская отмечала, что даже сироты не знавшие своих родителей, успевают наследовать «анатомическую организацию и воспринять другие предрасположения и свойства, переходящие к ним от родителей». Так, у родителей и ближайших родственников «привычных воров», ученая отмечала широкое распространение душевных и нервных болезней, эпилепсию, сифилис, алкоголизм и чахотку. Отвергать влияние прирожденных индивидуальных свойств, писала ученая, значит отвергать все основы современной биологии, начиная с наследственности [6, с. 54]. Подобную позицию занимал и В.Ф. Чиж, отмечавший, что все главные элементы личности даны уже при рождении; воспитание и среда имеют лишь второстепенное значение [7, с. 39].

Вместе с тем российские ученые подчеркивали, что нельзя на основании только анатомических данных или прирожденных нравственных отклонений, считать человека преступником. Особое влияние на передачу преступных склонностей, по мнению П.Н. Тарновской, оказывала алкогольная наследственность, являвшаяся, по ее мнению, основной причиной совершения преступлений. В этой связи ученая настаивала на всестороннем изучении и активной пропаганде вредных последствий для организма при регулярном употреблении алкогольных напитков [5, с. 14]. С этой позицией был согласен В.Ф. Чиж, отмечавший, что «преступники гораздо чаще, чем честные люди, происходят от родителей, страдавших нервными и душевными болезнями алкоголизма» [7, с. 25].

Профессор кафедры судебной медицины И.М. Гвоздев поддерживал идею врожденных качеств детей, предполагавших в дальнейшем их преступную деятельность. В своей публичной лекции, прочитанной в пользу Казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, он отмечал, что только у 10 из 100 детей, осужденных за преступления, родители были не виновны в содеянном. У 60 таких детей сами родители являлись преступниками, а у 30 — отличались «порочной и безнравственной жизнью» [10, с. 33].

Следует отметить, что ученые-психиатры, занимавшиеся уголовной антропологией, признавали схожесть преступников с душевнобольными людьми, предлагая заменить карательные меры к ним на лечебно-воспитательные. Сравнивая преступников с больными людьми, профессор В.Ф. Чиж настаивал на необходимости метода клинического наблюдения, успешно используемого в медицине, для выявления индивидуальных особенностей каждого заключенного с целью дальнейшей классификации полученных результатов и их успешного

применения в деле профилактики преступности. Вместе с тем, признавая биологическую близость преступников с душевнобольными, ученый возражал против признания преступности особой разновидностью нервного заболевания [7, с. 11, 27].

Следует отметить, что теория врожденной преступности и наличия у преступников признаков физического вырождения вызывала в медицинской среде не только поддержку, но и резкую критику. Так, профессор Московского университета, анатом Д.Н. Зернов отрицал возможность выявления анатомических признаков, отличающих преступников от обычных людей. «Явления, которые свидетельствуют об остановке развития или о неправильном, порочном развитии тех или других органов, без сомнения, — писал он — встречаются среди преступников как единичные явления точно так же, как они встречаются среди непроступных людей» [11, с. 53].

Критика учения Ч. Ломброзо встречалась и в юридической среде. Так, профессор Ф.В. Грегорович называл уголовную антропологию продуктом врачебного шарлатанства и психиатрической лжеэкспертизы и опасался ее негативного воздействия на развитие юридического образования в России [12, с. 14].

Вместе с тем уголовная антропология как новое научное направление вызвала широкий научный интерес во всем мире, подтверждением чему являлись международные конгрессы, на которых обсуждались такие важные вопросы, как необходимость введения обязательного преподавания криминальной антропологии в университетах как на юридических, так и на медицинских факультетах.

Доказывая путем антропологических и антропометрических исследований то, что преступники наделены более обычных людей признаками физического и нравственного вырождения, ученые посредством уголовной антропологии пытались найти способы борьбы с этим социальным злом. Признавая биологическую близость преступности с душевными заболеваниями и алкоголизмом, последователи данного научного направления убеждали в необходимости использования различных мер медико-педагогического воздействия с целью нравственного исправления преступников. Так, П.Н. Тарновская, заявляя о неэффективности карательных мер, отдавала предпочтение мероприятиям, направленным на ограничение пьянства и уменьшение болезней, передающихся по наследству. Среди данных мероприятий ученая выделяла развитие образовательных учреждений и пропаганду здорового образа жизни, что, по мнению автора, должно было способствовать увеличению числа здоровых родителей, способных обеспечить здоровое поколение России [6, с. 67].

Следует отметить, что евгенические идеи, воспринятые уголовной антропологией и получившие широкое распространение в России в конце XIX – начале XX в., имеют сторонников и среди современных ученых, занимающихся генетическими исследованиями. Высказывается гипотеза о существовании так называемого «гена агрессии», или «гена преступности», и возможности, используя нейрофизиологические и биохимические механизмы, воздействовать на психику человека в «благожелательную для общества сторону» [13, с. 12]. Выдвигаются предложения о возможности применения результатов генетического анализа в судах и использования их наряду с психиатрической экспертизой. Есть последователи и наличия у преступников особых анатомических и физиологических признаков. Так, например, профессор Л.И. Корочкин отмечает передающиеся по наследству генетически детерминируемые признаки, присущие преступникам-

рецидивистам: глубоко посаженные маленькие глаза, низкий лоб, отвисшая нижняя челюсть, а также низкий болевой порог по сравнению с нормальными людьми [14, с. 177].

С данной позицией не согласны процессуалисты, отмечающие несовершенство методов познания в этой сфере и возможные негативные последствия для конкретных людей в результате использования судами генетической экспертизы [15, с. 38]. Таким образом, влияние биологических факторов на преступное поведение признается современными учеными. Так, известный криминолог В.С. Овчинский определяет биологическую составляющую криминологии как выявление среди лиц, совершивших конкретные преступления и лиц, в отношении которых можно прогнозировать совершение ими преступлений, определенных биологических факторов, способствующих противоправному поведению, с целью их коррекции социальными и медицинскими средствами при установленных заболеваниях центральной нервной системы, наркомании, алкоголизме [13, с. 33].

Соответственно идеи «положительной» евгеники, направленные на улучшение природных качеств человека, были восприняты представителями антропологического направления в уголовном праве России в конце XIX – начале XX века. Исследователи, проводя детальное антропометрическое обследование преступников и сравнивая полученные данные с результатами обследования обычных людей, устанавливали тесную связь между преступлениями и заболеваниями, передаваемыми по наследству. Полученные сведения использовались учеными для разработки мероприятий, направленных на профилактику преступности и борьбу с алкоголизмом.

Библиографический список

1. Филипченко Ю.А. Что такое Евгеника. Пг.: 4-я гос. Типография, 1921. 31 с.
2. Юдин Т.И. Об евгенике и евгеническом движении. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1914. 20 с.
3. Дриль Д.И. Наука уголовной антропологии, ее предмет и задачи // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1. С. 12–20.
4. Тарновская П.Н. Женщины — убийцы: антропологическое исследование СПб.: Т-во худож. печати, 1902. 512 с.
5. Тарновская П.Н. Новые работы по криминальной антропологии. Доклад 1 секции Русского Общества охраны народного здоровья 27 декабря 1891 г. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1892. 15 с.
6. Тарновская П.Н. Воровки. Антропологическое исследование. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1891. 79 с.
7. Чиж В.Ф. Криминальная антропология. Одесса: Тип. Исаковича. 1895. 51 с.
8. Щеглов А.Л. Умственная работоспособность несовершеннолетних преступников. Экспериментально-психологическое исследование // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 3. С. 106–113.
9. Дриль Д.И. Наука уголовной антропологии, ее предмет и задачи // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1. С. 12–20.
10. Гвоздев И.М. О врожденных и приобретенных свойствах детей, как зачатков преступности взрослых. Казань: Тип. Губернского правления, 1886. 35 с.
11. Зернов Д.Н. Критический очерк анатомических оснований криминальной теории Ломброзо: Речь, произнес в торжеств. собр. Имп. Моск. ун-та 12 янв. 1896 г. М.: Унив. тип., 1896. 55 с.

12. *Грегорович Ф.В.* Криминальная антропология под видом судебной медицины в университетском преподавании. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1896. 34 с.
13. *Овчинский В.С.* Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005. 192 с.
14. Геном, клонирование, происхождение человека / под общ. ред. Л.И. Корочкина. Фрязино: Век 2, 2004. 221 с.
15. *Фомина О.Ю.* О возможности судебной защиты при редактировании генома человека // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2019. № 6 (151). С. 37–47.

References

1. *Filipchenko Yu.A.* What is Eugenics? Pg.: 4th state printing House, 1921. 31 p.
2. *Yudin T.I.* Eugenics and the Eugenic movement. Moscow: Printing house of the headquarters of the Moscow military district, 1914. 20 p.
3. *Dril D.I.* Science of Criminal Anthropology, Its Subject and Tasks // Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism. 1904. Vol. 1. P. 12–20.
4. *Tarnovskaya P.N.* Women-Murderers: an Anthropological Study of St. Petersburg.: T-vo. Art press, 1902. 512 p.
5. *Tarnovskaya P.N.* New Works on Criminal Anthropology. Report of the 1st section of the Russian society for the protection of public health on December 27, 1891 in St. Petersburg: Type. Care homes for poor children, 1892. 15 p.
6. *Tarnovskaya P.N.* Thieves. Anthropological Research. SPb.: Type. Poor children's homes, 1891. 79 p.
7. *Chizh V.F.* Criminal Anthropology. Odessa: Type. Isakovich. 1895. 51 PP.
8. *Shcheglov A.L.* Mental Health of Juvenile Offenders. Experimental Psychological Research // Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism. 1904. Vol. 3. P. 106–113.
9. *Dril D.I.* Science of Criminal Anthropology, Its Subject and Tasks // Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism. 1904. Vol. 1. P. 12–20.
10. *Gvozdev I.M.* Innate and Acquired Properties of Children as Rudiments of Adult Crime. Kazan: Printing hose of the provincial government, 1886. 35 p.
11. *Zernov D.N.* Critical Essay on the Anatomical Foundations of Lombroso's Criminal theory: Speech Delivered in Celebration. Coll. Emp. Mosk. Univ. 12 Jan. 1896 M.: Univ. printing house., 1896. 55 p.
12. *Gregorovich F.V.* Criminal Anthropology under the Guise of Forensic Medicine in the University Teaching. Kazan: Printing-lithography of the Imperial University, 1896. 34 p.
13. *Ovchinsky V.S.* Criminology and Biotechnology. Moscow: Norma, 2005. 192 p.
14. Genome, Cloning, the Origin of man / under the General editorship of L.I. Korochkin. Fryazino: Vek 2, 2004. 221 p.
15. *Fomina O.Yu.* On the Possibility of Judicial Protection when Editing the Human Genome // LEX RUSSICA (RUSSIAN LAW). 2019. No. 6 (151). P. 37–47.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10004

УДК 342.72/.73

В.А. Мун

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ПРАВ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН-МАТЕРЕЙ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Введение: в статье раскрывается процесс становления и развития законодательного регулирования охраны прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей в России в середине XIX – начале XX вв., выделяются основные направления государственно-правовой охраны в данной области. **Цель:** раскрыть характер законодательного регулирования охраны прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, выделить основные направления государственно-правовой охраны материнства и детства в России в середине XIX – начале XX вв. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, историко-правовой метод, сравнительный метод исследования. **Результаты:** показано, как происходил процесс эволюции законодательного регулирования в области охраны прав беременных женщин и женщин с малолетними детьми, выделены основные направления государственно-правовой охраны материнства и детства в России в середине XIX – начале XX вв. **Выводы:** в основе российского законодательства о браке и семье конца XIX в. – начала XX в. лежали традиции патриархальной семьи, в силу которых материнская власть в семье была подчинена власти отцовской. Сообразно указанным представлениям выстраивались права беременных женщин и женщин, имеющих детей в законном, незаконном браке и браке, признанном недействительным. Значительное внимание к охране прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей в уголовном законодательстве России середины XIX – начала XX вв. обуславливалось физической слабостью женщин, особенно в периоды беременности и кормления ребенка.

Ключевые слова: охрана материнства, охрана детства, внебрачные дети, денежное содержание детей, женщины-арестантки, уголовно-правовая охрана материнства и детства.

V.A. Mun

LEGISLATIVE REGULATION OF PREGNANT WOMEN AND WOMEN-MOTHERS' RIGHTS PROTECTION IN RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Background: the article reveals the process of formation and development of legislative regulation of the protection of the rights of pregnant women, women with young children in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries, identifies the main directions of state legal protection in this area. **Objective:** to reveal the nature of the legislative regulation of the protection of the rights of pregnant women, women with young children, to highlight the main directions of state legal protection of motherhood and childhood in Russia in the

© Мун Виктория Анатольевна, 2020
Соискатель кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия): e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

© Mun Viktoriya Anatolievna, 2020

Postgraduate student of the History of state and law department (Saratov State Law Academy)

middle of the XIX – early XX centuries. Methodology: the dialectical method of scientific knowledge, historical and legal method, a comparative research method. Results: it is exposed how the process of evolution of legislative regulation in the field of protecting the rights of pregnant women and women with young children took place, the main directions of state-legal protection of motherhood and childhood in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries are highlighted. Conclusions: at the heart of the Russian legislation on marriage and the family of the late XIX century. – early XX century lay the traditions of the patriarchal family, by virtue of which the maternal power in the family is subordinate to the power of the father. In accordance with the above notions, the rights of pregnant women and women with children in a legal, illegal marriage and a marriage recognized as invalid were constructed. Considerable attention is paid to the protection of the rights of pregnant women and women with young children in the criminal legislation of Russia in the mid-19th and early 20th centuries. caused by the physical weakness of women, especially during pregnancy and lactation.

Key-words: *maternity protection, child welfare, illegitimate children, child support, female prisoners, criminal law protection of motherhood and childhood.*

Всесторонняя характеристика государственно-правовой охраны материнства в России в середине XIX – начале XX вв. невозможна без исследования законодательства, в котором беременная женщина и женщина-мать выделялась в качестве самостоятельного субъекта права. В этой связи нами проанализированы правовые нормы брачно-семейного и уголовного законодательства, в которых данные субъекты наделялись особым правовым статусом.

Брачно-семейное законодательство по охране прав беременных женщин и женщин-матерей включало в себя следующие аспекты: положение беременных женщин, женщин-матерей в законном, незаконном браке и браке, признанном недействительным.

Особенности правового положения состоящих в браке беременных женщин, женщин-матерей определены в Своде законов Российской империи (Том X) [1].

В основе российского законодательства о браке и семье рассматриваемого периода во многом лежали христианские каноны с присущими им догмами о таинстве брака и церковными правилами.

В соответствии со ст. 103, 106 (кн. 1 т. X Свода законов) супруги были обязаны жить совместно. На мужа также лежала обязанность по содержанию жены с учетом своего состояния и возможности. Последствием невыполнения женой обязательств по совместному проживанию с мужем было лишение ее права требовать денежного содержания на себя и ребенка.

Таким образом, законный брак гарантировал обеспечение денежного содержания и пропитания детям и их матери только в случае выполнения женщиной своих обязательств «как хозяйки дома», при условии, что она не нарушала долга «о повиновении мужу и почтении к нему» (по ст. 107 кн. 1 т. X Свода законов).

Российское законодательство не содержало правовых норм, предусматривающих обязанность виновного супруга обеспечивать содержание невинному супругу при расторжении брака по причине прелюбодеяния или неспособности к брачному сожитию. В других же случаях расторжения брака по вине мужа дети и их мать приобретали право на денежное содержание.

Важным вопросом, подлежащим разрешению при расторжении брака и раздельном жительстве супругов, было определение судьбы детей и установление

родительской власти над ними. Сложность данного вопроса, по убеждению И.В. Гессена, состояла в том, что его разрешение почти всегда требовало вмешательства власти, и прежде всего судебной. При этом в интересах детей было бы справедливо, если в основу решения будет положена виновность одного из супругов [2, с. 93]. Иного мнения придерживался А.И. Загоровский, отмечая, что обязанность по нравственному и духовному развитию ребенка после расторжения брака должна ложиться на мать [3, с. 150].

С изданием закона 3 июня 1902 г. было улучшено правовое положение детей от брака, признанного недействительным. Вопрос об их воспитании теперь решался по соглашению родителей [4]. Кроме того, Свод был дополнен ст. 666 (кн. 1 т. X Свода законов), в соответствии с которой последствием признания брака недействительным как совершенного по принуждению или обману, было обязательство виновного лица обеспечить денежным содержанием детей, рожденных в этом браке, и их мать. Указанные последствия распространялись также на случаи, когда женщина вступила в брак с лицом, уже состоящим в браке, если она об этом не знала.

В случае рождения ребенка незамужней женщиной от неженатого мужчины, т.е. при отсутствии законного брака, отец обязан был с учетом своего состояния обеспечить денежное содержание матери и внебрачного младенца. Право требования такого содержания зависело от интересов ребенка и возникало у женщины при наличии одновременно двух обстоятельств: если ребенок нуждался в уходе матери, а также если мать была лишена возможности самостоятельно добывать средства.

Законодатель мотивировал необходимость возложения на отца бремени содержания матери ребенка тем, что наличие ребенка может отнимать у матери время и силы, а также лишать ее возможности зарабатывать средства к существованию личным трудом [5, с. 47–48].

Следует отметить, что ни одно западноевропейское законодательство не предусматривало подобного содержания для матери внебрачного ребенка, как это было закреплено в России. Согласно западноевропейскому законодательству у мужчин в таких случаях возникала иного рода обязанность — возместить вред женщине или жениться на ней. Так, согласно Саксонскому гражданскому уложению 1863 г., мужчина, находившийся в половом сношении с незамужней женщиной, обязан был, если он не желал или не мог вступить с ней в брак, вознаградить ее в размере, определяемом по усмотрению суда, с учетом его общественного положения и средств. При этом было не важно, имело ли половое сношение своим последствием беременность или не имело [6, ст. 1551]. Гражданское уложение Германской империи 1896 г. предоставляло женщине право обратиться с требованиями о возмещении причиненного вреда к мужчине, склонившему ее к внебрачному совокуплению посредством хитрости, угроз или пользуясь зависимым от него положением [7, ст. 825].

Кроме того, отец внебрачного ребенка был обязан оплатить расходы, связанные с родами, и доставлять матери внебрачного ребенка денежное содержание вплоть до ее выздоровления (ст. 132⁷ кн. 1 т. X Свода законов). Данные требования могли быть заявлены лишь в течение одного года со дня родов.

Законом от 12 марта 1914 г. было улучшено правовое положение женщин, состоящих в законном браке. Так, на мужа лежала обязанность обеспечить де-

нежным содержанием нуждающуюся в этом жену в случае ее болезни, ставшей причиной раздельной супружеской жизни (ст. 103¹, 106).

Охрана прав беременных женщин и женщин-матерей в российском уголовном законодательстве середины XIX – начала XX вв. сводилась к следующим аспектам: во-первых, охрана материнства в преступлениях против жизни и здоровья, когда беременная женщина являлась потерпевшей; во-вторых, охрана прав беременных женщин и женщин-матерей в связи с исполнением наказания за совершенное преступление; в-третьих, охрана прав беременных женщин и женщин-матерей, последовавших в ссылку; в-четвертых, охрана прав беременных женщин и женщин-матерей, освободившихся из мест лишения свободы.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных [8], к преступлениям против жизни и здоровья, посягавших на отношения по охране материнства, когда беременная женщина являлась потерпевшей, закон относил: убийство беременной женщины (ст. 1452); умышленное нанесение беременной женщине увечий, раны или причинение вреда здоровью или побоев, истязаний или иных мучений (ст. 1491); причинение вреда женщине путем насильственного изгнания плода или при родоразрешении (ст. 1461, 878).

Правовое положение беременных женщин и женщин-матерей, отбывающих наказание за совершенное преступление, определялось Уставом о содержащихся под стражею [9], Уставом уголовного судопроизводства [10], Уставом о ссыльных [11]. Снисходительность закона в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей при отбытии наказаний, объяснялась физической слабостью женщин, особенно в периоды беременности и кормления ребенка. Существовавшие послабления выражались, в том числе в отсрочке исполнения наказания в отношении беременных женщин; предоставлении женщинам, кормящим грудью младенцев, отдельного от других заключенных помещения; предоставлении беременным и кормящим матерям лучшей пищи по сравнению с другими заключенными.

Женщины, отправившиеся в ссылку по собственной воле, не отделялись от мужей и не находились под строгим надзором. На остальных женщин распространялись те же правила, что и на мужчин. Однако некоторые исключения из общих правил в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, улучшающие их положение, все же предусматривались. Так, осужденные к ссылке женщины, имевшие грудных детей, не разлучались с ними, женщины, следовавшие за своими мужьями в ссылку, и их дети снабжались за счет казны одеждой, обувью и кормовыми деньгами и др.

Вместе с тем стоит отметить, что наряду со смягчением наказаний для женщин-арестанток, заменой строгих наказаний на менее суровые, российское уголовное законодательство рассматриваемого периода все же не обеспечивало женщинам адекватной государственно-правовой охраны репродуктивных и материнских прав. При упоминании о «заботах о беременной и кормящей грудью арестантке... законодательное „должно” заменяется расплывчатым административным „можно”» [12, с. 43].

Уголовное законодательство России второй половины XIX – начала XX вв. не рассматривало состояние беременности как смягчающее обстоятельство при назначении наказания женщинам. А.В. Лохвицкий, анализируя нормы отечественного уголовного права и практику их применения, пришел к выводу о том,

что из особенных обстоятельств, облегчающих участь виновной женщины, закон указывал только на возраст, а точнее «старость» [13, с. 134].

Между тем вопрос об отнесении состояния беременности к обстоятельствам, смягчающим наказание, активно обсуждался юристами, врачами, мнения которых по данному вопросу были неоднозначны. Так, Н.С. Таганцев полагал, что беременность, роды, послеродовое состояние вне всякого сомнения влияют на нервную систему беременной, отражаются на ее психической жизни и, соответственно влияют на «юридическую и нравственную оценку совершаемых фактов». По его мнению, «ненормальное душевное состояние» женщины после родов может оканчиваться как в момент последнего акта родов, так и иметь и длящийся характер, обусловленный послеродовым душевным расстройством [14, с. 149–150]. Аналогичной позиции придерживались А. Генке [15, с. 98, 262], Ч. Ломброзо [16, с. 446].

Согласно другой точке зрения, нашедшей отражение в трудах французского основоположника судебной медицины О.А. Тардьё, смягчение наказания за преступление, совершенное беременной или только родившей женщиной, является «банальным оправданием безумия». Не отрицая факта возможных изменений в поведении женщины, вызванных состоянием беременности, О.А. Тардьё, тем не менее отмечал, что эти изменения наблюдаются не всегда и не на всем протяжении беременности. Истинные причины, побуждающие преступницу к совершению преступления, лежат в первоначальной или приобретенной предрасположенности к «извращённым физическим инстинктам», в то время как беременность — причина вторичная. В любом случае, заключает О.А. Тардьё, нельзя оставить безнаказанными всех женщин-детоубийц [17, с. 180].

Уголовно-правовая охрана беременных женщин и женщин-матерей также проявлялась в заботе о нравственном и материальном обеспечении женщин, освободившихся из мест лишения свободы, помощи в их социальной адаптации.

Дамские отделения, созданные в России в 1887 г. оказывали помощь женщинам и их детям, находящимся в местах лишения свободы, а также освободившимся из-под стражи [18]. Большое значение имела деятельность и инициатива дамского комитета в вопросе попечения о детях (особенно грудного возраста) тех матерей, которые были приговорены к отбытию наказания в местах лишения свободы, а также об устройстве таких детей впоследствии.

В 1872 г. по решению дамского тюремного комитета в Петербурге были созданы «убежища», в которых освободившиеся из тюремного заключения женщины могли получить жилье, работу, а также платье, белье и обувь на первое время. В 1874 г. был утвержден Устав «убежища», согласно которому его главная цель заключалась в предохранении женщин, освобожденных из мест заключения, от совершения новых преступлений, вызываемых нуждой и беспомощностью. Указанной цели предполагалось достигнуть путем предоставления женщинам крова и работы, побуждающей к законопослушному и честному образу жизни [19, с. 417–419].

Таким образом, следует отметить, что в основе российского законодательства о браке и семье конца XIX в. — начала XX в. лежали традиции патриархальной семьи, в силу которой материнская власть в семье была подчинена власти отцовской, а также религиозные традиции, в силу которых законным признавалась только церковная форма брака. Сообразно указанным представлениям выстраи-

вались права беременных женщин и женщин, имеющих детей в законном, незаконном браке и браке, признанном недействительным.

Закон, закрепляя безусловную отцовскую власть и второстепенную роль матери в вопросе воспитания, духовного наставления детей, управления и пользования имуществом несовершеннолетних детей в законном браке, вовсе отстранял отца от представления интересов и воспитания ребенка, рожденного вне брака. Денежное обеспечение матери и ее детям гарантировалось в законном браке, за исключением случаев, когда жена, находясь в браке, отказывалась проживать совместно с мужем, тем самым отказываясь выполнять обязанности «хозяйки дома».

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства позволил прийти к выводу о том, что российские законы более последовательно охраняли права женщин, имевших детей от брака, признанного впоследствии незаконным и недействительным, равно как и при рождении ребенка вне заключенного брака. Так, отечественное право возлагало на отца ответственность по содержанию детей и их матери на период ее отстранения от работы, а также по несению бремени расходов, связанных с родами. Западноевропейское законодательство не предусматривало подобного содержания для матери внебрачного ребенка.

Уголовное законодательство России середины XIX – начала XX вв. уделяло значительное внимание охране прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Указанное проявлялось в следующих аспектах: во-первых, в строгой охране жизни и здоровья женщины в период беременности, осуществления ею репродуктивных функций; во-вторых, в неприменении к беременным женщинам и женщинам, имевшим малолетних детей, некоторых видов наказаний, смягчении или замене наказаний на менее строгие, отсрочке исполнения наказания, связанной с репродуктивными функциями женщины; в-третьих, в охране прав беременных женщин и женщин-матерей, последовавших в ссылку добровольно за осужденными мужьями или по приговору суда; в-четвертых, в заботе о нравственном и материальном обеспечении женщин, освободившихся из мест лишения свободы, помощи в их социальной адаптации.

Вместе с тем стоит отметить, что ряд аспектов остался не освещенным законодателем в середине XIX – начале XX вв. Так, состояние беременности, а также наличие у женщины малолетних детей не рассматривались уголовным законом в качестве смягчающих обстоятельств и не учитывались при назначении женщине наказания. Кроме того, несмотря на существовавшие послабления при исполнении наказания в отношении беременных женщин и женщин-матерей, самое строгое лишение свободы — каторжные работы — назначались женщине наравне с мужчинами.

Библиографический список

1. Свод законов гражданских // Свод Законов Российской Империи. Т. X. СПб.: б.и., 1900. 385 с.
2. Гессен И.В. Раздельное жительство супругов. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1914. 176 с.
3. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса: тип. Акц. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1909. 564 с.

4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорождённых детей» от 3 июня 1902 г. // ПСЗРИ III. 1902. Т. XXII. № 21566.

5. *Загоровский А.И.* О внебрачных детях по новому закону (3 июня 1902 г.), в связи с постановлениями о них западноевропейских гражданских кодексов. Одесса: «Экон.» тип., 1903. 85 с.

6. Саксонское гражданское уложение 1863 г. СПб.: Государственная типография, 1885. 111 с.

7. Гражданское уложение Германской империи. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1898. 506 с.

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Изд. 1885 г.) // СЗРИ. Т. XV. Разд. 10. Гл. 1.

9. Устав о содержащихся под стражею (Изд. 1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV.

10. Устав уголовного судопроизводства (Изд. 1892 г.) // СЗРИ. Т. XVI.

11. Устав о ссыльных (изд. 1909 г.) // СЗРИ. Т. XIV.

12. *Гернет М.Н.* Женское равноправие и уголовный закон // Современный мир. 1916. № 5–6. С. 36–48.

13. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. 662 с.

14. *Таганцев Н.С.* Курс русского уголовного права: в 3 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. Т. 1. 284 с.

15. *Генке А.* Руководство к судебной медицине. СПб.: типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1828. 607 с.

16. *Ломброзо Ч.* Женщина преступница и проститутка. Киев; Харьков: Ф.А. Иогансон, 1897. 478 с.

17. *Tardieu A.* Étude médico-légale sur la folie. Paris: Libraire J. B. Bailliere Et Fils, 1872. 630 с.

18. Устав о содержащихся под стражею (Изд. 1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 213.

19. *Никитин В.Н.* Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. 1560–1880 г. СПб.: тип. Г. Шпарварт, 1880. 674 с.

References

1. The Code of Civil Laws // The Code of Laws of the Russian Empire. T.Kh. St. Petersburg: B.I., 1900. 385 p.

2. *Gessen I.V.* Separate Residence of Spouses. SPb.: Jurid. Book store. “The Law,” 1914. 176 p.

3. *Zagorovsky A.I.* Course of Family Law. Odessa: printing house of East-Rus. Society of print., 1909. 564 p.

4. The highly approved opinion of the State Council «On the Approval of the Rules for the Improvement of the Situation of Illegitimate Children» of June 3, 1902 // PSZRI III. 1902. Т. XXII. №. 21566.

5. *Zagorovsky A.I.* On Illegitimate Children under the New Law (June 3, 1902), in Connection with the Regulations on Them of the Western European Civil Codes. Odessa: «Ekon.» printing house, 1903. 85 p.

6. Saxon Civil Code of 1863. St. Petersburg: State Printing House, 1885. 111 p.

7. Civil Code of the German Empire. SPb.: printing house Governing Senate, 1898. 506 p.

8. The Code on Criminal and Correctional Punishments (Ed. 1885) // SZRI. Т. XV. Section 10. Chapter 1.

9. The Statute of Custody (Ed. 1890) // SZRI. Т. XIV.

10. The Statute of Criminal Procedure (Ed. 1892) // SZRI. Т. XVI.
11. The Statute of Exiles (ed. 1909) // SZRI. Т. XIV.
12. *Gernet M.N.* Women's Equality and Criminal Law // Modern world. 1916. №. 5-6. P. 36–48.
13. *Lokhvitsky A.V.* Course of Russian Criminal Law. SPb.: Journal. M-VA YUST., 1867. 662 p.
14. *Tagantsev N.S.* Course of Russian Criminal Law: in 3 vols. SPb.: Type. M. Stasyulevich, 1874. 284 p.
15. *Genke A.* Guide to Forensic Medicine. SPb.: printing office of the Headquarters of the Separate corps of the internal guard, 1828. 607 p.
16. *Lombroso Ch.* A Female, a Criminal and a Prostitute. Kiev; Kharkiv: F.A. Johanson, 1897. 478 p.
17. *Tardieu A.* Étude médico-légale sur la folie. Paris: Libraire J.B. Bailliere Et Fils, 1872. 630 p.
18. The Statute of Custody (Ed. 1890) // SZRI. Vol. XIV, V. 213.
19. *Nikitin V.N.* Prison and Exile: Historical, Legislative, Administrative and Domestic Situation of Prisoners, Messengers, Their Children and Released from Custody, since the Emergence of Rus. Prisons, to the Present Day. 1560–1880 St. Petersburg.: printing house G. Spallart, 1880. 674 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10005

УДК 340

А.В. Чернышов

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Введение: отсутствие легально закрепленного определения законного интереса как на законодательном уровне, так и на уровне теоретическом подтверждает актуальность данной темы и порождает необходимость более тщательного изучения данного правового феномена. **Цель:** проведение общетеоретического исследования сложившихся в юридической науке позиций относительно определения законного интереса, а также формулирование на их основе собственного видения законных интересов, выявление признаков и особенностей, характерных для них. **Методологическая основа:** представлена диалектическим, сравнительно-правовым, формально-юридическим методами и логическим приемом анализа, которые дали возможность сопоставить имеющиеся позиции относительно определения и содержания законных интересов, а также выработать собственное видение данного правового явления. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно представления законного интереса как самостоятельного персонифицированного объекта правовой защиты, а также выявлены основные признаки законного интереса, подтверждающие заявленное определение. **Выводы:** законный интерес в правовой системе Российского государства представлен в виде самостоятельного персонифицированного объекта правовой защиты, выраженного в правовой дозволенности совершать определенные действия, направленные на достижение необходимого результата.

Ключевые слова: законный интерес, субъективное право, свободы, правовая система, охраняемый законом интерес, юридически значимый интерес.

A. V. Chernyshev

FORMATION OF THE CONCEPT «LEGAL INTEREST» AS AN IMPORTANT QUESTION IN LEGAL SCIENCE

Background: the absence of a legally fixed definition of legal interest both at the legislative level and at the theoretical level confirms the relevance of this topic and necessitates a more thorough study of this legal phenomenon. **Objective:** to conduct a general theoretical analysis of the positions that have taken shape in legal science regarding the definition of legal interest, and also, on the basis of them, formulate own vision of legal interests, identify the signs and features characteristic of them. **Methodology:** represented by dialectical, comparative, formal-legal methods and logical methods of analysis, which made it possible to compare the existing positions on the definition and content of legal interests, as well as develop own vision of this legal phenomenon. **Results:** the author's position is argued regarding the presentation of legal interest as an independent personified object of legal protection, and the main features of legitimate interest that support the stated definition are identified. **Conclusions:** the legal interest in the legal system of the Russian state is

© Чернышов Андрей Викторович, 2020
Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Chernyshev Andrey Viktorovich, 2020
Candidate of the department of theory of state and law (Saratov state law Academy)

presented as the form of an independent personified object of legal protection, expressed in the legal possibility to perform certain actions aimed at achieving the desired result.

Key-word: *legal interest, right, freedoms, legal system, legally protected interest, legally significant interest.*

В современной правовой действительности не теряет своей актуальности полемика относительно определения природы законного интереса. Дискуссии ведутся по вопросам его определения, сущности, особенностей, а также соотношения с субъективным правом и иными смежными понятиями. К сожалению, до настоящего времени, несмотря на то, что в юридической науке законный интерес рассматривается как отдельный самостоятельный объект защиты, нет четкого и бесспорного определения этой категории, хотя существующие позиции относительно сущности законного интереса отличаются своим многообразием. В основе последнего лежит отсутствие со стороны законодателя регламентации на этот счет.

Законный интерес имеет богатую историю становления в юридической науке. Так, еще в римском праве упоминается феномен вытекающих из действующих норм возможностей субъектов отношений. Они соответствовали юридическим предписаниям, но не совпадали с ним. Примером служат: Институты Гая, Законы XII таблиц и пр. Аналогичные нормы можно встретить и в праве Российского государства. В частности, положения Русской Правды и Судебника 1497 г. ставят под защиту вытекающие из правовых предписаний интересы различных субъектов [1, с. 49, 50].

Впервые интерес в праве рассматривается в работе Р. Иеринга, который представлял его как обязательную составляющую субъективного права. Иными словами, сущность права он понимал через согласование интересов разных субъектов [2, с. 315.]. Под влиянием его исследований было создано целое направление, которое называлось юриспруденцией интересов.

Период дореволюционной России характеризуется попытками более глубоко определить категорию «интерес» в праве. В частности, под интересом понималось: все обуславливающее бытие и преуспевание человека в различных сферах его деятельности [3, с. 32]; понятие, отождествляемое с правом и свободой [4, с. 61]; охватываемое, но не совпадающее с правом понятие [5, с. 498]. Также именно в этот период впервые в российское право была введена категория «законный интерес» Г.Ф. Шершеневичем, который рассматривал его отдельно от права, выделяя критерии такого разделения: по способам охраны и защиты со стороны законодателя, а также по объему дозволений, предоставленных индивиду [6, с. 293]. Таким образом, в основном все точки зрения сводились к тому, что в законодательстве существуют определенного вида дозволения, которые не охватываются, но, выражаются в субъективных правах.

В советскую эпоху ученые-правоведы пошли в своих научных изысканиях дальше. В этот временной период уже встречаются такие выражения, как «правомерный интерес», «юридически защищенный интерес» и т.п. Таким образом, несмотря на то, что не всегда употреблялось выражение «законный интерес», юридическая наука уже определенно выделяла его в качестве самостоятельного явления и отделяла от субъективного права. В качестве интереса, в частности, понималось общественное отношение, посредством которого наиболее выгодно удовлетворяются потребности, определяющие условия и средства такого удо-

влетворения [7, с. 10; 8, с. 72–79]. В этой позиции наглядным образом отображено философское понимание интереса, а именно: интерес — это объективно нужное и значимое для субъекта; интерес — это причина действий в целях удовлетворения своих потребностей.

Также доказывалась позиция, что интерес следует понимать как осознанную потребность, охраняемую законом посредством предоставления субъектам права на судебную или иную форму защиты [9, с. 38]. Стоит оговориться, что выделяют несколько направлений по вопросу о соотношении интереса и потребности:

1) теория внешних обстоятельств, согласно которой источником интереса выступает потребность. Иными словами, какой-либо предмет внешнего мира, приобретающий некоторую значимость для человека, является первопричиной желания обладать им и стремиться к нему [10, с. 525]. При этом категории «потребность» и «интерес» не совпадают;

2) теория внутреннего фактора, отдающая предпочтение мотивационному состоянию, которое стимулирует человека к определенной деятельности. В данном случае составляющими интереса выступают внешний предмет, к обладанию которым стремится субъект, а также мотивы и эмоции этого субъекта [11, с. 140];

3) теория взаимодействия, связывающая интерес с потребностями субъектов в общественных отношениях. В частности, границы воздействия на предмет можно обозначить только посредством совместной договоренности между субъектами таких отношений [12, с. 20].

Стоит согласиться с позицией М.С. Матейковича и В.А. Горбунова, которые обозначили потребность в виде базиса, основы интереса. При этом интерес может либо быть выражен действиями, либо может и не быть выражен ими. Последнее не говорит о его отсутствии. Получается, что интерес — это форма выражения потребности [13, с. 16, 17].

В современной юридической науке под законными интересами понимают:

допускаемые или предусмотренные законом стремления субъектов к достижению благ, предусмотренных законодательством [14, с. 39–41];

юридическое дозволение, выраженное в стремлении субъекта обладать и пользоваться тем или иным благом, а также в случае его нарушения обращаться за защитой к компетентным субъектам [15, с. 73];

предправа, которые при наличии соответствующих условий могут трансформироваться в права [16, с. 113];

не отраженные в субъективных правах и юридических обязанностях интересы, подлежащие тем не менее защите со стороны органов государственной власти [17, с. 30].

К слову сказать, употребление при определении законного интереса слова «стремление» признается не совсем удачным [18, с. 38]. В частности, стремление — это скорее не сам интерес субъектов отношений, а их психологическая установка на совершение действий, способствующих достижению этого интереса. Также термин «стремление» — это не юридическое понятие, а законный интерес требует адекватной правовой регламентации.

Современная правовая действительность России характеризуется наличием огромного количества законодательных актов, регулирующих разнообразные общественные отношения. Тем не менее как выше было указано, законные интересы не получили непосредственного определения в нормативных правовых актах. При этом они либо упоминаются законодателем в виде конструкций «права и законные интересы», «охраняемые законом интересы», либо подразуме-

ваются им. Вполне понятно, что значительный объем интересов, требующих законодательного закрепления и опосредования шире, нежели правовая база регулирования общественных отношений. Всегда признавался тот факт, что право по своей природе «медленно» реагирует на необходимость закрепления вновь появившихся общественных отношений, а с ними и интересов участников этих отношений. Поэтому вполне оправданно, что законодатель «страхует» себя и не конкретизирует категорию «законный интерес». Следовательно, если эти интересы, упомянутые в статьях нормативных правовых актов, соответствуют принципам и сущности действующего права, они признаются законными. Та же участь ждет и не получивших непосредственного отражения в нормах права интересов. Факт их непротиворечивости действующей законодательной базе позволяет называть их законными и рассматривать в качестве самостоятельного объекта охраны и защиты.

Можно выделить признаки, которые, по нашему мнению, характерны для законных интересов:

1) они носят социальный характер, так как их формирование, достижение возможно только в рамках общественных отношений. В этой связи важно отметить, что законный интерес способствует развитию социальных связей. Стоит оговориться в отношении того, что социальный характер отражает также и особенности процесса его формирования, который происходит под влиянием материальных и духовных условий общественной действительности;

2) диспозитивный характер законных интересов указывает на то, что субъекты общественных отношений при осуществлении законных интересов могут действовать в любых формах и применять любые способы, которые не противостоят действующему законодательству;

3) законные интересы представляют собой юридический инструмент, при помощи которого возможно удовлетворение потребностей субъектов соответствующих отношений. Поэтому законный интерес выступает в качестве юридически не прямой возможности, имеющейся в равной степени у всех правоспособных субъектов;

4) они рассматриваются в качестве объекта охраны и защиты. Этот факт доказывается гарантированностью законных интересов со стороны государства, что подтверждает его определенное отношение в виде опосредования не противоречащих закону устремлений субъектов общественных отношений.

5) они выступают в качестве правового дозволения, определяя в некоторой степени соответствующую модель поведения субъектов общественных отношений. По сути, законные интересы включают в себя все то, что не запрещено законом. Такая позиция отражается в действующем законодательстве и в определенной степени гарантируется со стороны государства. Именно состояние дозволенности позволяет говорить о законном интересе, как о самостоятельном правовом феномене, а также позволяет выразить его сущность [15, с. 85].

6) объективность существования, которая объясняется закономерностями общественного развития. С одной стороны, законные интересы берут свое начало из сущности как самих субъективных прав, так и процесса их взаимодействия с законными интересами. Они возникают, исходя из многочисленных потребностей субъектов, эти потребности не всегда могут быть регламентированы и охвачены субъективным правом. С другой стороны, достижение и осуществление законных интересов гарантируется со стороны государства лишь в небольшом объеме.

7) персонифицированность законных интересов. Законные интересы, в отличие, например, от субъективных прав, всегда принадлежат конкретному субъекту. Их невозможно рассмотреть в отрыве от него. Они не носят абстрактный характер и выражают стремление заинтересованного лица достичь какой-то определенный результат.

Законный интерес представляет собой самостоятельный персонифицированный объект правовой защиты, выраженный в правовой дозволенности совершать определенные действия, направленные на достижение необходимого результата.

В качестве законного интереса обычно рассматривают:

а) интерес, не оформленный субъективным правом. Например, он возникает на стадии заключения договора. Заинтересованная сторона может обратиться в суд с требованием о понуждении к заключению договора (ст. 445 Гражданского кодекса РФ);

б) интерес возникающий в случае, когда само субъективное право перестает существовать. Например, уничтожение вещи влечет утрату права собственности, но при этом законный интерес остается;

в) интерес, прямо защищаемый законодательством, но субъективным правом не оформленный. Например, право субъекта, не участвующего в спорном правоотношении, оспаривать действительность гражданско-правовой сделки (ст. 173 Гражданского кодекса РФ);

г) интерес, возникающий при незаконном возложении обязанностей.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Законные интересы являются неотъемлемым элементом правовой системы Российского государства. Именно они определяют формы регулятивного воздействия на отношения, возникающие в общественной жизни. Собственно, без законных интересов невозможна сама деятельность людей по реализации правовых норм.

Исследуемый правовой феномен отличается стихийностью и непредсказуемостью. Он представляет собой некий самоорганизующийся элемент правовой системы страны. Ибо невозможно предусмотреть все факторы и условия их формирования, а также все жизненные ситуации, которые могут спровоцировать появление законных интересов у тех или иных субъектов. Это несколько не является их недостатком, а скорее, рассматривается как достоинство, т.к. законные интересы, в отличие от субъективных права, представляются более приспособленными к динамике общественных отношений повседневной жизни. Законные интересы представляют собой правовой феномен, способный обнаружить процессы развития права и правовой системы, а также отразить степень его дифференциации в зависимости от тех или иных условий.

Библиографический список

1. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. З.М. Черниловского. М.: Гардарики, 1996. 575 с.
2. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб.: Изд-во Н.В. Муравьева, 1881. Т. 1. 346 с.
3. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. М.: Наука, 1994. Т. 1. 496 с.
4. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2016. 422 с.
5. *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.
6. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1912. 805 с.
7. *Малько А.В.* Законные интересы советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 20 с.
8. *Экимов А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 134 с.

9. *Гукасян Р.Е.* Проблема интересов в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1970. 190 с.
10. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
11. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 440 с.
12. *Бернацкий В.О.* Интересы и их роль в обществе. Омск: Омский политехнический ин-т, 1990. 36 с.
13. *Матейкович М.С., Горбунов В.А.* Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 256 с.
14. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 244 с.
15. *Субочев В.В.* Законные интересы. М.: Норма, 2008. 237 с.
16. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с.
17. *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Норма, 2008. 229 с.
18. *Зеленцов А.Б.* Законные интересы в сфере публичного права: понятие и правовая защита // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2009. № 5. С. 37–45.

References

1. Anthology on the universal history of state and law / edited by Z.M. Chernilovsky. Moscow: Gardariki, 1996. 575 p.
2. *Iering R.* the Purpose of the law. SPb.: Publishing House of N.V. Muravyov, 1881. Vol. 1. 346 p.
3. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law: lectures. Moscow: Nauka, 1994. Vol. 1. 496 p.
4. *Korkunov N.M.* Lectures on General theory of law. Moscow: Yurayt, 2016. 422 p.
5. *Trubetskoy E.N.* Works on the philosophy of law. SPb.: Publishing house of the Russian Academy of SCIENCES, 2001. 543 p.
6. *Shershenevich G.F.* General theory of law. Moscow: Publishing house Br. Bashmakova, 1912. 805 p.
7. *Malko A.V.* Legitimate interests of Soviet citizens: autoref. dis. ... candida. the faculty of law. sciences'. Saratov, 1985. 20 p.
8. *Ekimov A.I.* Interests and law in a socialist society. L.: Publishing house of the Leningrad University, 1984. 134 p.
9. *Gukasyan R.E.* The problem of interests in the Soviet civil procedural law. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe ed., 1970. 190 p.
10. *Rubinstein S.L.* Fundamentals of psychology. SPb.: Peter, 2000. 712 p.
11. Psychological dictionary / edited by V.P. Zinchenko, B.G. Meshcheryakova. Moscow: Pedagogika-Press, 1999. 440 p.
12. *Bernatsky V.O.* Interests and their role in society. Omsk: Omsk Polytechnic Institute, 1990. 36 p.
13. *Matakovich M.S., Gorbunov V.A.* Legitimate interests in constitutional law. Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 256 p.
14. *Maleina M.N.* Personal non-property rights of citizens: understanding, implementation, protection. Moscow: MZ Press, 2000. 244 p.
15. *Subochev V.V.* Legitimate interests. Moscow: Norma, 2008. 237 p.
16. *Matuzov N.I.* Legal system and personality. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 1987. 293 p.
17. *Vitruk N.V.* Fundamentals of the theory of the legal status of the individual in a socialist society. Moscow: Norma, 2008. 229 p.
18. *Zelentsov A.B.* Legitimate interests in the sphere of public law: the concept and legal protection. Vestnik RUDN. Ser.: Legal science. 2009. No. 5. P. 37–45.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10006

УДК 340.1

М.В. Яковлев

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: исключительность возложенных на войска задач по обеспечению государственной и общественной безопасности, охране прав и свобод человека и гражданина, что предполагает непосредственную включенность военнослужащих в социальное пространство, определяет актуальность исследования данной тематики. Росгвардия — самостоятельное мощное военизированное формирование, предназначенное прежде всего для обеспечения внутренней безопасности государства, общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина от противоправных посягательств. Указанная специфика возложенных обязанностей и тесный, как правило, контакт с населением выводят вопрос о профессиональной правовой культуре военнослужащих Росгвардии на уровень особой актуальности. **Цель:** формирование авторского понимания природы и специфики профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии. **Методологическая основа:** основным методом исследования является формально-юридический. В дополнение к нему применяются системно-структурный и деятельностный подходы. **Результаты:** предложено авторское понимание природы и специфики профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии, а также выделяются основные условия и средства ее повышения. **Выводы:** в исследовании проблем профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии представляется необходимым обращение к понятийной конструкции «механизм формирования профессиональной правовой культуры». Профессиональная правовая культура военнослужащих войск Росгвардии формируется комплексно на установочно-идеологическом, целевом, потребностно-мотивационном, познавательном-воспитательном уровнях. Под профессиональной правовой культурой военнослужащих войск Росгвардии предлагается понимать их внутреннее отношение к праву и правовым ценностям, выражающееся в качественных формализованных знаниях законодательства, в понимании целей и средств механизма правового регулирования, заключающихся в оперативном и качественном исполнении предметно-фактической служебной деятельности, в безупречном выполнении воинских обязанностей, достижении поставленных служебных задач, а в материальном аспекте — в правовых актах, регламентирующих несение службы, исторических памятниках военного дела, музейных экспонатах, архивных документах, печатных изданиях и др.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, профессиональная правовая культура, механизм формирования профессиональной правовой культуры.

M. V. Yakovlev

ON THE ISSUE OF PROFESSIONAL LEGAL CULTURE
ON THE EXAMPLE OF MILITARY PERSONNEL
OF THE FEDERAL SERVICE OF THE NATIONAL GUARD
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the exclusivity of the tasks assigned to the troops to ensure state and public security, protection of human and civil rights and freedoms, the implementation of which involves the direct involvement of military personnel in the social space, determines the relevance of the study of this topic. Rosgvardiya is an independent, powerful paramilitary force designed primarily to ensure the internal security of the state, public security, and protection of human and civil rights and freedoms from illegal encroachments. The specified specifics of the assigned duties and close, as a rule, contact with the population bring the issue of professional legal culture of the rosgvardiya military personnel to the level of special relevance. **Objective:** formation of the author's understanding of the nature and specifics of the professional legal culture of military personnel of the Russian Guard. **Methodology:** the main method of research is formal-legal. In addition, system-structural and activity-based approaches are used. **Results:** the author's understanding of the nature and specifics of the professional legal culture of military personnel of Rosgvardiya is proposed, as well as the main conditions and means of its improvement are highlighted. **Conclusions:** in the study of problems of professional legal culture of military personnel of the Russian state Guard, it is necessary to refer to the conceptual structure «mechanism of formation of professional legal culture». Professional legal culture of military personnel of the Russian Guard troops is formed in a complex way at the installation and ideological; target; need-motivational; cognitive and educational levels. It is proposed to understand the professional legal culture of military personnel of the Rosgvardiya troops as their internal attitude to law and legal values, expressed in qualitative formalized knowledge of the legislation, in understanding the goals and means of the legal regulation mechanism, manifested in the operational and qualitative performance of their substantive and actual service activities, in the faultless performance of military duties, achievement of assigned service tasks, and in the material aspect - legal acts regulating the service, historical monuments of military Affairs, Museum exhibits, archival documents, printed publications, etc.

Key-words: legal culture, legal awareness, professional legal culture, mechanism of formation of professional legal culture.

Культура как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных, признаваемых и оберегаемых людьми, существовала всегда. Государственная организация общества, имея основным регулятором общественных отношений право, позволяет говорить о правовой культуре. Взаимодействуя с наиболее общими социальными нормами, включая нормы, отраженные в общественной культуре, правовая культура проявляет себя как посредник и проводник при трансформации норм общественной культуры в правовое облачение, как и хранилище собственных правовых ценностей и достижений.

Для современной России вопросы правовой культуры (всех ее видов) имеют первостепенное, жизненно важное значение. Правосознание и правовая культура выступают идейными источниками любого начинания в юридической сфере. Из описания российской государственно-правовой действительности оправданное беспокойство вызывают следующие аспекты: состояние законности и правопо-

рядка; укоренение в сознании граждан позиций правового нигилизма, конформных, маргинальных мотивов правомерного поведения, слабость права перед политической властью. Этим и другим актуальным для нашей страны проблемам можно найти объяснение и объяснить пути улучшения ситуации через анализ указанных аспектов с точки зрения правовой культуры и правосознания.

Потенциальные угрозы государственной и общественной безопасности, детерминированные геополитическими факторами, а также активизация аполитических деструктивных сил выступили объективными факторами для значимых изменений в структуре федеральных органов исполнительной власти, к числу которых относится создание новой правоохранительной структуры государства — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации¹. На войска национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) возлагается участие в охране общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации; участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом; участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции; федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности. Иные задачи на войска национальной гвардии могут быть возложены решениями Президента Российской Федерации.

Актуальность выбранной проблематики подкрепляется и своевременностью исследования профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии. Ведомство, имея материальную, техническую, административную основу, перешедшую от внутренних войск МВД России, все же формируется с нуля, и то, какие принципы, идеи, установки будут заложены в основу службы, какие морально-нравственные, этические, профессиональные нормы будут приветствоваться в воинском коллективе имеет важное значение для граждан России как в мирное, так и в военное время.

Имеющиеся доктринальные источники не проясняют в полной мере общего и особенного в профессиональной правовой культуре, ее сущности, не дают возможности сконструировать общую теорию, модель профессиональной правовой культуры. На современном уровне общетеоретических юридических знаний о профессиональной правовой культуре, их недостаточности для обобщения и выявления закономерностей представляется целесообразным исследовать профессиональную правовую культуру в индивидуальном и групповом подвиде.

Анализ термина «правовая культура» можно проводить согласно ряду основных подходов, известных в отечественной литературе. Так, в рамках антропологического подхода правовая культура рассматривается как процесс и результат деятельности человека, выражающийся в создании и утверждении правовых ценностей [1, с. 6, 18], их суммарной, количественной характеристике. Функциональный подход указывает на роль, назначение, регулятивный потенциал право-

¹ См.: Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 14 сентября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 22, ст. 2754; 2018. № 38, ст. 5834; Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (в ред. от 11 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. I, ст. 4159; 2018. № 42, ч. II, ст. 6378.

вой культуры [2, с. 124–132; 3, с. 8–10]. При социологическом подходе правовая культура рассматривается в общественном и личном плане как элемент и среда существования человека в системе межличностных отношений [4, с. 495–496].

Военнослужащие представляют обособленную, четко очерченную в социальном пространстве группу людей. Выделению военнослужащих войск национальной гвардии России в обособленную социальную группу способствуют следующие факторы: специфика выполняемой деятельности и поставленных задач; особая психо-эмоциональная атмосфера деятельности; наделение этих военнослужащих специальным правовым статусом; наличие обособленного массива правовых актов, регулирующих служебные и связанные с данным правовым статусом отношения; особенности повседневной жизни, обусловленные военной службой. Названные особенности свидетельствуют о существовании такого феномена, как профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии России и возможности рассмотрения ее в качестве примера научного исследования.

Мы разделяем мнение об отождествлении структуры правовой культуры со всей правовой надстройкой [5, с. 63; 6, с. 10–11] и закрепляем скелет правовой культуры в таких элементах, как правосознание, право и юридическая деятельность. Но по содержанию правовая система общества и правовая культура не совпадают, поскольку в понятие правовой культуры входят лишь прогрессивные правовые ценности и достижения. Таким образом, правовая культура — это форма выражения и объективации качественного состояния правовой системы общества. Правосознание как элемент профессиональной правовой культуры военнослужащего войск национальной гвардии характеризует юридически верное, адекватно «квалифицированное» восприятие существующей правовой идеологии, а правовую психологию составляют чувства патриотизма, воинского братства и гордости присутствия в нем, высокой ответственности перед государством, обществом, товарищами и др.

Обобщая накопленные знания в общей теории права по проблеме профессиональной правовой культуры, выделим ее наиболее важные, на наш взгляд, содержательные аспекты применительно к военнослужащим войск национальной гвардии России.

1. Правосознание как элемент профессиональной правовой культуры военнослужащего характеризует не просто знание и понимание законодательства, а доскональные формализованные знания федерального законодательства о военной службе, воинских уставов, требований присяги, приказов и распоряжений вышестоящего руководства, инструкций и др.

2. Важной характеристикой профессиональной правовой культуры является ее форма, то есть внешнее выражение и проявление вовне. Духовная форма профессиональной правовой культуры военнослужащих войск национальной гвардии России составляет внутреннюю детерминанту военной службы в целом. Она содержится на уровне сознания, характеризуется пониманием правовых предписаний, активным и убежденным их восприятием. Это ни в коем случае не конформистское, пассивное, безразличное выполнение воинского долга. Требованиям профессиональной правовой культуры будет отвечать именно личное восприятие, внутреннее согласие с требованиями воинской службы, их высокая морально-нравственная оценка.

3. Материальная форма профессиональной правовой культуры военнослужащих войск национальной гвардии России заключается не только в самих правовых актах. История военного дела получает свое материальное воплощение в музейных экспонатах, архивных документах, печатных изданиях и др. Организационную основу профессиональной правовой культуры образно можно представить проводником и средством доступа и передачи духовной и материальной форм правовой культуры в их единстве субъекту. Внешним проявлением материальной и духовной компонент являются безупречное выполнение воинских обязанностей, достижение поставленных служебных задач, безусловная реализация основных прав и свобод человека и гражданина, комфортное пребывание военнослужащего в рассматриваемой среде.

4. В исследовании проблем профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии представляется необходимым также оперирование категорией «механизм формирования профессиональной правовой культуры». Термин «механизм» позволяет отразить содержательную, структурную, временную, организационную специфику процесса формирования культуры в их единстве и взаимосвязи. А также указать на обратную связь и влияние профессиональной правовой культуры на качество составляющих ее элементов. Становление профессиональной правовой культуры военнослужащих войск Росгвардии мы представляем как последовательный, системно организованный процесс влияния определенных факторов и условий среды (внутренних и внешних, субъективных и объективных) на когнитивные, психоэмоциональные, мотивационные, поведенческие характеристики военнослужащего. При этом мы не можем говорить о возможном полном конструировании характеристик по заданным параметрам, но считаем, что процесс формирования профессиональной правовой культуры является открытым для эффективного внешнего воздействия. Механизм формирования профессиональной правовой культуры военнослужащих войск национальной гвардии России мы предлагаем понимать как совокупность упорядоченных, последовательных, взаимосвязанных процедур и мероприятий, воздействующих на личность военнослужащего методами и средствами психологии, образования, воспитания с целью достижения соответствия качественных характеристик личности необходимым (требуемым) критериям военной службы и профессиональной правовой культуры.

5. Начальной точкой отсчета процесса формирования правовой культуры нам представляется профессиональная идентификация, которая состоит в отождествлении военнослужащим себя с системой норм и ценностей военной службы, сложившимися историей, культурой и традициями войск, т.е. отождествление себя с конкретной профессией и профессиональным сообществом. Сформированная профессиональная идентичность проявляется в принятии избранной профессии в качестве средства самореализации и развития, в принятии ценностей военной службы, в успешной органичной профессиональной адаптации, в ощущении значимости членства в профессиональной группе, в отсутствии противоречий между служебно-боевыми требованиями к военнослужащему и его желаниями (возможностями). Сформированная профессиональная идентичность выступает позитивной предпосылкой формирования высокой профессиональной культуры.

6. Профессиональная правовая культура военнослужащих войск Росгвардии формируется комплексно на установочно-идеологическом, целевом, потребностно-мотивационном; познавательном-воспитательном уровнях. На каждом из них

воздействие средствами и приемами направлено на достижение конкретного объекта-цели. К объектам-целям относятся: правовая грамотность, правосознание, дисциплинированность, правомерное поведение, социально-правовая активность и др. Содержательно-деятельностный и оценочно-результативный блоки логически завершают механизм формирования профессиональной правовой культуры, предоставляя возможность установить соответствие личностных характеристик военнослужащего ее критериям. Воспроизводство системы правовых ценностей индивидом за счет его активной деятельности, включения в социальную среду, трансляция профессиональной правовой культуры вовне происходит на последних двух стадиях.

С учетом изложенного представляется наиболее точным понимание профессиональной правовой культуры военнослужащих войск Росгвардии в качестве их внутреннего отношения к праву и правовым ценностям, выражающегося в качественных формализованных знаниях законодательства, в понимании целей и средств механизма правового регулирования, заключающихся в оперативном и качественном исполнении своей предметно-фактической служебной деятельности, в безупречном выполнении воинских обязанностей, достижении поставленных служебных задач, а в материальном аспекте — в правовых актах, регламентирующих несение службы, в истории военного дела, музейных экспонатах, архивных документах, печатных изданиях и др.

В деле же повышения эффективности системы воспитания военнослужащих Росгвардии надлежит выделить следующие основные условия и инструменты: наличие государственных подходов к государственно-патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации, будущих призывников и новобранцев; личный пример уважения и трепетного отношения к ценностям военной службы; осуществление целенаправленной государственной социальной политики в отношении военнослужащих и членов их семей; соответствующее современным требованиям кадровое, финансовое и материально-техническое обеспечение воспитательного процесса в войсках; совершенствование подготовки субъектов воспитания; оптимизация организационно-штатной структуры по работе с личным составом, уточнение ее функций и задач; повышение личной ответственности командиров (начальников) за воспитание подчиненных, совершенствование стиля их педагогической деятельности.

Библиографический список

1. *Вопленко Н.Н.* Правосознание и правовая культура: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2000. 50 с.
2. *Мамонтов С.П.* Основы культурологии. М.: Олимп: ИНФРА-М, 1999. 317 с.
3. *Баумова М.Г.* Функции правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 27 с.
4. *Куликова А.В.* Правовая культура в рамках социологического подхода: содержание понятия, его особенности // Вестник ННГУ. Социологические науки. 2006. № 1. С. 228–234.
5. *Сальников В.П.* Правовая культура // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. С. 495–512.
6. *Сальников В.П.* Правовая культура: Теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л.: Ленинградский государственный университет, 1990. 35 с.

References

1. *Voplenko N.N.* legal Awareness and legal culture: a textbook. Volgograd: Publishing house of the Volgograd state University, 2000. 50 p.
2. *Mamontov S.P.* Fundamentals of cultural studies. Moscow: Olimp: INFRA-M, 1999. 317 p.
3. *Baumova M.G.* Functions of legal culture: autoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. N. Novgorod, 2005. 27 p.
4. *Kulikova A.V.* Legal culture in the framework of the sociological approach: the content of the concept, its features. Vestnik NNSU. Sociological Sciences. 2006. No. 1. P. 228–234.
5. *Salnikov V.P.* Legal culture // General theory of law: a course of lectures. N. Novgorod: publishing house of the Nizhny Novgorod higher school of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 1993. P. 495–512.
6. *Salnikov V.P.* Legal culture: Theoretical and methodological aspect: autoref. dis. ... d-RA yurid. sciences'. L.: Leningrad state University, 1990. 35 p.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10007

УДК 342.7

В.С. Хижняк

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: неправительственные организации (далее — НПО) являются институтами гражданского общества, деятельность которых необходима для реализации демократических принципов, создания условий для полноценного развития личности. Вопрос о правовом статусе этих образований является актуальным для науки как международного, так и для науки конституционного права. При этом международно-правовое регулирование этого статуса оказывает влияние и на его конституционно-правовое регулирование. **Цель:** на основе анализа международных документов выявить существующие в настоящее время международные стандарты регулирования правового статуса международных организаций, их содержание и особенности их применения в Российской Федерации. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** на основе анализа международно-правовых документов было выявлено содержание международно-правовых стандартов в рассматриваемой сфере, а на основе анализа российского законодательства и правоприменительной практики освещены проблемы реализации международно-правовых стандартов в рассматриваемой сфере и предложены пути их решения. **Выводы:** в современном международном праве существуют довольно четкие международно-правовые стандарты правового статуса неправительственных организаций. В Российской Федерации существует ряд проблем, связанных с реализацией этих стандартов на ее территории.

Ключевые слова: международное право, конституционное право России, международно-правовые стандарты, правовой статус, неправительственные организации, международные обязательства государств, права человека.

© Хижняк Вероника Сергеевна, 2020

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: veronika_h@mail.ru

© Khizhnyak Veronika Sergeevna, 2020

Doctor of law, Professor, Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

V.S. Khizhnyak**INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR REGULATING THE LEGAL STATUS OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AND CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN**

Background: non-governmental organizations (hereinafter — NGOs) are civil society institutions whose activities are necessary for the implementation of democratic principles, creating conditions for the full development of an individual. The question of the legal status of these entities is relevant both for the science of international and for the science of constitutional law. At the same time, the international legal regulation of this status has impacts on its constitutional and legal regulation. **Objective:** based on the analysis of international documents, to identify the currently existing international standards for regulating the legal status of international organizations, their content and features of their application in the Russian Federation. **Methodology:** the dialectical method of scientific knowledge, systemic, formal legal, comparative legal research methods. **Results:** based on the analysis of international legal documents, the content of international legal standards in the area under consideration was revealed, and based on the analysis of Russian legislation and law enforcement practice, the problems of implementing international legal standards in the field under consideration were highlighted and ways to solve them were proposed. **Conclusions:** in modern international law, there exist clear international legal standards for the legal status of non-governmental organizations. In the Russian Federation, there are a number of problems associated with the implementation of these standards on its territory.

Key-words: international law, international legal standards, legal status, non-governmental organizations, international obligations of states, human rights.

Неправительственные организации (далее — НПО) — неотъемлемый институт гражданского общества, т.к. они являются выразителями общественного мнения, мнения различных категорий населения страны. В настоящее время они существуют во многих государствах, в т.ч. и в Российской Федерации. При этом в российском законодательстве нет термина «неправительственная организация», но в нем есть такие понятия, как «общественное объединение» и «некоммерческая организация». В то же время следует согласиться с В.В. Овсепяном в отношении того, что в международных документах под НПО понимают частные организации, которые осуществляют свою деятельность, направленную на поддержку интересов бедных, защиту окружающей среды, предоставление элементарных социальных услуг и т.д. Поэтому некоммерческие организации и общественные объединения, правовой статус которых определен в российском законодательстве, по сути относятся к неправительственным организациям [1, с. 86].

Совершенствование конституционно-правового регулирования деятельности НПО в Российской Федерации необходимо для целей развития демократии и гражданского общества. При этом необходимо учитывать международно-правовые стандарты в этой области, которые являются обязательными для России в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Международно-правовые стандарты обычно определяются как минимальная совокупность прав и обязанностей, предусмотренных международными документами. Государства-участники таких документов должны воплощать эти стандарты в своем законодательстве в силу одного из основных принципов

международного права — принципа добросовестного соблюдения международных обязательств. При этом они могут расширить перечень прав или правомочий субъектов по сравнению с тем, который предусмотрен в международных соглашениях, но не могут закрепить их меньшее количество [2, с. 164].

В международном праве так же, как и в национальном праве Российской Федерации, закрепляется свобода общественных объединений. Она предусмотрена в ст. 20 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в качестве права на свободу мирных собраний и ассоциаций. Здесь же содержится запрет на принуждение к вступлению в какую-либо ассоциацию¹. Содержится это право и в Международном пакте о гражданских и политических правах, в него включается и право создавать профсоюзы. В то же время согласно ч. 2 т. 22 этого документа государство может ограничить данное право «в интересах государственной или общественной безопасности»².

В ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод это право сформулировано практически так же, как и в Международном пакте о гражданских и политических правах. В данной статье указывается, что Конвенция не препятствует законным ограничениям этого права, осуществляемым полицией, вооруженными силами или административными органами государства³.

В ст. 12 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека данное право также установлено и также говорится, что ограничения могут быть обусловлены только законом в интересах общественной безопасности, порядка, охраны здоровья и нравственности, защиты прав и свобод других лиц⁴.

В Конвенции № 87 Международной организации труда «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» предусмотрено право на объединение в профсоюзы. Согласно этой Конвенции, работники и работодатели могут создавать профсоюзы без предварительного разрешения, а государство должно им это право гарантировать (ст. 2 и ст. 11)⁵.

В Конвенции Международной организации труда № 98 «О применении принципов права на объединение в профсоюзы» запрещается дискриминация, направленная на ущемление свободы профсоюзного движения при приеме на работу (ст. 1). Государства должны осуществлять меры, направленные на поощрение

¹ См.: Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. // Права человека: сборник международных договоров. ООН. Нью-Йорк; Женева, 2002 г. Т. 1 С. 4. С. 330.

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах. // Права человека. Сборник международных договоров. ООН. Нью-Йорк; Женева, 2002 г. Т. 1. С. 23

³ См.: Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950. // Сборник международных правовых актов, законодательных актов и нормативных правовых актов Российской Федерации в области регулирования и защиты прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / сост. М.А. Тодышев, Н.М. Печенина. Новокузнецк: ООО «СибЛогоТранс», 2009. С. 50. 276 с.

⁴ См.: Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека. 26 мая 1996 г. Официальный сайт исполнительного комитета СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=11326> (дата обращения: 18.09.2019).

⁵ См.: Конвенция № 87 Международной организации труда «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы». URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c087_ru.htm; Конвенция МОТ 98 о применении принципов права на объединение в профсоюзы. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c098_ru.htm (дата обращения: 18.09.2019).

проведения переговоров между организациями работодателей и организациями работников (ст. 4)⁶.

В рамках ОБСЕ есть несколько документов, в которых говорится о свободе общественных объединений. Так, в Заключительном Акте Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.⁷ и Мадридском итоговом документе 1983 г. говорится о правах религиозных объединений, профсоюзов и их участников⁸. В Венском Итоговом документе 1989 г. установлены обязанности государства уважать право своих граждан «самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав человека и основных свобод», а также уважать права религиозных объединений⁹. В документе Копенгагенского совещания 1990 г. гарантируется право на ассоциацию¹⁰. Все эти документы устанавливают в международном праве стандарт свободы общественных объединений. В то же время, если документ не имеет обязательной юридической силы для государства, оно может ориентироваться на его положения как на принятый в международном праве стандарт.

В международном праве на универсальном уровне урегулирован статус международных НПО, но документы, касающиеся правового статуса как национальных, так и международных общественных объединений, существуют только на региональном уровне; в то же время из анализа международных документов следует, что НПО являются некоммерческими организациями.

Наиболее полно правовой статус неправительственных организаций раскрыт в таких региональных документах, как «Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе»¹¹ и «Основные руководящие принципы свободы объединения в отношении неправительственных организаций» Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ¹².

Анализируя эти документы, можно прийти к выводу, что, во-первых, в международном праве существует стандарт права человека на объединение, в который входит:

- 1) добровольность создания объединений, участия в них и прекращения членства;
- 2) запрет принуждения к участию в каких-либо объединениях;

⁶ См.: Конвенция Международной организации труда № 98 «О применении принципов права на объединение в профсоюзы». URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c098_ru.htm (дата обращения: 18.09.2019).

⁷ См.: Заключительный Акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 18.09.2019).

⁸ См.: Мадридский итоговый документ (1983). URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/id/14543> (дата обращения: 18.09.2019).

⁹ См.: Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшийся на основе положений Заключительного Акта, относящихся к дальнейшим шагам после Сопещения. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16045#041300273019479> (дата обращения: 18.09.2019).

¹⁰ См.: Документ Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген, 29 июня 1990 года. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016861 (дата обращения: 18.09.2019).

¹¹ См.: Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/37859?download=true> (дата обращения: 18.09.2019).

¹² См.: Основные руководящие принципы свободы объединения в отношении неправительственных организаций. URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/Osnovnyerukovodyashhie-printsipy-OBSE1.pdf> (дата обращения: 18.09.2019).

3) возможность ограничения этого права в целях безопасности общества и государства и защиты иных прав и свобод человека;

4) возможность установления законодательного ограничения на участие в объединениях для некоторых категорий лиц, если это несовместимо с занимаемой ими должностью¹³.

Во-вторых, в международном праве существует стандарт правового регулирования правового статуса НПО. В первую очередь этот стандарт оказывает влияние на конституционно-правовое регулирование данного вопроса, поэтому можно говорить о его влиянии именно на конституционно-правовой статус НПО.

Этот стандарт существует на региональном (европейском) уровне, и в него входят нормы, устанавливающие права НПО:

- а) право на государственную регистрацию в установленном законом порядке;
- б) право на получение решения о регистрации или отказа в ней в письменном виде;
- в) право обжаловать решение об отказе в регистрации в суде;
- г) право быть зарегистрированными независимыми органами (например судом);
- д) право создавать свои филиалы как в своей стране, так и за рубежом;
- е) право получать финансирование от государства, юридических и физических лиц, в том числе из-за рубежа;
- ж) право самостоятельно определять срок своей деятельности и принимать решение о ликвидации НПО;
- з) право участвовать в конструктивном диалоге с государством по вопросам, относящимся к их сфере деятельности;
- и) право получать от государства информацию, необходимую для их деятельности;
- к) право обжаловать действия государства в их отношении в предусмотренном законом порядке;
- л) презумпция законности деятельности НПО до тех пор, пока не будет доказано иное¹⁴.

В международном стандарте нашли свое отражение и обязанности неправительственных организаций:

- а) предоставлять государству необходимую для регистрации информацию, в форме, не противоречащей законодательству.
- б) предоставлять государству достоверную информацию о своей деятельности;
- в) обязанность раскрывать свои источники финансирования и предоставлять отчет об использовании полученных средств;
- г) соблюдать законодательство государств, на территории которых они действуют, воздерживаться от каких-либо действий, направленных против безопасности этого государства, его населения, общественного порядка, демократических принципов;
- д) способствовать установлению диалога между институтами гражданского общества и органами государства¹⁵.

¹³ См.: Основные руководящие принципы свободы объединения в отношении неправительственных организаций. URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/Osnovnyeyarukovodyashhie-printsipy-OBSE1.pdf> (дата обращения: 18.09.2019).

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же.

Кроме того, международное право закрепляет равенство всех неправительственных организаций и юридическую ответственность должностных лиц и сотрудников НПО за ненадлежащее выполнение своих обязанностей.

В международный стандарт правового регулирования правового статуса НПО следует включать также права и обязанности самих государств. К правам государства можно отнести:

- а) право требовать от НПО достоверную и полную информацию, необходимую для их регистрации;
- б) право требовать соблюдения своего законодательства и общественного порядка;
- в) право требовать информацию об источниках финансирования и о расходах денежных средств, предоставленных государством;
- г) право применять к неправительственным организациям санкции за нарушение своего законодательства вплоть до их ликвидации;
- д) право предоставлять им финансовую помощь или гранты¹⁶.

Обязанности государства в этой сфере таковы:

- а) регистрировать неправительственные организации, предоставившие необходимые сведения о себе в соответствии с национальным законодательством;
- б) сообщать в письменной форме об отказе в регистрации;
- в) предоставить возможность защищать свои права в судебном и внесудебном порядке, в том числе обжаловать решение об отказе в регистрации;
- г) не препятствовать в получении помощи из-за рубежа, если порядок ее предоставления не противоречит законодательству государства, на территории которого действует неправительственная организация;
- д) предусмотреть возможность регистрации данных организаций независимыми органами (например, судебными);
- е) не заставлять проходить перерегистрацию;
- ж) предусмотреть в законодательстве разные санкции в отношении НПО и применять к ним такую меру, как ликвидация, только в исключительных случаях¹⁷.

Следует отметить, что по большей части эти стандарты учтены в российском законодательстве за исключением возможности регистрации данных организаций независимыми органами.

Международной гарантией защиты прав НПО является возможность их обращения в международные судебные органы. Основным подобным органом, в который физические лица могут самостоятельно обратиться за защитой своих прав, является Европейский Суд по правам человека при Совете Европы. Следует отметить, что за время своей деятельности этот орган рассмотрел несколько дел, касающихся нарушения ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, однако все они касаются скорее права на свободу выражения мнения, обязанности государств защищать права человека, чем самой свободы деятельности НПО.

¹⁶ См.: Основные руководящие принципы свободы объединения в отношении неправительственных организаций. URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/Osnovnye-rukovodyashhie-printsipy-OBSE1.pdf> (дата обращения: 18.09.2019).

¹⁷ См.: основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnye-akty-o-pravovom-statuse-npo/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/408002 (дата обращения: 18 сентября 2019 г.); Документ Московского Совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739140> (дата обращения: 18.09.2019).

К таким делам относятся: «Пьермон против Франции» (27 апреля 1995 г.), «Лоизиду против Турции» (18 декабря 1996 г.), «Тараненко против России» (15 мая 2014 г.), «Навальный против России» (2 февраля 2017 г.). Во всех этих делах речь идет о задержании граждан во время или после демонстрации, которая была разрешена властями. В деле «Пьермон против Франции» гражданка Германии была выдворена из французской Полинезии и ей запретили въезжать в Новую Каледонию¹⁸. Однако ни в одном из этих дел речь не идет о неправомерном запрете деятельности каких-либо общественных объединений или некоммерческих организаций.

Что касается применения международных стандартов в сфере правового регулирования правового статуса НПО, то следует указать на право Конституционного Суда Российской Федерации признавать неконституционными решения международных органов и организаций. В свете рассмотрения проблем конституционно-правового регулирования правового статуса НПО в России и влияния на него международно-правовых стандартов необходимо отметить, что соответствующие решения принимаются международными судебными органами, исходя из норм международного права, регулирующих правовой статус рассматриваемых субъектов, и признание этих решений неконституционными ставит под вопрос конституционность соответствующих международно-правовых норм. Подобное решение может быть истолковано и как отказ России от ее международных обязательств. В то же время решения, принимаемые международными органами и организациями, часто основываются на субъективном понимании этих стандартов судьями соответствующих органов и могут преследовать политические цели. Защита конституционного строя России, с одной стороны, и защита прав граждан на объединение — с другой, а также необходимость соблюдения Россией международных стандартов требуют от судей Конституционного Суда принятия взвешенных решений при признании неконституционными решений международных органов и организаций, затрагивающих вопросы деятельности неправительственных организаций.

Наибольшее значение при рассмотрении проблемы конституционно-правового регулирования правового статуса неправительственных организаций в России имеет постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г.¹⁹ В этом деле Конституционный Суд РФ признал непротиворечащими Конституции РФ п. 6 ст. 2, абз. 2 п. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» и части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях», т.к. они направлены на «установление прозрачности деятельности некоммерческих организаций, получающих денежные средства от иностранных источников и участвующих в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации», «не препятствуют некоммерческим организациям свободно изыскивать и получать денежные средства как от иностранных, так и от российских источников», «исходят из презумпции законности и

¹⁸ См.: Решения ЕСПЧ. URL: <https://roseurosud.org> (дата обращения: 18.09.2019).

¹⁹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2014 г. по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В. П. Юкечева // Российская газета. 2014 г. 18 апр.

добросовестности деятельности некоммерческих организаций и не лишают их права на судебную защиту от необоснованных требований органов юстиции или прокуратуры»²⁰.

Следует отметить, что в этом постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что если иностранная некоммерческая организация не ставит целью своей деятельности на территории Российской Федерации «воздействие на государственную политику или на формирование общественного мнения, то ее деятельность не должна считаться политической»²¹. То есть Конституционный Суд указывает на то, что принятие решения о запрете деятельности иностранной НПО не должно приниматься лишь на основании того, что она зарегистрирована в другом государстве, и не должно быть политизированным. Это свидетельствует об осознании судьями данного судебного органа необходимости принятия взвешенных решений по данному вопросу. При этом Конституционный Суд РФ сослался на постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Жечев против Болгарии» от 21 июня 2007 г., в котором указывается, что понятие политической деятельности может соответствовать принципам законности, если его содержание достаточно ясно раскрыто в законодательстве. В то же время следует признать справедливым мнение, что в российском законодательстве четкое понятие политической деятельности отсутствует [3, с. 23].

Примечательно, что в обоснование указанного выше решения Конституционный Суд Российской Федерации сослался не только на решения международного судебного органа, но и на международные стандарты в сфере конституционно-правового регулирования правового статуса неправительственных организаций. Таким образом, в данном постановлении не решается проблема определения в законодательстве некоторых терминов, неоднозначное толкование которых может негативно сказаться на конституционно-правовом регулировании правового статуса НПО в России. В тексте указывается на четкость содержания норм российского законодательства, при этом из него же следует, что в российском праве есть серьезные проблемы в определении содержания понятий и правовых категорий, связанных с конституционно-правовым регулированием в данной сфере. Следовательно, отсутствие четкого понятийного аппарата и пробелов в праве в рассматриваемой области представляет собой наиважнейшую проблему и для конституционно-правового регулирования правового статуса НПО, и для реализации международно-правовых стандартов в данной сфере на территории Российской Федерации.

Одной из основных проблем, касающихся применения международно-правовых стандартов регулирования правового статуса НПО, в России является отсутствие в российском национальном законодательстве термина «неправительственная организация». В международном праве этот термин закрепляется в Уставе ООН — документе, имеющем обязательную юридическую силу для Российской Федерации²². Кроме того, рассматриваемое понятие охватывает уже существующие в отечественном законодательстве термины «общественные объединения и организации» и «неправительственные организации». Учитывая

²⁰ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2014 г. // Российская газета. 2014 г. 18 апр.

²¹ См.: Там же.

²² См.: Устав ООН. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 18.09.2019).

то, что деятельность подобных субъектов может осуществляться в нескольких странах, следует признать, что введение в российское законодательство термина «неправительственная организация» будет способствовать совершенствованию конституционно-правового механизма регулирования деятельности неправительственных организаций. «Терминологическая унификация поможет более четко структурировать законодательство, регламентирующее деятельность соответствующих организаций и их взаимоотношения с другими субъектами конституционных правоотношений» [4, с. 44].

Кроме того, в понятии, установленном в Федеральном законе РФ «Об общественных объединениях»²³, не делается различия между международной и иностранной некоммерческой организацией. Международная НПО объединяет субъектов из различных государств (разной национальности), иностранная НПО — юридическое лицо, зарегистрированное в иностранном государстве, других иностранных субъектов не объединяющие. Установление в российском законодательстве более точных понятий будет способствовать совершенствованию конституционно-правового регулирования правового статуса неправительственных организаций в России, поэтому для реализации международных стандартов правового регулирования в российском законодательстве следует закрепить понятие «неправительственная организация» и разграничить такие понятия, как «международная неправительственная организация» и «иностранная неправительственная организация», дать четкое определение понятия «политическая деятельность».

Еще одной проблемой является разбросанность норм, регулирующих правовой статус подобных организаций, по разным нормативно-правовым актам. В современной юридической литературе отмечается, что искусственность объединения различных форм некоммерческих организаций в едином специальном законе, «фрагментированность и несистемность профильного законодательства субъектов Российской Федерации свидетельствуют о потребности внутренне согласовать систему законодательства об НКО» [5, с. 234]. В силу этого можно предложить, разработать и принять в Российской Федерации единый закон о правовом статусе НПО, но, с учетом указанных различий, между существующими в настоящий момент организациями. Кроме того, следует закрепить возможность регистрации данных организаций независимыми органами (например, судебными), для приведения в российское законодательство в полное соответствие с международными стандартами.

Библиографический список

1. *Овсепян В.В.* Проблема классификации НПО // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2016. № 2. С. 77–86.
2. *Мовчан А.П.* Принципы всеобщего уважения прав человека и основных свобод // Курс международного права: в 7 т. / В.Н. Кудрявцев (гл. ред.). М.: Наука, 1989 г. Т. 2. Основные принципы международного права. 239 с.
3. *Михайлов В.К.* Критический взгляд на позицию Конституционного Суда по условиям признания некоммерческой организации иностранным агентом // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 17–29.

²³ См.: Федеральный закон РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

4. *Хижняк В.С.* Понятие «неправительственная организация» в Конституционном праве Российской Федерации и Республики Казахстан // Юрист-Правовед. 2019. № 2. С. 38–44.

5. Некоммерческие организации в международном и национальном праве / Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я., Капустин А.Я. и др.; под ред. Хабриевой Т.Я., Чиркина С.В. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2017. 304 с.

References

1. *Ovsepyan V.V.* The Problem of Classification of NGOs // Bulletin of RUDN University. Political Science Series. 2016. № 2. P. 77–86.

2. *Movchan A.P.* Principles of Universal Respect for Human Rights and Fundamental Freedoms // Course of international law: in 7 vols. V. 2. Basic principles of international law / V.N. Kudryavtsev (ed.). Moscow: Nauka, 1989. 239 p.

3. *Mikhailov V.K.* Critical View on the Position of the Constitutional Court on the Conditions of Recognition of a Non-profit Organization as a Foreign Agent // Law and modern States. 2015. № 1. P. 17–29.

4. *Khizhnyak V.S.* The Concept of “Non-governmental Organization” in the Constitutional Law of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. 2019. №. 2. P. 38–44.

5. Non-profit Organizations in International and National Law / Naryshkin S.E., Khabrieva T.Ya., Kapustin A.Ya., etc.; ed. by Khabrieva T.Ya., Chirkina S.V. M.: IZiSP under the government of the Russian Federation: Norm: INFRA-M, 2017. 304 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10008

УДК 342

Е.А. Отставнова

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ЗАБОТИТЬСЯ О РОДИТЕЛЯХ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, АЗИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение: в статье рассмотрены конституционно-правовые и морально-нравственные основы заботы трудоспособных детей о нетрудоспособных родителях в странах Европы, Азии и России. Анализируются Конституции и законодательство зарубежных государств и Российской Федерации в данной сфере общественных отношений. **Цель:** выявить истоки обязанности заботиться о родителях в странах с различными политическими режимами, установить виды факторов, влияющих на данный процесс; определить, какие из них оказывают наибольшее влияние на исполнение данной конституционной обязанности в России. **Методологическая основа:** выводы опираются на данные социологических и научных исследований, проводимых социологами, юристами, культурологами с применением диалектического, сравнительного и системного методов исследования. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно факторов, влияющих на формирование и исполнение конституционной обязанности трудоспособных детей заботиться о нетрудоспособных родителях в странах с различными формами правления и политическими режимами, установлены правовые и нравственные основы исполнения данной обязанности в России. **Выводы:** в статье показано, что решение данного вопроса напрямую зависит от состояния института семьи в государстве. На данный момент в странах Европы интересы отдельного человека превалируют над интересами общества, в них происходит разрушение традиционной семьи, ее ценностей, что ведет к разрыву семейных связей, и связи поколений. В этих странах забота о нетрудоспособных родителях ложится в основном, на государство. В странах Азии на институт семьи значительное влияние оказывают традиции и религия, что ведет к сохранению традиционных семейных ценностей и преобладанию ответственности за достойную жизнь родителей детей. Россия как многонациональное государство, сочетает в себе некоторые западные ценности с традиционными и религиозными. Забота о нетрудоспособных родителях в России зависит от конфессиональной или национальной принадлежности человека.

Ключевые слова: родители, нетрудоспособные родители, конституционная обязанность, забота о родителях, Азия, Европа, Россия, традиции, религия, права человека.

© Отставнова Елена Александровна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenaotstavnova@yandex.ru

© Otstavnova Elena Aleksandrovna, 2020

Candidate of law, associate Professor of constitutional law (Saratov state law Academy)

Е.А. Otstavnova

CONSTITUTIONAL DUTY TO TAKE CARE OF PARENTS
IN EUROPE, ASIA AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Introduction: the article deals with the constitutional, legal and moral foundations of the care of able-bodied children about disabled parents in Europe, Asia and Russia. The constitutions and legislation of foreign States and the Russian Federation in this sphere of social relations are analyzed. **Objective:** to identify the origins of the duty to care for parents in countries with different political regimes, to establish the types of factors affecting this process; to determine which of them have the greatest impact on the performance of this constitutional duty in Russia. **Methodological basis:** the Conclusions are based on the data of sociological and scientific research conducted by sociologists, lawyers, culturologists using dialectical, comparative and systematic research methods. **Results:** the author's position on the factors influencing the formation and performance of the constitutional duty of able-bodied children to take care of disabled parents in countries with different forms of government and political regimes is reasoned, the legal and moral basis for the performance of this duty in Russia is established. **Conclusions:** the article shows that the solution of this issue depends on the state of the institution of the family in the state. Due to the fact that in Europe at present the interests of the individual prevail over the interests of society, they are the destruction of the traditional family, its values, which leads to the rupture of family ties, and the connection of generations. In these countries, the care of disabled parents falls mainly on the state. In Asia, the institution of the family is strongly influenced by tradition and religion, leading to the preservation of traditional family values and the predominance of responsibility for the decent lives of the parents of children. Russia, as a multinational state, combines some Western values with traditional and religious ones. Caring for disabled parents in Russia depends on a person's religious or national affiliation.

Key-words: parents, incapacitated parents, constitutional duty, care of parents, Asia, Europe, Russia, traditions, religion, human rights.

С древнейших времен человек как существо социальное стремился к общению со своими соплеменниками, к служению своему роду. Не случайно к старейшим членам клана всегда относились с почтением и заботой, отмечая их богатый жизненный опыт, мудрость.

В современном мире с развитием цивилизаций, традиций и культур различных народов, трансформацией нравственных и моральных принципов отношение к пожилым родителям также претерпело свои изменения. Особенно это наглядно прослеживается в сравнении европейских и азиатских стран, где религия и традиции или права человека составляют первооснову существования государства и общества. Россия, находясь между Европой и Азией, являясь многонациональным государством, обладает своими особенностями, в том числе и в этом вопросе.

Необходимо отметить, что многие страны закрепили заботу трудоспособных детей о своих родителях в качестве обязанности в конституциях. Таким образом, эта категория становится не только нравственной, но и правовой. Однако должного внимания этому вопросу не уделяется ни на международном, ни на внутригосударственном уровнях. Забота о нетрудоспособных пожилых гражданах в основном ложится на государство, которое обязано обеспечивать их права наряду с другими группами граждан, а также, предоставить им дополнительные

права, связанные с их уязвимым положением. Правам детей, обязанностям родителей по отношению к ним на всех уровнях правового регулирования посвящено множество различных нормативно-правовых актов, что, на наш взгляд, ведет к перекосу обязанностей родителей и детей по отношению друг к другу. Престарелые родители также должны иметь приоритет проживать в семье, право на заботу со стороны детей. Эти вопросы взаимосвязаны между собой. От того, насколько добросовестно родители исполняли свои обязанности, зависит и отношение детей к ним в старости. Но это не всегда совпадает. Поэтому семейные традиции, религиозные взгляды играют здесь не последнюю роль.

Этот вопрос, кроме того, актуален потому, что население планеты с каждым годом все больше стареет. Только в Японии в 2017 г. количество граждан старше 90 лет составило более 2 млн человек. В Италии количество лиц пенсионного возраста насчитывает 23%, в Германии — 21,5%, во Франции — 19,7% [1]. В России к 2025 г. ожидается рост доли пенсионеров до 27%, а к 2035 г. их станет больше, чем работающих [2]. Однако многие из них сохраняют трудоспособность, социальные связи и не нуждаются в уходе. Поэтому в данном случае речь должна вестись о тех гражданах, которые в силу не только возраста, но и физических, психических заболеваний не в состоянии сами о себе должным образом позаботиться, обеспечить себе нормальный уровень жизни. Заботу о таких людях должно брать на себя не только государство, но и трудоспособные дети.

Прежде всего, необходимо определиться, что входит в понятие «забота». В словаре С.И. Ожегова оно раскрывается как «мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-нибудь, чего-нибудь», «внимание, попечение, уход» [3, с. 192]. Таким образом, забота — это не только обеспечение материального благополучия, но и создание лучших условий, насколько это возможно, для полноценной жизни. Это внимание и уважение, несмотря на возможные физические или психические недостатки в силу возрастных изменений.

Формы заботы о престарелых родителях разнятся в странах Запада и Востока в силу особенностей культуры, менталитета. Кроме того, форма правления, политический режим государства также оказывают свое влияние на все сферы жизни общества.

К примеру, страны Востока можно разделить на постсоветские, выбравшие демократический политический режим и республиканскую форму правления; монархические с установленной государственной религией; тоталитарные с государственной идеологией.

Примечательно, что в Конституции Республики Узбекистан содержится глава XIV «Семья» [4, с. 209], в которой закреплено, что она является основной ячейкой общества и имеет право на защиту общества и государства. А совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о своих родителях. Это положение более подробно раскрывается в Семейном кодексе Республики Узбекистан¹. В частности, ст. 109 фиксирует, что нахождение родителей на содержании в государственных или негосударственных учреждениях не освобождает трудоспособных совершеннолетних детей от заботы о них и оказания им материальной помощи. Если они уклоняются от добровольной материальной помощи, то ее размер определяется судом с учетом материального и семейного

¹ См.: Семейный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом РУз от 30 апреля 1998 г. № 607-І (с изм. от 20.01.2014). URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_sem (дата обращения: 04.02.2018).

положения детей, но не ниже одной третьей установленного законодательством минимального размера заработной платы. При этом суд должен учитывать всех трудоспособных детей. Кроме того, ст. 111 Кодекса говорит об обязанности детей участвовать в дополнительных расходах на содержание родителей в случае болезни или других уважительных причин.

Однако лишь правовыми средствами урегулировать все аспекты жизни общества невозможно. Закон устанавливает только обязанность по материальному содержанию детьми нетрудоспособных родителей. Все остальные нюансы данного вопроса лежат в плоскости морали и нравственности, во взаимоотношениях между родителями и детьми, сложившимися в процессе общения начиная с детства, в воспитании подрастающего поколения.

Опрос общественного мнения среди современных узбеков показал, что «в сознании многих поколений прочно утвердилось представление о том, что почитание родителей и старших — важный показатель культуры, морали и этики». 99,8% респондентов считают, что брак должен быть благословлен родителями [5, с. 92]. 60,2% опрошенных думают, что родители в первую очередь должны прививать ребенку национальные традиционные ценности, а также воспитывать в них трудолюбие, патриотизм и уважение к старшим. В Узбекистане развиты трехпоколенные семьи, состоящие из родителей, детей, дедушек и бабушек. Последние принимают активное участие в воспитании подрастающего поколения. В 80,3% случаев взаимоотношения между членами семьи складываются хорошие, основанные «на взаимоуважении, взаимопонимании, терпимости и духовном родстве».

Статья 33 Конституции Республики Таджикистан² называет семью основой общества, а обязанностью государства — заботу о ней. В статье 34 говорится о том, что ответственность за воспитание и обучение детей лежит на их родителях. В то же время совершеннолетние и трудоспособные дети ответственны за уход и социальное обеспечение своих родителей. Статья 88 Семейного кодекса Республики Таджикистан схожа по своему содержанию в этом вопросе с Семейным кодексом Республики Узбекистан. Статья 89 Семейного кодекса Республики Таджикистан устанавливает, что «при отсутствии заботы совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелая болезнь, увечья родителя, необходимость оплаты постороннего ухода за ним и других) совершеннолетние дети могут быть привлечены судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами»³.

Однако в Таджикистане в большей степени семья держится на традициях. В основном в Республике складываются расширенные семьи, где планы одного члена семьи зависят от коллективных интересов. Глава семьи должен выдать замуж и женить всех ее членов, а каждого из сыновей обеспечить домом. Поэтому и материальные ресурсы распределяются в соответствии с этим. Старший сын, как правило, заменяет отца и рано уезжает на заработки. Младшие сыновья остаются с родителями, обеспечивают их старость и наследуют их дом. В наи-

² Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomu/term/5/112> (дата обращения: 04.02.2018).

³ См.: Семейный кодекс Республики Таджикистан: принят Законом Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года № 682 (ред. от 24.02.2017 г.). База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2316 (дата обращения: 05.02.2018).

более сложном положении находятся семьи с единственным сыном, поскольку ему приходится совмещать эти роли [6, с. 77–78].

Таким образом, в постсоветских странах Азии семья в большей степени строится на исторически сложившихся традициях. Забота о нетрудоспособных родителях — часть этих традиций.

В мусульманских странах в конституциях закреплено, что государственной религией является ислам. И все сферы жизнедеятельности общества и государства должны основываться на Книге Всевышнего Аллаха и сунны Его Пророка Мохаммеда. Таким образом, религия и право в этих странах переплетаются. Система норм, которые в исламском обществе являются правовыми, выражается в религиозной форме.

Это закреплено в Конституции Саудовской Аравии 1992 г. [7]. Глава 3 Основного низама Королевства Саудовской Аравии посвящена семье как основе саудовского общества. А ее члены должны воспитываться на основе исламской веры предписываемой ею преданности и повиновении Всевышнему Аллаху, Его Пророку и представителям власти, уважать законы и выполнять их, любить и ценить свое Отечество и его славную историю. Государство, в свою очередь, стремится к упрочению уз семьи, сохранению арабских и исламских семейных ценностей. Традиционно в Саудовской Аравии сложились большие многопоколенные семьи, которые еще называют родом или кланом. Возглавляет ее старейший по возрасту мужчина. Многие родственники проживают в одном доме или в одном поселении. Один из сыновей обязательно должен жить со своими родителями, обеспечивая их старость.

Конституция Йеменской арабской республики устанавливает ислам в качестве государственной религии, а шариат — основой законодательства. Статья 26 Конституции гласит: «Семья является основой общества, опорами которой являются религия, обычаи и любовь к Отечеству. Закон поддерживает целостность семьи и укрепление внутрисемейных связей». Как и в Саудовской Аравии, в Йемене сохраняются родоплеменные отношения.

Несмотря на то, что в мусульманских странах в настоящее время установлено пенсионное обеспечение в старости, а вопросы семьи регулируются специальными законами или кодексами, последние основываются на исламской религии.

Правила семейных отношений подробным образом содержатся в Коране и сунне Пророка. А также конкретные вопросы могут быть разрешены на основе иджма — единодушного мнения наиболее авторитетных правоведов по вопросам, прямо не урегулированным Кораном и сунной, и кияс — умозаключения, сделанные по аналогии. В Коране эти нормы представлены в 70 аятах. К ним относятся и взаимоотношения между родителями и детьми. Вот лишь некоторые выдержки из них: «Посланник Божий сказал: „Не из нас тот, кто не проявляет милосердия к младшим, а также тот, кто не почитает и не уважает старших”»⁴. Особая роль в Коране отводится матери. Всем известны слова пророка Мохаммеда: «Рай находится под ногами ваших матерей»⁵. 17 сура содержит следующее:

⁴ Сунаан ат-Тирмизи. Собрание хороших («хасан») хадисов /пер. с араб. Мирзо Кенджабек. Хадисы № 1925, 1926. Сайт крымской молодежи. URL: http://islamsemya.ru/load/semejnjaja_biblioteka/khadisy/sunan_at_tirmizi/21-1-0-99 (дата обращения: 13.06.2019).

⁵ Хадисы о пророке Мухаммеде. М.: Олма Медиа Групп, 2013. Хадис № 3642, «хасан». URL: <https://avidreaders.ru/read-book/hadisy-o-proroke-muhammede.html?p=2> (дата обращения: 13.06.2019).

«Твой Господь предписал вам не поклоняться никому, кроме Него, и делать добро родителям. Если один из родителей или оба достигнут старости, то не говори им: «Тьфу!» — не кричи на них и обращай к ним почтительно. Преклоняй пред ними крыло смирения по милосердию своему и говори: «Господи! Помилуй их, ведь они растили меня ребенком»⁶.

Опрос молодежи, исповедующей ислам, показал, что 59% из них связывают уважительное отношение к старшим с воспитанием, 41% — с религией. 73% опрошенных подтвердили, что относятся уважительно к старшему поколению в любом месте, а 60% респондентов согласны, что родители после того, как их дети обзаведутся семьями, должны жить с младшим сыном, 22% — со старшим сыном, 18% — при отсутствии сыновей, с дочкой. 45% опрошенных подтверждают, что родители всегда должны вмешиваться в жизнь своих детей, так как они обладают очень хорошим жизненным опытом. Уважение и почтение к старшему поколению, согласно мусульманской культуре, выражается в следующем: вести себя правильно в присутствии старших допускать ничего лишнего (39%); здороваться при встрече, уступать место в транспорте (33%); не перебивать их, когда они разговаривают с кем-либо (28%) [8, с. 136].

Особо следует выделить азиатские страны с тоталитарным режимом. В частности, Конституция Северной Кореи в ст. 3 устанавливает государственную идеологию — учение Чучхе, на котором основывается построение государства и общества. Статья 10 говорит о том, что КНДР опирается на идейно-политическое единство народа. Вопросу семьи посвящена ст. 77, в которой закреплено, что «брак и семья находятся под защитой государства. Государство проявляет глубокую заботу об укреплении семьи — низовой единицы общественной жизни». В Конституции не закреплена обязанность трудоспособных детей заботиться о нетрудоспособных родителях. Это объясняется сохранением влияния традиционно конфуцианских норм и принципов на все сферы жизни, в том числе и семейной [9, с. 113]. Статья 37 Семейного кодекса Республики содержит общие положения для нетрудоспособных членов семьи, устанавливая при этом, что «несовершеннолетние и утратившие трудоспособность члены семьи находятся на иждивении членов семьи, имеющих достаточные средства. При отсутствии членов семьи, способных взять их на иждивение, содержание возлагается на отдельно проживающих родителей или детей, а при отсутствии таковых — на дедушку и бабушку или внуков, братьев и сестер»⁷.

Примечательно, что к воспитанию детей относятся строго и ответственно, чтобы ребенок смог стать достойным гражданином своей страны. Также дети воспитываются в уважении к старшим. В стране практически нет разводов, хотя законом они не запрещены. Развод не поощряется обществом и может отразиться на карьере всех членов семьи. По традиции дети содержат и заботятся о своих родителях и родственниках. Поэтому в стране отсутствуют дома для престарелых граждан. Это позволяет экономить бюджетные средства и направлять их на поднятие экономики и другие цели. В то же время в стране существует пен-

⁶ Св. Коран. Перенос ночью: 23–24. URL: <http://ru.noblequran.org/koran/cyра-al-isra/> (дата обращения: 13.06.2019).

⁷ Семейный кодекс Корейской Народно-демократической Республики: принят постановлением Постоянного совета Верховного народного собрания КНДР № 5 от 24 октября 1990 г. (в ред. от 15 декабря 2009 г.). URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6a/Semeyniy_kodeks_kndr.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

сионная система. Каждый гражданин от 18 до 60 лет обязан делать отчисления в пенсионный фонд.

В Конституции Китайской Народной Республики [10, с. 407], закреплено, что базовой системой государства является социалистическая. Статья 49 Конституции говорит о том, что брак, семья, мать и ребенок находятся под защитой государства. Однако семья должна планироваться. Также в этой статье закреплены следующие обязанности: родители воспитывают детей, совершеннолетние дети заботятся о родителях. Одной из отличительных особенностей является запрет на дурное обращение с престарелыми, женщинами и детьми. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим семейные отношения, является закон «О браке»⁸, принятый в 1980 г. с внесенными в него изменениями в 2001 г. Им не установлена прямая обязанность детей заботиться о нетрудоспособных родителях. Но ст. 4 закрепляет основные принципы, на которых должны строиться семейные отношения. Одним из них является следующий: «члены семьи должны почитать пожилых людей, любить детей и помогать друг другу; они должны соблюдать равноправие, а также поддерживать гармоничные и цивилизованные супружеские и семейные отношения».

В отличие от Северной Кореи, Китай не является изолированным и закрытым государством. Несмотря на сильные традиции конфуцианства, семейные ценности в нем находятся под угрозой в связи с влиянием глобализации. В настоящее время в стране распространены внебрачные связи, разводы, что ведет к ослаблению института брака и угрожает стабильности общества. Несмотря на это, обязанность по содержанию родителей согласно традиции и Конституции несут их дети [11, с. 70–76]. В семье прививается уважение к старшим, развиты родовые связи. В то же время в Китае, в современный период, сложилась сложная пенсионная система. Не все граждане имеют право на пенсию, ее размер различается в разных регионах [12, с. 5–12]. Пенсионное обеспечение ранее отсутствовало и содержание нетрудоспособных родителей полностью ложилось на плечи их детей. Однако в связи с семейной политикой по ограничению рождаемости, в стране сложилась ситуация, когда молодежи стало меньше, чем лиц пенсионного возраста. Иными словами, разрушение семейных традиций послужило причиной введения пенсионного страхования.

Таким образом, можно констатировать, что в странах Азии забота о родителях является обязанностью совершеннолетних трудоспособных детей, основанной либо на традициях, либо на религиозных убеждениях. Как мы убедились, это закреплено в конституциях данных государств.

В странах постсоветского пространства ответственность за нетрудоспособных престарелых граждан ложится как на государство, которое выплачивает пенсии, содержит специальные учреждения для престарелых граждан, так и на трудоспособных детей. Ответственность последних заключается лишь в выплате алиментов. Однако в таких странах сильное влияние на семью оказывают традиции. В странах с тоталитарным политическим режимом, несмотря на пенсионное обеспечение, традиции заботиться о пожилых родственниках играют основополагающую роль. В исламских государствах основу данного вопроса составляют религиозные постулаты.

⁸ См.: Закон Китайской Народной Республики «О браке»: принят 3-й сессией Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 10 сентября 1980 г. (в ред. от 28 апреля 1980 г.). URL: <https://ru-chinafamily.livejournal.com/3854.html> (дата обращения: 14.02.2020).

В странах Европы основное внимание уделяется правам человека, а не традиционным семейным ценностям. К примеру, в Преамбуле Конституции Франции 1946 г. закреплено, что «нация гарантирует личности и семье необходимые условия для их развития. Она гарантирует всем, в частности ребенку, матери и престарелым трудящимся, охрану здоровья, материальное обеспечение, отдых и досуг» [10 с. 49]. В Конституции не закреплена обязанность совершеннолетних детей заботиться о своих родителях. Семейные отношения регулируются гражданским кодексом⁹, в котором также не отражены обязанности детей по отношению к нетрудоспособным родителям. В Преамбуле подчеркивается, что забота о престарелых гражданах гарантируется государством.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, разрушение семьи во Франции началось после Великой Французской революции, когда произошло наступление на религиозные основы общества и государства. В современный период количество граждан, желающих вступить в брак, планомерно снижается. Распространены «гражданские пакты солидарности» — гражданский контракт между людьми разного или одного пола желающими проживать совместно. В настоящее время на два официальных брака приходится один контракт. Все больше семей становятся бездетными или малодетными. Увеличивается количество разводов [13, с. 70]. Кроме того, с 2009 г. во Франции разрешены однополые браки, а с 2013 г. признано право таких семей на усыновление детей. Как отмечают французские исследователи Жером Минонзио и Жюли Пажис, Франция испытывает трудности в связи со старением населения. Уход за пожилыми людьми переходит из внутрисемейной проблемы в общественную. Происходит разобщение семьи. Многие дети не готовы ухаживать за своими нетрудоспособными родителями. Все большее количество людей вообще не имеют детей. Тем же родственникам, которые осуществляют уход за престарелыми с 2002 г. придается профессиональный статус. Им выплачиваются пособия [14, с. 103–204].

Таким образом, можно говорить о том, что во Франции разрушение традиционных семейных ценностей приводит к тому, что молодые люди не желают брать на себя ответственность не только за создание семьи, но и за своего супруга и будущих детей. Происходит разрыв поколений, отсутствуют нравственные начала взаимоотношений между ними. Поэтому и забота о нетрудоспособных родителях ложится на государство, а не на трудоспособных детей.

В западных странах развиты социальные службы, помогающие лицам преклонного возраста. Например, в Швеции это Комитет по социальным делам, который следит за тем, чтобы такие граждане могли вести независимую, активную жизнь. Каждый из них имеет право на приспособленное жилье, транспортные средства, базовую пенсию по старости, на бесплатную медицинскую помощь. Большинство вопросов в этой сфере финансируется и определяется муниципалитетами. Пожилые граждане в большинстве своем проживают в домах престарелых или специализированных домах, где им оказывается социальная помощь. Как правило, у них потеряна связь с семьей, а дети не берут на себя обязанность заботиться о них. В Конституции Швеции отсутствует подобная обязанность. Такое положение в этой сфере можно считать следствием политики государства, направленной на разрушение семейных ценностей. В частности, в

⁹ См.: Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В.Н. Захватаева. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

стране развита практика изъятия детей из семей. В законодательстве Швеции отсутствуют права родителей, а существует «право опеки и ответственности за ребенка», которым по закону в равной степени обладают родители и государство. Дети часто переходят от одних родителей к другим. При этом исключается возможность называть их традиционно «отец» и «мать». Вместо этого идет процесс, направленный на устранение возможности идентификации человека по признаку пола. Вводятся понятия «родитель один» и «родитель два». Проводится политика разрушения стереотипов о роли мужчины и женщины в обществе. В стране в одной из первых разрешены однополые браки и установлено их право на усыновление детей. В настоящее время более 40 тыс. детей воспитываются такими парами¹⁰. Следует согласиться с авторами, которые утверждают, что «заставляя воспринимать такие союзы как норму, политики подрывают традиционные, по сути — христианские устои семьи и брака. Имеются в виду представления о том, что семья рождается из естественного союза мужчины и женщины, а у ребенка должны быть отец и мать» [15, с. 78].

В Великобритании эта ситуация развивается аналогично со Швецией. В ней дети в большинстве своем не заботятся о родителях в той мере, в которой это необходимо. В стране организованы дома-интернаты для престарелых одиноких людей. Те из них, кто в состоянии вести активный образ жизни, проживают в специальных поселениях, где им предоставляются различные удобства. Там учреждена должность смотрителя, который в случае необходимости оказывает помощь. Развита сеть специальных клубов и кафе [16, с. 24–25].

В Конституции ФРГ, также не закреплена обязанность детей по содержанию нетрудоспособных родителей. Однако Гражданским кодексом Германии¹¹ предусмотрено, что «родственники по прямой линии обязаны доставлять друг другу содержание». А требовать его могут только те, кто не в состоянии содержать самого себя. Верховный Суд ФРГ по гражданским делам в 2014 г. принял решение, по которому 60-летний сын одного немецкого пожилого родителя обязан заплатить 9 тыс. евро за его содержание в городском доме по уходу за престарелыми. Поскольку в стране действует прецедентное право, совершеннолетние немцы в случае необходимости, должны нести обязанности по материальному содержанию своих родителей. Это стало поводом для дискуссий. Многие граждане посчитали, что таким образом государство стремится уйти от своей социальной роли [17].

Таким образом, в странах Европы в настоящее время интересы отдельного человека превалируют над интересами общества. В связи с этим происходит разрушение традиционной семьи, ее ценностей. Это, в свою очередь, ведет к разрыву семейных связей и связи поколений. Поэтому забота о нетрудоспособных родителях — это в основном проблема самих родителей и обязанность государства. В некоторых случаях родители могут рассчитывать лишь на материальную поддержку. Примечательно, что в большинстве Конституций и законодательства западных стран не закреплена подобная обязанность.

¹⁰ Прогресс по-шведски, или пластиковые родители. Post p po szwiedzku. Материалы польских кинематографистов. URL: <http://juvenilejustice.ru/index.php/news/897-progress-po-shvedski-ili-plastikovy-roditeli> (дата обращения: 25.02.2019).

¹¹ См.: Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. (в ред. от 2 января 2002 г.) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

Россия является уникальной страной, поскольку является многонациональным государством, в котором сочетаются традиции, религиозные взгляды на семейные ценности азиатской и западной культур.

Например, в республиках Северного Кавказа сохраняется патриархальная семья. Опрос молодежи этого региона поставил семью, среди других ценностей, на первое место (68,2%) [18, с. 87]. В этих республиках сохраняются традиции: влияние родителей на выбор брачного партнера; свадебных церемоний; уважение и почитание старших; межполовое разделение труда; желание иметь наследника и т.д. Кроме того, эти регионы населены народом, в большинстве своем исповедующем ислам. Наиболее исламинизированными из них можно считать Чеченскую Республику и Дагестан. Здесь самыми уважаемыми людьми считаются имамы или духовные авторитеты. Религия в этих Республиках играет значительную роль в жизни общества и стоит на первом месте с такими благами, как мир, безопасность, достаток. К примеру, в Чеченской Республике на вопрос о том, соблюдаете ли вы религиозные обряды — 88,9% ответили положительно [19, с. 4]. Поэтому жизнь в таком обществе строится не только на основе Конституции России, но и на законах шариата. Сложность заключается в том, что здесь требуется соблюдение как российских законов, так и религиозных предписаний. Однако Основной Закон государства закрепляет право каждого человека на свободу вероисповедания. Следовательно, каждый человек может исповедовать любую религию и придерживаться ее канонов.

Традиционно, как и в странах Азии, один из младших сыновей в этих субъектах Федерации остается проживать с родителями, чтобы ухаживать за ними. Обычно это большие семьи, включающие несколько поколений, где с детства приучают уважительно относиться к старшим (бабушкам, дедушкам, родителям и другим, даже не членам семьи). Неслучайно самыми счастливыми пенсионерами в России считаются те из них, что проживают на Северном Кавказе. На это не влияет размер пенсионного обеспечения, поскольку они остаются в семье и о них заботятся совершеннолетние дети. Так, назвали себя счастливыми 88% пожилых чеченцев, 77% ингушей и 73% дагестанцев. При этом факторами, влияющими на счастье они назвали: здоровье, любовь, веру в бога, семейное благополучие [20].

Традиции играют значительную роль в устройстве семьи малочисленных северных народов России. К примеру, в Якутии главой семьи чаще всего считаются престарелые родители, а фактически является мужчина (сын, а в его отсутствие — дочь). Распределение обязанностей зависит от уклада жизни, уровня образования членов семьи, поколенного состава. Семья обеспечивает передачу стереотипов поведения: подчинение младших старшим, сдержанность отца по отношению к детям. В семье стараются прививать детям послушание и почтительное отношение к родителям, уважение и внимание к старшим, особенно к старикам. Считается, что детям неприлично спорить и пререкаться со старшими, громко разговаривать в их присутствии [21, с. 51].

В России проживает множество малых народностей, поэтому Конституция Российской Федерации закрепила право каждого человека на национальное самоопределение. А одним из приоритетов государства является сохранение национальной культуры, языка, образа жизни.

В то же время нельзя не отметить влияние западных ценностей на состояние российского общества и развитие семейных отношений начиная с конца 1980-х гг.

Многие народы отходят от своих традиций, что негативно сказывается на институте семьи: растет число разводов, неполных семей, внебрачных детей и т.д.

Статья 2 Конституции России закрепила приоритет прав человека, а гл. 2 полностью им посвящена. В ст. 38 говорится о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Примечательно, что в Конституции нет указания, как в исламских государствах, на то, что семья является первоосновой общества. А в ст. 38 она стоит после материнства и детства. Можно говорить о том, что, как и страны Европы, Российская Федерация, определив себя демократически и правовым государством, придерживается приоритета прав отдельной личности перед интересами общества в целом, перед семейными традициями в частности. Православная церковь в последнее время пытается внести свой вклад в возрождение христианских традиций в этой сфере. Но, поскольку советская Россия долгое время находилась вне религии и сменилось несколько поколений, не придерживающихся данных канонов, даже не знающих основ православной культуры, сделать это непросто. Поэтому, как отмечают некоторые авторы «в обществе традиционная форма родительства постепенно сменяется инновационной формой, суть которой заключается в свободе личности в выборе стратегии репродуктивного поведения и индивидуализации родителско-супружеских отношений» [22, с. 71]. В настоящее время в стране на 100 браков приходится 80 разводов. Треть детей рождается вне брака. Половина мужчин после развода уклоняются от уплаты алиментов [23]. Однако некоторые западные ценности в России не приживаются. К примеру, большинство населения относится негативно к смене пола или однополым бракам¹².

Статья 38 Конституции закрепила обязанность совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях¹³. Статья 87 Семейного кодекса Российской Федерации¹⁴ говорит о том, что трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них. Однако данная статья предусматривает лишь материальное содержание — уплату алиментов и несение дополнительных расходов.

Поэтому в центральной части России обеспечение достойного уровня жизни пожилых граждан ложится на них самих и на государство. Так, Федеральным законом «О накопительной пенсии в Российской Федерации»¹⁵ установлено право мужчин, достигших 60 лет, и женщин — 55 лет на накопительную пенсию при наличии определенных условий. Страховая пенсия по старости назначается мужчинам, достигшим возраста 65 лет, женщинам — 60 лет, при наличии не менее 15 лет трудового стажа¹⁶. За счет бюджетных средств выплачивается социальная

¹² Однополые браки: за и против. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115315> (дата обращения: 15.02.2019).

¹³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

¹⁴ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29 мая 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2019. № 22, ст. 2671.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» (в ред. от 3 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. I, ст. 6989; 2018. № 41, ст. 6190.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 6 марта 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. I, ст. 6965; 2019. № 10, ст. 895.

пенсия по старости лицам, не имеющим трудового стажа¹⁷. А уход за лицом, достигшим 80 лет, включается в трудовой стаж гражданина, его осуществляющего. Кроме того, государство может обеспечивать и другие виды помощи гражданам, достигшим этого возраста: бесплатное оказание медицинской и социальной помощи, предоставление места в доме престарелых и т.д.

Таким образом, Российская Федерация в сфере заботы о нетрудоспособных родителях сочетает в себе черты стран Азии и Европы. С одной стороны, в Основном Законе она провозгласила себя правовым и социальным государством и возложила на себя обязанность заботы о престарелых, что говорит о приверженности западным ценностям. С другой стороны, во многих регионах сохраняется приоритетное влияние на данный вопрос традиций и религии, присущих странам Азии.

Следовательно, забота трудоспособных детей о нетрудоспособных родителях напрямую зависит от состояния института семьи в государстве, от того, насколько найден компромисс между правами отдельной личности и интересами семьи и общества.

Библиографический список

1. Волков К. В Японии впервые число людей старше 90 лет превысило 2 миллиона человек // Российская газета. 2017. 18 авг.
2. Гусенко М. Дорогие старики // Российская газета. 2017. 5 окт.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд-е, испр. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. 900 с.
4. Конституции стран-членов СНГ: в 2 т. / ред. А.В. Багдасарян. Ереван: Мхитар Гош. 1997. Т. 1: Армения, Кыргызстан, Грузия, Казахстан, Россия, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Беларусь: сборник 650 документов. 327 с.
5. Убайдуллаева Р.А. Общество и семья в Узбекистане // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 88–98.
6. Борисова Е.В. Детская мобильность в контексте миграции из Таджикистана // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 73–80.
7. Конституции государств Азии: в 3 т. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Норма, 2010. Т. 1: Западная Азия. 1024 с.
8. Насурова И., Гаджиева З. Особенности отношения к пожилым в мусульманской культуре // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. № 1. Т. 6. 136 с.
9. Баранова Е.С. Особенности становления правовой системы КНДР: факторы развития и основные этапы // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 109–114.
10. Конституции зарубежных стран: сборник / сост. В.Н. Дубровин. М.: Юрлитинформ, 2003. 448 с.
11. Авцинова Г.И., Иванова А.В. Государственная молодежная политика Китая в сфере семьи: проблемное поле исследований // YOUTH WORLD POLITIC. 2016. № 1. С. 70–76.
12. Антропов Р.В., Серeda А.В. Право на трудовую пенсию по старости в современном Китае: проблемы реализации // Актуальные проблемы государственно-правового развития России: сборник статей региональной научно-практической конференции, посвященная Дню юриста и Дню Конституции России / отв. ред. И.Ю. Лупенко. Чита, 2016. С. 5–12.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4831; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8462.

13. *Голицына Е.Ю.* Политика государства в области защиты детства и материнства (на примере Франции) // Экономика и право. 2014. № 1. С. 69–73.
14. *Евсеева Я.В.* Солидарность и конфликт в отношениях между поколениями (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2010. № 2. С. 103–108.
15. *Смирнов А.Н.* Восток и Запад в борьбе за семейные ценности: консерваторы против консерватизма? // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 5. С. 75–89.
16. *Матвейчик Т.В., Пецевич-Шчэнсна Г.Е., Романова А.П.* Особенности организации помощи пожилым людям за рубежом // Здравоохранение (Минск). 2010. № 7. С. 24–27.
17. *Розэ А.* Алименты для стариков // Российская газета. 2014. 14 февр.
18. *Легенина Т.Б.* Место и роль семьи на Северном Кавказе: на материалах социологических исследований // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 86–88.
19. *Цопанова А.В.* Исламская духовная культура как объект социально-психологического анализа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. С. 151–160.
20. *Дроботов А.* Самые счастливые в России пенсионеры живут на Северном Кавказе // Комсомольская правда. 2015. 30 сент.
21. *Брагина Д.Г.* Семья у якутов: от традиции к современности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 48–54.
22. *Сайфутдинова Г.Б.* Основные тенденции развития семьи и родительства в современной России // Вестник современной науки. 2017. № 2. С. 69–71.
23. *Горбачева А.* Стареющая женщина с грудным ребенком // Независимая газета. 2014. 16 дек.

References

1. *Volkov K.* In Japan, for the first time, the number of people older than 90 years exceeded 2 million people // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 18 Aug.
2. *Gusenko M.* Dear old people // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 5 Oct.
3. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. 4th ed., ISPR. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1960. 900 p.
4. Constitutions of CIS member States: in 2 vols. / ed. Yerevan: Mkhitar Gosh. 1997. Vol. 1: Armenia, Kyrgyzstan, Georgia, Kazakhstan, Russia, Turkmenistan, Uzbekistan, Ukraine, Belarus: collection of 650 documents. 327 p.
5. *Ubaydullaeva R.A.* Society and family in Uzbekistan // Sociological researches. 2010. No. 10. P. 88–98.
6. *Borisova E.V.* Child mobility in the context of migration from Tajikistan // Sociological research. 2017. No. 8. P. 73–80.
7. Constitutions of Asian States: in 3 vols. edited by T.Y. Khabrieva. Moscow: Norma, 2010. Vol. 1: Western Asia. 1024 p.
8. *Nasurova I., Gadzhieva Z.* Features of the attitude to the elderly in the Muslim culture // Bulletin of medical Internet conferences. 2017. No. 1. Vol. 6. 136 p.
9. *Baranova E.S.* Features of the formation of the legal system of the DPRK: development factors and main stages // Siberian legal Bulletin. 2017. No. 2. P. 109–114.
10. Constitutions of foreign countries: collection / comp. V.N. Dubrovin. Moscow: Yurlitinform, 2003. 448 p.
11. *Avtsinova G.I., Ivanova A.V.* State youth policy of China in the sphere of family: a problematic field of research // YOUTH WORLD POLITICAL. 2016. No. 1. P. 70–76.
12. *Antropov R.V., Sereda A.B.* the Right to a retirement pension for old age in modern China: problems of implementation // Actual problems of state and legal development of Russia: collection of articles of regional scientifically-practical conference devoted to lawyer's Day and Constitution Day of Russia / ed. ed. Chita, 2016. P. 5–12.

13. *Golitsyna E.Yu.* state Policy in the field of protection of childhood and motherhood (on the example of France) // Economics and law. 2014. No. 1. P. 69–73.

14. *Evseeva Ya.V.* Solidarity and conflict in relations between generations (Summary abstract) // Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociology. 2010. No. 2. P. 103–108.

15. *Smirnov A.N.* East and West in the struggle for family values: conservatives against conservatism? // Vestnik MSU. Ser. 12: Political science. 2014. No. 5. P. 75–89.

16. *Little Matviy T.V., Pecevich-Schenna G.E., Romanova A.P.* Peculiarities of organization of care for older people abroad // Health (Minsk). 2010. No. 7. P. 24–27.

17. *Boas A.* Alimony for the elderly // the Russian newspaper. 2014. 14 Feb.

18. *Legenina T.B.* the Place and role of the family in the North Caucasus: on the basis of sociological research // Theory and practice of social development. 2014. No. 1. P. 86–88.

19. *Tsopanova A.V.* Islamic spiritual culture as an object of social and psychological analysis // Modern problems of science and education. 2015. № 2-3. P. 151–160.

20. *Drobotov A.* the happiest pensioners in Russia live in the North Caucasus // Kom-somolskaya Pravda. 2015. 30 Sept.

21. *Bragina D.G.* the Yakut Family: from tradition to modernity // North-Eastern humanitarian Bulletin. 2015. No. 4. P. 48–54.

22. *Saifutdinova G.B.* Main trends in the development of the family and give birth to-ment in modern Russia // Bulletin of the modern science. 2017. No. 2. P. 69–71.

23. *Gorbacheva A.* an Aging woman with a baby // Nezavisimaya Gazeta. 2014. 16 Dec.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10009

УДК 342.97

Ю.И. Мхитарян

РЕФОРМА ПРАВОВОГО РЕЖИМА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье рассматриваются проблемы саморегулирования в сфере предпринимательской деятельности, совершенствования предпринимательских отношений, исследуется государственная политика в сфере развития предпринимательства. Саморегулирование предпринимательской деятельности, по мнению автора, должно сбалансировать главный тренд рыночной экономики — коммерциализацию общественных отношений. Очевидно, что саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности пока не оказывает существенного влияния на регулирование предпринимательских отношений. **Цель:** изменить правовой режим саморегулирования в сфере предпринимательской деятельности, выделить ключевые правовые проблемы, раскрыть основополагающие правовые категории, систему норм права, определяющих новый вектор регулирования предпринимательской деятельности. **Методологическая основа:** общенаучные, формально-логические методы познания (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналогия, сравнение, доказательство, системный подход), методы сравнительного правоведения, метод статистического анализа. **Результаты:** сформулированы предложения по реформированию саморегулирования, общегосударственная модель приоритетного развития саморегулирования, авторская трактовка фундаментальных правовых категорий, норм права, определяющих возможность реформирования саморегулирования в сфере предпринимательской деятельности. **Выводы:** реформа правового режима саморегулирования будет способствовать реализации конституционно-правовых основ, принципа добросовестной деятельности как одного из основных начал гражданского законодательства, достижению установленных стратегических целей государства.

Ключевые слова: правовые категории, общегосударственная модель саморегулирования, государственная политика, цели, задачи саморегулируемых организаций.

© Мхитарян Юрий Иванович, 2020

Доктор экономических наук, ректор (Образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Международный институт качества бизнеса»); e-mail: mkhitarayan@intercoms.ru

© Mkhitarayan Yuri Ivanovich, 2020

Doctor of Economic Sciences, Rector (Educational private institution of additional professional education "International Institute of Business Quality")

Y.I. Mkhitaryan

REFORM OF THE LEGAL REGIME FOR SELF-REGULATION OF BUSINESS ACTIVITIES

Background: the article deals with the problems of self-regulation in the sphere of entrepreneurship, improvement of entrepreneurial relations, explores the state policy in the sphere of entrepreneurship development. Self-regulation of business activities, according to the author, should balance the main trend of the market economy - commercialization of social relations. It is obvious that self-regulation in the sphere of business does not yet have a significant impact on the regulation of business relations. **Objective:** to change the legal regime of self-regulation in the sphere of business activity, to highlight key legal problems, to reveal the fundamental legal categories, the system of rules of law defining a new vector of regulation of business activity. **Methodology:** popular scientific, formal-logical methods of knowledge (analysis, synthesis, induction and derivation, analogy, comparison, proof, system approach), methods of comparative law, method of statistical analysis. **Results:** proposals on self-regulation reform, a national model of priority development of self-regulation, copyright interpretation of fundamental legal categories, norms of law determining the possibility of self-regulation reform in the sphere of business activity have been formulated. **Conclusions:** the reform of the legal regime of self-regulation will contribute to the realization of the constitutional and legal framework, the principle of good faith as one of the main beginnings of civil legislation, the achievement of the established strategic goals of the State. **Key-words:** legal categories; nation-wide model of self-regulation; state policy; goals, objectives of self-regulating organizations.

В XXI в. в Российской Федерации возникла необходимость уделять больше внимания совершенствованию предпринимательских отношений, исследованию государственной политики в сфере развития предпринимательства, саморегулированию в сфере предпринимательской деятельности.

В стране стал очевидным главный тренд рыночной экономики — коммерциализация общественных отношений, стремление субъектов экономических отношений к систематическому получению прибыли, что должно быть сбалансировано развитием саморегулирования.

Институт саморегулирования развивается в Российской Федерации с 1995 г. и исследовался многими учеными-правоведами. Для его развития принимались решения высших органов государственного управления. Однако к 2020 г. стало очевидным, что саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности не оказывает существенного влияния на регулирование предпринимательских отношений.

Правовым средством регулирования предпринимательских отношений саморегулирования в Российской Федерации стало введение Федерального закона от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе», направленного на защиту от недобросовестной конкуренции, предотвращение и пресечение отношений, способных ввести потребителя в заблуждение или нанести вред здоровью граждан, имуществу граждан или юридических лиц, окружающей среде либо вред чести, достоинству или деловой репутации указанных лиц¹.

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 30, ст. 2864.

При рассмотрении саморегулирования как направления регулирования предпринимательской деятельности, систематизации норм права, определивших их деятельность, большое внимание было уделено подготовке базового Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»². Были определены отношения, возникающие в связи с приобретением и прекращением статуса саморегулируемых организаций (СРО), объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, осуществлением взаимодействия саморегулируемых организаций и их членов с потребителями, органами власти и местного самоуправления.

В стратегических документах Российской Федерации развитию саморегулирования уделяется постоянное внимание, что показывает важность для государства и общества надлежащего правового обеспечения деятельности саморегулируемых организаций, саморегулирования в предпринимательской деятельности. Так, например, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-Р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», предусматривалось взаимодействие частного бизнеса и общества по созданию условий для развития механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества³.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2012 г. в статье «Демократия и качество государства» сформулировал важную программную цель: «Рассчитываю, что саморегулирование станет одним из столпов сильного гражданского общества в России»⁴, тем самым определив, что саморегулирование — особый общественно значимый институт гражданского общества, определяющий роль и место гражданского общества в развитии российской экономики, повышении конкурентоспособности. В этой связи интересен опыт, например, Малайзии, которая в 2000 г. в числе стратегических задач поставила задачу развития гражданского общества, а в 2019 г. превзошла по уровню конкурентоспособности экономику нашей страны.

В развитие теории саморегулирования в предпринимательском праве важный вклад внесли многие известные ученые-юристы⁵ [1–26]. Тем не менее на 1 января 2019 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1,1 тыс. саморегулируемых организаций⁶ из числа 216 тыс. некоммерческих организаций⁷. Количество саморегулируемых организаций в Российской Федерации в общем количестве некоммерческих организаций составило 0,49%. Следует отметить, что в 2016 г.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6076.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

⁴ Путин В.В. Демократия и качество государства // Газета «Коммерсантъ». 2012. № 20. С. 1.

⁵ Мхитарян Ю.И. Саморегулируемые организации должны отражать интересы социума. URL: <http://www.all-sro.ru/articles/yurii-mhitaryan-samoreguliruemie-organizatsii-dolz> (дата обращения: 22.04.2019).

⁶ См.: Доклад Минэкономразвития России за 2018 г. «О состоянии развития саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2019/07/Doklad-Minyek-SRO-2019.pdf> (дата обращения: 22.04.2019); Доклад Минэкономразвития России за 2019 г. «О состоянии развития саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/554> (дата обращения: 22.04.2019).

⁷ О результатах работы Минюста России в сфере деятельности некоммерческих организаций за 2018 год. URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/o-rezultatah-raboty-minyusta-rossii-v-sfere-deyatelnosti-nekommercheskih-organizacij-za-2018> (дата обращения: 22.04.2019).

их количество в общем количестве некоммерческих организаций составляло 0,6% [2]. Если в 2018 г. количество СРО в Российской Федерации сократилось на 2,6% в сравнении с аналогичными показателями 2017 г., то относительно 2015 г. их количество уменьшилось на 9%.

Анализ индекса развития СРО свидетельствует о том, что к 2020 г. саморегулирование не стало основой сильного гражданского общества, оно не оказывает существенного влияния на регулирование предпринимательской деятельности. Стагнация и кризис — вот наиболее подходящая оценка развития саморегулирования, которое должно было стать важным общественно значимым институтом, могло оказать существенное влияние на развитие экономики. Но прирост ВВП (номинал) в млрд долл. США в 2013–2018 гг. соответственно составил: +1,8%, +0,7%, -2,5%, +0,2%, +1,5%, +2,2% [2], т.е. находился ниже темпов роста мировой экономики и экономики развивающихся стран, для которых характерно 5–7% прироста ВВП. Таким образом, экономику страны нельзя рассматривать как саморегулируемую систему, что также свидетельствует о недостаточном развитии института саморегулирования, саморегулируемых организаций.

В Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлены амбициозные цели развития страны, в числе которых вхождение России в крупнейшие экономики мира, а также другие цели⁸, которых не удастся достигнуть без надлежащего становления саморегулирования предпринимательской деятельности.

Почему в XXI в. в Российской Федерации становление саморегулирования как фактора, существенно влияющего на регулирование предпринимательской деятельности, развитие экономики, приобретает такое большое значение для государства, общества, граждан страны? Саморегулирование в предпринимательской деятельности может изменить регулирование предпринимательских отношений, противостоять избыточной коммерциализации общественных отношений как главному тренду их развития, стремлению субъектов экономических отношений к систематическому получению прибыли, позволит повысить темпы роста экономики, производительность труда.

По мнению известных ученых-правоведов, в настоящее время «необходима глубокая институциональная трансформация» [26]. Саморегулируемые организации могут существенно повлиять на регулирование предпринимательских отношений, формирование культурно-ценностного ядра общества, если правовой наукой будет обеспечено их приоритетное развитие.

Возможность влияния саморегулирования, саморегулируемых организаций на налаживание предпринимательских отношений, развитие экономики определяется правовым режимом — совокупностью правовых норм, действующих в этой сфере общественных отношений и закрепленных в нормативных правовых актах. Актуальность и необходимость более эффективного развития саморегулируемых организаций в системе факторов, оказывающих влияние на общественные отношения, более чем очевидна. Но для этого теория саморегулирования должна отличаться полнотой и правильностью применения правовых категорий, адекватно отражать исследуемый предмет, а государственная политика должна

⁸ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 22.04.2019).

создавать благоприятный правовой, экономический, организационный, информационный режим развития саморегулируемых организаций.

В 2003 г. в качестве основной идеи развития саморегулируемых организаций ставилась задача переложения контрольных и надзорных функций за деятельностью экономических субъектов с государственных органов на саморегулируемые организации⁹.

В 2015 г. целью развития саморегулирования полагалось формирование единой общегосударственной модели саморегулирования, переход от обязательного членства в саморегулируемых организациях к добровольному членству¹⁰. Модели саморегулирования с обязательным членством должны быть скорректированы с учетом базового Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Итогом реализации этих концептуальных положений стали стагнация, кризис развития саморегулирования. Поэтому важно пересмотреть сложившуюся теорию саморегулирования, нормы права, вычленив ключевые правовые проблемы, юридические пробелы и коллизии.

Основной целью формирования единой общегосударственной модели саморегулирования следует рассматривать приоритетное развитие саморегулируемых организаций в добровольной и обязательной формах для обеспечения добросовестной деятельности участников экономических отношений как одного из основных начал гражданского законодательства, ориентированного на реализацию системы ценностей, имеющих важное социальное, экономическое значение: качество, добросовестность, профессионализм, ответственность, добросовестная конкуренция.

Саморегулирование следует рассматривать как универсальный регулятор предпринимательских отношений, позволяющий устанавливать правила, стандарты добросовестной деятельности, представлять и защищать интересы членов саморегулируемых организаций, контролировать, защищать их деятельность, защищать интересы потребителей.

Анализ действующих норм Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» показывает, что сложившаяся система норм права, регулирующих отношения участников саморегулирования, не рассматривает в качестве главной задачи саморегулирования реализацию принципа добросовестной деятельности, трансформацию системы ценностей участников экономических отношений, а такие фундаментальные правовые категории, такие как «саморегулирование», «саморегулируемые организации», не содержат в дефинициях указанный признак.

Вот почему предлагается правовые категории «саморегулирование» и «саморегулируемые организации» дополнить важным признаком, который вносит изменения в государственную политику развития саморегулирования, в целеполагание организации института саморегулирования, создает большую определенность в содержании деятельности саморегулируемых организаций,

⁹ См.: Административная реформа и саморегулирование бизнеса (Москва, 30 сентября 2003 г.). Интернет-конференция. URL: <http://www.insur-info.ru/events/d2452913/> (дата обращения: 22.04.2019); Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 30, ст. 3046.

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 2, ч. II, ст. 458.

позволяет организовывать деятельность субъектов права в соответствии с основополагающими принципами Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, изменяет стратегический вектор регулирования предпринимательских отношений, развития российской экономики.

Правовую категорию «саморегулирование» предлагается рассматривать как самостоятельную и инициативную деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой является разработка и установление стандартов и правил организации добросовестной деятельности членов саморегулируемых организаций, осуществление контроля за их соблюдением, защиты потребителей и иных лиц, достижение социальных целей, установленных обществом.

Правовая категория «саморегулируемая организация» рассматривается как ассоциация (союз), объединяющая субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности для защиты прав, представления интересов своих членов в органах власти, а также разработки требований, стандартов, правил добросовестной предпринимательской, профессиональной деятельности, контроля за их выполнением, регулирования предпринимательских отношений, защиты потребителей и иных лиц, достижения социальных целей общества.

Таким образом, новое раскрытие понятий правовых категорий «саморегулирование» и «саморегулируемая организация» наполняет новым содержанием развитие института саморегулирования, что повысит потребность в повышении эффективности государственной политики развития саморегулирования.

Дополнительная имущественная ответственность — одно из основополагающих положений Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» — рассматривается как средство формирования коллективного сознания, коллективная форма регулирования предпринимательских отношений без раскрытия дефиниций данной правовой категории, где в качестве ее основополагающих признаков выступают формирование компенсационных фондов (предопределивших негативное отношение со стороны субъектов права к институту саморегулирования) и (или) страхование гражданской ответственности. Без раскрытия содержания правовой категории невозможно эффективно регулировать отношения участников саморегулирования и ожидать, что государственная политика развития саморегулирования сможет эффективно влиять на регулирование предпринимательских отношений и развитие экономики.

Законодательно установленное требование рассматривать дополнительную имущественную ответственность только в виде компенсационных фондов и (или) страхования гражданской ответственности ограничивают волю и гражданские права саморегулируемых организаций и их членов. Согласно п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора...»¹¹. Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, единство экономического пространства (ст. 8), а также

¹¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

права граждан и юридических лиц на объединение, свободу деятельности общественных объединений (ст. 30). Изменить сложившуюся в стране закономерность развития саморегулируемых организаций можно, если привести нормы права, регулирующие общественные отношения участников института СРО, в соответствие с основополагающими нормами Конституции РФ.

Предлагается следующая авторская трактовка правовой категории «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемой организации»: дополнительная имущественная ответственность членов СРО — это правовая ответственность юридического лица, индивидуального предпринимателя, связанная с обеспечением добросовестной деятельности, выполнением обязательств перед потребителями, иными лицами, обществом (например, разработка стандартов, проведение работ по сертификации, подтверждающей качество произведенной продукции, товаров, работ, услуг, обеспечение безопасности, социальной ответственности и т.д.), не связанная напрямую с получением прибыли, но требующая дополнительных затрат финансовых, материальных, интеллектуальных ресурсов (имущественных затрат).

Авторская трактовка правовой категории «дополнительная имущественная ответственность» членов СРО, позволяет осуществить трансформацию культурно-ценностного ядра участников саморегулирования, повысить привлекательность института СРО, в том числе за счет ограничения излишнего изъятия средств из предпринимательского оборота, формирования компенсационных фондов, ограничивающих развитие саморегулируемых организаций. Институт СРО реализует принципы коллективного сознания не за счет нарушения свободы договора, собственности, а за счет формирования требований, правил деятельности, стандартов.

Саморегулируемые организации создаются для достижения управленческих целей, защиты прав, законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществления добросовестной деятельности, для содействия их членам в осуществлении деятельности, направленной на достижение установленных целей. Саморегулируемые организации, предоставляющие социально полезные услуги, осуществляющие координационную деятельность своих членов для достижения управленческих целей, решения социальных проблем, развития гражданского общества в Российской Федерации, должны получать поддержку от федеральных, региональных, местных органов власти.

Приоритетное развитие саморегулируемых организаций во многом зависит от того, какие задачи они решают. Систематизация задач, установленных с учетом Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹², Указа Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», позволяет выделить следующие задачи:

1. Защита потребителей. Предотвращение и пресечение отношений, способных ввести потребителя в заблуждение или причинить вред гражданину, человеку, обществу.
2. Защита и представление интересов членов саморегулируемых организаций.
3. Разработка и установление правил, требований, стандартов деятельности членов саморегулируемых организаций.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. I, ст. 6228.

4. Обеспечение дополнительной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций перед потребителями производимых товаров (работ, услуг) и иными лицами.

5. Контроль за деятельностью членов саморегулируемых организаций.

6. Содействие развитию добросовестной деятельности, конкуренции, повышению ответственности членов саморегулируемой организации за их деятельность.

7. Проведение оценки состояния конкуренции, эффективности государственной политики по развитию конкуренции.

8. Применение механизма общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления для выявления фактов и действий, направленных на ограничение конкуренции и создание необоснованных административных барьеров.

9. Взаимодействие с государственными органами по вопросам противодействия коррупции и формирования в обществе негативного отношения к коррупционному поведению, проявлениям актов недобросовестной конкуренции и экономической деятельности, направленной на монополизацию.

10. Обеспечение добросовестной деятельности, открытости, добросовестной конкуренции, объективности при осуществлении закупок, товаров, работ, услуг, содействие устранению необоснованных запретов и ограничений в области экономической деятельности членов саморегулируемых организаций.

11. Содействие организациям-членам СРО в предоставлении качественных товаров (работ, услуг) потребителям продукции (товаров, работ, услуг).

12. Противодействие коррупции в государственных, муниципальных органах власти, организациях-членах СРО.

13. Содействие развитию антикоррупционного менеджмента.

14. Содействие открытости деятельности органов власти и организаций-членов СРО.

15. Содействие членам СРО в соблюдении законодательства Российской Федерации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Государственная политика приоритетного развития института саморегулирования в добровольной и обязательной форме должна быть направлена на создание условий для развития института саморегулирования. Для этих целей важно учитывать, что в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹³ (ст. 31.1) предусмотрена поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, действие которых можно распространить на саморегулируемые организации, предоставляющие социально полезные услуги.

В связи с этим ст. 31.1 «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и местного самоуправления» вышеуказанного Закона должна быть дополнена пунктом 13: «Установленные настоящей статьей формы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления полностью распространяются на саморегулируемые организации, предоставляющие социально полезные услуги для осуществления добросовестной деятельности их членов».

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145.

Основные выводы

1. Институт саморегулирования в сфере предпринимательской деятельности за четверть века своего развития в Российской Федерации не стал существенно влиять на регулирование предпринимательской деятельности и не может оказать влияние на достижение установленных стратегических целей развития российской экономики.

2. Нормы права, регулирующие отношения участников саморегулирования, противоречат основополагающим положениям Конституции Российской Федерации, снижают возможность эффективного развития института саморегулирования в предпринимательской деятельности.

3. Новая общегосударственная модель развития саморегулирования в Российской Федерации должна обеспечить приоритетное развитие саморегулируемых организаций, осуществляющих деятельность в добровольной и обязательной форме, для обеспечения добросовестной деятельности субъектов права.

4. Государственная политика в сфере развития предпринимательства должна создавать благоприятный правовой, экономический, организационный, информационный режим; содействовать установлению системы норм права, не противоречащих основам конституционного строя, для приоритетного развития саморегулируемых организаций, осуществления регулирования предпринимательских отношений на качественно новом уровне на основе принципа добросовестной деятельности как одного из основных начал гражданского законодательства.

5. В целях реализации государственной политики приоритетного развития института саморегулирования рекомендуется внести изменения в Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»: п. 13 ст. 31.1 «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и местного самоуправления» дополнить положением о том, что «установленные настоящей статьей формы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления полностью распространяются на саморегулируемые организации, предоставляющие социально полезные услуги для осуществления добросовестной деятельности их членов».

6. Приоритетное развитие саморегулируемых организаций во многом определяется составом задач, решаемых саморегулируемыми организациями. Предложенная система задач, которые должны решать саморегулируемые организации как общественно значимый институт гражданского общества, позволяет формировать систему ценностей участников саморегулирования на основе реализации принципа добросовестности.

7. Предлагается внести новую статью в Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» — «Основные задачи саморегулируемых организаций, позволяющие существенно изменить роль и значение саморегулируемых организаций в регулировании предпринимательской деятельности».

Претворение в жизнь предложенной общегосударственной модели приоритетного развития саморегулируемых организаций, разработанных теоретических положений, правовых категорий, норм права будет способствовать реализации конституционно-правовых основ, принципа добросовестной деятельности как одного из основных начал гражданского законодательства, достижению установленных стратегических целей, реформированию института саморегулирования.

Библиографический список

1. *Мхитарян Ю.И.* Особенности саморегулируемых организаций, осуществляющих строительство и реконструкцию объектов связи и телекоммуникаций. Правовые основы деятельности саморегулируемых организаций в строительной отрасли. Место и роль государства в развитии саморегулирования // Саморегулирование в строительной отрасли // Саморегулирование в строительной отрасли: учебно-практическое пособие для руководителей и специалистов саморегулируемых организаций. 2-е изд. / под ред. М.Ю. Викторова и А.Н. Ларионова, М., 2012. 808 с.
2. *Мхитарян Ю.И.* Правовые аспекты саморегулирования и повышение эффективности экономики Российской Федерации в XXI веке. М.: Издательский центр «Интерэкомс», 2017. 370 с.
3. *Бадмаева И., Гринкевич Д.* Игра в ассоциации: Минэк раскритиковал отраслевые объединения // Известия. 2019. 15 июня.
4. *Барков А.В.* Цивилистическая концепция правового регулирования рынка социальных услуг. М.: Юрист, 2008. 493 с.
5. *Батрова Т.А.* Саморегулирование в сфере торговой деятельности // Цивилист. М.: АНО «Юридические программы», 2010. № 4. С. 44–46.
6. *Батрова Т.А.* Тенденции развития торгового права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011, 450 с.
7. *Долинская В.В.* Частноправовые формы и методы экономического саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 2. С. 22–30.
8. *Егорова М.А.* Концепция совершенствования механизмов саморегулирования. М.: Юстицинформ, 2017. 180 с.
9. *Ершова И.В.* Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.
10. *Ершова И.В.* Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности (Лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право» // Предпринимательское право. Приложение к журналу. М.: Юрист, 2014, № 3. С. 2–15.
11. *Ершова И.В.* Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 21–46.
12. *Ершова И.В.* Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.
13. *Ершова И.В., Отнюкова Г.Д.* Предпринимательское право: учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М.: Проспект, 2015. 624 с.
14. *Занковский С.С., Михайлов Н.И.* Предпринимательское право в XXI веке. Истоки и перспективы / под ред. С.С. Занковского, Н.И. Михайлова. М.: Проспект, 2018. 672 с.
15. *Ишин А.В., Капинус Н.И.* Саморегулирование в строительстве: понятие, проблемы, совершенствование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–36.
16. *Лаптев В.А.* Акты саморегулируемых организаций как источник регулирования профессиональной и предпринимательской деятельности // Юрист. 2014. № 20.
17. *Лескова Ю.Г.* Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статус, 2014. 384 с.
18. *Мхитарян Ю.И.* Безопасность и правовые аспекты саморегулирования стройкомплекса. М.: Издательский центр «Интерэкомс», 2012. 48 с.
19. *Петров Д.А.* Саморегулирование как способ правового регулирования отношений в сфере предпринимательства. Предпосылки, воплощение и перспективы развития. М.: Проспект, 2016. 367 с.
20. *Романовская О.В.* Публичные корпорации в российском праве. М.: Юстицинформ, 2010. 400 с.
21. *Романовская О.В.* Правовой статус СРО в сфере электроэнергетики // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 40–43.

22. Романовская О.В. Саморегулирование в сфере здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2013. № 4. С. 13–19.
23. Романовская О.В. Правовой статус саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка // Реформы и право. 2016. № 3. С. 3–8.
24. Салиева Р.Н. Институт саморегулирования как правовое средство стимулирования развития самоорганизации в сфере предпринимательства в топливно-энергетическом комплексе современной России // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 16–21.
25. Ситдикова Р.И. Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом: дис. д-ра юрид. наук. Казань, 2013. 408 с.
26. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.

References

1. *Mkhitaryan Yu.I.* Features of Self-regulating Organizations Engaged in the Construction and Reconstruction of Communication and Telecommunications Facilities. Legal Basis for the Activities of Self-regulatory Organizations in the Construction Industry. The Place and Role of the State in the Development of Self-regulation // Self-Regulation in the construction industry // Self-Regulation in the construction industry: an educational and practical guide for managers and specialists of self-regulating organizations. ed. 2nd / edited by M.Yu. Viktorov and A. N. Larionov, M., 2012. 808 p.
2. *Mkhitaryan Yu.I.* Legal Aspects of Self-regulation and Improving the Efficiency of the Russian Federation's Economy in the XXI Century. Moscow: Interecoms Publishing center, 2017. 370 p.
3. *Badmaeva I., Grinkevich D.* Association Game: the Ministry of Economy Criticized the Industry Enterprises // News. 2019. June 15.
4. *Barkov A.V.* Civilistic Concept of Legal Regulation of the Social Services Market. Moscow: Yurist, 2008. 493 p.
5. *Baturova T.A.* Self-Regulation in the sphere of trade activities // Tsivilist. Moscow: ANO "Legal programs", 2010. No. 4. P. 44–46.
6. *Baturova T.A.* Tendencies of development of trade law: dis. ... d-RA jurid. sciences'. Moscow, 2011, 450 p.
7. *Dolinskaya V.V.* Private Law Forms and Methods of Economic Self-regulation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. No. 2. P. 22–30.
8. *Egorova M.A.* The Concept of Improving the Mechanisms of Self-regulation. Moscow: Justicinform, 2017. 180 p.
9. *Yershova I.V.* General and Special Rules in the Legal Support of Self-regulation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 4. P. 3–9.
10. *Yershova I.V.* Self-Regulation of Business and Professional Activity (Lecture in the framework of the training course «Business law» // Business law. Appendix to the journal. Moscow: Yurist, 2014, No. 3. P. 2–15.
11. *Yershova I.V.* Self-Regulation of business and professional activity: issues of theory and legislation // Actual problems of Russian law. 2014. No. 10. P. 21–46.
12. *Yershova I.V.* General and special rules in the legal support of self-regulation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 4. P. 3–9.
13. *Yershova I.V., Otnyukova G.D.* Business Law: textbook / resp. edited by I.V. Ershov, G.D. Otnyukova. Moscow: Prospect, 2015. 624 p.
14. *Zankovsky S.S., Mikhailov N.I.* Business Law in the XXI Century. Sources and Prospects / edited by S.S. Zankovsky, N.I. Mikhailov. Moscow: Prospect, 2018. 672 p.
15. *Ishin A.V., Kapinus N.I.* Self-Regulation in Construction: Concept, Problems, Improvement // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 4. P. 3–36.
16. *Laptev V.A.* Acts of self-regulating organizations as a source of regulation of professional and business activities // Yurist. 2014. No. 20.

17. *Leskova Y.G.* Conceptual and Legal Foundations of Self-regulation of Entrepreneurial Relations M.: Status, 2014. 384 p.
18. *Mkhitaryan Yu.I.* Security and Legal Aspects of Self-regulation of the Construction Complex. Moscow: Interecoms Publishing center, 2012. 48 p.
19. *Petrov D.A.* Self-Regulation as a Method of Legal Regulation of Relations in the Sphere of Entrepreneurship. Background, Implementation and Development Prospects. Moscow: Prospect, 2016. 367 p.
20. *Romanovskaya O.V.* Public Corporation in the Russian law. Moscow: Justicinform Publishing House, 2010. 400 p.
21. *Romanovskaya O.V.* Legal Status of SRO in the Field of Electric Power Industry // Russian justice. 2011. No. 7. P. 40–43.
22. *Romanovskaya O.V.* Self-Regulation in the Field of Health Care // Health Manager. 2013. No. 4. P. 13–19.
23. *Romanovskaya O.V.* Legal Status of Self-regulating Organizations in the Financial Market // Reforms and law. 2016. No. 3. P. 3–8.
24. *Salieva R.N.* Institute of self-regulation as a legal means of stimulating the development of self-organization in the sphere of entrepreneurship in the fuel and energy complex of modern Russia // Competition law. 2019. No. 4. P. 16–21.
25. *Sitdikova R.I.* Civil Law Mechanism of Protection of Private, Public and Public Interests by Copyright: dis. doc. of law. Kazan, 2013. 408 p.
26. *Tikhomirov Y.A.* Legal Regulation: Theory and Practice. Moscow: Formula of law, 2010. 400 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10010

УДК 347.23

А.Ю. Чурилов

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ

Введение: проблема охраны программ для ЭВМ представляет существенную проблему как в теории, так и на практике. Положение усугубляется тем, что для программ для ЭВМ используются два основных режима охраны — это объект либо авторского права, либо промышленной собственности (т.е. изобретение). **Цель:** выявление пределов охраны программ для ЭВМ как объекта авторского права и рассмотрение патентоспособности программ для ЭВМ как изобретений. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы. **Результаты:** охране нормами авторского права подлежит только код исходной программы для ЭВМ и его близкое парафразирование. **Выводы:** структура, последовательность и организация программы для ЭВМ не должны охраняться нормами авторского права, но могут подлежать охране нормами патентного права как изобретение в том случае, если такая программа представляет собой новое техническое решение.

Ключевые слова: программы для ЭВМ, программное обеспечение, охрана программ для ЭВМ, авторское право, патентное право.

A.Y. Churilov

PROBLEMS OF COMPUTER PROGRAMS PROTECTION

Background: the problem of the protection of computer programs presents significant problems both in theory and in practice. The problem is aggravated by the fact that there are two main regimes of protection for computer programs - copyright and industrial property (invention). **Objective:** to identify the scope of computer software protection as a copyrightable subject matter and to consider the patentability of computer programs as inventions. **Methodology:** general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (legal and dogmatic) methods. **Results:** only the source code of the computer program and its close paraphrasing are subject to copyright protection. **Conclusion:** the structure, sequence and organization of a computer program should not be protected by copyright but may be subject to protection by patent law as an invention if such a program is a technical solution, method, and is associated with a technical device.

Key-words: computer programs, software, protection of computer programs, copyright, patent law.

Компьютер не может работать без определенного набора инструкций. Эти инструкции и содержит программное обеспечение (программы для ЭВМ). В различных странах отличается и определение программы для ЭВМ. Отечественный

© Чурилов Алексей Юрьевич, 2020

Кандидат юридических наук, аналитик НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» (Юридический институт Национального исследовательского Томского государственного университета); e-mail: Lefikantor@yandex.ru

© Churilov Aleksei Yurievich, 2020

Candidate of law, analyst of REC «Intellectual Property and Intellectual Rights» (Law Institute of the National Research Tomsk State University)

законодатель определяет программу для ЭВМ как представленную в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения¹. В соответствии с законодательством США компьютерная программа представляет собой совокупность выражений или инструкций, используемых компьютером напрямую или опосредованно для получения определенного результата².

Самым распространенным режимом охраны компьютерной программы является охрана нормами авторского права. В соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ, так и Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений (ст. 2) на программы для ЭВМ распространяется режим авторского права. В частности, в соответствии с ГК РФ на программы для ЭВМ распространяется режим охраны литературных произведений. Такое приравнивание программ для ЭВМ к произведениям литературы, как представляется, все же не вполне учитывает особую технологическую и функциональную природу программ для ЭВМ.

Несмотря на долгую историю предоставления компьютерным программам охраны как объектам авторского права, проблема определения пределов такой охраны возникает до сих пор.

В первую очередь необходимо отметить, что единственным условием охраноспособности программного обеспечения, как и литературного произведения, является его творческий характер [1], поскольку исключительно техническая работа не повлечет за собой создания объекта авторского права.

Определение творческого характера программного обеспечения может вызвать определенные трудности. Если творческий характер рассказа или пьесы можно обнаружить в самом повествовании, то ответ на вопрос, в чем заключается творческий характер кода программы, может вызвать некоторые сложности. Творческий характер при создании программы для ЭВМ проявляется в создании особых алгоритмов или последовательностей операций, поскольку для их создания требовались творческие усилия автора или коллектива авторов, а также и сама архитектура программы в том случае, если она представляет собой выдающийся результат творческого труда.

Общеизвестно, что авторским правом охраняется только выражение идеи, а не сама идея. Следовательно, эти же ограничения применяются и к программам для ЭВМ. Например, в деле *Whelan Assocs., Inc. v. Jaslow Dental Lab., Inc.* (США) суд постановил, что охраноспособен весь программный код, за исключением только функциональных элементов, т.е. содержания программы. По общему правилу, когда речь идет о функциональных элементах программы для ЭВМ, можно утверждать, что произошло слияние идеи и выражения идеи, что исключает охраноспособность функциональных элементов кода программы³. Применительно к компьютерным играм английские суды также придерживаются мнения, что лишь идея того, что программа должна делать, не является охраноспособной, поскольку объектом авторского права может быть лишь выра-

¹ См. ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) (в ред. от 23 мая 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ст. 5496.

² См.: The Copyright Act of 1976. 17 U.S. C. 101.

³ См.: *Whelan Assoc., Inc. v. Jaslow Dental Laboratory, Inc.*, 797 F.2d 1222, 1233 (3rd Cir. 1986).

жение этой идеи в строках программного кода⁴. Это очевидно исходит из логики того, что охраняется форма, но не содержание произведения [2]. Следовательно, и охране подлежит лишь сам программный код и его близкое парафразирование, но не функционал программы, по аналогии с охраной литературных произведений. Очевидно, не будет нарушением исключительного права автора реализация написанного в книге — то же в настоящий момент справедливо и применительно к программам для ЭВМ.

Охраняется исключительно такое выражение идеи автора, которое носит творческий характер. Такое положение подразумевает, что имеется несколько способов выразить одну и ту же идею в программном коде. Следовательно, в том случае, если существует только единственный способ создания определенной части программного кода для достижения определенного результата, то такое выражение не носит творческого характера и не подлежит охране. Таким образом, функциональные элементы программы для ЭВМ не являются охраноспособными. Признать обратное, по справедливому замечанию судов, — значит признать возможным охранять идеи, позволяя их монополизировать⁵. Так, в деле *Ibcos Computers Ltd. v Barclays Mercantile Highland Finance Ltd* суд, установив охраноспособность программного кода истца, отметил, что одинаковые части программы могли возникнуть из функциональной необходимости, поскольку любой умелый программист выразил бы свою идею точно так же⁶.

Также следует подчеркнуть, что язык программирования не подлежит охране в силу прямого указания закона⁷, поскольку очевидно представляет собой не результат творческой деятельности создателя программы, а средство достижения этого результата.

Ключевая проблема состоит в том, что ни в доктрине, ни в судебной практике не выработано единого подхода в отношении того, что является «выражением идеи», а что — «идеей» для определения охраноспособности программы для ЭВМ. Эта проблема возникла не в последнюю очередь потому, что программа для ЭВМ, несмотря на то, что она охраняется в качестве литературного произведения многими законами, таковой на самом деле не является — это технологическая разработка, посредством которой компьютер может выполнять присущие ему функции. Авторское же право охраняет произведения искусства, литературы и иные объекты, не имеющие никакого отношения к технологиям. В отличие от патентной охраны, для охраны нормами авторского права необходимо лишь приложить минимального уровня творческого труда при создании программы, написании ее исходного кода. Так и используемые в правоприменительной практике доктрины, относящиеся к авторскому праву: слияние идеи и выражения [3; 4], существенное сходство, добросовестное использование⁸ — допускают широкое толкование, что позволяет по усмотрению суда сужать или расширять пределы охраны программного кода.

Отличие программ для ЭВМ от традиционных произведений литературы и искусства достаточно велико. Помимо уже отмеченной — технологической, а

⁴ См.: *Nova Productions Ltd v Mazooma Games Ltd & Ors (CA)*. [2007] EWCA Civ 219.

⁵ См.: *SAS Institute Inc v. World Programming Ltd*. Case C-406/10.

⁶ См.: *Ibcos Computers Ltd. v Barclays Mercantile Highland Finance Ltd*. [1994] 29 IPR 25.

⁷ См. п. 5 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) (в ред. от 23 мая 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ст. 5496.

⁸ В России не сложилось концепции добросовестного использования произведения. Вместо нее законодателем предусмотрен исчерпывающий перечень случаев свободного использования произведения, в том числе и программы для ЭВМ.

не литературной природы программы для ЭВМ, отличие состоит в том, что программы представляют собой алгоритмы, выполнение которых компьютером дает соответствующий, зачастую материальный, результат, тогда как те же литературные произведения не производят никакого дополнительного результата, являясь единственным и самостоятельным результатом творческой деятельности автора. Программам для ЭВМ предоставлена куда более слабая правовая охрана — охране подлежат лишь код программы и его парафразированные вариации, при этом сам функционал программы, ее общая структура (последовательность элементов и алгоритмов) не могут охраняться, поскольку представляют собой строго функциональные неохраноспособные элементы. Сам результат, который достигается при функционировании программы, не подлежит охране нормами авторского права в США, а также в РФ не подлежит охране авторского права результат, отличный от аудиовизуальных отображений. При этом представляется, что аудиовизуальные отображения, которые порождает программа для ЭВМ, необходимо во многих случаях охранять отдельно. К таким случаям следует отнести, к примеру, охрану аудиовизуальных элементов компьютерных игр [5]. Особенности охраны программ для ЭВМ исходя из особой ее природы предусмотрены и отечественным законодательством⁹ и судебной практикой¹⁰.

Потенциальное признание особой природы программы для ЭВМ повлияло на решение федерального суда США по делу *Oracle America, Inc. v. Google, Inc.*¹¹. В данном деле между сторонами возник спор касательно схожести языка программирования, используемого Google в Android, и Java, разработанного компанией Oracle. Компания Google позаимствовала «заголовки» 37 программ, составляющих часть программной системы языка Java, его интерфейса программирования¹², скопировав их практически буквально, с учетом перевода на язык программирования, используемый в Android. При этом так называемые «методы», или индивидуальные программы, были организованы в Android идентично их организации в Java. Федеральный суд применил авторское право в более широком толковании в этом деле, указав, что некоторые функциональные элементы все же могут охраняться авторским правом. Суд следовал двум основным прецедентам в этой сфере — *Computer Assocs. Int'l, Inc. v. Altai* и *Lotus Dev. Corp. v. Borland Int'l, Inc.*¹³, однако, совершенно по-своему интерпретировал их. В этих делах суды пришли к выводу, что программный код охраняется нормами авторского права, но структурные элементы программы, которые направлены на достижение функционального результата программы, должны охраняться нормами патентного права либо как коммерческая тайна. Также для выявления заимствований чужой программы в деле *Computer Associates International, Inc. v. Altai Inc.*¹⁴ суд предложил воспользоваться тестом на схожесть программ, состоящим из трех последовательных шагов — Абстракция-Фильтрация-Сравнение [7].

Следует подчеркнуть, что скопирован был не сам исходный код, а результат действия такого кода. Google заимствовал функционал программы — был создан

⁹ См.: ст. 1261, 1280 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) (в ред. от 23 мая 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ст. 5496.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.

¹¹ См.: *Oracle America, Inc. v. Google, Inc.* 750 F.3d 1339 (Fed. Cir. 2014).

¹² API — application programming interface.

¹³ См.: *Computer Assocs. Int'l, Inc. v. Altai*, 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992); *Lotus Dev. Corp. v. Borland Int'l, Inc.*, 49 F.3d 807 (1st Cir. 1995).

¹⁴ См.: *Computer Associates International, Inc. v. Altai Inc.* 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992).

программный код, который выполнял те же функции, и в процессе его работы возникал такой же результат. Практика по общему правилу, идет по пути в соответствии с которым, только потому, что две абсолютно разные программы могут произвести одинаковый результат, это не влечет нарушения исключительного права автора одной из программ¹⁵. Google, позаимствовав 37 заголовков, элементов интерфейса программирования Java, включил их во множество своих функций, методов и заголовков, что сделало язык программирования Android и, как следствие, приложения, созданные на его основе, несовместимым с системами, использующим язык Java. Это не остановило федеральный суд от признания охраноспособными «структуры, последовательности и организации»¹⁶ 37-ми «заголовков» языка Java, поскольку при рассмотрении дела ими был опущен шаг «фильтрация», применимый только при рассмотрении дел о нарушении исключительных прав автора.

Такое решение представляется не соответствующим природе охраны программ для ЭВМ в силу того, что в данном случае суд распространил охрану не только на форму программы, но и на ее содержание, что недопустимо и противоречит фундаментальным положениям авторского права. Несмотря на особую, *sui generis*, правовую природу программ для ЭВМ, это не является основанием для расширения авторской охраны в их отношении. Несмотря на то, что в итоге Google успешно воспользовался доктриной добросовестного использования, для защиты факт признания, на уровне федеральных судов в США возможности охраны структуры, последовательности и организации программы, а также программного интерфейса — создает опасный прецедент. Предоставление авторской охраны программному интерфейсу может дать несомненные конкурентные преимущества игрокам на соответствующих товарных рынках.

Еще одним существенным отличием программ для ЭВМ от традиционных произведений литературы является то, что программа для ЭВМ может подлежать охране патентным правом. В этой связи необходимо рассмотреть особенности и пределы патентной охраны программ для ЭВМ как изобретения.

Отечественное законодательство подчеркивает, что изобретение представляет собой именно техническое решение, относящееся к способу или продукту, исключая тем самым из патентоспособных решений научные теории, методы и системы воспитания, обучения, методы и системы управления хозяйством [8]. Схожих правил придерживается и европейское законодательство¹⁷. В США как изобретение охраняются способ, устройство, продукт или соединение, комбинация материальных объектов¹⁸. Следует отметить, что программу для ЭВМ, с учетом ее природы, можно запатентовать как способ.

Программное обеспечение само по себе не может быть запатентовано независимо от новизны и изобретательского уровня кода программы. Статья 52 Европейской патентной конвенции исключает из патентной сферы компьютерные программы в случае, когда компьютерные программы «как таковые» являются предметом патентной заявки. Отечественное законодательство следует таким же путем. Для потенциальной возможности получения патента на программу для ЭВМ изобретение должно включать в себя техническое устройство, которое управляется этим программным обеспечением.

¹⁵ См.: *Navitaire Inc v Easyjet Airline Co. and BulletProof Technologies, Inc* [2004] EHC 1725 (Ch).

¹⁶ Structure, sequence and organization (SSO).

¹⁷ См.: Rule 42 of Implementing Regulations to the Convention on the Grant of European Patents.

¹⁸ См.: 35 U.S. Code § 101 — Inventions patentable.

К примеру, если программа составляет непосредственную часть аппаратного устройства, которое может функционировать только с использованием такого программного обеспечения, нет препятствий для патентования такой программы вместе с устройством. Такой подход был использован при рассмотрении патентным офисом ЕС дела T0208/84 по поводу заявления на выдачу патента 79300903.6, поданной VICOM Systems Inc. Заявитель хотел запатентовать изобретение, сочетающее в себе метод (программное обеспечение) и устройство для увеличения скорости и повышения качества обработки изображений. Программа руководит процессом, при этом непосредственное улучшение изображений (результат) производит техническое устройство. Апелляционная коллегия патентного офиса, отменяя первоначальное решение об отказе в выдаче патента, указала, что противоречат логике выдача патента на техническое устройство и одновременный отказ в охране программному обеспечению, которое это устройство контролирует¹⁹. В таких случаях необходимо оценивать изобретение как связку программа-устройство, поскольку материальный эффект, производимый изобретением, проявляется исключительно в результате непосредственного взаимодействия программы и контролируемого устройства. Этой практики в настоящее время придерживаются и в Америке. Так, одним из тестов на патентоспособность программы в США является тест «устройство-или-трансформация»²⁰, суть которого состоит в том, что патент на программу может быть выдан только в том случае, если она связана с определенным устройством либо с ее помощью происходит трансформация объекта в другое состояние²¹. Этот тест схож с требованием неразрывной связи программы с устройством, используемым при определении патентоспособности программы в ЕС, и в то же время расширяет его, поскольку связь можно толковать расширительно как использование программой компьютерного оборудования для достижения определенной заложенной цели. В дальнейшем в деле *Bilski v. Kappos* Верховный суд США указал, что тест «устройство-или-трансформация» не является единственным и суды могут применять иные тесты для определения охраноспособности изобретения²². В этом же решении суд отверг доводы о том, что способ обязательно должен быть связан с устройством или при его применении должна происходить трансформация объекта в другое состояние. Вместе с тем это решение не изменило кардинально сложившуюся практику, в соответствии с которой способы ведения бизнеса не подлежат патентованию. Так, суд отказал в патентовании компьютеризированного способа установления цен на продукты на основе их группировки, поскольку иерархическая организация представляет собой абстрактную идею, которая может быть воплощена на бумаге²³. Следовательно, одного лишь указания в патентной формуле, на то что результат достигается «при помощи компьютера» — не превращает непатентоспособную абстрактную идею в патентоспособную²⁴.

Более того, чтобы программа для ЭВМ могла быть признана охраноспособной как изобретение, к ней предъявляются куда более повышенные требования,

¹⁹ См.: *Vicom case T 0208/84 (Computer-related invention)* of 15.7.1986.

²⁰ *Machine-or-transformation test*.

²¹ Впервые этот тест был применен для оценки патентоспособности способа в деле *Gottschalk v. Benson*. 409 U.S. 63 (1972).

²² См.: *Bilski v. Kappos*, 561 U.S. 593 (2010).

²³ См.: *Versata Development Group Inc v. SAP America Inc* [2015]. F.3d. U.S. App. LEXIS 11802.

²⁴ См.: *Alice Corp. v. CLS Bank International*, 573 U.S. 208.

нежели если бы она охранялась исключительно нормами авторского права. Программа для ЭВМ должна соответствовать трем условиям:

- 1) быть новой (т.е. неизвестной из текущего уровня техники);
- 2) иметь изобретательский уровень. Данный критерий также называют требованием неочевидности — для специалиста это изобретение явным образом не следует из текущего уровня техники;
- 3) быть промышленно применимым — программное обеспечение может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, других отраслях экономики или в социальной сфере²⁵.

Новизна кода программного обеспечения, как правило, очевидна, поскольку патентовать имеет смысл лишь новые части программного обеспечения — тот программный код, который воплощает новый функционал программы. Здесь-то и пролегает «водораздел» между охраной программы для ЭВМ как объекта авторского права и как объекта права промышленной собственности. Патентной охране подлежат именно функциональные элементы программы, посредством которых достигается промышленно применимый результат. Такие элементы не могут подлежать охране нормами авторского права во избежание предоставления, во-первых, двойной защиты одному и тому же объекту и, во-вторых, неоправданно продолжительной охраны такому объекту.

Проблематичным представляется решение вопроса о том, имеет ли программное обеспечение изобретательский уровень, поскольку при создании программ, как правило, используются известные языки программирования и известные алгоритмы решения задач. Таким образом, большинство программ для ЭВМ с точки зрения изобретательского уровня программного кода будут являться очевидными для специалистов в этой сфере. В качестве примера можно привести патент фирмы Amazon — программный способ приобретения товаров в онлайн-магазине одним щелчком мыши (One click)²⁶, зарегистрированный в США в 1999 году. Эта патентная заявка была отклонена европейским патентным офисом на том основании, что способ уменьшения количества шагов, необходимых для покупки в онлайн-магазине, не обладает изобретательским уровнем, достаточным для выдачи патента²⁷.

Определение промышленной применимости программ для ЭВМ может вызвать определенные трудности. Изобретением является техническое решение, относящееся к продукту (устройству, веществу, штамму микроорганизма и т.д.) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств). Таким образом, презюмируется, что изобретение должно приводить к какому-либо материально-техническому результату. Компьютерные же программы, как правило, представляют собой абстрактные идеи, алгоритмы и методы, которые лишь используются для получения материально-технического результата.

Таким образом, несмотря на особую природу программ для ЭВМ и их очевидное отличие от произведений литературы, невозможно расширять пределы

²⁵ Такие же критерии патентоспособности закреплены и в Европейской Патентной Конвенции 1977 года (см. Art. 52 of The European Patent Convention): new (новизна), involve an inventive step (наличие изобретательского уровня) and are susceptible of industrial application (промышленная применимость).

²⁶ См.: US5960411 (A) - 1999-09-28.

²⁷ См.: Decision of the Technical Board of Appeal 3.5.01 of 27 January 2011. Case Number: T 1244/07 - 3.5.01.

охраны программы для ЭВМ нормами авторского права дальше, чем охрану исходного кода и его близкого парафразирования. Структура, последовательность и организация программы для ЭВМ не должны охраняться нормами авторского права, но могут подлежать охране нормами патентного права как изобретение в том случае, если такая программа представляет собой техническое решение, способ и связана с техническим устройством.

Библиографический список

1. Соломоненко Л. Критерии охраноспособности произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 2. С. 51–57.
2. Каминская Е.И. Вопросы охраноспособности и ответственности за нарушение авторских прав в отношении шрифтов, карт, фотографий как объектов авторского права // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2018. Вып. 23. С. 73–95.
3. Семенюта Б.Е. Графический пользовательский интерфейс программы для ЭВМ: проблемы правового регулирования // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 2. С. 42–58.
4. Чурилов А. Режимы охраны программ для ЭВМ: изобретение, коммерческая тайна или литературное произведение? // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 7. С. 35–44.
5. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.
6. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 10. С. 59–68.
7. Чурилов А.Ю. Особенности правовых режимов охраны программного обеспечения // Хозяйство и право. 2017. № 8. С. 35–44.
8. Назаренко А.В. Проблемы правовой квалификации мультимедийных продуктов // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 9. С. 27–34.

References

1. Solomonenko L. Criteria for Protectability of the Work // IP. Copyright and Related Rights. 2016. № 2. P. 51–57.
2. Kaminskaya E.I. Issues of Patentability and Liability for Copyright Infringement Regarding Fonts, Maps, Photos as Objects of Copyright // Commentary jurisprudence / resp. ed. K. B. Yaroshenko. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, CONTRACT, 2018. Issue. 23. P. 73–95.
3. Semenyuta B.E. Graphic User Interface of the Computer Program: problems of Legal Regulation // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2015. № 2. P. 42–58.
4. Churilov A. The Modes of Protection of Computer Programs: Invention, Trade Secret or Literary Work? // IP. Copyright and Related Rights. 2017. № 7. P. 35–44.
5. Arkhipov V.V. Intellectual Property in the Industry of Computer Games: Problems of Theory and Practice // Law. 2015. № 11. P. 61–69.
6. Churilov A.Yu. Legal Regulation of Intellectual Property in the Gaming Industry // IP. Copyright and Related Rights. 2017. № 10. P. 59–68.
7. Churilov A.Yu. Features of the Legal Regimes of Software Protection // Economy and Law. 2017. № 8. P. 35–44.
8. Nazarenko A.V. Problems of Legal Qualification of Multimedia Products // IP. Copyright and Related Rights. 2016. № 9. P. 27–34.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10011

УДК 347.4

М.Д. Масолкин

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ФОРМЫ
ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Введение: в статье анализируются особенности заключения и формы договора страхования жизни и здоровья, которые являются актуальными как для теории, так и для практики гражданских правоотношений в сфере страхования. **Цель:** исследовать проблемы, касающиеся правил заключения и формы договора страхования жизни и здоровья, и предложить пути решения. **Методологическая основа:** общие методы научного познания (в т.ч. диалектический метод и системный анализ, переход от абстрактного к конкретному, от конкретного к абстрактному и др.). **Результаты:** проанализированы различные точки зрения касательно соотношения понятий «страхование жизни» и «личное страхование», а также значения страхового полиса как формы договора страхования. Обосновано, что страховой полис является исключительной формой договора личного страхования, в частности договора страхования жизни и здоровья, со своими особенностями: страховой полис подписывается только страховщиком, принимается страхователем, что подтверждает его согласие с условиями договора, и содержит все существенные условия договора. **Выводы:** именно правильное заключение договора страхования жизни и здоровья и соблюдение его формы позволяют выстроить рациональные страховые отношения между страховщиком и страхователем, т.к. при допущении ошибки на этой стадии зарождения данных правоотношений договор может быть признан недействительным.

Ключевые слова: страхование, договор личного страхования, договор страхования жизни и здоровья, онлайн-страхование.

N.D. Masolkin

FEATURES OF THE CONCLUSION AND FORM
OF THE CONTRACT OF LIFE AND HEALTH INSURANCE

Background: the article analyzes the features of the conclusion and form of life and health insurance contract, which are relevant both to the theory and practice of civil legal relations in the field of insurance. **Objective:** to study the problems related to the rules of conclusion and form of life and health insurance contract and to offer the author solutions. **Methodology:** general methods of scientific knowledge (including dialectical and system analysis, transition from abstract to concrete, from concrete to abstract, etc.). **Results:** different points of view regarding the relationship between the concepts of “life insurance” and “personal insurance”, as well as the value of the insurance policy as a form of insurance contract are analyzed. It is proved that the insurance policy is an exclusive form of personal insurance contract, in particular, life and health insurance contract, with its own characteristics-the insurance policy is signed only by the insurer, the insurance policy is accepted by the insured, which confirms his agreement with the terms of the contract and

© Масолкин Михаил Дмитриевич, 2020

Аспирант кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mihail-masolkin@rambler.ru

© Masolkin Mikhail Dmitrievich, 2020

Post-graduate student, Civil law department (Saratov State Law Academy)

the insurance policy contains all the essential terms of the contract. Conclusions: it is the correct conclusion of the life and health insurance contract and compliance with its form that allows to build a rational insurance relationship between the insurer and the insured, since the contract can be invalidated if an error is made at this stage of the origin of these legal relations.

Key-words: *insurance, personal insurance contract, life and health insurance contract, online-insurance.*

Такой правовой институт, как страхование, безусловно, выступает главной составляющей действия рыночных отношений, поскольку в нем затрагиваются интересы конкретного человека либо обеспечивается должная защита имущественных интересов хозяйствующих субъектов, при нарушении их в связи с наступлением негативных обстоятельств природного или иного характера.

Договор страхования представляет собой соглашение между страхователем и страховщиком, по которому последний обязуется при наступлении определенного события произвести выплату лицу, в пользу которого заключен договор, взамен за уплату определенной премии (взносов) в установленные сроки [1, с. 3].

Предусмотрено два самостоятельных вида договоров страхования: личное страхование, которое предполагает защиту от всех рисков, связанных с личностью конкретного человека, и имущественное страхование, используемое при страховании имущества, гражданской ответственности, предпринимательских и финансовых рисков.

Страхование жизни и здоровья является разновидностью личного страхования и обеспечивает финансовую безопасность граждан и их семей на сегодняшний день и в далеком будущем. Иными словами, страхование не выступает способом получения дохода, оно защищает от потери дохода путем учета возможных рисков.

В соответствии с действующим законодательством страхование жизни и здоровья характеризуется как отрасль страхования, где объектом выступают имущественные интересы, связанные с дожитием граждан до определенного возраста или срока либо наступлением иных событий в жизни граждан, а также с их смертью¹.

Отметим, что в юридической науке встречаются спорные точки зрения относительно соотношения понятий «страхование жизни» и «личное страхование». Так, С.Б. Богоявленский определяет, что «страхование жизни — это совокупность видов личного страхования, где страховой риск обусловлен случайной продолжительностью человеческой жизни» [2, с. 615]. В свою очередь А.К. Шихов определяет, что «виды личного страхования подразделяются на подвиды, а страхование жизни на определенные случаи (наступление окончания срока действия договора страхования или определенного договором возраста; наступление в жизни застрахованного лица событий, определенных договором страхования; окончание детьми, внуками школы и (или) поступление в институт; смерти застрахованного лица и др.» [3, с. 192–193].

¹ См.: Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 28 ноября 2018 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 56; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7524.

На наш взгляд, при решении данного вопроса необходимо следовать позиции законодателя и рассматривать страхование жизни как разновидность личного страхования. Чтобы избежать путаницы в терминологии, строить классификацию следует исходя из общего деления страхования на личную и имущественную составляющую.

Определение договора страхования жизни и здоровья отсутствует, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) содержится лишь понятие договора личного страхования в целом, а именно в п. 1 ст. 934 говорится о том, что по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая)².

Правила заключения договора страхования жизни и здоровья подчиняются общему порядку, закрепленному в ГК РФ для всех договоров, т.е. гражданско-правовой договор будет считаться заключенным только в том случае, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Для заключения договора страхования жизни и здоровья необходимы определенные основания, к ним можно отнести инициативу сторон договора или указание закона. Подавляющее большинство таких договоров заключаются по воле сторон, ст. 421 ГК РФ определяет свободу граждан и юридических лиц в заключении договора, т.е. принудительное заключение договора исключается, кроме случаев, прямо указанных в законе — договоры обязательного страхования.

Поясним, что договор страхования жизни и здоровья именуется как публичный. Под публичным договором понимается договор, который заключается коммерческой организацией, где определяются ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию определенных услуг, которые данная организация осуществляет в соответствии со сферой своей деятельности, также организация обязана выполнить все действия в отношении каждого лица, обратившегося к ней [4, с. 102–103]. Таким образом, невозможен отказ страховщиком любому лицу, желающему застраховать свою жизнь; при этом условия договора страхования жизни должны быть универсальными для каждого страхователя.

Перед тем как заключить договор страхования жизни и здоровья страхователь первоначально обращается к страховщику с заявлением, которое может быть составлено как в письменной, так и в устной форме. Устная форма заявления при обращении за страховой услугой зачастую применяется при обязательном страховании. Например, при покупке проездного билета автоматически предполагается устное заявление об оформлении страховой услуги (страховании жизни и здоровья пассажиров и их багажа на период проезда), в это время заключение такого договора страхования происходит моментально, в этой же билетной кассе, где был куплен проездной билет. Еще один пример устного заявления — является заявление о страховании туристов, выезжающих за границу.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410.

Письменная форма заявления оказывает большее влияние именно на само содержание последующего договора страхования жизни и здоровья, т.к. может содержать различные условия о застрахованном лице, рисках, а также другие сведения, имеющие значение для договора. Исходя из того, что заявление страхователя играет важную роль при заключении договора страхования жизни и здоровья, следует придать ему особый правовой статус и повысить его значение, ввиду того, что такое заявление определяет сущность условий договора страхования.

Страховые компании в своей деятельности используют бланки заявлений, где указаны все вопросы, необходимые для определения риска, который она берет на себя. Все указанные сведения заявления должны быть учтены в ходе расчета страховой премии.

Важным моментом при написании и принятии письменного заявления при заключении договора страхования является то, что содержание заявления должно быть оговорено в тексте самого договора или полиса. Но, к сожалению, на практике довольно часто содержание заявления противоречит договору или полису, в т.ч. и в силу того, что согласно ст. 940 ГК РФ имеет приоритет сам договор или полис, т.е. страховая компания может специально изменить или не учесть условия, оговоренные в заявлении, и тем самым создать для себя более выгодное положение, что, безусловно, нарушит права страхователя как слабой стороны договора. Это подтверждается следующим примером: так, гражданка А. обратилась в Советский районный суд города Орла с иском к ООО «Страховая компания „Росгосстрах-Жизнь”», ссылаясь на то, что она указала в письменном заявлении, что является инвалидом 2 группы. Страховая компания намерено этот факт не учла и выдала гражданке А. полис страхования жизни и здоровья. Позже истица выяснила, что согласно правилам страховой организации, а именно Программе «Управление капиталом +», которая выступает неотъемлемой частью полиса страхования жизни и здоровья, не могут приниматься на страхование лица, являющиеся инвалидами 1, 2, 3 группы и имеющие основания (в т.ч., оформленные соответствующим документом — направлением) для назначения инвалидности либо являвшимися инвалидами ранее, но не прошедшие очередное переосвидетельствование. Таким образом, учитывая вышеизложенное, суд признал заключенный договор (полис страхования жизни и здоровья) между гражданкой А. и ООО «Страховая компания „Росгосстрах-Жизнь”» недействительным³.

Пожалуй, решение этой проблемы можно найти в законодательстве зарубежных стран. В частности, согласно закону ФРГ «О страховом договоре» 1908 г., в случае, когда содержание страхового свидетельства отклоняется от заявления, это отклонение считается одобренным, если страхователь в течение одного месяца не заявит письменного возражения. Страховая организация должна прямо на это указать в страховом свидетельстве письменно, если же страховщик не выполнил это предписание, то отклонение не является обязательным для страхователя [5, с. 23].

Договор страхования жизни и здоровья имеет несколько способов заключения:
1) составление одного документа, подписанного сторонами;

³ См.: Решение Советского районного суда города от 22 февраля 2018 г. № 2-184/2018. Дело № 2-2144/2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.12.2018).

2) вручение страховщиком страхователю на основе его письменного либо устного заявления страхового полиса (свидетельства, сертификата, квитанции), подписанного страховщиком.

Важным, на наш взгляд, является второй вид заключения договора страхования жизни и здоровья, поскольку именно он отражает особенность данного договора, которая отличает его от других гражданско-правовых договоров. Это подтверждается ученым Ю.Б. Фогельсоном, который отмечает, что «указанная в законе конструкция «заявление — полис — принятие полиса» является исключительной и создана только для договоров страхования» [6, с. 154]. Как показывает практика: свидетельство, сертификат, квитанция не получили должного внимания и распространения в сфере страхования. Исходя из этого целесообразно рассмотреть страховой полис как форму договора страхования.

Страховой полис выступает стандартной формой договора, при этом опираясь на п. 1 ст. 420 ГК РФ: договором является соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. В науке гражданского права бытуют различные мнения на этот счет. В.И. Серебровский рассматривает «страховой полис» как односторонний документ, подписанный страховщиком, выдаваемый в порядке подтверждения заключения договора страхования и представляющий собой обещание страховщика уплатить известную сумму денег в случае наступления в течение установленного срока, предусмотренного договором события» [7, с. 408]. Иными словами, полис является только удостоверением (доказательством) состоявшегося договора. Похожую точку зрения излагает Г.С. Демидова: «страховой полис — это документ, выдаваемый страховщиком, подтверждающий достигнутое между страховщиком и страхователем соглашение о заключении договора страхования, а также удостоверяющий (легитимирующий) личность страхователя (выгодоприобретателя, застрахованного лица) для получения страховых выплат в связи с наступившим страховым случаем» [8, с. 35]. Таким образом, страховой полис является лишь подтверждающим документом. Мы полагаем, что это не совсем верное утверждение, в виду того, что страховой полис не является односторонним документом, ведь заключение осуществляется путем подписания страховщиком и согласия страхователя, что подтверждается принятием полиса, кроме этого, договор вообще может не заключаться, а формой заключения соглашения может служить только страховой полис.

Заслуживает внимания точка зрения В.Ю. Абрамова относительно сущности страхового полиса: так, страховой полис выступает как стандартная форма договора страхования и составляется на типовом бланке, где, согласно нормам ГК РФ, обязательно указываются все существенные условия страхования [9, с. 320]. Страховой полис должен содержать все существенные условия договора страхования жизни и здоровья — ведь именно законодатель охарактеризовал страховой полис как договор страхования, что является обоснованным.

Подводя итог, скажем, что страховой полис является исключительной формой договора личного страхования, в частности договора страхования жизни и здоровья, со своими особенностями: страховой полис подписывается только страховщиком, страховой полис принимается страхователем, что подтверждает его согласие с условиями договора, и страховой полис содержит все существенные условия договора. Иначе говоря, страховой полис является двусторонним

договором, подписанным страховщиком и принятым страхователем, который содержит в себе все существенные условия договора.

Отдельно хотелось бы выделить существование онлайн-страхования, где страховой полис заказывается через сайт страховой организации либо посредника, здесь можно осуществить выбор страхового продукта, с расчетом тарифа и страховой суммы, оплаты, определится с условиями организации осмотра имущества и доставки самого полиса.

Такое новшество получило свое развитие вместе с утверждением Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г.⁴ Несомненно, это имеет множество плюсов: наше общество сейчас живет в онлайн-режиме, мы заказываем товары и услуги через Интернет, не исключением теперь является и страхование. На сегодняшний день почти все организации, даже небольшие имеют свои сайты, веб-страницы в различных социальных сетях и т.д., куда можно зайти в любое время дня и ночи и оформить ту или иную услугу. Существуют и другие удобства, связанные с упрощением процедуры страхования. Так, можно наглядно сравнить страховые компании и их услуги, выбрать организацию не выходя из дома, что экономит силы и время. Допускается моментальный автоматический подсчет страховой суммы и тарифов при помощи страхового мультикалькулятора, можно сразу оплатить услуги онлайн, и, естественно при таком выборе страхования присутствует минимизация человеческого фактора, исключаются встречи и общение с представителями страховой организации. Некоторые авторы отводят огромную роль в своем исследовании именно преимуществам онлайн страхования [10, с. 341–344].

Однако, к сожалению, существуют и минусы онлайн-страхования. К примеру, в силу незнания страхового дела может возникнуть сложность в выборе вида страхования, и неправильное определение договора страхования приведет к неверным расчетам, в результате чего будущий страхователь оплачивает большую сумму или получает совсем ненужную услугу. Также до сих пор у общества возникают сложности в использовании электронно-цифровых подписей, некоторые граждане психологически не готовы к использованию такого механизма.

Законодатель установил, что договор может быть заключен в любой форме, которая установлена для совершения сделок, если в законе нет определенных указаний. В соответствии с п. 2 ст. 420 ГК РФ к договорам применяются правила о двусторонних и многосторонних сделках, также в законе оговорено, что сделки юридических лиц между собой и с гражданами должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения. Напомним, что в страховании существует требование о письменной форме договора. Исходя из этого и стремительного развития онлайн-страхования возникает необходимость расширения толкования традиционного представления об определении «письменная форма сделки». Тогда возникают некоторые вопросы в теории и практике относительно страхования жизни и здоровья через Интернет, а именно: каковы последствия получения страхователем страхового полиса на основании его обращения, поступившего через Интернет и оплаты страховой премии страховщику; будут ли эти действия характеризоваться как заключение договора страхования жизни и здоровья и т.д. Пожалуй, для дачи ответов на указанные вопросы требуется отдельное исследование.

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 31, ст. 4255.

Как мы видим, система онлайн-страхования просто необходима для нашего общества, однако, помимо положительных моментов, есть и минусы. Мы полагаем, что следует создать единую систему электронных полисов и общую базу данных по страховым случаям, а также повсеместно внедрять электронно-цифровую подпись.

Библиографический список

1. *Апаликов А.Н.* Договор страхования жизни: экономические и юридические аспекты // Вестник ЮГУ. 2007. № 1 (6). С. 3–6.
2. Основы страховой деятельности: учебник / А.П. Архипов, С.Б. Богоявленский, Ю.В. Дюжев и др.; отв. ред. Т.А. Федорова. М.: БЕК, 1999. 757 с.
3. *Шихов А.К.* Страховое право: учебное пособие. 4-е изд. М.: Юриспруденция, 2006. 296 с.
4. *Иванов А.А., Эриашвили Н.Д.* К вопросу о понятии и видах договора в гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 101–103.
5. Германский закон 30 мая 1908 года о страховом договоре / пер. с нем.; под ред. Г.Ф. Шершеневича. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1909. 54 с.
6. *Фогельсон Ю.Б.* Комментарий к страховому законодательству. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 347 с.
7. *Серебровский В.И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 558 с.
8. *Демидова Т.С.* К вопросу о понимании содержания договора страхования // Юрист. 2006. № 10. С. 35–37.
9. *Абрамов В.Ю.* Комментарий к страховому законодательству (постатейный): Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Глава 48 «Страхование» Гражданского кодекса РФ. М.: Волтерс Клувер, 2008. 461 с.
10. *Шарифьянова З.Ф., Гафиуллина К.А.* Электронный страховой полис — сущность, преимущества, проблемы внедрения // Инновационная наука. 2015. № 12. С. 341–344.

References

1. *Apalikov A.N.* The Life Insurance Contract: an Economic and legal aspects // Bulletin of the SSU. 2007. No. 1 (6). P. 3–6.
2. The Basics of Insurance Activity: textbook / A.P. Arkhipov, S.B. Bogoyavlenskaya, V. Dyuzhev, etc.; ed. edited by Professor T.A. Fedorova. M.: BEK, 1999. 757 p.
3. *Shikhov A.K.* Insurance Law: textbook. 4-e Izd. M.: ID “Jurisprudence”, 2006. 296 p.
4. *Ivanov A.A., Eriashvili N.D.* To the Question about the Concept and Types of Contract in Civil Law // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2011. No. 5. P. 101–103.
5. German law, 30 May 1908 on the Insurance Contract. Translation from German / Per. ed.: Shershenevich G. S.-Pb.: Ed. Br. Bashmakov, 1909. 54 p.
6. *Fogelson U.B.* Comment to the Insurance Legislation. 2-e Izd., Rev. and suppl. M.: Jurist. 2002. 347 p.
7. *Serebrovsky V.I.* Selected Works on Inheritance and Insurance Law. 2 publ., revised M.: Statute, 2003. 558 p.
8. *Demidova T.S.* To the Question of Understanding the Content of the Insurance Contract // Lawyer. 2006. No. 10. P. 35–37.
9. *Abramov V.U.* Comment to the Insurance Law (article): the Law of the Russian Federation “on the organization of insurance business in the Russian Federation”. Chapter 48 “Insurance” of the Civil code. M.: Volters Kluver, 2008. 461 p.
10. *Sharifijanov Z.F., Safiullina K.A.* Electronic Proof of Insurance — the Nature, Benefits, Challenges of Implementation // Innovative science. 2015. No. 12. P. 341–344.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10012

УДК 343.231

Г.В. Верина

РЕВИЗИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

***Введение:** процесс реформирования уголовного законодательства зачастую носит «точечный» характер, однако он способен «подточить» систему научных концепций, на которой базируются уголовно-правовые институты, привести к серьезным противоречиям как в системе концепций в целом, так и внутри отдельно взятой теории, служащей научной основой содержания уголовно-правовых норм. Симбиоз различных научных течений в концептуальных основах уголовного законодательства приводит к конфликту «старого» и «нового», правоприменительным проблемам. Концепция преступления, являясь краеугольным камнем российского уголовного законодательства, ибо именно она определяет пределы уголовно-правового воздействия, претерпевает эволюцию подобного рода. Предпринимаемые законодателем шаги по ее корректировке важно оценить с точки зрения сущностного, материального признака преступления — общественной опасности. **Цель:** показать, что эволюция концептуальных основ преступления на уровне уголовного законодательства вступила в фазу ревизии, обосновать необходимость прекращения ревизии концепции преступления, значимость изменения вектора развития концептуальных основ уголовного законодательства в данной плоскости, важность сохранения признака преступления «общественная опасность». **Методологическая основа:** исследование базируется на философском учении о познаваемости мира и его явлений, их эволюции. Используются общенаучные и частно-научные методы познания, в том числе формально-логический, формально-юридический, догматический, системно-структурный, историко-правовой, системный анализ и синтез, лингвистический и др. **Результаты:** доказано, что в современный период происходит ревизия законодательной концепции преступления; выделены и проанализированы ее этапы: первый этап обусловлен стартом административной преюдиции, второй — наделением суда правом изменять категорию преступления и решать вопрос об объеме общественной опасности, третий — попыткой введения в УК РФ уголовного проступка. Высказано суждение о двух видах общественной опасности деяния: 1) объективной общественной опасности и 2) субъективной общественной опасности. Объективная общественная опасность деяния вытекает из внутренней его способности причинять вред охраняемым уголовным законом благам и общественным отношениям или создавать угрозу причинения такого вреда. Субъективная общественная опасность деяния*

© Верина Галина Владимировна, 2020

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: GV.Verina@yandex.ru

© Verina Galina Vladimirovna, 2020

Doctor of law, Professor, Criminal and penitentiary law department (Saratov State Law Academy)

формируется под влиянием ее оценки определенной категорией лиц. Субъективную общественную опасность деяния породила административная преюдиция, которая «потеснила» категорию общественной опасности — объективную характеристику, материальный, сущностный признак преступления. Дальнейшее укрепление позиций субъективной общественной опасности обусловлено наделянием суда правом изменять категорию преступления, предпринимаемыми попытками ввести уголовный проступок в УК РФ, искусственным расширением границ тяжких преступлений. **Выводы:** ревизия законодательной концепции преступления должна быть прекращена. В связи с этим необходимо реализовать следующие меры: исключить административную преюдицию из российского уголовного закона, не допустить закрепления на уровне уголовно-правовых норм уголовного проступка; часть 6 следует исключить из ст. 15 УК РФ; изменить понятие тяжкого преступления посредством исключения неосторожных преступлений из названной категории преступлений.

Ключевые слова: законодательная концепция преступления, ревизия концепции, этапы ревизии концепции преступления, административная преюдиция, уголовный проступок, категории преступлений.

G. V. Verina

AUDIT OF THE LEGISLATIVE CONCEPT OF CRIME

Background: the process of reforming criminal legislation is often “point-like” in nature, but it can “undermine” the system of scientific concepts on which criminal law institutions are based and lead to serious contradictions both in the system of concepts as a whole and within a single theory that serves as a scientific basis content of criminal law. The symbiosis of various scientific trends within the conceptual foundations of criminal law leads to a conflict of “old” and “new” law enforcement problems. The concept of crime, being the cornerstone of Russian criminal law, because it is what determines the limits of the criminal law impact, undergoes an evolution of this kind. It is important to assess the steps taken by the legislator to correct it from the point of view of the essential, material sign of a crime - public danger. **Objective:** to demonstrate that the evolution of the conceptual framework of the crime at the level of criminal legislation has entered the phase of auditing, to justify the necessity to stop the revision of the concept of the crime, the importance of changing the vector of development of the conceptual framework of criminal legislation in this plane, the importance of preserving the characteristic of the crime “public danger”. **Methodology:** the study is based on the philosophical teaching of the cognition of the world and its phenomena, their evolution. Popular scientific and private-scientific methods of knowledge, including formal-logical, formal-legal, dogmatic, system-structural, historical-legal, system analysis and synthesis, linguistic, etc., have been used. **Results:** it is proved that in the modern period there is a revision of the legislative concept of a crime; its stages are distinguished and analyzed: the first stage is determined by the start of administrative prejudice, the second by vesting the court with the right to change the category of crime and decide on the extent of public danger, the third by an attempt to introduce a criminal offense in the Criminal Code of the Russian Federation. A judgment is made about two types of social danger of the act: 1) objective social danger and 2) subjective public danger. The objective social danger of an act stems from its internal ability to inflict harm on the goods and public relations protected by criminal law, or to create a threat of causing such harm. The subjective social danger of an act is formed under the influence of its assessment by a certain category of persons. The subjective social danger of the act was generated by administrative prejudice, which “squeezed out” the category of public danger — an objective characteristic, a material, essential sign of a crime. Further strengthening the position of subjective public danger is due to the empowerment of the court to change the category of crime, attempts to

introduce a criminal offense in the Criminal Code of the Russian Federation, expanding the boundaries of serious crimes. Conclusions: revision of the legislative concept of a crime should be discontinued. In this regard, it is necessary to implement the following measures: to exclude administrative prejudice from the Russian criminal law, not to allow criminal misconduct to be fixed at the level of criminal law; part 6 should be deleted from Art. 15 of the Criminal Code; to change the concept of serious crime by excluding negligent crimes from the named category of crimes.

Key-words: *legislative concept of crime, revision of concept, stages of revision of concept of crime, administrative prejudice, criminal misconduct, categories of crimes.*

В действующем российском уголовном законе закреплена концепция преступления, базирующаяся на четырех обязательных признаках — общественной опасности, уголовной противоправности, виновности и уголовной наказуемости, что нашло отражение в законодательной дефиниции преступления: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»¹ (ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ). Согласно данной концепции наиважнейший, сущностный признак преступления — общественная опасность. Сохраняя до определенного времени за названным признаком статус сакрального, законодатель следовал такой логике: преступным может быть лишь то, что представляет общественную опасность для личности, общества или государства. Деяние приобретает общественную опасность не по воле законодателя, а в силу объективного развития явлений внешнего мира, изменения окружающей действительности, эволюции качества и сущности того или иного явления. Законодатель, оценивая деяние как общественно опасное, придает ему статус преступления путем закрепления его в уголовном законе. Посему свойство общественной опасности — внутренне присущая деянию объективная характеристика.

В представленном контексте концепции преступления важно вспомнить суждение второй половины XIX в., принадлежащее перу В.Д. Спасовича: «Преступление потому наказуемо, что несовместно с общественным порядком: гораздо раньше запрещеня его законодателемъ, оно сознается многими какъ явление, несовместное с общественнымъ порядкомъ» [1, с. 84].

На тринадцатом году действия УК РФ 1996 г. на территории России, по прошествии более десятилетия с момента принятия российского уголовного закона, законодателем были сделаны первые шаги по пути ревизии концепции преступления, краеугольным камнем которой признана общественная опасность деяния. Точкой отсчета данного вектора развития уголовного законодательства есть основания считать Федеральный закон от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»², согласно которому диспозиция ч. 1 названной статьи уголовного закона была представлена в следующей редакции: «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения ограничивающих конкуренцию соглашений или осуществления ограничивающих конкуренцию согласованных действий, неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2019. № 52, ч. 1, ст. 7818.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 31, ст. 3922.

установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере»³. Однако наибольший научный интерес в ключе обозначенной проблемы представляет примечание 4 к ст. 178 УК РФ в редакции ФЗ № 216: «Неоднократным злоупотреблением доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности»⁴.

Это было началом вторжения в уголовно-правовое пространство административной преюдиции, которая, справедливости ради следует заметить, носила на тот момент «урезанный» характер, т.е. не распространялась на все деяния, указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы ч. 1 ст. 178 УК РФ. Возможно, такая законодательная конструкция была «пробным камнем», который не доказал ее жизнеспособность, ибо в последующем законодатель отказался от такого рода половинчатой административной преюдиции благодаря Федеральному закону от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁵, по результатам которых из диспозиции ч. 1 ст. 178 УК РФ был изъят термин «неоднократность», а из примечаний к ст. 178 УК РФ — исключен четвертый пункт. Проблема реализации уголовной ответственности за неоднократное злоупотребление доминирующим положением усугублялась тем, что одним из ее условий было совершение названного деяния более двух раз в течение трех лет, за которые лицо должно было быть привлеченным к административной ответственности. Препятствием, таким образом, служили темпоральный аспект и систематичность деяния, несмотря на то что законодатель в уголовно-правовой норме использовал понятие «неоднократность». Уголовно-правовая норма с административной преюдицией подобного образчика показала свою нежизнеспособность.

Итак, административная преюдиция прекратила свое существование в рамках ст. 178 УК РФ. Вся эта история напоминает некий эксперимент, который длился в рамках указанной статьи уголовного закона почти 6 лет и завершился его прекращением — своего рода подарком к 8 марта.

Однако на этом триумфальное шествие административной преюдиции по просторам уголовного закона не закончилось. Позже она получила распространение на другие категории преступлений: против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ), против собственности (гл. 21 УК РФ), в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ), против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ), против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ), а также против правосудия (гл. 31 УК РФ).

На сегодня в действующем УК РФ насчитывается 13 статей, в которых присутствует административная преюдиция, среди них: ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 157 «Неуплата

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 31, ст. 3922.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1415.

средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», ст. 215.3 «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», ст. 215.4. «Незаконное проникновение на охраняемый объект», ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» и ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» УК РФ.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что по этим 13 статьям УК РФ лица привлекаются к уголовной ответственности за деяния, не обладающие объективной общественной опасностью. К счастью, это составляет мизерную долю от общего количества уголовно-правовых запретов, ибо Особенная часть УК РФ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) насчитывает 364 статьи, предусматривающих самостоятельные преступления. В связи с этим важно напомнить еще одно суждение В.Д. Спасовича: «Законодатель может и невинное действие превратить искусственно в преступление» [1, с. 84].

Административная преюдиция — наглядный пример искусственного превращения деяния в преступление, ибо она не дает основания для констатации возрастания его общественной опасности. По данному вопросу в современной уголовно-правовой доктрине сформировались две полярные точки зрения, которые достаточно широко известны научной среде. Напомню о сторонниках каждой из них. Позитивно оценивают административную преюдицию, в частности, А.В. Бриллиантов [2], В.П. Малков [3], В.А. Номоконов [4], отрицательно — Т.В. Кленова [5], В.Б. Малинин [6], А.А. Малиновский [7].

Так, В.А. Номоконов отмечает, что «криминализация некоторых административно наказуемых деяний, которые совершаются неоднократно или систематически, может быть оправданной и необходимой» [4, с. 211].

Однако мне (как противнице административной преюдиции [8, с. 68–70]) больше импонирует позиция А.А. Малиновского о том, что «„расширение“ уголовного права необходимо осуществлять не за счет криминализации административных деликтов <...>. Оно должно происходить путем криминализации действительно общественно опасных деяний, которые еще по непонятным причинам не нашли закрепления в УК РФ» [7, с. 177].

Таким образом, в настоящий период оценка законодателем деяния как преступления может не свидетельствовать об обладании им общественной опасностью как признаком, возникающим в результате объективного развития событий, явлений, вне вмешательства воли того или иного субъекта.

Поэтому с учетом сложившейся на сегодня ситуации можно вести речь о двух видах общественной опасности деяния: 1) объективной общественной опасности и 2) субъективной общественной опасности. Объективная общественная опасность деяния вытекает из внутренней его способности причинять вред охраняемым уголовным законом благам и общественным отношениям или создавать угрозу причинения такого вреда. Субъективная общественная опасность деяния формируется под влиянием ее оценки определенной категорией лиц. Примером субъективной общественной опасности деяний, по моему убеждению, могут служить как раз преступления с административной преюдицией.

Принимая во внимание вышеприведенные размышления, важно констатировать следующее: административная преюдиция породила субъективную общественную опасность деяния, что потеснило категорию общественной опасности как объективную характеристику, материальный, сущностный признак преступления. Более того, административная преюдиция стала первым наступлением на объективную общественную опасность преступления.

С учетом представленных аспектов есть основания рассматривать закрепление и упрочение позиций административной преюдиции в уголовном законе России в качестве первого этапа (первой «волны») ревизии законодательной концепции преступления. Данный этап носит пролонгированный характер, ибо он продолжается и в настоящее время. Наряду с этим важно подчеркнуть и то, что в 2019 г. «волна» новелл уголовного закона, ориентированных на административную преюдицию, несколько ослабла, ибо не было принято ни одного закона, устанавливающего уголовную ответственность за деяние после привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние. Это, несомненно, позитивный знак.

Второй этап (вторая «волна») ревизии законодательной концепции преступления связан с модернизацией УК РФ, предпринятой на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Изменения существенным образом затронули концепцию преступления, что нашло отражение в наделении суда правом изменять категорию преступления, соответственно — решать вопрос об объеме общественной опасности. Речь идет о ч. 6 ст. 15 УК РФ, в которой закреплено вышеназванное право суда: «С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления»⁷.

Моя позиция по данному вопросу была представлена на страницах научных изданий еще в 2012 г., когда мною была высказана мысль о том, что анализируемая новелла уголовного закона (на тот момент) наделяла излишне широкими возможностями судебные органы, открывала простор для субъективизма [9, с. 56], а категории преступлений не должны выполнять функцию «зерен» в поле дифференциации уголовной ответственности, посему ч. 6 должна быть исключена из ст. 15 УК РФ [10, с. 138].

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

⁷ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ).

Продолжая оставаться на позиции излишества подобного субъективного права суда, вновь считаю важным обратить внимание на необходимость исключения из УК РФ ч. 6 ст. 15.

В настоящий момент ревизия концепции преступления вступила в свой третий этап. Начало этого этапа связано с разработкой проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»⁸.

Реакция научной общественности на данный проект носит полярный характер, среди ученых есть как сторонники, так и противники идеи уголовного проступка и его присутствия в действующем уголовном законе России. «Действующее уголовное законодательство, — отмечает Б.Т. Разгильдиев, — нуждается в гуманистическом развитии, посредством включения в него еще одной категории, составов преступлений, характеризующихся минимальной общественной опасностью. Она выделяется из составов, отнесенных законом (ст. 15 УК РФ) к небольшой тяжести. <...> Однако коль скоро уголовное законодательство дифференцирует составы преступлений на категории, с учетом их тяжести, то логично не вводить новую категорию «уголовный проступок», а развить ныне существующую. Для чего ввести наименее общественно опасную категорию: преступления минимальной тяжести» [11, с. 169, 170].

В приведенной цитате, на мой взгляд, содержится целый ряд серьезных недочетов и противоречий. Во-первых, важно подчеркнуть то, что состав преступления, являясь законодательной моделью преступления, не обладает общественной опасностью, общественная опасность — это свойство исключительно преступления. Во-вторых, при помощи состава преступления законодательно лишь отражается общественная опасность существующего в объективном мире деяния. В-третьих, законодатель не относит составы преступлений к небольшой или какой-либо другой тяжести. Здесь отличается некорректностью сама постановка вопроса. В-четвертых, по степени тяжести классифицируются преступления, а не составы преступлений. И, в-пятых, в ст. 15 УК РФ закреплена классификация именно преступлений по степени тяжести, а не составов преступлений.

Однако в контексте анализируемой проблемы в позиции правоведа не это главное, а то, что он позитивно оценивает идею уголовного проступка, не соглашаясь лишь с самим названием, предлагая понятие «преступление минимальной тяжести».

Видимо, автор наделяет уголовный проступок общественной опасностью, коль скоро его присутствие в уголовном законе оценивается позитивно. И в этом он сам себе противоречит, совершая, полагаю, ошибку методологического и логического характера. Его позиция относительно понятия «преступление минимальной тяжести» представляется наиболее приемлемой для той законодательной модели уголовных правонарушений, которая представлена исключительно преступлениями и в которой нет места уголовному проступку. Поэтому предложение о введении в уголовный закон новой категории преступления, как представляется, должно коррелировать с суждением о неприемлемости уголовного проступка. Однако теоретик пришел к противоположному выводу, в чем есть основание усмотреть нарушение логики.

⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrif.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 01.11.2019).

На страницах научных изданий мною не раз обращалось внимание на то, что уголовному проступку не место в Уголовном кодексе Российской Федерации, ибо законодательная концепция преступления методологически несовместима с какими-то иными (помимо преступления) уголовными правонарушениями, отвергает идею уголовного проступка. В целях же дальнейшей гуманизации российского уголовного законодательства и уголовной ответственности есть пространство для декриминализации деяний, основания — для более детальной дифференциации преступлений с учетом их общественной опасности. В частности, мною предлагалось закрепить в УК РФ понятие «преступление малой тяжести» [8, с. 77; 12, с. 122]. Поэтому мнение Б.Т. Разгильдиева относительно понятия «преступление минимальной тяжести» созвучно с моей идеей о дополнении категорий преступлений (ст. 15 УК РФ) преступлениями малой тяжести. Таким образом, в данном аспекте наши позиции практически совпадают.

Ряд других авторов высказались в поддержку идеи закрепления на уровне российского уголовного законодательства уголовного проступка не только с учетом его сущностной составляющей, но и его юридической формы, включая название. В случае трансформации законопроекта об уголовном проступке в уголовный закон, в частности, А.Г. Блинов и А.М. Герасимов считают, что констатировать факт уголовного проступка будет правоприменитель «путем исключения общественной опасности в действии (бездействии), предусмотренном уголовным законом, <...> когда есть сомнения в общественной опасности совершенного лицом деяния. <...> под ним следует понимать деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо действия (бездействия), описанного в уголовном законе, <...> но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности» [13, с. 22, 23].

Анализ процитированного отрывка статьи позволяет заключить, что ее авторы усматривают в уголовном проступке малозначительное деяние и их не смущает дублирование законодательного понятия таким методом. Подобный подход и его аргументация представляются неубедительными. Приведу ряд доводов в обоснование своей позиции. Категория «общественная опасность» носит объективный характер, и на сегодня это теоретическое положение является, по сути, постулатом современной российской уголовно-правовой доктрины. Законодатель, закрепляя деяние в уголовном законе, констатирует его общественную опасность (хотя здесь возможны ошибочные решения: выше было обращено внимание на субъективную общественную опасность, которая зависит исключительно от воли законодателя). Это законодательное решение не может носить избирательный характер в правоприменении, не должно приводить к нарушению принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) со всеми вытекающими негативными уголовно-правовыми последствиями. Поэтому представляется недопустимым наделять правоприменителя правом решать вопрос об исключении общественной опасности деяния, ибо это будет свидетельствовать об излишне широком субъективном усмотрении, откроет дополнительные возможности для реализации различных «проектов», не отвечающих требованиям антикоррупционной экспертизы. Предлагаемая соавторами формулировка «сомнения в общественной опасности совершенного лицом деяния» для обоснования правоприменителем констатации факта уголовного проступка представляет собой не только оценочное, но и к тому же весьма размытое понятие, что не будет способствовать реализации принципа законности (ст. 3 УК РФ), согласно

которому преступность деяния определяется исключительно уголовным законом. С анализируемой точки зрения преступность деяния вправе определять правоприменитель, несмотря на то, что данная прерогатива принадлежит исключительно уголовному закону. Кроме того, признание уголовного проступка малозначительным деянием сводит на нет все доказывание целесообразности и полезности для российского уголовного законодательства категории «уголовный проступок», приводит к дублированию законодательных положений, представленных в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Следовательно, такой «прогресс» российского законодательства на самом деле будет свидетельствовать о «топтании на месте» и еще большем размывании уголовно-правовых норм, стирании границ между уголовным и административным законодательством, что представляется неразумным и нецелесообразным.

В свете изложенных рассуждений видится неприемлемым и вывод Б.Я. Гаврилова, суть которого заключается в том, что «к уголовным проступкам следует отнести ряд преступлений, не представляющих большой общественной опасности (в основном преступления небольшой тяжести), административных правонарушений, которые близки к преступным, а также деяний, в силу своей малозначительности не являющихся преступлениями» [14, с. 131].

Такой подход нельзя признать справедливым и гуманным, ибо он не только противоречит основному направлению современной российской уголовно-правовой политики — гуманизации и дифференциации уголовной ответственности, но и еще больше «размывает» границы уголовного права, ориентирует на усиление уголовно-правовых репрессий.

Наиболее справедливым видится утверждение А.А. Малиновского о том, что «„расширение” уголовного права необходимо осуществлять <...> не посредством придумывания уголовных проступков, которые непонятно чем должны отличаться от административных правонарушений» [7, с. 177].

Следующий шаг на пути ревизии законодательной концепции преступления был предпринят Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁹. До принятия и вступления в действие данного закона неосторожные преступления, согласно ст. 15 УК РФ, распределялись по двум категориям — преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести. По новому закону (от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ) неосторожные преступления заполняют «ячейку» и тяжких преступлений: «Тяжкими преступлениями признаются ... неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание ... не превышает пятнадцати лет лишения свободы»¹⁰ (ч. 4 ст. 15 УК РФ).

Данная новелла свидетельствует об ужесточении уголовного законодательства и указывает на новый вектор российской уголовно-правовой политики, который отклонился от идеи гуманизации. В законе вновь не учтена адекватно общественная опасность преступления, оценка степени общественной опасности неосторожных преступлений завышена. Такой подход к институту преступлений противоречит положению ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая позволяет суду по своему усмотрению снизить общественную опасность преступления, изменив его категорию на одну ступень. Таким образом, вновь произошло столкновение двух

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25, ст. 3166.

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ).

точек зрения, что приводит к нарушению законодательной логики. Подобный законодательный подход нельзя признать правильным с позиции научной оценки произошедших перемен. Новое решение относительно понимания тяжкого преступления нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности, ибо классификация преступлений — важнейшая предпосылка дифференциации уголовной ответственности. Думается, неосторожные преступления не могут быть совместимы с категорией «тяжкое преступление», поэтому ч. 4 ст. 15 УК РФ должна быть пересмотрена в аспекте возвращения ей прежней редакции, т.е. положение о признании неосторожных преступлений тяжкими необходимо из нее исключить.

Следует обратить внимание также на неудачную редакцию воспроизведенного выше текста ч. 4 ст. 15 УК РФ, ибо она представлена таким образом, что дает основание сделать вывод, используя прием грамматического толкования, что за неосторожное преступление в соответствии с санкцией статьи Особенной части УК РФ может быть назначено наказание свыше 15 лет лишения свободы, что не соответствует реальной действительности.

Подводя итоги представленным размышлениям, важно акцентировать внимание на наиболее значимых научных положениях. Законодательная концепция преступления, базирующаяся на признаке объективной общественной опасности, переживает не лучшие времена, ибо вступила в фазу ревизии. Ревизия проводилась поэтапно, на сегодня можно выделить три из них: первый этап начался с введения административной преюдиции и носит пролонгированный характер, второй — с надления суда правом изменять категорию преступления и решать вопрос об объеме общественной опасности, третий — с попытки введения в УК РФ уголовного проступка, который на сегодня не приобрел характера логической завершенности. Одним из шагов по пути ревизии явилось заполнение «ячейки» тяжких преступлений неосторожными преступлениями.

В силу отрицательной оценки ревизии законодательной концепции преступления сделан вывод о необходимости ее прекращения. В связи с этим целесообразно реализовать следующие меры: исключить административную преюдицию из российского уголовного закона; не допустить закрепления на уровне уголовно-правовых норм уголовного проступка; часть 6 следует исключить из ст. 15 УК РФ; изменить понятие тяжкого преступления посредством исключения неосторожных преступлений из названной категории преступлений. Данные меры позволят сохранить сакральный признак преступления — объективную общественную опасность и поставить заслон распространению субъективной общественной опасности. В итоге законодательная концепция преступления, базирующаяся на признаке объективной общественной опасности, продолжит дальнейшее развитие и реализацию.

Библиографический список

1. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичемъ. Т. I (вып. 1, 2). СПб.: Въ тип. Юсафата Огризко, 1863. 430 с.
2. *Бриллиантов А.В.* О направлениях совершенствования уголовного закона // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4 (22). С. 7–13.
3. *Малков В.П.* Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 179–186.

4. *Номоконов В.А.* «Криминализация» административного права или административный произвол криминализации? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 208–213.
5. *Кленова Т.В.* Общественная опасность — истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 136–144.
6. *Малинин В.Б.* Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4 (22). С. 14–24.
7. *Малиновский А.А.* Критические размышления о концепции уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 173–178.
8. *Верина Г.В.* Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
9. *Верина Г.В.* Новые концептуальные подходы к вопросам преступления и наказания в российской уголовно-правовой политике // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 55–59.
10. *Верина Г.В.* Теоретический анализ отдельных положений декабрьской 2011 года реформы российского уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (85). С. 133–139.
11. *Разгильдиев Б.Т.* Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 160–172.
12. *Верина Г.В.* Уголовный проступок в российском законе: «быть или не быть» // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей / ред. кол.: А.А. Гребеньков (отв. ред.) [и др.]. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2018. С. 119–124.
13. *Блинов А.Г., Герасимов А.М.* Уголовный проступок и его природа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). С. 19–24.
14. *Гаврилов Б.Я.* Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 2. С. 131–136.

References

1. Textbook of Criminal Law, compiled by V. Spasovich. Vol. I (vol. 1, 2). Spb.: intype. Isaphata Ogrizko, 1863. 430 p.
2. *Brilliantov A.V.* On Directions for Improving the Criminal Law // Library of Criminal Law and Criminology. 2017. No. 4 (22). P. 7–13.
3. *Malkov V.P.* Repetition of the Offence and Administrative Prelude as a Means of Criminalization and Decriminalization of what has been done in Russian Criminal Law // Library of the Criminalist. Scientific Journal. 2013. No. 2 (7). P. 179–186.
4. *Nomokonov V.A.* “Criminalization” of Administrative Law or Administrative Arbitrariness of Criminalization? // Library of the Criminalist. Scientific Journal. 2013. No. 2 (7). P. 208–213.
5. *Klenova T.V.* Public Danger — True Property of Crime // Library of the Criminalist. Scientific Journal. 2013. No. 2 (7). P. 136–44.
6. *Malinin V.B.* The concept of the criminal legislation of the Russian Federation // Library of Criminal Law and Criminology. 2017. No. 4 (22). P. 14–24.
7. *Malinovskiy A.A.* Critical Reflections on the Concept of Criminal Law in the “Broad” Sense // Library of the Criminalist. Scientific Journal. 2013. No. 2 (7). P. 173–178.
8. *Verina G.V.* Fundamental Concepts of Criminal Law of Russia: Actual Problems: monograph. M.: Yurlitinform, 2018. 200 p.

9. *Verina G.V.* New Conceptual Approaches to Crime and Punishment in the Russian Criminal Law Policy // *Journal of Russian Law*. 2012. No. 5. P. 55–59.

10. *Verina G.V.* Theoretical Analysis of Certain Provisions of the December 2011 Reform of the Russian Criminal Law // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. Additional issue (85). P. 133–139.

11. *Razgildiev B.T.* Essential Differences of Objects Protected by the Criminal and Administrative Legislation of Russia, their Intersectoral Significance (by the Example of Ecological Structures) // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019. No. 4 (129). P. 160–172.

12. *Verina G.V.* Criminal Misconduct in Russian Lex: “to be or not to be” // *Criminal Law in an Evolving Society: Problems and Prospects: collection of articles* / ed. board: A.A. Grebenkov (ex. ed.) [and others]. Kursk: South-West. State Univ., 2018. P. 19–124.

13. *Blinov A.G., Gerasimov A.M.* Criminal Offence and its Nature. Psychopedagogy in Law Enforcement. 2018. No. 2 (73). P. 19–24.

14. *Gavrilov B.Ya.* Criminal Misconduct in Russian Law: the Wishes of the Legislator or the Realities of Russian Society // *Man: Crime and Punishment*. 2018. Vol. 26 (1–4). No. 2. P. 131–136.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10013

УДК 342.5; 342.9

С.Н. Шевердяев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: национальные антикоррупционные стратегии разных стран предусматривают определенный набор характерных антикоррупционных инструментов, которые являются обязательными с точки зрения современных передовых международных стандартов. В России в настоящее время сформированы правовые основы практически по всем элементам антикоррупционных стратегий. Однако остается по меньшей мере три области, где российское антикоррупционное законодательство пока еще не восполнило смысловой разрыв в построении комплексной системы антикоррупционного действия. Это регулирование лоббизма, создание механизма поддержки заявителей о коррупции, а также формирование независимого антикоррупционного государственного органа высокого политического уровня. Актуальность тематики обусловлена накоплением противоречий растущего российского антикоррупционного законодательства, часть из которых связана с недоработками стратегии его построения. **Цель:** проведение оценки потенциала развития каждого указанного направления для устранения фундаментальных пробелов в построении системы российского антикоррупционного законодательства. **Методологическая основа:** системный подход, формально-юридический и компаративистский метод анализа. **Результаты:** проведена оценка основных препятствий развития российского антикоррупционного законодательства в каждом из выделенных направлений и сформулированы предложения относительно устранения пробелов в его принципиальной системе. **Выводы:** устранению каждого из возникших пробелов системы антикоррупционного законодательства в России будут способствовать в большей степени факторы культурно-политического свойства, а в целом для этого потребуются концептуальное переосмысление задач антикоррупционной реформы и расширение ее на все элементы государственного механизма.

Ключевые слова: антикоррупционная реформа, антикоррупционная стратегия, антикоррупционное законодательство, закон о борьбе с коррупцией, лоббизм, защита заявителей, антикоррупционное агентство.

S.N. Sheverdyayev

CONCEPTUAL GAPS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

Background: national anti-corruption strategies of different countries provide a certain set of specific anti-corruption tools that are mandatory from the point of view of modern

© Шевердяев Станислав Николаевич, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права (МГУ), эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: snshev@gmail.com

© Sheverdyayev Stanislav Nikolaevich 2020
Candidate of law, Associate professor, Constitutional and municipal law department (MSU), expert of the Design and training laboratory of anti-corruption policy of the "Higher School of Economics"

*advanced international standards. Currently, Russia has formed the legal framework for almost all elements of anti-corruption strategies. However, there are at least three areas where Russian anti-corruption legislation has not yet filled the semantic gap in the construction of a comprehensive system of anti-corruption action. This is the regulation of lobbying, the creation of a mechanism to support applicants for corruption, as well as the formation of an independent anti-corruption state body of high political level. The relevance of the topic is in contradictions of the growing Russian anti-corruption legislation, some of which are associated with the loopholes of the legislative strategy. **Objective:** to assess the development potential of each of these areas to address fundamental gaps in the construction of the Russian anti-corruption legislation. **Methodology:** system approach, formal-legal and comparative method of analysis. **Results:** an assessment of the main obstacles to the development of Russian anti-corruption legislation in each of the selected areas was made and proposals were formulated to eliminate gaps in its principal system. **Conclusions:** the elimination of each of the gaps in the system of anti-corruption legislation in Russia will contribute to a great extent factors of cultural and political properties, and in General this will require a conceptual rethinking of the tasks of anti-corruption reform and its extension to all elements of the state mechanism.*

Key-words: *anti-corruption reform, anti-corruption strategy, anti-corruption legislation, anti-corruption law, lobbying, protection of applicants, anti-corruption Agency.*

Стратегические документы российской антикоррупционной реформы раскрывают множество как системных, так и прикладных аспектов противодействия коррупции¹. Многие из этих направлений получили основательное развитие в текущем российском праве. Это касается урегулирования конфликта интересов, процедуры декларирования доходов и расходов должностных лиц, порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и их проектов и т.д. Не менее развиты такие направления реализации антикоррупционных мер, как обеспечение прозрачности деятельности органов власти, правовые основы деятельности средств массовой информации и многие другие. В некоторых случаях российское законодательство, так или иначе связанное с противодействием коррупции, оказывается с формальной точки зрения даже более полным, цельным и детальным в сравнении с целым рядом зарубежных национальных моделей². В такого рода аспектах в России стоит основное внимание уделять не столько вопросам реформирования законодательства, сколько проблемам совершенствования правоприменительной практики.

¹ См.: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» (в ред. от 13 марта 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16, ст. 1875; Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 27, ст. 4038.

² По мнению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Александра Буксмана «У нас же антикоррупционное законодательство — одно из передовых в мире. Мало в какой другой стране на такой широкий круг лиц распространяется обязанность отчитываться о доходах, причем в настолько подробной и объемной форме справки. Практически нигде нет такого жесткого запрета принимать подарки (они лишь ограничиваются некоторым порогом), в единичных случаях встречается требование отчитываться о расходах, редко где есть обязанность декларировать доходы и расходы членов семьи». См.: Интервью первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Александра Буксмана информационному агентству «Интерфакс». 25 июня 2018. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1403150/ (дата обращения: 01.06.2019).

Однако в системе российского законодательства по-прежнему имеют место серьезные недоработки, которые подрывают устойчивость долгосрочных результатов текущей комплексной российской антикоррупционной реформы [1, с. 108]. В ряде случаев в зарубежной практике они имеют системообразующий характер, поэтому отсутствие правовых механизмов данных антикоррупционных мероприятий могут быть названы институциональными пробелами. Необходимо обратить внимание по меньшей мере на три следующих наиболее очевидных темы: отсутствие четкой правовой основы регулирования лоббизма, отсутствие системного механизма поддержки заявителей о коррупции, а также отсутствие независимого антикоррупционного органа высокого политического уровня³.

Хорошо известно, что в странах Совета Европы и в других странах мира не существует единой модели правового регулирования лоббистской деятельности [2; 3; 4]. В государствах общего права можно встретить последовательное и хорошо представленное законодательство о лоббизме во главе с большим тематическим законом, в то время как в государствах континентального права часто лоббистская практика регулируется дискретно, в том числе на подзаконном уровне, без привычной для стран этого типа позитивистской строгости и последовательности. При этом регулирование здесь отталкивается зачастую от норм регламентов представительных и исполнительных органов власти, регулирующих работу с обращениями граждан, и часто не нуждается для этого в использовании термина «лоббизм». Между тем в мире имеют место и другие национальные правовые модели, которые еще не сформировали окончательно своего однозначного отношения к регулированию лоббизма, несмотря на признание очевидного факта существования лоббистской деятельности. К числу таких национальных моделей принадлежит и российская правовая система.

Проблематика лоббизма встает на повестке российской политико-правовой дискуссии с начала 1990-х гг. Считается, что Государственная Дума пыталась урегулировать деятельность «групп давления» по меньшей мере четыре раза с момента своего образования [5, с. 183–184]. В антикоррупционных планах Президента РФ вопрос об актуальности проработки модели правового регулирования лоббизма в России поднимался дважды⁴, однако из последних президентских антикоррупционных планов данный пункт выпал.

Несмотря на наличие разных позиций в отношении вопроса о правовом регулировании процедур отстаивания частных интересов в органах власти, нельзя не признать факт того, что явление это в российской практике существует. Разумеется, оно сильно поменяло формы с 1990-х гг. и вынуждено подстраиваться под специфику текущей политической инфраструктуры, в том числе посредством монополизации рынка лоббистских услуг и его бюрократизации. Однако это со-

³ Ряд изложенных в настоящем материале идей был выражен автором, в частности, в ходе работы в качестве национального эксперта по проекту Совета Европы «ПРЕКОП II» («Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик на муниципальном уровне») в 2018 г. См., например: URL <https://www.coe.int/en/web/corruption/projects/ruprescop2> (дата обращения: 01.06.2019).

⁴ См.: Указ Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» (в ред. от 19 марта 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 12, ст. 1391; Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» (в ред. от 15 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 15, ст. 1729.

всем не означает, что российская политико-правовая наука не может подобрать необходимый алгоритм для правового решения этой проблемы.

Анализ российского и зарубежного опыта политико-правового регулирования показывает, что лоббистские практики, не могут быть искоренены да и сама постановка такой задачи вызывает сомнения. Однако с помощью профильного законодательства они вполне могут обрести цивилизованные формы и перестать влиять на легитимность важных государственно-властных решений, о чем говорят современные международные стандарты регулирования лоббизма⁵. Поэтому снимать с повестки вопрос о правовом регулировании лоббизма нельзя, без него не будут ясны правила игры для бизнеса, что делает его систематически непредсказуемым и ориентированным лишь на краткосрочные задачи. Можно согласиться с мнением в отношении того, что системное решение вопроса о лоббизме, которое бы действовало для всех без исключения игроков, в том числе крупного бизнеса, в ближайшем будущем маловероятно. Возможно и не стоит пока ставить настолько амбициозной цели, сначала достаточно урегулировать вопросы лоббистской деятельности в определенном предметном сегменте рынка или в отношении определенного типа органов власти либо вовсе проведя контролируемый эксперимент в ряде российских регионов. Это позволит начать официальную практическую работу в этом направлении, привыкнуть к терминологии, запустить механизм практической отработки правовых велений, касающихся лоббизма, попытаться адаптировать приемлемую зарубежную практику.

Здесь стоит оговорить, что мы не поддерживаем убежденности некоторых уважаемых исследователей в том, что в настоящее время лоббизм фактически оказывается урегулированным в российском законодательстве через систему других институтов — вроде обращений граждан и организаций в органы власти, института общественной экспертизы, деятельности общественных советов при органах власти, института государственно-частного партнерства и т.д. [6, с. 137]. Действительно, институт лоббизма часто имеет прочную опору в конституционной доктрине различных государств на праве граждан (и их организаций) обращению в органы власти. Однако задачи законодательства о лоббизме, если внимательнее оценить его современные международные стандарты, состоит не в дублировании механизма обращения. Главное его назначение — в обеспечении прозрачности общения власти с представителями бизнеса и гражданского общества, а также в создании открытой среды их взаимной справедливой конкуренции за внимание власти к своим нуждам. Такие настройки лоббистского процесса позволяют различным группам интересов обезвреживать друг друга, придавая их совокупным лоббистским усилиям сбалансированный характер, что позволяет не подменять народную волю, выраженную при формировании данных органов власти, а дополнять ее. Таким образом лоббисты сглаживают негативные эффекты влияния на власть в ходе конкуренции к общей пользе и не подрывают, а укрепляют легитимность властных решений.

Возможной стратегией поиска модели регулирования лоббизма могло бы стать использование на федеральном уровне уже наработанного в субъектах РФ опыта. По итогам изучения лучших региональных попыток формирования правовой модели регулирования и организации практики правомерного лоббизма в пер-

⁵ Рекомендация N CM/Rec(2017)2 Комитета министров Совета Европы «О правовом регулировании лоббистской деятельности в сфере принятия государственных решений» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 7. С. 133–147.

спективе может быть сформирован некий универсальный вариант регулирования, пригодный для федерального уровня. Примером подхода к регулированию лоббизма может быть опыт Краснодарского края, который включил специальную главу в региональный закон, организующий правотворческую деятельность⁶.

Следующий вариант движения в поиске формата регулирования лоббизма в России может быть связан с постепенным внедрением механизма взаимодействия бизнеса и власти через внесение изменений в профильные антикоррупционные законы. К числу заслуживающих внимания сюжетов принадлежит разработанный Министерством экономического развития РФ, но так и не внесенный в Думу законопроект, предполагающий изменения Федерального закона «О противодействии коррупции», Федерального закона «О государственной гражданской службе» и ряда других законов в связи с урегулированием процедуры представления сведений об участии государственных гражданских и муниципальных служащих во встречах с гражданами, представляющими интересы общественных объединений, индивидуальных предпринимателей, коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе иностранных, а также их уполномоченных представителей⁷. Принятие подобного законопроекта не решило бы комплексную проблему правового регулирования лоббизма в России, но смогло бы открыть дорогу к постепенному построению и совершенствованию законодательства о лоббизме.

Наконец, еще один организационный подход к урегулированию лоббистской деятельности в России можно было бы реализовать посредством имплементации в национальную правовую систему Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 22 марта 2017 г. CM/Rec(2017)2 «О правовом регулировании лоббистской деятельности в сфере принятия государственных решений»⁸, которая определяет довольно мягкую модель правового режима лоббистской деятельности, основанную на регистрации лоббистов и их открытости для общественности.

Так или иначе, будет ли отдан приоритет одной или другой распространенной за рубежом модели либо в России сложится некий альтернативный путь для урегулирования лоббистской деятельности, но без четкого разрешения вопросов о процедурах формального и неформального взаимодействия представителей власти и бизнеса в России нельзя решить таких ключевых проблем развития модели управления экономикой, как разрыв системных латентных коррупционных связей в российском государственном аппарате, снижение угроз скрытой монополизации отдельных товарных рынков и нанесения вреда рыночной конку-

⁶ См., например гл. 7 «Лоббизм в правотворчестве края» в Законе Краснодарского края от 6 июня 1995 г. № 7-КЗ (в ред. от 29 апреля 2016 г.) «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» (принят ЗС КК 26 мая 1995 г.), который среди прочего предусматривает механизм аккредитации лоббистов — официальных представителей общественных объединений — при правотворческих органах края.

⁷ См.: Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей, коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе иностранных, и их уполномоченных представителей» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 2 декабря 2014 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Рекомендация N CM/Rec(2017)2 Комитета министров Совета Европы «О правовом регулировании лоббистской деятельности в сфере принятия государственных решений» (Вместе с «Руководящими принципами по разработке политики на национальном уровне...», «Пояснительным меморандумом...») (принята 22 марта 2017 г. на 1282-ом заседании представителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ренции, ликвидация очагов культуры рентоориентированности государственных должностных лиц и прочее.

Отсутствие комплексного механизма поддержки заявителей о коррупции — это еще один пробел системы российского антикоррупционного законодательства. Решение этой проблемы является обязательным пунктом в антикоррупционных реформах большинства развитых стран.

Напомним, что под заявителями о коррупции обычно понимаются лица, которые добровольно сообщают властям, прессе и широкой общественности о ставших им достоверно известными коррупционных практиках в органах власти или организациях, где они работают, в т.ч. и в случаях, когда они сами непосредственно не втянуты в эти коррупционные контакты.

В русскоязычной литературе, как нам представляется, все еще не удалось подобрать такой обозначающий данных лиц термин, который адекватно передавал бы смысловую нагрузку этого понятия, которая ему придается в иностранных языках: “whistleblowers” — в английском варианте (дословно — «дующие в свисток») или “lanceurs d’alerte” — во французском («поднимающие тревогу», «публично подающие сигнал опасности»). В иностранных языках всякий раз имеется в виду не просто информирование о фактах коррупции, но подчеркивается аспект защиты этими лицами общественных интересов, защиты инициативной, связанной также и с тем, что призывающий к порядку доброволец часто становится первой жертвой совершающих преступление лиц. Эта смысловая нагрузка, связанная с инициативностью, самопожертвованием ради общего блага, в российской вариации отсутствует. По всей видимости, в связи с отсутствием идентичного явления в отечественном культурном укладе. Наиболее близкие по смыслу варианты, например «общественный защитник», рождают в русском языке другие ассоциации (это скорее будет адвокат в судебном процессе или правозащитник, выступающий против произвола властей или крупных корпораций). Близкие по духу культурные явления вроде добровольной народной дружины в СССР основаны на идее помощи властям и обычно связаны с участием в официально организованной системе бдительности, что часто грозит заорганизованностью и вырождается в формализм, выхолащивается и теряет всякий смысл. Между тем в зарубежной практике речь скорее о личном выборе человека, его индивидуальной моральной потребности не проходить мимо нарушения. Прочие переводы термина вроде «доносчик», «осведомитель», «источник», «наводчик», «стукач» из-за негативных коннотаций и вовсе непригодны для передачи смысла обсуждаемого феномена.

Высокая латентность коррупционных правонарушений делает незаменимой помощь подобных граждан или сотрудников учреждений, где имеют место коррупционные привычки. Однако в настоящее время, судя по образу профильного российского законодательства, этот момент недооценивается.

Данные лица нуждаются не в каком-то сложном определении их правового режима, а лишь в особой защите со стороны государства, на которую они не могут пока рассчитывать подобно свидетелям преступлений⁹, поддержка кото-

⁹ См.: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 7 февраля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34, ст. 3534.

рым оказывается исключительно в контексте уголовного процесса¹⁰ [7]. Иными словами, законодательный инструментарий, который был бы способен различать ситуации, не связанные участием таких лиц в уголовном процессе, даже если они (ситуации) ведут к серьезным последствиям для заявителей о коррупции, пока не разработан в достаточной степени.

Можно сослаться на то, что некоторые черты правового режима защиты заявителей о коррупции как будто подразумеваются в базовом антикоррупционном законе¹¹. Однако отсылочный характер статьи все к тем же мерам защиты участников уголовного процесса не позволяет находить в этих положениях серьезную опору. Не способствует этому и вытекающая из названия ст. 9 антикоррупционного закона¹² ориентировка этих положений, поскольку они указывают на то, что защита предоставляется лишь государственным или муниципальным служащим и лишь в связи с исполнением возложенной на них Законом обязанности. Соответственно добровольное сообщение о фактах коррупции служащими вне контекста выполнения процедур формальной обязанности такого уведомления, а также сообщение о фактах коррупции другими лицами не обеспечивается защитой базового Закона.

Действующее подзаконное регулирование содержит небольшие дополнения к тексту Закона о противодействии коррупции. В частности, согласно п. 21 Указа Президента РФ № 309, уточняется следующее: а) перечень лиц, получающих защиту, расширяется до сотрудников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами; б) учитывается возможность направления сообщений о фактах коррупции в «иные государственные органы или средства массовой информации»; в) обеспечивается защита этих лиц от мер дисциплинарной ответственности (например, в виде увольнения); г) что возможно только по итогам рассмотрения соответствующего вопроса на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов; д) возможно участие прокурора; е) который получает необходимые материалы от председателя комиссии не менее чем за пять рабочих дней до дня заседания комиссии; ж) участники государственной системы бесплатной юридической помощи обязаны оказывать заявителям поддержку¹³. Однако для того, чтобы довести этот вектор до приемлемого уровня

¹⁰ Как свидетельствует Л.В. Брусницын в указанном источнике: «Следует обратить внимание, что способствование предупреждению и раскрытию преступлений в указанных формах может иметь место задолго до начала уголовного судопроизводства. Однако согласно ч. 2 ст. 3 Закона применение мер госзащиты возможно только на основании решения следователя и иных указанных в ч. 2 ст. 3 Закона субъектов, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, т.е. не ранее чем начнется первая стадия УСП — стадия возбуждения уголовного дела. До начала данной стадии меры госзащиты к лицам, указанным в ч. 2 комментируемой статьи, применяться не могут.» При этом «началом этой стадии (и УСП в целом) является регистрация повода для возбуждения уголовного дела (см. гл. 19 УПК РФ)».

¹¹ Пункт 4 ст. 9: «Государственный или муниципальный служащий, уведомивший представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы о фактах обращения в целях склонения его к совершению коррупционного правонарушения, о фактах совершения другими государственными или муниципальными служащими коррупционных правонарушений, непредставления сведений либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, находится под защитой государства в соответствии с законодательством Российской Федерации».

¹² «Обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений».

¹³ См.: Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309) «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона „О противодействии коррупции“» (в ред. от 13 мая 2019 г.) // «Российская газета». 2013. 4 апр.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 20, ст. 2422.

развития законодательства, который бы соответствовал современным международным антикоррупционным стандартам защиты заявителей¹⁴, потребуется пройти значительный путь.

В настоящее время для этого создается основа, популяризирующая эту проблему для широкой научной общественности [8], а также начинают развиваться официальные инициативы связанные с защитой заявителей о коррупции. К их числу можно отнести подготовленный Минтрудом России проект отдельного комплексного Федерального закона «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов» в 2015 г.¹⁵, а также внесенный в Государственную Думу в 2017 г. законопроект о дополнении базового российского Закон о противодействии коррупции 2008 г. № 273-ФЗ ст. 9.1¹⁶, которая позволяет информирующему о коррупционных актах лицу контролировать рассмотрение его обращения в органе власти, содержит гарантии от увольнения, закладывает ряд других механизмов.

В итоге можно заключить, что, по всей видимости, если проблема правовой защиты лиц, отстаивающих общественные антикоррупционные интересы, и не начинает находить серьезную политическую поддержку в России, то, по крайней мере, отношение к ней становится более сложным, чем традиционное примитивное восприятие заявителей как «доносчиков».

В отечественной практике имеет место очень много фоновых проблем, осложняющих внедрение механизма защиты заявителей: влияние номенклатурной служебной этики, исторического прошлого, когда люди на основании ничем не обоснованных анонимных доносов порой подвергались осуждению, унижениям, репрессиям, возможность использования защитных механизмов не по назначению (например, в бюрократической борьбе за должности или из страха быть уволенным), отсутствие укорененной общественной культуры доверия к правительству, что необходимо для деятельности заявителей.

Очевидно, что реализация антикоррупционных механизмов информирования об актах коррупции будет более проблематичной, чем в более определенных с точки зрения стандартов публичной этики европейских правовых порядках, в особенности в странах Северной Европы и Северной Америки. Однако этот механизм необходим, он нужен хотя бы для того, чтобы привить привычку рефлексии государственных и муниципальных служащих в отношении требуемого законом поведения и оценки практики государственной службы за пределами личного пространства. Вводить этот механизм стоило бы с большой осторожностью и последовательно, тщательно анализируя текущую ситуацию и устраняя неизбежные ошибки.

Вопрос о так называемом независимом антикоррупционном агентстве, как он обозначается в литературе, является актуальным отнюдь не для тех госу-

¹⁴ Рекомендация N CM/Rec(2014)7 Комитета министров Совета Европы «О защите информаторов, сообщающих о противозаконной деятельности» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2015. Июнь. № 6 (18).

¹⁵ Имеется в справочной правовой системе «КонсультантПлюс» в соответствии с публикацией на сайте <http://regulation.gov.ru> по состоянию на 13.02.2015.

¹⁶ См.: Проект Федерального закона № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный закон „О противодействии коррупции“ в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях», был разработан Министерством труда и социальной защиты РФ, внесен Правительством РФ в Думу 13 октября 2017. По состоянию на 1 июля 2018 г. в силе осталось решение Совета Государственной Думы от 9 апреля 2018 г. о переносе рассмотрения законопроекта. См.: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/286313-7> (дата обращения: 01.06.2019).

дарств, где обнаруживается недостаток в органах власти, имеющих те или иные полномочия по раскрытию коррупционных правонарушений. Главная задача государственного органа такого типа заключается в том, чтобы рассматривать вопросы коррупции невзирая на лица, без всяких скидок на статус коррупционеров. В странах с недостаточно развитой политической культурой постановка вопроса о привлечении фигур такого рода без прямого поручения или согласия высшего политического руководства государства со стороны подобного органа обычно рассматривается как посягательство на устои государственности, что не способствует решению проблемы системной коррупции.

В настоящее время Российская Федерация находится на пути преодоления традиционалистской постсоветской бюрократической культуры, признавая важность решения проблемы коррупции в верхних эшелонах власти. Это вытекает в т.ч. из факта подписания авторитетных международных соглашений, например, Декларации Большой восьмерки о борьбе с коррупцией на высоком уровне (2006 г.)¹⁷, а также из реальной практики привлечения к ответственности за коррупционные преступления должностных лиц уровня губернаторов и федеральных министров. Нет сомнений, что серьезный настрой в разрешении беспокоящей сегодня международную общественность проблемы так называемой «большой коррупции» (*grand corruption*) будет сохранен в России и в дальнейшем.

Система российских органов власти, которые так или иначе связаны с противодействием коррупционными преступлениями, довольно обширна. К числу таких инстанций стоит отнести следующие:

Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции и соответствующее управление в структуре Администрации Президента РФ, которые формируют антикоррупционную политическую повестку и обеспечивают среди прочего контроль за соблюдением норм об урегулировании конфликта интересов в системе высших должностных лиц федеральных органов исполнительной власти и других органов;

органы прокуратуры Российской Федерации, Следственный комитет РФ, Федеральная служба безопасности, которые обеспечивают расследование коррупционных преступлений, а также формируют обвинительную базу для судебного осуждения коррупционеров; Министерство юстиции РФ, поддерживающее, в частности, направление международного антикоррупционного сотрудничества;

Министерство труда и социальной защиты РФ, на которое возложена обязанность формировать методологическую базу во многих аспектах текущей антикоррупционной реформы в секторе государственной службы;

Росфинмониторинг, который реализует контрольные и проверочные мероприятия в отношении сомнительных финансовых операций;

Счетная палата РФ, обеспечивающая контроль за законностью расходования средств федерального бюджета;

и другие государственные органы, которые вправе ставить при реализации своих контрольных функций перед соответствующими органами власти вопрос о привлечении к ответственности за коррупционные нарушения (например: Государственная Дума и Совет Федерации, Уполномоченный по правам человека РФ), а также общественно-государственные формирования (например: Общественная палата РФ, Общероссийский народный фронт и др.).

¹⁷ URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/32945951/43700043> (дата обращения: 01.06.2019).

Кроме того, не стоит забывать, что российское законодательство о государственной службе оставляет не в полной мере разрешенным вопрос о системе организации управления государственной службой, упоминая, например, в п. 5 ст. 19 Закона о государственной гражданской службе (2004 г.)¹⁸ о необходимости формирования специализированного «федерального государственного органа по управлению государственной службой»¹⁹ [9].

Расширенная система органов, причастных к решению проблемы коррупции, характерна и для многих других стран, что связано с особенностями коррупционной преступности, которая пронизывает все сектора хозяйствования и уровни публичной власти. Между тем остается актуальным вопрос о том, какой именно из этих органов власти несет ответственность за координацию деятельности других органов власти и отчитывается за комплексную реализацию антикоррупционной политики перед народом и высшими органами власти.

В зарубежных странах не существует единообразного подхода к формированию и определению места в организационной иерархии ключевого антикоррупционного органа. Среди моделей специализированных институтов по борьбе с коррупцией выделяются:

а) модель многоцелевых агентств по борьбе с коррупцией с полномочиями правоохранительных органов. Данную модель принято идентифицировать с Независимой комиссией против коррупции Гонконга и Бюро по расследованию коррумпированной деятельности Сингапура (сегодня воспринята в Литве, Латвии, Австралии, Ботсване, Уганде и др.);

б) отделы по борьбе с коррупцией в системе правоохранительных органов. Учреждения, созданные в соответствии с этой моделью функционируют в Норвегии, Бельгии, Испании, Хорватии, Румынии, Венгрии и т.д.;

в) институции по предупреждению коррупции, разработке политики и координации. Данная модель охватывает институты, которые выполняют одну или несколько превентивных функций: исследование коррупции как социального явления, выявление факторов, способствующих коррупции, мониторинг и координация мероприятий по исполнению антикоррупционных программ и планов действий, пересмотр и подготовка правовых актов в этой сфере; контроль в сфере конфликта интересов и декларирования имущества государственными служащими, выработка и внедрение кодексов этики; содействие в проведении образовательных мероприятий; консультирование по вопросам этики на государственной службе; поддержка международного сотрудничества и мер по взаимодействию с гражданским обществом и др. Подобные органы созданы во Франции (Центральная служба по предупреждению коррупции), США (Управление по правительственной этике), Болгарии (Комиссия по координации усилий в сфере борьбы с коррупцией) и др.²⁰

¹⁸ См.: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 11 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

¹⁹ По мнению В.А. Козбаненко, соответствующие «функции на федеральном уровне выполняются структурными подразделениями Администрации Президента РФ — Управлением Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим госполитику и нормативное правовое регулирование в сфере государственной гражданской службы — Минтрудом России, федеральными госорганами в части вопросов, предусмотренных для органа по управлению службой, до его образования.»

²⁰ Подробнее см. об этом: Доклад ОЭСР: Специализированные институты по борьбе с коррупцией: обзор моделей. Организация экономического сотрудничества и развития. Сеть по борьбе с коррупцией для стран Восточной Европы и Центральной Азии. URL: <https://www.oecd.org/corruption/acn/39972100.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

Какая же модель центрального антикоррупционного органа будет оптимальна для Российской Федерации? На наш взгляд, приемлемый вариант лежит где-то на стыке координирующего политического органа (модель «в») и многоцелевых агентств по борьбе с коррупцией (модель «а»). В настоящее время задачи практической антикоррупционной работы и выработки единой антикоррупционной политики в значительной степени решают упомянутые структуры, ассоциирующиеся с Администрацией Президента РФ: Совет при Президенте РФ и Управление Администрации Президента РФ. Однако первый является полуофициальным формированием при Президенте РФ, составленным из высших должностных лиц; другой, наоборот, является непубличной, аппаратной бюрократической структурой. Дальнейшее развитие их функционала в направлении концентрации полномочий в области российской антикоррупционной политики и практики вряд ли возможно при сохранении их статуса [10, с. 13]. Поэтому можно считать целесообразным движение в направлении формирования многоцелевого агентства (в российской нормативной терминологии скорее пойдет речь о создании «службы», а не «агентства») по борьбе с коррупцией с некоторыми отдельными полномочиями правоохранительных органов, которому удалось бы сохранить высокий политический статус, характерный для нынешних президентских антикоррупционных структур. При этом для обеспечения независимости данного органа важно создать такую основу его формирования, которая гарантировала бы отсутствие всякой возможности повлиять на его решения любым должностным лицом, например с участием парламента или на паритетной основе, высшими органами власти.

Иными словами, главной задачей является вовсе не выбор какой-либо модели построения антикоррупционных органов. Необходимо в целом переосмыслить место проблемы коррупции в существующей системе отношений. Если коррупция признается институциональной и поражает всю государственную инфраструктуру, пронизывает все ветви власти, то следует в первую очередь позаботиться именно о качестве независимости данного органа. При этом если в той или иной стране имеются сомнения ученых и аналитиков в отношении последовательности реализации принципа разделения властей, то даже с внешними формальными атрибутами независимости такой орган не будет достигать цели эффективного противодействия проявлениям «большой коррупции» (*grand corruption*). Следовательно, вопрос о независимости центрального антикоррупционного органа должен стать основным. Таким образом, обозначенные в настоящей статье пробелы системы российского антикоррупционного законодательства имеют в целом в значительной степени культурно-политические, нежели юридические, основания. Однако в отсутствие законодательного задела восполнить указанные пробелы будет проблематично.

Библиографический список

1. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. 512 с.
2. Любимов А.П. Конституционно-правовые основы формирования лоббистских отношений в открытом обществе (Антикоррупционный проект). М.: Издание Государственной Думы. 2000. 392 с.
3. Малько А.В., Субочев В.В. Лоббизм: проблемы правового регулирования. Пятигорск: РИА-КМВ, 2003. 198 с.

4. Автономов А.С. Азбука лоббирования. М.: Права человека, 2004. 109 с.
5. Старостина И.А. Конституционно-правовые проблемы лоббизма в России и за рубежом // Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс (учебное пособие) / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 127–212.
6. Васильева С. Правовой институт лоббизма в России: оценка законодательства и перспектив формирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 136–148.
7. Брусницын Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства (постатейный). М.: Юстицинформ, 2009. 304 с.
8. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.Ю. Заксон и др.; отв. ред. А.М. Цирин, Е.И. Спектор. М.: ИЗиСП, 2016. 144 с.
9. Козбаненко В.А. К вопросу об органе управления государственной службой // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 46–52.
10. Анализ выполнения Россией рекомендаций Группы государств против коррупции по внедрению международных антикоррупционных стандартов (раунда I-II) / М.А. Логвинова, Г.В. Машанов, Н.Н. Мельник; под ред. И.В. Шуманова. М.: PMG, 2019. 130 с.

References

1. Anti-corruption: Constitutional and Legal Approaches / Rel. ed. S.A. Avakyan. M.: Justicinform, 2016. 512 p.
2. Lyubimov A.P. Constitutional and Legal Basis for Forming Lobbying Relations in an Open Society (Anti-Corruption project). Moscow: State Duma Publication. 2000. 392 p.
3. Malko A.V., Subochev V.V. Lobbying: Problems of Legal Regulation. Pyatigorsk: RIA-KMV, 2003. 198 p.
4. Avtonomov A.S. ABC of Lobbying. Moscow: Human Rights, 2004. 109 p.
5. Starostina I.A. Constitutional and Legal Problems of Lobbying in Russia and Abroad // Constitutional and Legal Bases of Anti-corruption Reforms in Russia and Abroad: educational and methodological complex (textbook) / Rel. ed. Moscow: Justicinform, 2016. P. 127–212.
6. Vasilyeva S. Legal Institute of Lobbying in Russia: Assessment of Legislation and Prospects of Formation // Comparative constitutional review. 2013. No. 1. P. 136–148.
7. Brusnitsyn L.V. Comment on Legislation on Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings (article-by-article). Moscow: Justicinform, 2009. 304 p.
8. Legal Protection of Persons Reporting Facts of Corruption: a Scientific and Practical Guide / V.Yu. Artemov, N.A. Golovanova, A.Yu. Zakson, etc.; Rel. ed. A.M. Tsirin, E.I. Spector. M.: SISP, 2016. 144 p.
9. Kozbanenko V.A. On the Question of the State Service Management Body // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 11. P. 46–52.
10. Analysis of Russia's Implementation of the Recommendations of the Group of States against Corruption on the Implementation of International Anti-corruption Standards (round I-II) / M.A. Logvinova, G.V. Mashanov, N.N. Melnik; ed. by I.V. Shumanov. Moscow: PMG, 2019. 130 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10014
УДК 343.100.1

А.Д. Шминке

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ОБЪЯСНЕНИИ СИСТЕМНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Введение: в условиях построения в России демократического правового социального государства осуществляется судебная реформа, а уголовный процесс, будучи сложным или сложноорганизованным объектом, требует системного подхода, точнее — наиболее эффективной его формы под названием «метод функциональной системы». На этом пути встанут многие значимые проблемы, одна из которых — систематизация уголовного процесса. От ее решения зависит не только успех нашей идеи оптимизации уголовного процесса посредством метода функциональной системы, но и достижение желаемого результата в борьбе с преступностью. **Цель:** установить эффективный метод систематизации уголовного судопроизводства и разработать процесс его осуществления. **Методологическая основа:** метод постановки проблемы, системно-структурный метод, метод анализа, сравнения и др. методы, а также информационные, логические и языковые средства исследования. **Результаты:** определено понятие систематизации уголовного процесса как приведение его стадий в единую, согласованную функциональную систему; установлен конкретный механизм систематизации уголовного процесса, заключающийся в подчинении его стадий сформулированному фокусированному полезному результату, и концептуальный метод его осуществления; выявлен оптимальный вариант методов построения предполагаемой концепции; разработан некий алгоритм ее создания. **Вывод:** систематизацию уголовного процесса следует осуществлять посредством концептуального метода — поэтапного построения соответствующей концепции.

Ключевые слова: систематизация, уголовный процесс, стадия, концепция, метод, структура, элемент (компонент).

A.D. Shminke

ON THE ISSUE OF CONCEPTUAL EXPLANATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE SYSTEMIC NATURE

Background: in the context of building a democratic legal social state in Russia, judicial reform is being carried out and the criminal process, being a complex or complicated object, requires a systematic approach, more precisely, it is the most effective form called the “functional system method”. Many significant problems arise on this path, one of which is the systematization of the criminal process. Not only the success of the idea of optimizing the criminal process through the method of the functional system, but also the achievement of the desired result in the fight against crime depends on its solution. **Objective:** to establish an effective method of systematization of criminal proceedings and to develop the process of its implementation. **Methodology:** method of problem statement, system-structural method, method of analysis, comparison and other methods, as well as information, logical and

© Шминке Алла Дмитриевна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: allusya08@mail.ru
© Shminke Alla Dmitrievna, 2020
Candidate of law, Associate professor, Criminal procedure department (Saratov State Law Academy)

language means of research. Results: the concept of systematization of the criminal process is defined as bringing its stages into a single, coordinated functional system; a specific mechanism for systematizing the criminal process which consists in subordinating its stages to a formulated focused useful result is established as well as a conceptual method for its implementation; the optimal version of the methods for constructing the proposed concept is identified; a certain algorithm for its creation is developed. Conclusion: the author of the article states that systematization of the criminal process should be carried out through the conceptual method - the phased construction of the corresponding concept.

Key-words: *systematization, criminal process, stage, concept, method, structure, element (component).*

Идя по пути оптимизации уголовного процесса посредством системного подхода в форме теоретической концепции, именованной методом функциональной системы [1; 2], мы сталкиваемся с проблемой систематизации. Научное значение решения данной проблемы, заключающееся в логическом завершении нашей идеи оптимизации уголовного процесса, актуализирует тему данного исследования; а ее сложность и многогранность направляют методологический ориентир на поиск эффективных форм и методов осуществления систематизации.

Следуя заданному методологическому ориентиру, вначале сформулируем базовое для данных исследований, понятие систематизации уголовного процесса, опираясь при этом на сложившееся в системологии понятие систематизации.

На сегодняшний день нет разногласий в отношении понятия систематизации. Это, по мнению, например, Ю.П. Сурмина, приведение в систему [3, с. 346]. Беря данное понятие за основу и учитывая специфические особенности функциональной системы [1, с. 246], систематизацию уголовного процесса мы можем определить как приведение его стадий в единую, согласованную функциональную систему.

К сожалению, пока нет опыта систематизации уголовного процесса с позиции функциональной системы, имеющей специфические особенности [1, с. 246]. Но накоплен значительный опыт систематизации иных сложных правовых объектов с этой позиции. Так, например, Л.А. Юсупова систематизировала институты демократического правового и социального государства. «...Это, — пишет она, — ...процесс, предполагающий приведение данных институтов как компонентов (подсистем или субсистем) в единую, согласованную ...функциональную систему...». Из всего сложившегося многообразия она предпочла так называемый концептуальный метод систематизации [4, с. 84, 86].

О.Г. Ютовец систематизировала деятельность депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и представительных органов местного самоуправления, определяемую их конституционно-правовым статусом. В ходе процесса систематизации она опирается на тот же концептуальный метод [5, с. 140, 142].

А.Ю. Агахаджиев систематизировал общественное воздействие как элемент (компонент) системы исправления осужденных. Поскольку «процесс исправления осужденных, — объясняет он, — это сложная ...большая функциональная система», «интеграцию общественного воздействия в такую систему мы будем рассматривать как систематизацию, т.е., деятельность по обеспечению систем-

ности общественного воздействия как элемента» (компонента) «системы исправления». В качестве метода систематизации А.Ю. Агахаджиев также определил концептуальный метод [6, с. 133, 138].

Есть и другие примеры аналогичной систематизации сложных правовых объектов [7, с. 129–148; 8, с. 115–135]. Указанные работы объединяет попытка авторов систематизировать структурные элементы (компоненты) тех или иных сложных или сложноорганизованных правовых объектов концептуальным путем, иначе говоря, посредством создания соответствующих концепций. Дело в том, что основным инструментом систематизации в функциональной системе является фокусированный полезный результат. Подчиняя себе структурные элементы (компоненты) сложного или сложноорганизованного объекта, он создает между ними упорядоченное взаимодействие, т.е., приводит их в функциональную систему. В этом и заключается конкретный механизм систематизации сложных или сложноорганизованных объектов [9, с. 33–40]. Руководствуясь этим положением, авторы пытаются подчинить элементы (компоненты) исследуемых сложных или сложноорганизованных правовых объектов фокусированному полезному результату посредством выстраиваемых концептуальных конструкций. Л.А. Юсупова, например, разработала в этом отношении «Концепцию систематизации институтов демократического правового и социального государства» [4, с. 86, 88–91]; О.Г. Ютовец — «Концепцию оптимизации депутатской деятельности в условиях построения демократического правового социального государства» [5, с. 142, 145–150]; и др. [6, с. 139–147; 7, с. 132–146; 8, с. 128–131].

Согласно изложенному опыту систематизации сложных или сложноорганизованных правовых объектов с позиции функциональной системы, прежде всего, выделим структурные элементы (компоненты) уголовного процесса, подлежащие систематизации. К таковым можно отнести его стадии, представляющие собой автономные и нормативно выделенные в законе отрезки уголовного процесса, направленные на решение специальных задач, «необходимых для достижения общей юридико-технической цели уголовного процесса, связанной с разрешением уголовного дела по существу, т.е. с разрешением вопросов материального уголовного права». Точнее, структуру уголовного процесса составят следующие элементы (компоненты):

- возбуждение уголовного дела;
- предварительное расследование;
- подготовка к судебному заседанию;
- судебное разбирательство;
- производство в суде апелляционной инстанции (апелляция);
- исполнение приговора;
- производство в суде кассационной инстанции (кассация);
- производство в надзорной инстанции (надзор);
- возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [10, с. 64–67].

Что касается фокусированного полезного результата как неотъемлемого и решающего компонента рассматриваемой системы, инструмента, создающего упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее элементами (компонентами) [9, с. 35] — стадиями уголовного процесса, то он заложен в ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства» УПК РФ¹.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Российская газета. 2001. № 249. 22 дек; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. I, ст. 4800.

Дело в том, что российский законодатель, в отличие от советского, четко показавшего «направленность уголовного процесса на разрешение по существу вопросов уголовного права», ориентировал уголовный процесс как на обеспечение индивидуальных прав и свобод частных лиц (потерпевшего и обвиняемого), так и на защиту публичных интересов общества в целом. Иначе говоря, современный законодатель взглянул на проблему оптимизации уголовного процесса под иным, нежели советский законодатель, углом зрения — «не с точки зрения юридико-технических» его задач, «которые, разумеется, остались неизменны, а с точки зрения социального» его предназначения [10, с. 54–55]. Поэтому в соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением, с одной стороны, «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений», а с другой — «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». При этом «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Исходя из этих соображений, а также следуя методам компрессии [11, с. 447] и трансформации текста [12, с. 419], позволяющим адаптировать составленный законодателем текст назначения уголовного судопроизводства к тексту фокусированного полезного результата системы уголовного процесса, последний мы можем определить как обеспечение прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений. Однако, как установил Л.В. Головкин, позитивные социальные результаты можно получить лишь при условии «оптимально сконструированной и успешно функционирующей системы уголовного процесса» [10, с. 54], т.е., при условии оптимизации уголовного процесса. Отсюда фокусированный полезный результат предстает как обеспечение прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, с одной стороны, и оптимизация уголовного процесса — с другой.

Каждую из выделенных стадий уголовного процесса нужно подчинить сформулированному фокусированному полезному результату посредством построения соответствующей концепции как формы представления результатов нашей научной работы. При этом мы будем руководствоваться оптимальным вариантом методов построения подобных концепций, разработанным Р.Р. Хаснутдиновым: системно-структурным методом, методом адаптации, методом моделирования и методом проектирования. Системно-структурный метод приведет нас к наиболее эффективной структуре предполагаемой концепции; метод адаптации — позволит наполнить ее структурные элементы (компоненты) содержанием; метод моделирования как своеобразный инструмент познания дает возможность разработать модель конструируемой концепции; метод проектирования позволяет спланировать предполагаемую концепцию [13, с. 67, 68].

Руководствуясь этими методами, выстроим некий алгоритм создания предполагаемой концепции как методологического проекта или модели для соответствующих компетентных органов.

На первом этапе именуется предполагаемая концепция, т.е., формулируется ее словесное обозначение [11, с. 584], название [14, с. 419], например «Концепция системы уголовного процесса».

На втором этапе в соответствии с системно-структурным методом выстраивается структура предполагаемой концепции — «Концепции системы уголовного процесса». В подобных случаях исследователи правовых процессов и явлений с позиции функциональной системы выделяют «Преамбулу» (от позднелат. *praeeambulo* — «предшествую») [15, с. 1049], раздел «Общие положения» и раздел «Систематизация структурных элементов (компонентов) объекта» [4, с. 89–90; 5, с. 145–146]. Не исключена и иная структура предполагаемой концепции [6, с. 139–145; 7, с. 133–146; 8, с. 129–135]. Здесь важным является осуществление систематизации, т. е., подчинение структурных элементов (компонентов) уголовного процесса — его стадий сформулированному фокусированному полезному результату, обеспечению прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, с одной стороны, и оптимизации уголовного процесса — с другой. Поскольку структура концепции, состоящая из «Преамбулы», раздела «Общие положения» и раздела «Систематизация структурных элементов (компонентов) объекта», является в последние годы наиболее популярной среди исследователей, ее мы и возьмем за основу.

На третьем этапе, руководствуясь способом адаптации текста, выделенные части «Концепции системы уголовного процесса» наполняются содержанием. Так, в «Преамбуле» обосновывается применение метода функциональной системы к уголовному процессу. В разделе «Общие положения» дается понятие системы уголовного процесса и ее структуры, характеризуются ее структурные элементы (компоненты). Кроме того, данный раздел должен включать в себя принципы, на основе которых осуществляется систематизация структурных элементов (компонентов). Раздел «Систематизация структурных элементов (компонентов) уголовного процесса» объединяет в себе девять подразделов, соответствующих стадиям уголовного процесса, например: «Систематизация стадии возбуждения уголовного дела», «Систематизация стадии предварительного расследования» и т.д. В каждом подразделе определяется понятие той или иной стадии уголовного процесса, формулируются предполагаемые мероприятия их реализации. Здесь важным является то, чтобы каждая стадия уголовного процесса независимо от ее специфики была подчинена фокусированному полезному результату — обеспечению прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, с одной стороны и оптимизации уголовного процесса — с другой.

Таким образом, посредством концептуального метода мы приводим стадии уголовного процесса к упорядоченному взаимодействию — функциональную систему уголовного процесса.

Подводя итог, выделим полученные в процессе исследования актуализированной проблемы результаты. Во-первых, опираясь на сложившееся в науке понятие систематизации, и учитывая специфические особенности функциональной системы, систематизация уголовного процесса мы определили как приведение его стадий в единую, согласованную функциональную систему. Во-вторых, конкретный механизм систематизации уголовного процесса заключается в подчинении его стадий как структурных элементов (компонентов) фокусированному полезному результату — обеспечению прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, с одной стороны, и оптимизации уголовного процесса — с другой. В-третьих, конкретный механизм систематизации уголовного процесса реализуется концептуальным путем — посредством создания соответствующей концепции. В-четвертых, оптимальный вариант методики построения предпо-

лагаемой концепции составляют следующие методологические инструменты: системно-структурный метод, метод адаптации, метод моделирования и метод проектирования. В-пятых, процесс создания предполагаемой концепции как методологического проекта или модели для соответствующих компетентных органов осуществляется в три этапа:

на первом этапе формулируется ее название, например «Концепция системы уголовного процесса»;

на втором этапе в соответствии с системно-структурным методом выстраивается структура концепции, которую может составить «Преамбула», раздел «Общие положения» и раздел «Систематизация структурных элементов (компонентов) уголовного процесса», объединяющий девять подразделов, соответствующих стадиям уголовного процесса;

на третьем этапе руководствуясь способом адаптации текста, составляющие структуру концепции части наполняются содержанием.

Полученные таким образом результаты ориентируют на более глубокие исследования в данном направлении.

Библиографический список

1. Шминке А.Д. Системный подход к уголовному процессу в условиях построения демократического правового социального государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2015. № 3. С. 244–247.
2. Шминке А.Д. Структура системы уголовного процесса в условиях построения демократического правового социального государства в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2015. № 5. С. 153–156.
3. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. К.: МАУП, 2003. 368 с.
4. Юсупова Л.А. Системный подход к построению демократического правового социального государства в России. Белгород, 2013. 108 с.
5. Ютовец О.Г. Оптимизация депутатской деятельности в условиях построения демократического правового социального государства в России. Белгород, 2013. 160 с.
6. Агахаджиев А.Ю. Оптимизация общественного воздействия на осужденных к лишению свободы. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2010. 192 с.
7. Исмаилов В.Д. Модернизация института исправления осужденных к лишению свободы. Грозный, 2012. 176 с.
8. Сагрунян В.М. Цели уголовного наказания и их реализация как единая система. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. 164 с.
9. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 225 с.
10. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
13. Хаснутдинов Р.Р. Методы построения концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки, 2017. № 2 (29). С. 67–70.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2006. Т. 2: И–О. 779 с.
15. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1600 с.

References

1. *Shminke A.D.* This is a System Approach to the Criminal Process of Building a Social and Legal Condition of the Democratic State // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2015. No. 3. P. 244–247.
2. *Shminke A.D.* Criminal Legal Systems of Social Construction of the Process of Democratic Conditions of the Russian State Structure // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2015. No. 5. P. 153–156.
3. *Surmin Yu.P.* *Systems Theory and Systematic Analysis: textbook* К.: MAUP, 2003. 368 p.
4. *Yusupova L.A.* *Building a System Approach to the Social and Legal Democratic State in Russia*. Belgorod, 2013. P. 108.
5. *Yutovets O.G.* *Optimization of Deputy Activity in the Context of the Construction of a Democratic Legal Social State in Russia*. Belgorod, 2013. 160 p.
6. *Agakhadzhiev A.Yu.* *Optimization of Public Influence on Prisoners Sentenced to Imprisonment*. Grozny: FSUE Publishing and Printing Complex Grozny Worker, 2010. 192 p.
7. *Ismailov V.D.* *Modernization of the Institution of Correction of Prisoners Sentenced to Imprisonment*. Monograph. Grozny, 2012 . 176 p.
8. *Sagrunyan V.M.* *The Goals of Criminal Punishment and Their Implementation as a Single System*. Belgorod: IPK NRU «BelSU», 2012. 164 p.
9. *Anokhin P.K.* *Essays on the Physiology of Functional Systems*. М.: Medicine, 1975. 225 p.
10. *Course of the Criminal Process / under the editorship of L.V. Golovko*. 2nd ed., Rev. М.: Statute, 2017. 180 p.
11. *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ch. ed. S.A. Kuznetsov*. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
12. *Zherebilo T.V.* *Dictionary of Linguistic Terms*. 5th ed., Rev. and add. Nazran: Pilgrim, 2010. 486 p.
13. *Khasnutdinov R.R.* *Methods for Constructing the Concept of Legal Policy in the Field of Legal Responsibility // Vector of science TSU. Ser. : Legal Sciences*, 2017. No. 2 (29). P. 67–70.
14. *Dal V.I.* *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols*. М.: Russian Language, 2006. Т. 2: I–O. 779 p.
15. *Soviet Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. A.M. Prokhorov*. 2nd ed. М.: Soviet Encyclopedia, 1982. 1600 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10015

УДК 343.01

Т.А. Кирова

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Введение: в уголовно-правовой литературе применительно к определению роли данной отрасли в общественной жизни достаточно часто ученые оперируют глаголом «обеспечивать» и соответствующим ему существительным «обеспечение». Однако они используют данные понятия без какого-либо пояснения их сущности, в контексте терминов «уголовно-правовое воздействие», «уголовно-правовое регулирование», «уголовно-правовая охрана». По мнению автора, понятие «уголовно-правовое обеспечение» имеет самостоятельное содержательное наполнение. **Цель:** формулирование авторской дефиниции «уголовно-правовое обеспечение» и обоснование необходимости введения ее в научный оборот. **Методологическая основа:** в исследовании использованы такие общенаучные методы, как анализ (в т.ч. контент-анализ), синтез, дедукция, индукция. **Результаты:** были исследованы сформировавшиеся в науке взгляды на синонимы понятия уголовно-правового обеспечения, дано авторское определение понятия «уголовно-правовое обеспечение». **Вывод:** уголовно-правовое обеспечение следует рассматривать как процесс формирования модели правомерного поведения участников общественных отношений в отдельной сфере деятельности путем установления признаков, наличие которых превращает поведение правообязанного лица в отклоняющееся от нормы и делает его преступным.

Ключевые слова: научные категории, правовое обеспечение, уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовое регулирование, уголовно-правовое обеспечение.

Т.А. Kirova

NOTION OF CRIMINAL-LEGAL SUPPORT

Background: in criminal law literature, in relation to determining the role of a given industry in public life, quite often scientists use the verb “provide” and the corresponding noun “provision”. However, they use these concepts without any explanation of their nature, in the context of the terms “criminal legal influence”, “criminal legal regulation”, “criminal legal protection”. According to the author, the concept of “criminal legal support” has an independent content. **Objective:** formulation of the author’s definition of “criminal law support” and argumentation of the need for its introduction into scientific circulation. **Methodology:** general scientific methods as analysis (including content analysis), synthesis, deduction, induction are used in this research. **Results:** the views on synonyms of criminal legal support that existed in science were examined, and the author’s definition of the term “criminal legal support” was given. **Conclusion:** criminal legal support should be considered as a process of forming a model of lawful behavior of participants in public relations in a particular area of activity by establishing signs, the presence of which turns the behavior of a liable person into a deviant and makes it criminal

Key-words: scientific categories, legal support, criminal influence, criminal regulation, criminal support.

© Кирова Татьяна Александровна, 2020

Старший преподаватель кафедры уголовного права и прокурорского надзора (Пермский государственный национальный исследовательский университет); e-mail: tanumtseva@mail.ru

© Kirova Tatyana Aleksandrovna, 2020

Senior teacher, Criminal law and prosecutor’s supervision department (Perm State National Research University)

Использование понятия «уголовно-правовое обеспечение» является достаточно редким для отечественной науки. Данный факт вполне может быть объясним доктринальным происхождением рассматриваемой категории и отсутствием соответствующего нормативного термина. Подобная ситуация осложняет приведение в единообразие научных понятий, поскольку объективной потребностью правовой доктрины является унификация используемых понятий. В связи с этим полагаем, что теоретическое осмысление понятия уголовно-правового обеспечения необходимо.

В первую очередь введение в научный оборот термина «уголовно-правовое обеспечение» будет иметь теоретико-методологическую значимость для современной уголовно-правовой науки, создаст новое научное знание о категории, не имеющей собственной дефиниции. Стоит согласиться с учеными, отмечающими, что нельзя признать логичным отсутствие собственного определения понятий, которыми при этом активно оперируют в науке [1, с. 324; 2, с. 233]. Следует безусловно признать тот факт, что «категории и понятия выступают в качестве инструмента познавательной деятельности, способа понимания и фиксации достигнутых правовых знаний» [3, с. 81]. Таким образом, данный тезис также подтверждает потребность разработки единой концепции уголовно-правового обеспечения и наполнения соответствующей категории собственным смысловым значением.

Кроме того, это требуется для определения степени вовлеченности уголовно-правовых норм в механизм правового регулирования той или иной сферы человеческой жизнедеятельности. Возложение на правоисполнителя обязанности по воздержанию от совершения преступлений предполагает однозначное понимание им границ правомерного поведения в ходе осуществления своей деятельности. По нашему мнению, именно в этом и заключается смысл уголовно-правового обеспечения, что придает данному понятию собственное содержание.

В тех случаях, когда исследователи оперируют данным термином, он не получает какого-либо собственного содержательного наполнения и рассматривается в качестве тождественного по значению иным понятиям. Систематизация сложившихся взглядов на синонимы уголовно-правового обеспечения позволяет выделить следующие комбинации:

уголовно-правовое обеспечение есть уголовно-правовое воздействие. В таком контексте использует рассматриваемое понятие, например, В.К. Дуюнов. Он отмечает, что «уголовно-правовое воздействие имеет важное значение в обеспечении нормальной жизнедеятельности общества» [4, с. 3]. При этом ученый не говорит о содержательном наполнении уголовно-правового обеспечения и даже не использует данный термин, оперируя лишь различными формами глаголом «обеспечивать»;

уголовно-правовое обеспечение есть уголовно-правовое регулирование. Так, например, М.В. Бавсун, говоря об уголовно-правовом регулировании, определяет его как «целенаправленное воздействие государства на обеспечение правомерного поведения членов общества возможно не только применением норм, но и самим фактом их опубликования, принятием правовых концепций и принципов права, обобщением практики применения норм в различных отраслях права и формированием на этой основе правил такого применения (правоположений), изданием подзаконных актов и т.п.» [5, с. 93]. Однако в данном случае речь идет не о непосредственно уголовно-правовом обеспечении, а об объекте уголовно-правового воздействия;

уголовно-правовое обеспечение есть уголовно-правовое закрепление. Например, К.Н. Колотилова, опять же не давая непосредственного определения ни тому, ни другому из используемых ею терминов, отмечает, что «контрольно-надзорная функция в сфере обеспечения пожарной безопасности нашла свое уголовно-правовое закрепление в рамках ст. 219 разд. 9 гл. 24 УК РФ» [6, с. 151];

достаточно интересной является точка зрения Н.В. Щедрина. Он использует термин «обеспечение» применительно к уголовно-управляющему воздействию, под которым понимает достаточно широкий спектр мер уголовно-правового характера, объединенных общей целью — защитой особо охраняемых объектов посредством: «а) формулирования правил особой безопасности (диспозиций), санкций за их нарушение, правил и процедур их назначения и исполнения; б) применения (назначения) уголовных санкций к лицам и организациям, нарушившим правила особой безопасности; в) исполнения назначенных санкций» [7, с. 322];

уголовно-правовое обеспечение есть уголовно-правовая охрана. Это наиболее распространенный подход. Данный вывод основывается на изучении весьма большого объема диссертационных исследований, в наименовании которых фигурирует «уголовно-правовое обеспечение» [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14, 15]. Однако при более детальном изучении данных диссертаций можно сделать однозначный вывод, что речь в них идет об уголовно-правовой охране соответствующих сфер деятельности. Полагаем возможным объяснить данное умозаключение тем, что в тексте приведенных работ говорится о составах преступлений, имеющих своим объектом как раз таки ту сферу или те интересы, уголовно-правовое обеспечение которых вынесено в качестве темы диссертации. Более того, в некоторых из таких работ, преступления, посягающие на выбранные исследователем общественные отношения, именуется уголовно-правовым механизмом обеспечения данных отношений [16].

Кроме того, аналогичный подход к употреблению термина «уголовно-правовое обеспечение» встречается и на страницах периодических научных изданий, в публикациях как именитых ученых, так и начинающих исследователей [17; 18; 19; 20].

Редким исключением можно назвать подход, в рамках которого термин «уголовно-правовое обеспечение» используется в собственном значении. Так, в диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания» Л.И. Гаманенко дает следующее определение рассматриваемого нами понятия: «Это гарантирование реального осуществления наказания, назначенного осужденному лицу, в необходимом, достаточном объеме при помощи уголовно-правовых средств» [21, с. 8].

Авторским содержанием наполняют данное понятие и О.В. Артюшина и Э.В. Хусаинова. Статья, опубликованная ими в одном из научных журналов, озаглавлена «Уголовно-правовое обеспечение введения уголовного поступка в Уголовный кодекс РФ» [22]. Несмотря на то, что ученые не дают определения понятия, вынесенного в заголовок статьи, исходя из ее текста, можно предположить, что они рассматривают уголовно-правовое обеспечение как некоторые условия, необходимые для введения института уголовного поступка в действующий уголовный закон.

Не умаляя научной значимости всех вышеприведенных точек зрения, полагаем необходимым присоединиться к той из них, которая признает возможность формулирования собственного определения понятия «уголовно-правовое обеспечение». Исходя из этого, позволим себе предпринять попытку сформулировать авторскую дефиницию рассматриваемого понятия. Для этого возьмем за основу дедуктивный метод и будем исходить из того, что уголовно-правовое обеспечение есть вид правового обеспечения, которое, в свою очередь, есть обеспечение как вид деятельности. Иными словами, будем конструировать родовидовую дефиницию.

В первую очередь представляется необходимым рассмотреть семантическое определение понятия «обеспечение». Для этого обратим свое внимание на наиболее авторитетные словари. Словарь С.И. Ожегова дает следующее толкование глагола «обеспечить»: «1. Снабдить чем-то кого-то в нужном количестве (Обеспечить сырьем, техникой). 2. Предоставить достаточные материальные средства к жизни (Обеспечить свою семью, обеспеченная старость). 3. Сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым (Обеспечить успех). 4. Оградить кого-то от чего-то, охранить (устар.)»¹.

В словаре Т.Ф. Ефремовой соответствующий глагол определяется таким образом: «1) Снабжать чем-либо в достаточном количестве, полностью удовлетворять какие-либо потребности. Предоставлять кому-л. достаточные материальные средства к жизни. 2) Делать надежным осуществление чего-либо Гарантировать надежность, прочность чего-либо»².

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова «обеспечение» это: «1. Действие по глаголу «обеспечить (обеспечивать). Например: Для обеспечения ее материального положения нужны были некоторые формальности (А. Островский). 2. Деньги, материальные средства к жизни, предоставляемые кому-либо с целью обеспечить его существование. Например: Социальное обеспечение (материальная помощь нетрудоспособным от государства). 3. То, что служит ручательством, гарантией, обеспечивает сохранность, исполнение чего-либо. Например: Обеспечение иска, обязательств, договора (право)». В свою очередь, «обеспечивать» — «1. Предоставить кому-то достаточные материальные средства к жизни. Например: А сынка твоего мы обеспечили (А. Островский). Снабдить чем-то в потребных размерах. Например: Чтобы обеспечить промышленность рабочей силой, надо ее набирать организованным порядком (И. Сталин). 2. Гарантировать, сделать что-то верным, несомненным. Например: Только руководство коммунистической партии обеспечило победу пролетарской революции и построение социалистического государства рабочих и крестьян (В. Молотов)»³.

Для поставленной нами цели формулирования авторского понятия уголовно-правового обеспечения будем исходить из понимания глагола «обеспечить» как действий, направленных на гарантирование чего-либо, а существительного «обеспечение» т.е. деятельности, направленной на создание условий для чего-либо.

Следующим уровнем дедуктивного исследования искомого нами понятия становится уровень правового обеспечения. Данное понятие также достаточно

¹ См.: Словарь С.И. Ожегова. URL: <http://ozhegov-online.ru/slovar-ozhegova/obespechit/18760/> (дата обращения: 10.04.2019).

² См.: Словарь Т.Ф. Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/obespechivat.html#Wru2xvIubIU> (дата обращения: 10.04.2019).

³ См.: Словарь Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=37079> (дата обращения: 10.04.2019).

редко встречается в научном обороте. Как правило, оно используется в качестве синонима правового регулирования или как создание и нормативное закрепление правил, направленных на установление прав и обязанностей субъектов правоотношений в той или иной сфере [23; 24; 25]. Однако, на наш взгляд, не вполне адекватно приравнивать правовое обеспечение к правовому регулированию. Данные понятия имеют несколько различное содержание как при самом общем рассмотрении, так и применительно к конкретным отраслям права.

Опираясь на вышесказанное, позволим себе перейти к категории «уголовно-правовое обеспечение». Как уже было отмечено нами ранее, обеспечение представляет собой специфический вид целенаправленной человеческой деятельности. Поскольку эта деятельность находится в уголовно-правовой плоскости, в этой связи она характеризуется некоторыми особенностями.

В первую очередь, стоит помнить, что основанием возложения на правоисполнителя обязанности по воздержанию от противоправных поступков является опасность такого поведения для общественных отношений. В то же время некоторые отношения в той или иной сфере не только включают в себя правовые аспекты, но и во многом являются фактическими, не урегулированными правом. Следовательно, важно вычлнить именно те социальные интересы, которые нуждаются в правовой охране, и действия, способные навредить им. Это необходимо для всех участников отношений, которые стали объектами уголовно-правовой охраны.

При этом надлежит учитывать тот факт, что уголовное право имеет тесную связь с отраслями позитивного права. Она проявляется в том, что именно позитивное право формирует те общественные отношения, которые в дальнейшем становятся объектами уголовно-правовой охраны. Следовательно, уголовно-правовыми нормами можно лишь определить границы допустимого поведения участников данных отношений, отграничить преступное от непроступного.

Таким образом, лица, вовлеченные в сферу уголовно-правового обеспечения, одновременно получают образец собственного поведения как лица, обязанные воздерживаться от установленных уголовным законом запретов, и как лица, имеющие право на адекватную и объективную оценку своих поступков со стороны правоприменителя. Следовательно, в своей совокупности оба названных аспекта влияния уголовно-правовых норм на повседневную общественную жизнь формируют границы допустимого поведения участников общественных отношений. Как справедливо отмечает А.Г. Блинов, «смещение акцента на карательном воздействии уголовно-правовых норм не вполне отвечает приоритету задач данной отрасли права» [26, с. 80]. Развивая данный тезис, заметим, что не стоит ограничивать значение уголовно-правового обеспечения исключительно репрессией: только комплексное сочетание факторов уголовно-правового обеспечения должным образом служит интересам удержания лиц от совершения преступлений и борьбы с преступностью.

Так, например, должностные лица, заступая на соответствующую должность, принимают на себя обязанность воздерживаться от определенного поведения, предусмотренного ст. 285, 286 и другими нормами Уголовного кодекса РФ⁴, где в качестве субъекта преступления указаны данные лица. В то же время они

⁴См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2019, № 14, ч. I, ст. 1459.

получают определенные гарантии от необоснованной уголовной репрессии, поскольку все признаки возложенного на них запрета сформулированы в конкретном составе преступления и только при их наличии уголовная ответственность данных лиц становится возможной. При этом данные лица продолжают осуществлять нормальное повседневное выполнение своих обязанностей, но в пределах, установленных для них уголовным законом.

Следовательно, уголовно-правовое обеспечение есть процесс, направленный на выявление, обнаружение и формирование признаков преступного, фиксирование их в рамках определенных составов преступлений и доведение установленных запретов до их адресатов. Полагаем, что приведенные выше факты дают основание расширить взгляд на уголовно-правовое обеспечение. Инструментарий данной отрасли права не должен использоваться исключительно в карательном направлении. Важно учитывать субсидиарность применения уголовно-правовой репрессии — это необходимо только тогда, когда иные средства оказались неэффективными. Иными словами, уже сама угроза быть привлеченным к уголовной ответственности должна побуждать ее адресатов к осознанию пределов допустимого. На наш взгляд, целью уголовно-правового обеспечения следует считать как раз таки удержание лиц от совершения преступлений в обеспечиваемой сфере общественной жизни через конструирование в их сознании модели поведения, признаваемого правомерным.

На основании всего вышеизложенного уголовно-правовое обеспечение можно определить как процесс формирования модели правомерного функционирования отдельной сферы общественной жизни (отдельных объектов, осуществления отдельного вида деятельности) путем установления признаков, наличие которых превращает поведение правообязанного лица в отклоняющееся от нормы и делает его преступным.

Библиографический список

1. *Захаркина А.В.* «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 323–333.
2. *Хижняк С.П.* Терминологическое значение и его отражение в дефинициях // Вестник Саратовской государственной академии права. 2018. № 2 (121). С. 233–238.
3. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
4. *Дуюнов В.К.* Механизм уголовно-правового воздействия (теоретические основы и практика реализации): дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.
5. *Бавсун М.В.* Методологические основы уголовно-правового воздействия. М.: Юрлитинформ, 2012. 200 с.
6. *Колотилова К.Н.* Современное уголовно-правовое закрепление контрольно-надзорной функции государства в сфере обеспечения пожарной безопасности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 150–153.
7. *Щедрин Н.В.* Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 319–331.
8. *Меркурьев В.В.* Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 458 с.
9. *Фетисов М.Г.* Проблемы уголовно-правового обеспечения безопасной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 232 с.

10. *Кизилов А.Ю.* Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 204 с.
11. *Асликян С.Э.* Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 210 с.
12. *Дашкова Г.Г.* Уголовно-правовое обеспечение рынка ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 187 с.
13. *Ратникова А.Е.* Уголовно-правовое обеспечение права на информацию: Сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 202 с.
14. *Колчин М.М.* Уголовно-правовое обеспечение безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 197 с.
15. *Саркисова В.Г.* Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 191 с.
16. *Дворянсков И.В.* Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 199 с.
17. *Рарог А.И., Князькова М.Г.* Уголовно-правовое обеспечение борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 13. С. 39–43.
18. *Мартыненко Н.Э.* Уголовно-правовое обеспечение безопасности личности в Российской Федерации // Публичное и частное право. 2010. № 2. С. 75–79.
19. *Гришко Л.Е.* Уголовно-правовое обеспечение Таможенного союза России, Беларуси, Казахстана в сфере налогообложения // Вестник Томского государственного ун-та. Право. 2013. № 1 (7). С. 33–35.
20. *Боровикова В.В.* Информационная политика и уголовно-правовые средства ее обеспечения // Бизнес в законе. 2013. № 4. С. 44–47.
21. *Гаманенко Л.И.* Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 243 с.
22. *Артюшина О.В., Хусаинова Э.В.* Уголовно-правовое обеспечение введения уголовного поступка в Уголовный кодекс РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №2 (32). С. 217–223.
23. *Липски С.А.* Правовое обеспечение земельного надзора (контроля) и мониторинга земель: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 140 с.
24. Проблемы теории государства и права: учебное пособие / отв. ред. Клюковская И.Н., Черкашин Е.Ю. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. 130 с.
25. Теория государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатина. 3-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. 212 с.
26. *Блинов А.Г.* Уголовно-правовой статус медицинского работника // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 79–87.

References

1. *Zakharov A.V.* «Civil Circulation» as a Fundamental Category of Civil Law // Perm University Bulletin. Legal science. 2017. Vol. 37. P. 323–333.
2. *Khizhnyak S.P.* Terminological Value and Its Reflection in Economics // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 2 (121). P. 233–238.
3. *Vasilev A.M.* Legal Categories. Methodological Aspects of the Development of the System of Categories of the Theory of Law. M.: Legal literature, 1976. 264 p.
4. *Duyunov V.K.* Mechanism of Criminal-Legal Influence (Theoretical Bases and Practice of Realization): dis. ... doc. of law. Togliatti, 2001. 512 p.
5. *Bovsun M.V.* Methodological Foundations of Criminal and Legal Impact. M.: Yurlitinform, 2012. 200 p.

6. *Kolotilova K.N.* Modern Criminal Law Consolidation of Control and Supervision Functions of the State in the Sphere of Fire Safety // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2010. No. 6 (76). P. 150–153.
7. *Shchedrin N.V.* Criminal Management // *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2018. Vol. 40. P. 319–331.
8. *Merkurev V.V.* Theoretical and Methodological Problems of Criminal Law Ensuring the Human Right to Civil Self-defense: dis. ... doc. of law. Ryazan, 2006. 458 p.
9. *Fetisov M.G.* Problems of Criminal and Legal Provision of Safe Activity of Employees of Internal Affairs Bodies: dis. ... cand. of law. sciences. Rostov n/D, 1999. 232 p.
10. *Kizilov A.Yu.* Criminal and Legal Support of Administrative Activity of the Authorities: dis. ... cand. of law. Ulyanovsk, 2002. 204 p.
11. *Aslikyan S.E.* Criminal and Legal Support for the Implementation of Constitutional Principles of Justice: dis. ... cand. of law. M., 2003. 210 p.
12. *Dashkova G.G.* Criminal and Legal Support of the Securities Market: dis. ... cand. of law. M., 2005. 187 p.
13. *Ratnikova A.E.* Criminal and Legal Provision of the Right to Information: Comparative Legal Research: dis. ... cand. of law. Vladimir, 2006. 202 p.
14. *Kolchin M.M.* Criminal and Legal Security of Movement and Operation of Railway Transport: dis. ... cand. of law. M., 2009. 197 p.
15. *Sarkisova V.G.* Criminal and Legal Security of Transport Infrastructure: dis. ... cand. of law. Krasnodar, 2014. 191 p.
16. *Dvoryankov I.V.* Criminal-legal Support of Obtaining Reliable Evidence dis. ... cand. of law. Ulyanovsk, 2001. 199 p.
17. *Rarog A.I., Knyazkova M.G.* Criminal and Legal Support of the Fight against Illegal Drug Trafficking // *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation*. 2009. No. 13. P. 39–43.
18. *Martynenko N.E.* Criminal and Legal Security of the Individual in the Russian Federation // *Public and private law*. 2010. No. 2. P. 75–79.
19. *Grishko L.E.* Criminal and Legal Support of the Customs Union of Russia, Belarus, Kazakhstan in the Field of Taxation. *Bulletin Tomsk State University. Law*. 2013. No. 1 (7). P. 33–35.
20. *Borovikova V.V.* Information Policy and Criminal-legal Means of Its Provision // *Business in law*. 2013. No. 4. P. 44–47.
21. *Gamanenko L.I.* Criminal and Legal Support of Implementation of the Inflicted Punishment: dis. ... cand. of law. Ryazan, 2010. 243 p.
22. *Artyushina O.V., Khusainova E.V.* Criminal and Legal Support for the Introduction of a Criminal Act in the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia*. 2018. No. 2 (32). P. 217–223.
23. *Lipsky S.A.* Legal Support of Land Supervision (Control) and Land Monitoring: textbook. Saratov: IPR Media, 2018. 140 p.
24. Problems of the Theory of State and Law: textbook / resp. ed. Klyukovskaya I.N., Cherkashin E.Yu. Stavropol: North Caucasus Federal University, 2016. 130 p.
25. Theory of State and Law: textbook / under the editorship of A.V. Malko, A.Y. Salomatina. 3rd ed. SPb.: Law center Press, 2016. 212 p.
26. *Blinov A.G.* Criminally-legal Status of the Medical Worker // *Library of the criminalist: scientific journal*. 2013. No. 6 (11). P. 79–87.

КАФЕДРА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И КРИМИНОЛОГИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И УЧЕБНЫЕ АСПЕКТЫ В СФЕРЕ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

В 1987 г., в связи с существенными изменениями, внесенными в действующее законодательство, регламентирующее новые задачи в деятельности прокуратуры СССР, в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского была создана кафедра правосудия и прокурорского надзора, которая в 2016 г. была переименована в кафедру прокурорского надзора и криминологии. На начальном этапе кафедре возглавил Виктор Викторович Гаврилов, он обладал богатым опытом научно-педагогической деятельности, работал в аппарате прокуратуры Саратовской области в должностях прокурора отдела общего надзора и старшего помощника прокурора области по надзору за следствием в органах госбезопасности.

С 1997 г. кафедре возглавлял кандидат юридических наук, профессор, Почетный работник прокуратуры РФ, заслуженный юрист РФ Александр Федорович Соколов. Он успешно проводил работу по пополнению педагогического состава кафедры новыми научными кадрами, учеными, защитившимися по различным специальностям, что, в свою очередь, благоприятно повлияло на полноту, всесторонность научно-исследовательской деятельности и качество преподавания учебных дисциплин, непосредственно оказывая влияние на студентов и процесс их становления как юристов.

В 2016 г. произошла реорганизация кафедры в результате чего при сохранении приоритетности прокурорского надзора, оптимизировались новые направления научных изысканий в сфере изучения и предупреждения преступности и конкретных преступлений, что и повлекло переименование ее в кафедру прокурорского надзора и криминологии.

Прокуратура РФ, занимая особое место в системе государственных органов, обладает обширной информацией о количестве правонарушений и преступлений, их раскрываемости, причинах и условиях, которые способствовали их совершению, что позволяет органам прокуратуры, не только эффективно пресекать правонарушения, восстанавливать законность и правопорядок, но и предупреждать нарушения закона. Одной из функций, направленной на решение данных задач, является координация деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

Современное развитие кафедры прокурорского надзора и криминологии, под руководством доктора юридических наук, профессора Александра Николаевича Варыгина, вице-президента Российской криминологической ассоциации характеризуется разнообразием тематики проводимых научных исследований. Это обусловлено тем, что кафедра обеспечивает преподавание широкого круга дисциплин направленных на повышение качества и эффективности обучения юристов — будущих работников правоохранительных органов.

В данной рубрике представлены научные статьи сотрудников кафедры, посвященные различным аспектам осуществления деятельности органов прокуратуры и профилактики преступлений.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10016

УДК 343. 9.01

А.Н. Варыгин, Д.Ю. Яковлев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Введение: Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» непосредственно не закрепляет в качестве ее функции борьбу с преступностью. Несмотря на это, функции предупреждения преступности и профилактики преступлений пронизывают все направления деятельности органов прокуратуры. Для эффективного осуществления указанной функции сотрудники прокуратуры должны обладать познаниями о преступности, ее причинах и условиях, особенностях преступников и мерах профилактики преступлений. В этой связи представляет интерес формы и методы использования криминологических знаний в непосредственной деятельности органов прокуратуры, что подчеркивает актуальность затронутой тематики. **Цель:** определить значение криминологических знаний для деятельности органов прокуратуры, рассмотреть формы и методы их использования сотрудниками прокуратуры. **Методологическая основа:** используются методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой методы, конкретно-социологические методы исследования. **Результаты и выводы:** автор констатирует, что органы прокуратуры в своей непосредственной деятельности широко используют криминологические знания о преступности и ее тенденциях, причинах и условиях преступности, личности преступника, формах и методах профилактики преступлений.

Ключевые слова: Прокуратура РФ, функции прокуратуры, борьба с преступностью, криминологические знания, использование криминологических знаний в деятельности органов прокуратуры.

A.N. Varygin, D.Yu. Yakovlev

USING OF CRIMINOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE ACTIVITIES OF PROSECUTION AUTHORITIES

Background: The Federal Law of the Russian Federation “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” does not directly reinforce the fight against crime as its function. Despite this, the functions of crime prevention strategies and crime preventing permeate all areas of activity of prosecution authorities. For the effective implementation of this func-

© Варыгин Александр Николаевич, 2020
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: VAN808@yandex.ru
© Яковлев Денис Юрьевич, 2020
Кандидат юридических наук, судья Наримановского районного суда Астраханской области; e-mail: deni-yakowlev@rambler.ru

© Varygin Aleksandr Nikolaevich, 2020
Doctor of law, Professor, head of the Prosecutor’s supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

© Yakovlev Denis Yurevich, 2020
Candidate of law, judge of the Narimanov district court of the Astrakhan region

tion, prosecutors must have knowledge of crime, its causes and conditions, characteristics of criminals and crime prevention measures. In this regard, the forms and methods of using criminological knowledge in the direct activity of the prosecution authorities are of interest, which emphasizes the relevance of the subject. Objective: to determine the value of criminological knowledge for the activities of the Prosecutor's office, to consider the forms and methods of their use by prosecutors. Methodology: methods of analysis and synthesis, comparative legal methods, specific sociological research methods are used. Results and conclusions: the author states that the prosecution authorities in their direct activities widely use criminological knowledge on crime and its trends, the causes and conditions of crime, the identity of the offender, forms and methods of crime prevention.

Key-words: Prosecutor's office of the Russian Federation, functions of Prosecutor's office, fight against crime, criminological knowledge, use of criminological knowledge in activity of bodies of Prosecutor's office.

Криминология, являясь теоретико-прикладной наукой, призвана обеспечивать потребности общества, государства, его правоохранительных органов в объективных, достоверных сведениях о преступности, ее тенденциях и закономерностях; причинах и условиях преступности, а также о лицах, совершающих преступления. Все эти сведения необходимы для дальнейшего использования в деятельности по борьбе с преступностью. В этой связи значение криминологии для функционирования правоохранительных органов как субъектов, непосредственно занимающихся борьбой с преступностью, вряд ли можно переоценить.

Велико значение криминологических знаний для деятельности органов внутренних дел, Следственного комитета РФ, ФСБ РФ и многих других правоохранительных структур. Если посмотреть нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность тех или иных правоохранительных органов, то в них напрямую закреплены их функции по борьбе с преступностью. Например, ст. 1 Федерального закона РФ «О полиции» определяет, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, для противодействия преступности, охраны общественного порядка и для обеспечения общественной безопасности. Статья 2 этого закона закрепляет в качестве основных направлений деятельности полиции предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений¹.

Статья 8 Федерального закона РФ «О федеральной службе безопасности» определяет, что одним из основных направлений деятельности органов ФСБ РФ является борьба с преступностью².

С органами прокуратуры ситуация несколько иная. Так, Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации», в отличие от вышеперечисленных законов, для прокуратуры прямо не закрепляет в качестве функции борьбу с преступностью. Но это не говорит о том, что органы прокуратуры не занимаются борьбой с преступностью, тем более в ст. 1 указанного закона отмечается, что органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности правоохрани-

¹ См.: Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 1 апреля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

² См.: Федеральный закон РФ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (в ред. от 7 марта 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 15, ст. 1269.

нительных органов по борьбе с преступностью³. При этом может возникнуть закономерный вопрос — как можно координировать то, чем не занимаешься? Координация осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации правоохранительными органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению⁴. Поэтому несомненно, что органы прокуратуры борьбой с преступностью занимаются, причем в различных формах и разнообразными методами.

Как отмечает Л.Л. Куракин, органы прокуратуры, несмотря на отсутствие законодательного закрепления их предупредительной функции, являются специализированным государственным субъектом предупреждения преступлений, активно действующим на обширном антикриминогенном пространстве. Предупреждение преступлений, не будучи специально выделенной функцией, внутренне присуще всем направлениям их правоохранительной деятельности по обеспечению законности: надзору за соблюдением Конституции РФ и реализацией законов; уголовному преследованию, осуществляемому как на досудебной, так и судебной стадиях; участию в рассмотрении судами гражданских и арбитражных дел; участию в правотворчестве; международному сотрудничеству в правовой сфере; правовоспитательной работе [1, с. 9].

Для устранения такой правовой неопределенности многие ученые справедливо указывали на необходимость внесения изменений в закон «О прокуратуре Российской Федерации» и закреплении борьбы с преступностью как одной из функций органов прокуратуры [2, с. 8].

Каковы же непосредственно криминологические знания необходимы сотрудникам прокуратуры для осуществления своих профессиональных функций, и как они их используют? Полагаем, что прежде всего, это знания о преступности. Чтобы с ней бороться — необходимо знать, что она собой представляет. Сотрудник прокуратуры должен знать понятие, сущность, состояние, тенденции и закономерности российской преступности, особенности преступности на подведомственной территории (в районе, городе, области, федеральном округе), ее структуру и динамику за последние годы. Также необходимы знания о скрытой части преступности, т.е. латентной преступности, ее структуре, причинах и масштабах, способах выявления.

В соответствии со ст. 51 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры ведут единый статистический учет преступлений, состояния преступности, раскрываемости преступлений, результатов следственной работы. Даже анализируя только статданные о преступности сотрудник прокуратуры может выявлять основные показатели преступности (ее состояние, структуру, уровень и динамику, сведения о последствиях преступности — количестве погибших и пострадавших от преступлений лиц, сумме материального ущерба). Исходя из этих данных, можно представить «картину» современной преступности, определить ее закономерности и тенденции развития.

³ См.: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

⁴ См.: Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (утв. Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 (в ред. от 7 декабря 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1957.

Сведения о преступности органы прокуратуры могут получить не только из статистических отчетов, но и из карточек единого статистического учета преступлений (например, ф. 1, ф. 1.1, ф. 3, ф. 4, ф. 5), в которых содержатся данные о совершенном преступлении (время, место, способ совершения, предмет преступления и т.д.; а так же о потерпевшем и причиненном ущербе). Значительное количество сведений о преступлениях и, соответственно, о преступности можно получить в результате анализа уголовных дел по тем или иным категориям преступлений, например, показывающих тенденцию роста, или по всем преступлениям совершенным на поднадзорной территории.

Кроме того, данные о преступности и конкретных преступлениях сотрудники прокуратуры могут получать в ходе анализа материалов средств массовой информации, сообщений и заявлений граждан, а также непосредственно в ходе проведения прокурорских проверок.

Важными для прокурорской деятельности являются сведения о причинах и условиях преступности и конкретных преступлений. Их изучение помогает лучше понять природу преступности, предвидеть тенденции ее развития и, самое главное, планировать меры по борьбе с преступностью.

Причины преступности и условия, способствующие совершению преступлений коренятся в недостатках социально-экономического, духовно-нравственного, правового, организационно-управленческого характера в жизнедеятельности индивидов. К их числу следует отнести достаточно высокий уровень безработицы в стране и низкий материальный уровень жизни значительной части населения, резкое имущественное расслоение граждан; а так же пьянство, наркоманию, проституцию; недостатки и просчеты в работе государственных органов власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов и их должностных лиц.

Причины преступности вообще и конкретных преступлений в частности, выявляются, изучаются сотрудниками прокуратуры, а затем устраняются в ходе проведения прокурорских проверок. Как отмечает Т.В. Раскина, органы прокуратуры, осуществляя прокурорский надзор за соблюдением законов регулирующих общественные отношения в сфере трудовой занятости, обеспечения граждан жильем, получения образования, медицинского обслуживания, в сфере государственного оборонного заказа, государственных и муниципальных закупок в иных сферах, выявляют нарушения прав и свобод граждан, юридических лиц, способствующие совершению преступлений [3, с. 172]. Характерно то, как справедливо отмечает Л.Л. Куракин, что причинный комплекс преступности, как основной объект предупредительной деятельности органов прокуратуры, имеет свою специфику, связанную с функциональным предназначением этих органов — в поле их зрения, по общему правилу, находятся лишь юридически значимые причины, условия, иные детерминанты преступлений, имеющие значение таких юридических фактов как нарушения законов [1, с. 8].

Следует также отметить, что проведение прокурорских проверок, не единственный способ получения сведений о причинах и условиях преступности и преступлений. Данные о них можно почерпнуть в результате анализа уголовных дел (причины и условия преступления, как известно, входят в предмет доказывания по уголовному делу); анализа сообщений в средствах массовой информации; в ходе личного приема граждан по поводу их жалоб и обращений в органы прокуратуры.

Необходимы в прокурорской деятельности и криминологические знания о личности преступника. Дело в том, что непосредственные причины и условия преступлений всегда кроются в личностных недостатках конкретных лиц, совершающих преступления. Личность преступника есть «совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» [4, с. 12].

Криминологическое изучение личности преступника органами прокуратуры проводится прежде всего для выявления и оценки тех ее свойств и качеств, которые порождают преступное поведение, т.е. в целях его профилактики.

Сотрудник прокуратуры должен знать, какие группы населения страны, территории на которой он работает, подвержены преступному поведению. Это устанавливается путем выяснения половозрастных, образовательных, социально-ролевых и иных социально демографических признаков, таких как: семейное положение, гражданство, место жительства преступника.

Непосредственный интерес представляют уголовно-правовые признаки изучаемой личности преступника — характер, тяжесть совершенного преступления, количество совершенных преступлений, наличие рецидива преступлений, групповой или одиночный характер совершенного деяния.

Для глубокого изучения личности преступника необходимо знать его нравственно-психологические свойства — жизненные цели, установки, поведение до совершения преступления, мотив преступных действий.

Сведения о личности преступника, сотрудники прокуратуры могут получать из различных источников: из материалов уголовных дел, статистических карточек ф. 2 (на лицо, совершившее преступление).

Данные о личности преступника сотрудникам прокуратуры необходимы для осуществления эффективного прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание, органами, осуществляющими исполнение уголовных наказаний, а также для осуществления уголовного преследования в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Изучение преступности, ее причин и условий, а так же личности преступника, необходимо для осуществления борьбы с преступностью и ее координации, осуществляемой правоохранительными органами.

Для этого сотрудники должны знать, что представляет собой борьба с преступностью, в каких видах и формах она осуществляется, каковы конкретные меры профилактики преступлений, осуществляемые, в том числе самими органами прокуратуры. В соответствии со ст. 5 Федерального закона РФ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» органы прокуратуры являются субъектами такой профилактики⁵. Они осуществляют профилактику правонарушений путем обеспечения надзора за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления.

⁵ См.: Федеральный закон РФ от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня.

В целях координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью органы прокуратуры осуществляют следующие мероприятия:

проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов;

обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью;

совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта;

создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений;

проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;

взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций;

оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью;

издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов;

выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий;

разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности.

Таким образом, несмотря на то, что закон «О прокуратуре Российской Федерации» прямо не закрепляет борьбу с преступностью в качестве функции органов прокуратуры, она пронизывает все основные направления их деятельности. Чтобы успешно осуществлять функцию борьбы с преступностью сотрудники органов прокуратуры должны обладать криминологическими познаниями о преступности, ее причинах и условиях, личности преступника, мерах борьбы с преступностью и профилактики конкретных преступлений. Не случайно в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов Прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» прямо указывается на необходимость сотрудникам прокуратуры шире практиковать использование результатов криминологических и других исследований с целью внесения коррективов в формы и методы надзора, а также координационной деятельности по борьбе с преступностью⁶.

Несомненно, что в рамках данной статьи затронуты далеко не все аспекты использования криминологических знаний в деятельности органов прокуратуры. Несомненный интерес для сотрудников должны представлять знания об отдельных видах преступности (преступности террористического и экстремистского характера, коррупционной, рецидивной и многих других); причинах и условиях таких видов преступности и лицах их совершающих; прогнозировании будущего состояния преступности и планирования мер предупреждения преступлений. Автор пытался привлечь внимание к данной проблеме и к возможности ее дальнейшего исследования.

⁶ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 7 от 16 января 2012 г. «Об организации работы органов Прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. *Куракин Л.Л.* Криминологические проблемы деятельности прокуратуры по предупреждению преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 214 с.
2. *Капитонова Ю.В.* Основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 214 с.
3. *Раскина Т.В.* Теоретические аспекты деятельности прокуроров по профилактике преступности и правонарушаемости // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 172.
4. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 366 с.

References

1. *Kurakin L.L.* Criminological Problems of the Prosecutor's Office for the Prevention of Crimes: dis. cand. of law. M., 2005. 214.
2. *Kapitonova Y.V.* Fundamentals of Coordination by the Prosecutor's Office of the Activities of Law Enforcement Agencies to Combat Crime: dis. cand. of law. M., 2002. 214.
3. *Raskina T.V.* Theoretical Aspects of Prosecutors' Activity on Crime Prevention and Delinquency // Criminological journal of Baikal state University of Economics and law. 2016. T. 10. No. 1. P. 172.
4. *Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E.* The Identity of the Offender. SPb.: Law center Press, 2004. 366 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10017

УДК 347.963

И.А. Ефремова

РОЛЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ

Введение: существование в УК РФ ст. 81 «Освобождение от наказания в связи с болезнью» свидетельствует о гуманной направленности действующего законодательства, а также о том, что приоритет прав и свобод человека и гражданина имеет две составляющих в отношении обычных граждан, а также лиц совершивших преступление. Провозглашение прав и свобод может стать формальной декларацией, если их осуществление не будет обеспечено правовыми гарантиями. Одной из таких гарантий выступает прокурорский надзор. **Цель:** выработать предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства РФ, в части освобождения от наказания в связи с болезнью. **Методологическая основа:** диалектический метод, метод дедукции и индукции, а также логический, системный, сравнительный. **Результаты:** выявлены проблемы законодательной регламентации освобождения от наказания в связи с болезнью, затрудняющие осуществление прокурорского надзора в данной области. **Вывод:** освобождение от наказания в связи с болезнью основано на нейтрализации общественной опасности осужденного возникшим заболеванием, объективно купирующим возможность совершения данным лицом нового преступления. Необходимо на законодательном уровне в ч. 1, ч. 2 ст. 81 УК РФ, закрепить от какого вида (основного или дополнительного) наказания или его дальнейшего отбывания освобождается лицо. Перечень наказаний, на которые распространяется освобождение военнослужащих в связи с болезнью, дополнить наказанием в виде ограничения по военной службе.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы прокуратуры, функции прокуратуры, институт освобождения от наказания, освобождение от наказания в связи с болезнью, осужденные.

I. A. Efremova

THE ROLE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF EXEMPTION FROM PUNISHMENT DUE TO ILLNESS

Background: existence in the Criminal Code of the Russian Federation of art. 81 “Exemption from Punishment due to Illness” indicates the humane orientation of the current legislation, as well as the fact that the priority of human and civil rights and freedoms has two components with respect to ordinary citizens and those who have committed a crime. The proclamation of rights and freedoms may become a formal declaration if their implementation is not guaranteed by legal guarantees. One such guarantee is prosecutorial supervision. **Objective:** to develop proposals for improving the current criminal legislation

© Ефремова Ирина Алексеевна, 2020

Доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия): e-mail: efremova005@yandex.ru

© Efremova Irina Alekseevna, 2020

Doctor of law, Professor, Professor, Public Prosecutor’s Supervision and Criminology department (Saratov State Law Academy)

*of the Russian Federation, regarding exemption from punishment in connection with the disease. **Methodology:** in doing the research the following methods were used: dialectical method, method of deduction and induction, logical methods, systematic and comparative methods. **Results:** problems of legislative regulation of exemption from punishment due to the disease, which impede the implementation of prosecutorial supervision in this area were identified. **Conclusions:** exemption from punishment due to illness is based on the neutralization of the public danger of the convicted person by the disease that has arisen, which objectively stops the possibility of this person to commit a new crime. It is necessary at the legislative level in part 1, part 2 of article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation, to fix from what type (main or additional) of punishment or its further serving the person is released. The list of punishments that are subject to the release of military personnel due to illness should be supplemented with a punishment in the form of restrictions on military service.*

Key-words: public prosecutor's supervision, prosecutor's, functions of the prosecutor's office, institute of exemption from punishment, exemption from punishment due to illness, convict.

Осуществление надзора за исполнением законов, в частности администрация-ми органов и учреждений, исполняющих наказание, выступает одним важнейших направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, поскольку обеспечивает соблюдение прав и свобод осужденных. В процессе реализации данного направления, органы прокуратуры Российской Федерации проверяют исполнение требований закона при освобождении от наказания в связи с болезнью.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, всего за 2017–2019 год, было освобождено от наказания в связи с болезнью 6 883 лица. В Саратовской области данный показатель за 2017–2019 гг. составил 124 человека.

Статья 81 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с болезнью» по сути, включает в себя три самостоятельных вида освобождения от наказания. Данные виды освобождения от наказания отличаются от иных видов освобождения от наказания, которые закреплены действующим законодательством Российской Федерации, тем, что в их основе заложено последующее заболевание лиц, которые совершили преступление.

Основанием освобождения от наказания по ч. 1 ст. 81 УК РФ лицо, которое совершило преступление, выступает возникновение у него психического расстройства, которое лишает его возможности осознавать общественную опасность и фактический характер своих деяний либо руководить последними. Отметим, что в данной норме права подлежит учету только наступившее после совершения преступления психическое расстройство лица, которое и совершило данное преступление.

Согласно позиции российского законодателя лицам, которые были освобождены от наказания в связи с возникновением у него, после совершения преступления психического расстройства, которое лишает лицо осознавать общественную опасность и фактический характер своих деяний либо руководить последними, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера. Согласно ч. 2 ст. 97 УК РФ данные меры могут быть применены в отношении данных лиц, исключительно в случаях, когда психические расстройства сопряжены с

возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или окружающих.

Условием освобождения лица от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ является возникновение у лица, которое совершило преступление иной тяжелой болезни. Отметим, что иная тяжелая болезнь должна обязательно служить препятствием для отбывания наказания такого лица. Таким образом, законодатель указывает на два обязательных условия, при которых возможно освободить от наказания: тяжелая болезнь и препятствие отбыванию наказания.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 8 от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в ред. от 17 ноября 2015 г.) указывает, что важное значение, при решении судом вопроса об освобождении лица от наказания, имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию им назначенного наказания¹.

Суд, рассматривая ходатайство осужденного об освобождении его от отбывания наказания, в данном случае должен оценить медицинское заключение специальной медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы с учетом Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, а также принимает во внимание иные обстоятельства. В настоящий момент наличествуют следующие заболевания, которые препятствуют лицу отбывать назначенное судом наказание: туберкулез почек, все формы острого лейкоза, туберкулез в тяжелых формах, различные виды злокачественных новообразований IV стадии и иные заболевания.

В ч. 2 ст. 81 УК РФ наличествует широкое усмотрение суда, поскольку данная норма права не закрепляет какие-либо иные критерии индивидуализации осужденных. В этой связи В.В. Мальцев предлагает на законодательном уровне сформулировать и закрепить иные критерии, основываясь на которых судом принимались решения об освобождении от наказания [1, с. 46]. Полагаем, что с данной позицией нельзя согласиться.

Приведем примеры из правоприменительной практики. Так, суд освободил Т. от отбывания наказания, поскольку у Т. ухудшилось состояние здоровья, что в суд он был доставлен на носилках и вследствие ухудшения своего здоровья не мог дальше отбывать назначенное судом наказание². Осужденный П. находясь в лечебно-исправительном центре также был освобожден судом от отбывания наказания, поскольку в лечебно-исправительном центре находился в лежачем состоянии³.

При решении судом вопроса об освобождении осужденного играет важную роль уверенность суда в том, лицо в силу своего заболевания не сможет в дальнейшем совершать преступления.

Отметим, что в доктрине уголовного права неоднозначно решается вопрос о том, что возможно ли повторно освободить виновное лицо от отбывания наказания, в связи с возникновением у него тяжелой болезни, если ранее по данному основанию лицо уже подлежало освобождению. О.А. Алфимова отмечает, что лица, которые ранее были освобождены в связи с тяжелой болезнью лица и вновь

¹ См.: Российская газета. 2009 29 апр.; 2015. 30 нояб.

² См.: Архив Дзержинского районного суда г. Волгограда за 2015 г. Дело № 4/3-14/2015.

³ См.: Архив Дзержинского районного суда г. Волгограда за 2014 г. Дело № 4/3-18/2014.

совершившие в течение срока погашения судимости за ранее совершенные преступления, тяжкие либо особо тяжкие преступления, не могут быть повторно освобождены в связи с тяжелой болезнью лица [2, с. 6].

Иной позиции придерживается С.Н. Сабанин, который полагает, что запрет на повторное освобождение лица от наказания в связи с возникновением у него тяжелой болезни накладывать нельзя. Свою позицию данный автор обуславливает тем, что у лица, после второго раза привлечения его судом к уголовной ответственности, может возникнуть болезнь, которая в дальнейшем выступит препятствием для совершения им преступления [3, с. 150].

Совершение лицом, которое уже ранее освобождалось судом от наказания, демонстрирует, что данное лицо не утратило степень общественной опасности, что в дальнейшем может породить совершение еще нового преступления. Однако полагаем, что возникновение тяжелой болезни способно повторно нейтрализовать общественную опасность лица, которое совершило преступление. Исходя из этого, нельзя запрещать повторное освобождение лица, которое совершило преступление от наказания, в связи с возникновением у него тяжелой болезни.

Третий самостоятельный вид освобождения от наказания в связи с болезнью регламентируется ч. 3 ст. 81 УК РФ. Данный вид освобождения от наказания обладает рядом отличительных особенностей. Так, анализируемый вид освобождения от наказания может быть применен исключительно только в отношении военнослужащих. Во-вторых военнослужащие освобождаются только от дальнейшего отбывания наказания. Можно констатировать, что он является специфическим видом досрочного освобождения. В-третьих, на законодательном уровне не конкретизирует какое именно заболевание приводит негодным к военной службе военнослужащего: тяжелое соматическое заболевание либо психическое расстройство. В-четвертых законодатель закрепляет только ограниченный перечень наказаний, когда военнослужащие могут быть освобождены от дальнейшего отбывания наказания. Так, к данным наказаниям относятся: содержание в дисциплинарной воинской части, арест. Отметим, что ч. 3 ст. 81 УК РФ закрепляет, что военнослужащие, имеющие заболевания могут быть не только освобождены от дальнейшего отбывания наказания, но им может быть неотбытая часть заменена более мягким видом наказания. Однако в ч. 3 ст. 81 УК РФ отсутствует такое наказание как ограничение по военной службе, хотя заболевание полученное военнослужащим, может препятствовать дальнейшему отбыванию судом наказания.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации показывает, что ч. 1 ст. 174 УИК РФ практически идентична содержанию ч. 3 ст. 81 УК РФ, за тем исключением, что ч. 1 ст. 174 УИК предусматривает такое наказание как ограничение по военной службе.

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 8 от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» предусматривает, что освобождению от наказания в связи с болезнью подлежат военнослужащие, которые отбывают наказание в виде ограничения по военной службе либо которые содержатся в дисциплинарной воинской части. Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что в настоящее время в уголовном законодательстве наличествует пробел, в связи с чем, назрела необходимость внесения изменений.

Военнослужащие, которые совершили преступления по сравнению с иными категориями осужденных, имеют приоритетное положение, поскольку действующее уголовное законодательство Российской Федерации не предусматривает возможности возвращения военнослужащего к отбыванию наказания после выздоровления. Это обуславливается тем, что уволенные с военной службы военнослужащие не обладают уже статусом военнослужащего и перестают быть субъектами преступлений против военной службы, поскольку в преступлениях против военной службы наличествует специальный субъект — военнослужащий, исходя из чего данные лица не могут быть возвращены к дальнейшему отбыванию наказанию, которое предусмотрено исключительно только для военнослужащих. Таким образом, полагаем наиболее верным освободить окончательно военнослужащих от дальнейшего отбывания наказания [4, с. 24].

Отметим, что данная позиция нарушает такие уголовно-правовые принципы как принцип справедливости и принцип равенства граждан перед законом. Однако замена военнослужащему назначенного судом наказания более мягким наказанием отчасти компенсирует данное нарушение некоторых принципов уголовного права. При этом исходя из того, что военнослужащий увольняется и теряет свой специальный правовой статус, то назначенное ему судом наказание, возможно заменить любым иным видом наказания, которое предусмотрено ст. 44 УК РФ [5, с. 26].

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что в отношении осужденных, не обладающих статусом военнослужащих, УК РФ предусматривает средства удержания от совершения нового преступления после освобождения от отбывания наказания. Так, к данным осужденным могут быть применены принудительные меры медицинского характера, а также осужденные, которые выздоровели, могут быть возвращены к дальнейшему отбыванию назначенного судом наказания, что предполагает различные формы контроля за постпреступным поведением освобожденных лиц. Однако такой механизм контроля, в отношении военнослужащих, которые совершили преступления и были освобождены от дальнейшего отбывания наказания, не предусмотрен законодателем. Полагаем, что отсутствие такого механизма контроля за постпреступным поведением военнослужащих, которые были освобождены от дальнейшего отбывания наказания в связи с болезнью, может угрожать безопасности граждан, поскольку наличие данного военнослужащего заболевания не дает никаких гарантий, что он не совершит новое преступление.

В этой связи отдельные ученые полагают установить для лиц, которые освобождаются от наказания в связи с болезнью, наряду с принудительными мерами медицинского характера и обязательные меры безопасности. Полагаем, что данное предложение является верным, однако учеными не уточняется, что должно относиться к обязательным мерам безопасности.

При расчете периода испытательного срока в отношении лиц, которые были освобождены от наказания, за основу берется период расчета испытательного срока при условном осуждении лиц, которые совершили преступления. Однако освобождение от наказания в связи с болезнью, по сравнению с условным осуждением не конкретизирует ни срок фактического отбытого наказания, ни степень тяжести совершенного преступления, исходя из чего, полагаем, что в данном случае суду необходимо руководствоваться минимальным и максимальным сроком наказания.

Исходя из вышеизложенного, следует, что ч. 4 ст. 81 УК РФ гласит, что лицо, которое было освобождено от наказания в связи с болезнью может быть подлежать уголовной ответственности только в случае его выздоровления. В этой связи полагаем верным в гл. 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» переместить в виде обособленной и самостоятельной статьи норму права, которая регламентирует, что лица, которые были освобождены от наказания в связи с болезнью, могут подлежать уголовной ответственности после того, как они выздоровеют.

По мнению О.В. Жданова необходимо данную норму права включить в гл. 4 УК РФ «Лица, подлежащие уголовной ответственности» в виде ст. 21 УК РФ «Наступление психического расстройства после совершения преступления». Полагаем, что данная позиция содержит ряд недостатков. Так, во-первых, необходимо вести речь не только о психическом заболевании, но и о другом соматическом заболевании. Во-вторых, данная статья приближает данный вид освобождения к состоянию невменяемости во время совершения преступления, что исключает лицо из категории субъектов преступления.

О необходимости дополнения гл. 11 УК РФ ст. 75 высказывались такие ученые, как М.А. Магулаев и А.Ю. Морозов [6, с. 87]. Однако данные ученые также ограничивались освобождением от уголовной ответственности, в связи с наступлением у лица психического расстройства, упуская из вида другие тяжелые болезни.

Анализ действующего уголовного законодательства показывает, что законодателем не устанавливается, от какого наказания или его отбывания освобождается лицо. Исходя из такой законодательной неопределенности, наличествует широкое усмотрение суда, в связи с чем, полагаем на законодательном уровне определить о каких видах уголовных наказаний в ст. 81 УК РФ идет речь.

Полагаем, что психическое заболевание, предусмотренное ч. 1 ст. 81 УК РФ, однозначно будет препятствовать отбыванию и основного, и дополнительного наказания, а наличие соматического тяжелого заболевания не всегда может делать невозможным отбывание дополнительного вида наказания, что будет зависеть от конкретных обстоятельств.

На основании изложенного следует констатировать, что в настоящее время наличествуют недостатки законодательной регламентации освобождения от наказания в связи с болезнью, что затрудняет осуществление прокурорского надзора в данной области. В этой связи, во-первых, необходимо на законодательном уровне в ч. 1, ч. 2 ст. 81 УК РФ, закрепить от какого вида (основного или дополнительного) наказания или его дальнейшего отбывания освобождается лицо. Во-вторых, перечень наказаний, на которые распространяется освобождение военнослужащих в связи с болезнью, дополнить наказанием в виде ограничения по военной службе. В-третьих, из ч. 4 ст. 81 УК РФ необходимо исключить положения, касающиеся привлечения к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Мальцев В.В. Освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // Законность. 2005. № 4. С. 44–47.
2. Алфимова О.А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2011. 172 с.

3. *Сабанин С.Н.* Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 262 с.
4. *Яковлева Л.В.* Институт освобождения от наказания в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 393 с.
5. *Скиба А.П.* Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013. 521 с.
6. *Магулаев М.А., Морозов А.Ю.* Освобождение от наказания в связи с болезнью. Ставрополь, 2002. 125 с.

References

1. *Maltsev V.V.* The Release from Punishment on the Grounds of Other Serious disease. *Zakonnost*, 2005. No. 4. P. 39–42.
2. *Alfimov O.A.* Exemption from Punishment due to the Illness: Criminal-legal and Criminal-executive Aspects. Novokuznetsk: FKOU NPE Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. 172 p.
3. *Sabanin S.N.* Implementation of the Principle of Justice in the Institute of Exemption from Criminal Punishment: dis. ... doct. of law. Ekaterinburg, 1993. 262 p.
4. *Yakovleva L.V.* Institute of Exemption from Punishment in Russian Law: dis. ... doct. of law. M., 2003. 393 p.
5. *Skiba A.P.* The Execution of Criminal Penalties against Persons Convicted: Theoretical-applied Research: dis. ... doct. of law. Ryazan, 2013. 521 p.
6. *Magomaev M.A., Morozov A.Yu.* Exemption from Punishment in Connection of Illness. Stavropol, 2002. 125 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10018
УДК 343.163

И.В. Овсянников

НЕСОГЛАСИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Введение: по общему правилу применение особого порядка судебного разбирательства возможно лишь при условии, что государственный или частный обвинитель согласен с применением такого порядка. Но УПК РФ не регламентирует, в каких случаях или на каком основании государственный обвинитель вправе либо обязан не согласиться с этим. Неограниченность усмотрения обвинителей может приводить к обосновательным замедлению и удорожанию судебного производства, повышению нагрузки на участников уголовного процесса, лишению обвиняемых льгот при назначении наказания. **Цель:** разработать рекомендации, направленные на обеспечение законности и обоснованности возражений государственных обвинителей против рассмотрения дела в особом порядке. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и ряда иных общенаучных и научно-научных методов: анализ, синтез, дедукция, индукция, формально-юридический и сравнительно-правовой метод, метод юрико-технического анализа. **Результаты:** аргументирована авторская позиция, что при расхождении мнений состязующихся сторон о форме судебного разбирательства вопрос о выборе этой формы должен решать не представитель стороны обвинения или защиты, а независимый суд; способ установления фактических обстоятельств события (непосредственное или опосредованное исследование доказательств) для квалификации деяния подсудимого значения не имеет. **Выводы:** государственный обвинитель вправе возражать против рассмотрения дела в особом порядке при невыполнении одного из ряда условий, которые закреплены в гл. 40 УПК РФ и необходимы для применения особого порядка.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, исследование доказательств, государственный обвинитель, условия применения особого порядка.

I. V. Ovsyannikov

DISAGREEMENT OF THE PROSECUTING OFFICIAL WITH A SPECIAL TRIAL PROCEDURE

Background: as a general rule, the application of a special judicial procedure is possible only if the public or private prosecuting official agrees to the application of this procedure. But the Code of Criminal Procedure does not regulate in which cases or on what basis the public prosecutor has the right or obligation to disagree with this. The unlimited discretion of prosecutors can lead to an unreasonable slowdown and increase of the cost of court proceedings, an increase of the burden on participants in criminal proceedings, and deprivation of privileges in sentencing accused persons. **Objective:** to develop recommendations aimed

© Овсянников Игорь Владимирович, 2020
Доктор юридических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра (Академия ФСИН России); e-mail: ivover@mail.ru
© Ovsyannikov Igor Vladimirovich, 2020
Doctor of law, Chief Researcher, Research department of the Scientific center (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia)

*at ensuring the legality and validity of the objections of public prosecutors against the consideration of the case in a special manner. **Methodology:** a combination of dialectical and a number of other general scientific and private scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, the formal legal and comparative legal method, the method of legal technical analysis. **Results:** the author's position is argued that in case of disagreement of the opinions of the competing parties on the form of the trial, the choice of this form should be decided not by the representative of the prosecution or defense, but by an independent court; the method of establishing the actual circumstances of the event (direct or indirect investigation of the evidence) for the qualification of the act of the defendant does not matter. **Conclusions:** the public prosecutor has the right to object to the consideration of the case in a special order if one of a number of conditions is not fulfilled, which are enshrined in chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and are necessary for the application of a special order.*

Key-words: special procedure of the trial, examination of evidence, public prosecutor, prosecuting official conditions for the application of a special procedure.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве для прокуратуры одна из важнейших функций — участие в судебных стадиях процесса; организационные основы этой деятельности необходимо постоянно совершенствовать, т.к. законность и справедливость рассмотрения уголовного дела существенно зависят от профессионализма государственного обвинителя¹.

В последние годы более двух третей уголовных дел рассматриваются российскими судами в особом (упрощенном и ускоренном) порядке. Так, в 2018 году из 811688 уголовных дел, рассмотренных по существу с вынесением приговора или прекращением дела, рассмотрено с применением особого порядка судебного разбирательства 557993 дела (69%)². При этом упрощение и ускорение достигается за счет отказа от непосредственного исследования доказательств в судебном заседании (ч. 1 ст. 240, ч. 5 ст. 316 УПК РФ).

По закону, такой упрощенный порядок рассмотрения судом уголовного дела и принятия решения, инициирует сам обвиняемый. Если обвиняемый обвиняется в преступлении, за которое УК РФ в качестве наказания предусмотрено не более десяти лет лишения свободы, то он вправе согласиться с предъявленным ему обвинением и в предусмотренном ст. 315 УПК РФ порядке ходатайствовать перед судом о применении по его уголовному делу особого порядка. Пленум Верховного Суда Российской Федерации справедливо обращает внимание судов на то, что возможность применения особого порядка принятия судебного решения зависит от позиции ряда участников судебного разбирательства, в том числе государственного обвинителя³. По общему процессуальному правилу применение

¹ См.: Приказ Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 02.05.2019).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в ред. от 24 февраля 2010 г. № 4, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 9 февраля 2012 г. № 3, от 5 июня 2012 г. № 10, от 22 декабря 2015 г. № 59) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

такого порядка возможно лишь в том случае, когда государственный или частный обвинитель с этим согласен (ч. 1 и 4 ст. 314, ч. 6 ст. 316 УПК РФ).

Возникает вопрос: в каких случаях или на каком основании государственный обвинитель вправе или обязан не согласиться с применением особого порядка? Этот вопрос актуален по ряду причин. Во-первых, отклонение ходатайства обвиняемого о применении особого порядка и применение общего порядка не только существенно усложняет и замедляет судебное производство, повышает нагрузку на судей, прокуроров и других участников уголовного процесса, но и делает судебное производство значительно более дорогим для государства. Во-вторых, применение общего порядка несмотря на согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением и наличие его ходатайства об особом порядке лишает обвиняемого правовых гарантий в виде льготы при назначении наказания, которое при особом порядке не должно превышать двух третей от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного УК РФ за вмененное ему преступление (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ), а также лишает его другой льготы в виде не взыскания с него процессуальных издержек (ч. 10 ст. 316 УПК РФ).

Однако прямого ответа на поставленный вопрос в уголовно-процессуальном законе нет. Более того, закон не обязывает государственного обвинителя как-либо обосновывать или мотивировать ни свое согласие с заявленным обвиняемым ходатайством, ни возражение против него (несогласие).

Следовательно, можно утверждать, что государственный обвинитель фактически наделен уголовно-процессуальным законом правом по своему усмотрению налагать безмотивное вето на применение судом упрощенного и ускоренного порядка рассмотрения уголовного дела. Такое положение представляется ненормальным. Есть необходимость изменения существующего процессуального порядка таким образом, чтобы в случае расхождения мнений состязующихся сторон о должной форме судебного разбирательства вопрос о выборе этой формы разрешал не единолично какой-либо участник процесса, выступающий со стороны обвинения или защиты, а независимый суд с учетом мнений об этом всех участников, выступающих с обеих сторон [1, с. 39–47].

В любом случае, мнение государственного обвинителя о целесообразности выбора той или иной формы судопроизводства не может быть произвольным, оно должно основываться на процессуальном законе. В связи с этим представляется важным, что Генеральный прокурор Российской Федерации приказывает государственным обвинителям, чтобы при даче согласия на особый порядок судебного разбирательства они руководствовались предписаниями закона об условиях применения этой формы судопроизводства⁴. Такое разъяснение, содержащееся в ведомственном нормативном акте должно ограничивать усмотрение государственных обвинителей и способствовать единообразию прокурорской практики.

Однако на практике в различных регионах России активность государственных обвинителей по выражению возражений против применения особого порядка существенно различна. Так, по данным заместителя начальника управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе, начальника отдела по надзору за оперативно-розыскной и процессуаль-

⁴ См.: Приказ Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной деятельностью Д.В. Оськина, в 2014 году в ряде регионов имелись лишь единичные случаи переходов судов на общий порядок по инициативе государственных обвинителей: в Ростовской области это происходило по 7 уголовным делам, в Волгоградской — по 5, в Республике Адыгея — по 3, в Астраханской области — по 1. При этом в судах Республики Калмыкия ситуация была иная: прокуроры направили в суды этой Республики 579 уголовных дел для рассмотрения в порядке гл. 40 УПК РФ, но из них по 297 (51%) делам было отказано в применении особого порядка, причем в подавляющем большинстве случаев по инициативе государственных обвинителей. Причины таких прокурорских решений, как правило, были связаны с нарушениями, допущенными органами предварительного расследования [2, с. 88–89].

Между тем, среди предписаний закона об условиях применения рассматриваемой формы судопроизводства такого условия, как отсутствие нарушений, допущенных органами следствия или органами дознания в ходе досудебного производства, либо какое-то их максимально возможное количество, не содержится. Следовательно, ни наличие таких нарушений, ни их относительно большое количество нельзя рассматривать в качестве основания для отказа от применения особого порядка или для несогласия с этим. Если же речь идет, например, о таких существенных и неустраняемых судом нарушениях закона, связанных с составлением обвинительного заключения (акта, постановления), которые исключают возможность вынесения судом итогового решения, в том числе приговора, на его основе (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), то это является препятствием для применения не только особого, но и общего порядка, т.е. препятствием для рассмотрения уголовного дела по существу, что дает суду основание возвратить это дело прокурору⁵.

Иногда, возражая против рассмотрения дела в особом порядке, государственные обвинители мотивируют свое решение тем, что «для правильного решения вопроса о квалификации имеется необходимость в непосредственном исследовании доказательств» [3, с. 22–25]. Однако и такую мотивировку трудно признать вполне убедительной и логичной.

Во-первых, в данном случае надо учитывать, что квалификация деяния обвиняемого (подсудимого) производится с учетом существенных для уголовного дела обстоятельств, то есть лишь после установления этих обстоятельств. Когда правоприменитель (в досудебном производстве — прокурор, утверждающий обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление; в судебном производстве — государственный обвинитель или судья) осуществляет акт квалификации деяния обвиняемого, он производит логическую операцию определения уголовно-правового значения ранее установленных обстоятельств события путем их юридической оценки. При этом правоприменитель решает вопрос уже не факта, а права, т.к. он опирается на нормы уголовного закона и речь идет лишь о формально-юридической оценке деяния. Следовательно, для квалификации деяния подсудимого не имеет значения то, каким образом перед этим были установлены фактические обстоятельства события, — при непосредствен-

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

ном исследовании доказательств (путем производства следственных действий, заслушивания показаний допрашиваемых лиц, заключения эксперта и т.д.) или при опосредованном исследовании доказательств (путем изучения протоколов следственных действий и других письменных материалов уголовного дела).

Во-вторых, полномочия прокурора в современном досудебном производстве ограничены. В отличие от следователя и дознавателя прокурор следственные действия не производит и доказательства непосредственно не исследует. Прокурор лишь надзирает за действиями и решениями должностных лиц органов предварительного расследования. Тем не менее, по содержанию закона, прокурор, получив от следователя или дознавателя уголовное дело с обвинительным заключением (актом, постановлением), обязан рассмотреть его и вправе утвердить обвинительное заключение (акт, постановление) (п. 1 ч. 1 ст. 221, п. 1 ч. 1 ст. 226, п. 1 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ), в которых, в частности, указываются пункт, часть, статья уголовного закона, предусматривающие ответственность за расследованное преступление (п. 4 ч. 1 ст. 220, п. 5 ч. 1 ст. 225, ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). Причем согласно предписаниям Генерального прокурора РФ при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, прокуроры должны проверять не только соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, но и правильность квалификации содеянного⁶.

На практике эти требования процессуального закона и подзаконного нормативного акта прокуроры успешно выполняют. При этом прокуроры ограничиваются лишь опосредованным исследованием имеющихся в деле доказательств, т.е. прокуроры на основе лишь письменных материалов дела проверяют и обоснованность обвинения, и подтверждение его собранными по делу доказательствами. В частности, прокуроры могут и должны проверять и то важное обстоятельство, правильно ли органами предварительного расследования решен вопрос о квалификации действий, вменяемых в вину обвиняемому. Таким образом, прокуроры, утверждающие итоговый процессуальный документ предварительного расследования, могут это сделать без непосредственного исследования доказательств, причем без прений сторон, которые в досудебном производстве не проводятся. Но тогда, тем более, это могут сделать в судебном производстве и государственный обвинитель, изучивший материалы дела и располагающий копиями составленных в досудебном производстве протоколов основных процессуальных и следственных действий, и суд, располагающий материалами уголовного дела, у которых есть дополнительная возможность учесть мнения, выраженные всеми участниками прений сторон, и приведенные ими аргументы.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Ни наличие нарушений, допущенных органами следствия или органами дознания в ходе досудебного производства, ни трудности, связанные с опосредованным исследованием имеющихся в деле доказательств или квалификацией деяния подсудимого, не являются основанием для несогласия с применением особого порядка судебного разбирательства или для отказа от применения такого порядка.

⁶ См.: Приказ Генпрокуратуры России от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. № 3.

Государственным обвинителям можно рекомендовать возражать против рассмотрения дела в особом порядке при невыполнении хотя бы одного из следующих закрепленных в гл. 40 УПК РФ и необходимых для применения особого порядка условий:

- 1) обвинение, предъявленное обвиняемому, ему понятно;
- 2) обвиняемый полностью согласен с этим обвинением;
- 3) заявляя ходатайство об особом порядке, обвиняемый осознавал и характер, и последствия этого;
- 4) обвиняемый заявил ходатайство добровольно;
- 5) ходатайство заявлено им после проведения консультаций с защитником;
- 6) ходатайство заявлено в присутствии защитника;
- 7) ходатайство заявлено в момент ознакомления с материалами уголовного дела или на предварительном слушании.

Кроме того, несогласие государственного обвинителя с применением особого порядка будет обоснованным и уместным в том случае, когда, по его мнению, не выполняется условие, закрепленное в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, то есть максимально возможное наказание за преступление, вмененное обвиняемому, превышает десять лет лишения свободы. При этом необходимо учитывать разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому, в данном случае, следует исходить из того наказания, которое предусмотрено санкцией статьи, вмененной обвиняемому, а не из того наказания, которое может быть назначено ему с учетом обстоятельств, предусмотренных ст. 62, 64, 66, 69, 70 УК РФ.

Библиографический список

1. *Овсянников И.В.* Постановление приговора в особом порядке судебного разбирательства: значение мнений участников процесса // Уголовный процесс. 2006. № 8. С. 39–47.
2. *Оськин Д.В.* Актуальные вопросы применения упрощенных форм уголовного судопроизводства // Следственная практика: научно-практический сборник. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. Вып. 197. С. 88–89.
3. *Курченко В.Н.* Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением — условие особого порядка судебного разбирательства // Российский судья. 2015. № 6. С. 22–25.

References

1. *Ovsyannikov I.V.* Resolution of the Sentence in a Special Order of Trial: the Value of the Opinions of Participants in the Process // Criminal process. 2006. No. 8. P. 39–47.
2. *Oskin D.V.* Actual Issues of Application of Simplified Forms of Criminal Proceedings // Investigative practice: scientific and practical collection. Moscow: Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation, 2015. Vol. 197. P. 88–89.
3. *Kurchenko V.N.* Consent of the Accused with the Charge against Him — a Condition of a Special Order of Trial // Russian judge. 2015. No. 6. P. 22–25.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10019
УДК 347.963.3

Е.Н. Асташкина, Е.С. Курохтина

СУЩНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Введение: сущность прокурорского надзора в современном понимании часто сводят к соотношению предмета надзора и объектов надзора, что в значительной степени обедняет категорию сущности и не позволяет рассмотреть его наиболее глубокое содержание. **Цель:** поиск наиболее адекватного подхода к самому содержанию сущности прокурорского надзора, в котором раскроется суть деятельности органов прокуратуры как системы надзорных органов. **Методологическая основа:** философский анализ категорий «сущность» и «цели», совокупность диалектического, сравнительного и системного методов исследования. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно сущности прокурорского надзора в современном понимании науки прокурорского надзора как деятельности органов прокуратуры, осуществляющих ее от имени РФ, элементов его структуры, и процесса их взаимодействия и развития. **Выводы:** прокурорский надзор, это вид государственной деятельности, сущность которой состоит в осуществлении от имени РФ органами прокуратуры надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ, в деятельности поднадзорных органов, в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства посредством реализации полномочий, обеспечивающих предупреждение, выявление, пресечение правонарушений и привлечение виновных к ответственности.

Ключевые слова: сущность, прокурорский надзор, цель, государство, система органов, предмет, объект, направления, механизм обеспечения законности, защита прав и свобод человека и гражданина.

E.N. Astashkina, E.S. Kurokhtina

THE ESSENCE OF PROSECUTOR'S SUPERVISION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

Background: the essence of prosecutorial supervision in the modern sense is often reduced to the ratio of the subject of supervision and objects of supervision, which greatly impoverishes the category of essence and does not allow to consider its most profound content. **Objective:** searching for the most adequate approach to the content of the essence

© Асташкина Елена Николаевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: astashkinaen@gmail.ru

© Курохтина Елена Сергеевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kurohtinae@mail.ru

© Astashkina Elena Nikolaevna, 2020

Candidate of law, Associate professor, Prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

© Kurokhtina Elena Sergeevna, 2020

Candidate of law, Associate professor, Prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

*of prosecutorial supervision, which reveals the essence of the activities of prosecution authorities as a system of supervisory authorities. **Methodology:** philosophical analysis of the categories of “essence” and “goal”, a combination of dialectical, comparative and systemic research methods. **Results:** the authors argue the authors’ position regarding the essence of prosecutorial supervision in the modern understanding of the science of prosecutorial supervision as the activity of prosecution authorities carrying out it on behalf of the Russian Federation, elements of its structure, and the process of their interaction and development. **Conclusions:** prosecutor’s supervision is a form of state activity, the essence of which is to implement on behalf of the Federal prosecutorial supervision over the observance of the RF Constitution and the execution of the laws in force in the territory of the Russian Federation, in the activities of the supervised agencies, to ensure the rule of law, unity and strengthening of legality, protection of rights and freedoms of man and citizen, and legally protected interests of society and the state through the implementation of the powers to ensure the prevention, identification, suppression of offenses and the perpetrators are brought to justice.*

Key-words: *essence, prosecutorial supervision, goal, state, system of bodies, subject, object, directions, mechanism of law enforcement, protection of human and civil rights and freedoms.*

Прокуратура в России возникла и действует как институт системного контроля деятельности государственного аппарата, что было обусловлено усложнением работы органов государственной власти, увеличением роли контролирующих механизмов и как следствие увеличением риска их неэффективности. За время существования отечественная прокуратура, осуществляя свою деятельность в разные периоды, испытывая влияние различных политических режимов, является залогом укрепления законности и обеспечения правопорядка в нашем государстве.

Современный уровень развития общественных отношений в России позволяет говорить о высокой интеграции государства и общества. Так, в Основном Законе государства в ст. 2 человек, его права и свободы объявляются как ценность, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать человека и гражданина, его права и свободы¹. И, хотя отдельно взятый гражданин, группа граждан, общественные организации и само общество, сегодня представляют реальную силу в защите своих законных прав и интересов. Вместе с тем, государство, непрерывно развиваясь, в связи со сложностью общественных отношений создает все новые органы, институты и учреждения. Однако зачастую такая внешне упорядоченная и слаженная система дает сбой, имеют место произвол властей, перевесы полномочий в руках определенных структур, вне поля зрения государства остаются целые слои и группы граждан, страдают крайне важные общественные отношения, что, в конечном итоге, выражается в многочисленных нарушениях закона. Пресечение и предупреждение таких ситуаций является задачей государства в лице правоохранительных органов, одно из центральных мест среди которых занимает прокуратура.

На сегодняшний день прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, которая имеет особую конституционную регламентацию, и реализует действенный надзор за соблюдением Конституции

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

РФ и исполнением законов, обеспечивая тем самым целостность правового поля российского государства. В ежегодном докладе на заседании высшего законодательного органа РФ 10 апреля 2019 г. Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка подробно изложил результаты надзорной практики прокуроров, где в частности, указал, что «в минувшем году прокурорам поступило около 5 млн заявлений. Значительная их часть касалась наиболее чувствительной для людей социально-экономической проблематики, что требовало от нас внимательного отношения к разрешению каждого обращения. Так, удовлетворена половина жалоб на нарушения трудовых прав работников, треть — в защиту интересов несовершеннолетних. Признаны обоснованными четверть заявлений по пенсионным вопросам, а также о нарушениях в жилищно-коммунальном хозяйстве, в ходе исполнительного производства и охраны окружающей среды. Всего по результатам разрешения обращений прокурорами внесено более 430 тыс. актов реагирования» и констатировал при этом, что если суммировать все результаты надзора, то можно утверждать, что за год прокуроры помогли многим миллионам граждан².

Прокуратура осуществляя надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федеральных законов, обеспечивает условия для первоочередности, укрепления закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Роль, которую на современном этапе играет прокуратура в механизме обеспечения законности и укрепления российской государственности, обеспечивает повышенную значимость повсеместного правильного исполнения законов, что всегда была одним из стратегических направлений внутренней государственной деятельности на протяжении длительного времени.

Прокуратура была создана Петром I 12 января 1722 г. как государственный орган, осуществляющий гласный надзор от имени Императора за законностью деятельности Сената, других государственных органов и с одновременным руководством фискалами [1, с. 25–27].

На протяжении всего своего существования, прокуратура осуществляла уникальную функцию — прокурорский надзор, основное содержание которой заключалось в достижении и сохранении состояния законности и правопорядка в стране. Которая осталась неизменной и, что наиболее важно, всегда актуальной в любой исторический период развития общества, независимо от политического строя, уровня экономического развития и социальной ситуации, поскольку позволяет выявить нарушения закона в деятельности органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, общественных объединений и иных субъектов правоприменения в широком спектре правоотношений.

Так, с января по июль 2019 г. органами прокуратуры РФ при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина «выявлено 2744416 нарушений; при осуществлении надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства 3118816 нарушений; при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний 73203 нарушений и др.»³.

² Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайка на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации URL: http://www.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1590662/ (дата обращения: 11.09.2019).

³ URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/1681252/> (дата обращения: 11.09.2019).

Следует отметить, что прокуратура РФ не только эффективно выявляет правонарушения, но и успешно осуществляет профилактику правонарушений, обеспечивает привлечение лиц, виновных в совершении противоправных деяний к ответственности, а так же содействует устранению причин и условий, им способствующих.

В период, с января по июль 2019 г. прокурорами, при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: «принесено 293553 протестов; по удовлетворенным протестам отменено и изменено 261329 незаконных правовых актов; направлено 342549 исков; заявлений в суд, удовлетворено 283333 исков и прекращено дел ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора; внесено 558614 представлений; к дисциплинарной ответственности привлечено 421824 лица; по постановлению прокурора привлечено 153774 лица к административной ответственности; направлено 16595 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ; возбуждено 14003 уголовных дела; предостережено 56867 лиц о недопустимости нарушения закона»⁴.

Качественная надзорная деятельность обеспечивает законность и стабильность функционирования правового государства. Это определяет важность верного понимания сущности и содержания такой функции, как прокурорский надзор.

Толковый словарь русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю., определяет термин «сущность» в философском понимании, «как внутреннее содержание предмета, обнаруживающееся во внешних формах его существования» [2, с. 782].

В науке о прокурорской деятельности, вопрос сущности прокурорского надзора — это ключевое понятие и является предметом активного обсуждения [3, с. 183–189].

Полагаем, что наиболее полно сущность прокурорского надзора раскрывается через следующие понятия:

- 1) предмет прокурорского надзора;
- 2) объект прокурорского надзора;
- 3) цели и задачи прокурорского надзора;
- 4) основные направления прокурорского надзора.

В теории прокурорского надзора проблема соотношения предмета и объекта прокурорского надзора является достаточно дискуссионной.

Так, в специальной литературе, под объектом понимают государственные и негосударственные поднадзорные органы и их должностные лица. В свою очередь, предмет отождествляют с объектом через его действия и решения, правомерность их деятельности и поведение.

Такое понимание позволяет согласиться с бытующей в учебной и научной литературе точкой зрения, согласно которой «общий предмет надзора складывается из трех элементов:

- 1) соблюдение Конституции РФ и исполнение федерального законодательства;
- 2) соответствие федеральному законодательству издаваемых поднадзорными органами и должностными лицами правовых актов.
- 3) соблюдение прав и свобод человека и гражданина» [4, с. 19].

⁴ URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/1681252/> (дата обращения: 11.09.2019).

Однако в зависимости от вида надзорной деятельности прокурора, в определенной сфере правоотношений, предмет прокурорского надзора конкретизируется, что определяется разграничением функции прокурорский надзор на отрасли. При этом в науке, выделяя отдельные отрасли, концентрируют внимание «на специализированном характере деятельности органов прокуратуры в рамках единого прокурорского надзора, имеющая свои цели и задачи, предмет и объект и правовые средства, на что указывалось в специальной литературе еще в середине прошлого столетия» [5, с. 20–21]. И одним из основных критериев деления надзорной функции на отрасли является предмет надзора.

При этом одни определяют предмет как «общественные отношения, возникающие между органами прокуратуры и субъектами общественных отношений в сфере соблюдения и исполнения законов» [6, с. 13]. Другие раскрывают предмет надзора «через сферу общественных отношений, на регулирование которой направлена прокурорская деятельность» [7, с. 15]. Третьи утверждают, что предметом надзора является реализация определенной группы законов, регулирующие относительно обособленные сферы общественных отношений, соответствующими группами органов [8, с. 12].

Более конкретно предмет прокурорского надзора урегулирован законодательными нормами. Так, предмет надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу согласно ФЗ «О прокуратуре РФ» складывается из следующих элементов:

1. Законность нахождения лиц в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительных и иных органах и учреждениях, исполняющих наказание и меры принудительного характера, назначаемые судом. При этом законность нахождения лиц предполагает законность основания помещения лиц в места содержания задержанных (протокол задержания ст. 92 УПК РФ)⁵, предварительного заключения (постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу ст. 108 УПК РФ), исправительных и иных органах и учреждениях (приговор суда УИК РФ⁶).

2. Соблюдение установленных законодательством РФ прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания. Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный наделяются комплексом прав и обязанностей, закрепленных в УПК РФ, УИК РФ, ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁷, и многочисленных ведомственных нормативных актах. В рамках соблюдения прав указанных лиц проверяются и порядок и условия их содержания как установленные законодательством РФ нормы материально-бытового и медико-санитарного обеспечения

⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921; 2019. № 31, ст. 4474.

⁶ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. №1-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921; 2019. № 31, ст. 4110.

⁷ См.: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Российская газета. 1992. 18 февр.; 2019. 31 июля.

лиц, требования о раздельном содержании различных категорий лиц, соблюдение сроков содержания, законность освобождения и т.д.

3. Законность исполнения наказания, не связанного с лишением свободы.

4. Кроме этого, представляется, что предмет прокурорского надзора в ст. 32 ФЗ «О прокуратуре РФ» сформулирован не достаточно полно, так как по смыслу ст. 33 того же закона прокуроры проверяют соответствие законодательству РФ приказов, распоряжений, постановлений администрации пенитенциарных и других поднадзорных органов и учреждений. В этой связи, выявление соответствия закону правовых актов, издаваемых должностными лицами поднадзорных органов так же можно рассматривать в качестве элемента предмета данной отрасли надзора.

Таким образом, несмотря на многообразие авторских определений предмета прокурорского надзора, соответствующие нормы его правового регулирования, важно правильно понимать его содержание, поскольку именно предмет прокурорского надзора является определяющим, как с теоретической, так и с практической точки зрения, для определения сущности прокурорского надзора.

В ФЗ «О прокуратуре РФ», наряду с предметом надзора указываются и объекты надзора в каждой отрасли (ст. 21, 26, 29, 32.). Поэтому вызывает удивление категоричное утверждение, согласно которому «спор о том, что входит в объект надзора — деятельность или ее субъекты, — не имеет принципиального значения и может быть сведен в юридико-лингвистическую плоскость» [3, с. 184]. Позволим себе не согласиться с мнением О.В. Воронина, поскольку объекты прокурорского надзора, исходя, прежде всего, из норм закона, можно определить как совокупность органов и должностных лиц, установленных законом, за деятельностью которых осуществляется прокурорский надзор. Объекты прокурорского надзора понятие конкретное и определяются спецификой правоотношений, в которых они и функционируют.

Так, при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, а также при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, объектами, согласно действующему законодательству выступают: федеральные органы исполнительной власти, Следственный комитет РФ, представительные (законодательные) и исполнительные органы субъектов РФ, органы местного самоуправления, органы военного управления, органы контроля, их должностные лица, субъекты осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций. Что до прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, то общее наименование объектов находит свое закрепление в ФЗ «О прокуратуре РФ», а более конкретное перечисление содержится соответственно в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 13)⁸ и в УПК РФ (ст. 40 и ст. 151). Также перечислены объекты надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

⁸ См.: Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Российская газета. 1992. 18 февр.; 2019. 7 авг.

Другим интересным и неоднозначным элементом сущности прокурорского надзора являются цели прокурорского надзора. С философской точки зрения цель представляет собой предвосхищение в сознании результата, на достижении которого направлены действия [9, с. 452]. Трудно не согласиться, что наука прокурорского надзора и действующее законодательство, подходят к пониманию целей прокурорского надзора посредством социальных функций, которые определяются местом прокуратуры в системе государственных органов. Однако при формулировании целей прокурорского надзора следует исходить из их правовой регламентации: обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации.

Цели прокурорского надзора достигаются посредством решения задач. Так, по мнению В.Г. Бессарабова, прокуратура в своей деятельности «обеспечивает своевременное выявление нарушений закона, своевременное устранение нарушений закона и их предупреждение» [10, с. 7]. Мы согласны с предложенной автором классификацией, поскольку она определяет, в свою очередь, классификацию полномочий прокурора при реализации той или иной отрасли надзора. Соответственно, на решение данных задач направлены полномочия устанавливающие правонарушения, полномочия пресекающие нарушения закона и полномочия предупреждающие правонарушения, которые имеют свое содержание, особенности методики по реализации в зависимости от отрасли надзора, и правоотношений в рамках которой она реализуется. Так, необходимо обратить внимание на то, что и субъекты, осуществляющие данные полномочия так же обладают своей спецификой. Например, надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина реализуется как территориальными прокурорами, так и прокурорами военными и специализированных прокуратур. А что касается надзора за исполнением закона в сфере пенитенциарной системы, то эти полномочия реализуются специализированными прокуратурами. Надзорные полномочия в сфере военной службы в Вооруженных силах РФ является приоритетом военных прокуратур. Такая специализация субъектов позволяет обеспечивать качественный надзор от имени государства по узким вопросам в отдельных правоотношениях.

На наш взгляд, представляется возможным рассматривать в качестве элемента сущности непосредственно полномочия прокурора. Данное утверждение объясняется тем, что задачи, являющиеся одной из составляющих сущности, требуют наличия «инструментов» для их решения. В качестве таковых предлагается использовать именно прокурорские полномочия. В свою очередь, задачи прокурорского надзора, во-первых, направлены на установление нарушений закона, причин и условий, им способствующих, а также виновных лиц, их совершивших. Во-вторых, на устранение выявленных нарушений закона и привлечение виновных лиц к ответственности. В-третьих, в качестве задачи выступает профилактика правонарушений органами прокуратуры. Исходя из вышеперечисленного, полномочия прокурора можно сгруппировать следующим образом:

1) выявляющие полномочия — те, которые способствуют установлению фактических данных о событии правонарушения, о способе, времени его совершения, виновных лицах, о вредных последствиях и причинах правонарушениях;

2) пресекающие полномочия — те, которые направлены на пресечение правонарушений, восстановление законности, ликвидации вредных последствий, привлечение виновных к ответственности (ярким выражением данной группы полномочий является вынесение актов прокурорского реагирования);

3) предупреждающие полномочия — те, которые направлены на создание условий, обеспечивающих профилактику нарушений закона, и так же реализуются путем применения актов прокурорского реагирования.

Вторым аргументом в пользу рассмотрения полномочий прокурора в качестве элемента сущности прокурорского надзора как основной функции прокуратуры выступает деление последней на отрасли. Каждой из отраслей прокурорского надзора присущи полномочия прокурора, определяемые спецификой правоотношений, в которых они реализуются. Здесь интересно отметить следующую классификацию полномочий прокурора: а) общие (те, которые реализуются во всех отраслях надзора); б) специальные (те, которые осуществляются в конкретных направлениях прокурорской деятельности); в) процессуальные (те, которые регламентированы процессуальным законодательством в ходе надзорной деятельности).

Вышеуказанное позволяет утверждать, что полномочия прокурора являются полноправным элементом многогранного понятия сущности прокурорского надзора и отражают взаимодействия ее элементов как в теории, так и на практике, подчеркивая комплексность рассматриваемых понятий.

Таким образом, сущность прокурорского надзора как вида государственной деятельности, состоит в реализации от имени РФ надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ, в деятельности поднадзорных органов, в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства посредством реализации полномочий, обеспечивающих предупреждение, выявление, пресечение правонарушений и привлечение виновных к ответственности.

Библиографический список

1. *Капинус О.С.* и др. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 198 с.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
3. *Воронин О.В.* О сущности современного прокурорского надзора // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 183–189.
4. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2004. 472 с.
5. *Мелкумов В.Г.* Вопросы теории и практики общего надзора прокуратуры. Душанбе: ИРФОН, 1965. 204 с.
6. *Быкова Е.В.* и др. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под общ. ред. А.Н. Савенкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2012. 453 с.
7. *Винокуров А.Ю.* Прокурорский надзор: учебник для вузов / под общ. ред. А.Ю. Винокурова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 352 с.

8. *Шалумов М.С.* Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 50 с.
9. *Философский словарь* / под ред. М.М. Розенталя. 3-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1975. 496 с.
10. *Бессарабов В.Г.* Прокурорский надзор: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 536 с.

References

1. *Kapinus O.S.* and others. Prosecutor's Supervision: textbook for universities / ed. edited by A. Yu., Vinokurov. Moscow: Yurayt Publishing house, 2014. 198 p.
2. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language. V.V. Vinogradova. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.
3. *Voronin O.V.* On the Essence of Modern Prosecutor's Supervision // Criminal justice. 2018. No. 11. P. 183–189.
4. *Prosecutorial Oversight: a textbook for high school* / under the editorship of A.Ya. Sukharev. Moscow: Norma, 2004. 472 p.
5. *Melkumov V.G.* Questions of Theory and Practice of General Supervision of the Prosecutor's Office. Dushanbe: IRFON, 1965. 204 p.
6. *Bykova E.V.* and others. Prosecutor's Supervision in the Russian Federation: a textbook for students of higher educational institutions who study in the specialty "Jurisprudence" / ed. by A.N. Savenkov. 3rd ed., revised and supplemented. M.: Dashkov and Co., 2012. 453 p.
7. *Vinokurov A.Yu.* Prosecutorial Oversight: a textbook for universities / under the General editorship of A.Yu. Vinokurov. 3rd ed., revised and supplemented. M.: yurayt Publishing house, 2017. 352 p.
8. *Shalumov M.S.* Problems of Functioning of the Russian Prosecutor's Office in the Conditions of Formation of a Democratic Legal State: dis. ... dok. of law. Yekaterinburg, 2002. 50 p.
9. *Philosophical Dictionary* / edited by M.M. Rosenthal. 3rd ed. Moscow: Publishing house of political literature, 1975. 496 p.
10. *Bessarabov V.G.* Prosecutor's Supervision: textbook. Moscow: Velby TC, Prospect, 2006. 536 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10020
УДК 343.97

К.И. Богомолова, И.Х. Касаев

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: на протяжении последних десятилетий наблюдается значительный рост ятрогенных преступлений. Данное обстоятельство диктует необходимость выработки действенных мер по их профилактике и предупреждению, в том числе силами уголовного законодательства. Но вместе с тем, одной из главных проблем является то, что в настоящее время Уголовный кодекс РФ не содержит специальных норм, предусматривающих ответственность за ятрогенные преступления. Это является одной из главных причин высокой латентности таких преступлений. Следует также констатировать отсутствие официальной статистики состояния преступности в сфере здравоохранения. Некоторые сведения о нарушении прав пациентов, совершаемых медицинскими работниками предоставляются к сведению общественности благодаря СМИ и обращениям самих пострадавших или их родственников в правоохранительные органы. Органы здравоохранения тщательно скрывают данные факты, что способствует криминализации рассматриваемой сферы и росту указанных преступлений. Кроме того, ятрогенные преступления вызывают серьезные трудности в их расследовании и раскрытии из-за необходимости использования специальных знаний. **Цель:** сводится к разработке теоретических положений и организационно-правовых предложений, научных и методических рекомендаций по совершенствованию деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений. **Методологическая основа:** общенаучный диалектический метод познания с применением других взаимодополняющих приемов и методов: сравнительно-правового, системного, логического, формально-юридического и статистического анализов. **Результаты:** определены основные криминализующие признаки ятрогенных преступлений, причины латентности и способы их выявления. Сформулирован портрет личности преступника ятрогенных преступлений (специальный субъект преступлений данного вида — медицинский работник) и потерпевший-пациент. Предложены меры по профилактике и предупреждению данных преступлений, а также по совершенствованию деятельности правоохранительных органов по своевременному их выявлению. Прежде всего, необходимо

© Богомолова Ксения Игоревна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Bogomolova-kseniya@mail.ru

© Касаев Ильяс Хамзатович, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права (Учебно-научный комплекс по предварительному следствию в органах внутренних дел); e-mail: liyas.kasaev@yandex.ru

© Bogomolova Ksenia Igorevna, 2020

Candidate of law, associate Professor of the Department of Prosecutor's supervision and criminology (Saratov state law Academy)

© Kasaev Ilyas Khamzatovich, 2020

Candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of criminal law (Educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal Affairs bodies)

*ввести специальные уголовно-правовые нормы и их статистический учет, а также обеспечить профессиональную подготовку кадров по получению специальных знаний в области медицины. Нормативно урегулировать порядок и сроки проведения независимой экспертизы экспертной комиссией, участники которой должны быть из разных регионов. Наиболее результативными профилактическими мерами является регулярное информирование населения о мерах по противодействию нарушениям в сфере здравоохранения путем публикаций в СМИ, размещения информации в сети Интернет, выступлений правоохранительных органов на радио и по телевидению. **Выводы:** обосновывается, что проблема ятрогенной преступности является многосторонней, поскольку затрагивает интересы пациентов (и их родственников), медицинских работников (учреждений и органов здравоохранения, страховых медицинских организаций), а также касается деятельности правоприменителей (в гражданском и уголовном процессе).*

Ключевые слова: ятрогенная преступность, правоохранительные органы, прокуратура, следственные органы, латентность ятрогенных преступлений, медицинский работник, врач, медицинские учреждения.

K.I. Bogomolova, I.K. Kasaev

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO DETECT AND PREVENT IATROGENIC CRIMES

Background: over the past decades, there has been a significant increase in iatrogenic crimes. This circumstance dictates the need to develop effective measures for their prevention and prevention, including the forces of criminal law. But at the same time, one of the main problems is that currently the criminal code of the Russian Federation does not contain in its norms a Special part of the very specificity of iatrogenic crimes. This is one of the main reasons for the high latency of such crimes. It should also be noted that there are no official statistics on the state of health crime. Some information about the violation of the rights of patients committed by medical professionals are made available to the public through the media and appeals of the victims themselves or their relatives to law enforcement agencies. Health authorities carefully hide these facts, which contributes to the criminalization of the sphere in question and the growth of these crimes. In addition, iatrogenic crimes cause serious difficulties in their investigation and disclosure due to the need to use special knowledge. **Objective:** it is reduced to the development of theoretical provisions and organizational and legal proposals, scientific and methodological recommendations to improve the activities of law enforcement agencies to detect and prevent iatrogenic crimes. **Methodology:** general scientific dialectical method of cognition using other complementary techniques and methods: comparative legal, systemic, logical, formal legal and statistical analyses. **Results:** the Problem of iatrogenic crime is multifaceted, since it affects the interests of patients (and their relatives), medical workers (health care institutions and bodies, medical insurance organizations), as well as the activities of law enforcement (in civil and criminal proceedings). **Conclusions:** Iatrogenic crimes have their clear criminalizing features, in particular, a special subject of the crime—a medical worker, as well as the victim — the patient. In order to improve the activities of law enforcement agencies for the timely detection and prevention of these crimes, first of all, it is necessary to introduce special criminal law norms and their statistical accounting, as well as to provide professional training to obtain special knowledge in the field of medicine. To regulate the procedure and terms of the independent examination by the expert Commission, the participants of which are from different regions. The practice of regularly informing the population about measures to counteract violations in the health sector through publications

in the media, posting information on the Internet, speeches by law enforcement agencies on radio and television has an effective preventive effect.

Key-words: *iatrogenic crime, law enforcement agencies, Prosecutor's office, investigative authorities, latency of iatrogenic crimes, medical worker, doctor, medical institutions.*

На современном этапе обеспечение реализации права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, есть одно из самых приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации, о чем говорится в Конституции РФ¹ и неоднократно упоминается в ежегодных Посланиях Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию России².

Основные задачи по обеспечению конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь возложены, в том числе и на правоохранительные органы.

Медицина как никакая другая область знаний, вбирая в себя все новейшие достижения физики, химии, техники, создала высокоэффективные и в то же время довольно агрессивные лекарственные препараты и методики диагностики заболеваний и их лечения. В связи с этим, значительно возросла опасность причинения вреда пациенту в процессе оказания медицинской помощи.

Ятрогенные преступления — это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие основные принципы и условия оказания медицинской помощи, установленные Конституцией РФ и иными законодательными актами России, совершаемые при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу здоровье или причиняющие вред жизни, здоровью и иным законным правам и интересам пациента.

В последние годы наблюдается тенденция неуклонного роста ятрогенных преступлений. Это тревожит и требует усиления борьбы с этим явлением силами правоохранительных органов. Вместе с тем приходится констатировать, что Уголовный кодекс РФ не содержит специальных норм за подобные деяния.

Одними из самых распространенных составов преступлений, относящихся к нарушению медицинскими работниками прав пациента на жизнь и здоровье являются:

- причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ);
- причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ);
- заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ);
- неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ);
- незаконное осуществление медицинской деятельности (ст. 235 УК РФ);
- нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ);
- выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ);
- халатность (ст. 293 УК РФ).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² Послание Президента РФ Федеральному собранию от 1 декабря 2016 г. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 21.09.2019).

Наиболее частыми случаями нарушений оказания медицинской помощи являются следующие: установление неправильного диагноза из-за проведения недостаточного осмотра и обследования больных; недооценка данных анамнеза и тяжести заболевания; нарушение общепринятой методики обследования; нарушение правил по уходу за новорожденными; нарушение ведомственных нормативных актов в части преемственности в деятельности медицинских учреждений; небрежность и невнимательность, а также недобросовестное отношение медицинского персонала к своим обязанностям.

Официальных статистических данных, связанных с ятрогенными преступлениями в настоящее время не существует. Некоторые сведения о преступности в этой сфере можно получить от потерпевших, обратившихся за помощью и из средств массовой информации. Кроме этого, сами медицинские работники стараются всячески скрыть имеющиеся факты нарушений, что повышает уровень криминализации и рост ятрогенных преступлений. Затрудняет процесс выявления таких преступлений правоохранительными органами корпоративная солидарность медицинских работников. Следует отметить необходимость использования специальных знаний сотрудниками правоохранительных органов в осуществлении деятельности по раскрытию и расследованию такого рода преступлений, которые зачастую отсутствуют, что также характеризует ятрогенные преступления как высоколатентные.

Для своевременного принятия действенных мер по выявлению и предупреждению ятрогенной преступности, необходимо выделить основные причины латентности таких преступлений и способы их выявления.

Важной методологической основой исследования проблемы латентности ятрогенных преступлений является определение ее видов и конкретных признаков ее проявления. Как известно из теории криминологии латентные преступления бывают скрытые и скрываемые.

К скрытым ятрогенным преступлениям относятся не ставшие известными, по ряду причин правоохранительным органам и суду (это как раз те случаи, когда потерпевшие по причине неверия в возможности правосудия не заявляют о случившемся либо действует корпоративной солидарностью медицинских работников).

Такие случаи встречаются наиболее часто. Основным способом решения проблем сокрытия преступлений медицинскими работниками может быть установление системы обмена проведением судебно-медицинских экспертиз между регионами, когда следственный орган отправляет материалы на экспертизу в другой регион, с целью исключения заинтересованности обвинения в корпоративности. При этом целесообразно осуществлять присутствие следователя при производстве экспертизы, согласно ст. 197 УПК РФ, что позволит следователю полнее уяснить содержание и смысл ответов экспертов на поставленные вопросы и выяснить на основе каких медицинских данных они получены. Кроме того, следователь может сам послушать объяснения врачей, которые часто приглашаются на комиссионную экспертизу и сделать свои выводы по делу. На практике зачастую возникают проблемы с назначением и проведением экспертиз, что влечет затягивание сроков предварительного расследования и потерю (искажение) вещественных доказательств в виде медицинской документации. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, создание независимых экспертных комиссий в каждом субъекте РФ, которые, во взаимодействии с Федеральной службой по

надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзором), комплексно и оперативно смогут проводить необходимые экспертизы в кратчайшие сроки.

В ходе проведенного нами анализа уголовных дел, связанных с нарушениями оказания медицинских услуг выявлено, что в 87,6% случаев возбуждаются по заявлению потерпевшего, родственников и знакомых, 12,4% — свидетелей, по сообщениям медицинских учреждений о травмированных, по сообщениям правозащитных организаций, страховых компаний, куда потерпевший обращался, а также правозащитных организаций³.

Из этого следует вывод о том, что допрос родственников, друзей и знакомых, которые общались и видели больного в период оказания ему медицинских услуг имеет особое значение для выявления латентных преступлений и их качественного и своевременного расследования. Благодаря этому можно установить в течение какого периода и на какие боли жаловался потерпевший, в какие медицинские учреждения он обращался, какая помощь была оказана или может быть он пользовался одновременно помощью разных специалистов. Пациенты, которые одновременно находились с потерпевшим в медицинском заведении могут также дать показания о наблюдавшихся симптомах протекания заболевания, о высказываниях самого потерпевшего о состоянии здоровья и самочувствии, его отношении к оказываемым медицинским услугам и т.п.

Особого внимания при выявлении и устранении причин латентности рассматриваемых преступлений требует допрос медицинских работников, т.к. зачастую они уклоняются от дачи правдивых показаний или утаивают важные сведения об обстоятельствах совершенного преступления. В основном это объясняется нежеланием обострять отношения с администрацией медицинского учреждения или стремлением скрыть преступные действия коллеги.

Кроме этого, следует учитывать тот факт, что специализация и уровень подготовки врача (медработника) должен соответствовать объему знаний и навыков. Поэтому, если, например, при допросе в своих пояснениях причин произошедшего врач ссылается на неполноту описания рентгенограммы, следует установить его квалификацию, т.к. врач-травматолог от второй до высшей категории обязан читать рентгеновские снимки самостоятельно.

Одной из причин латентности преступлений является также недостаток информации, обусловленной неполнотой заполнения медицинских документов в отношении конкретного пациента либо их отсутствием. Так, например, заполнение наркозных карт и карт интенсивной терапии при быстрой смене клинических проявлений нередко выполняется ретроспективно, а в связи с этим возможно сокрытие определенных преступных действий, исправления или даже замены карты.

Скрываемая часть ятрогенной преступности включает в себя те деяния, которые стали известны правоохранительным органам и суду, но по ряду причин не нашли отражения в статистике: фактические не рассмотренные заявления, неверная оценка деяний как не преступных, ошибка в квалификации содеянного, вынесение оправдательных приговоров, в виду того, что отсутствуют достаточные доказательства вины.

³ Исследовано 47 уголовных дел, возбужденных по ст.. 109, 124, 236, 238, 293 УК РФ за период с 2017 по 2018 гг. URL: <http://Sudact.ru> (дата обращения: 17.11.2019).

Следует отметить определенную сложность выявления преступлений, связанных с нарушениями оказания медицинской помощи из-за необходимости выяснения сугубо профессиональных вопросов медицины и некомпетентности правоохранительных органов в них и отдельно взятой клинической ситуации. Необходимо отличать «врачебную ошибку» от умышленных преступных действий, таких как небрежность, халатность или невежество [1]. Вокруг этого понятия постоянно ведется много споров среди философов, медиков и юристов. Наибольшим признанием пользуется определение известного патологоанатома И.В. Давыдовского, который сформулировал «медицинскую ошибку» как «добровольное заблуждение врача, основанное на несовершенстве современного состояния медицинской науки и методов ее исследования, либо вызванное особенностями течения заболевания определенного больного, либо объясняемое недостатками знаний, опыта врача» [2, с. 53]. Кроме того, врачебные ошибки следует отличать от несчастных случаев, которые тоже не влекут уголовной ответственности. Поэтому для своевременного установления наличия состава преступления, правоохранительным органам необходимо в кратчайшие сроки изъять медицинскую документацию (во избежании ее исправления или утраты), провести осмотр места происшествия, допросить потерпевших, медицинских работников, имеющих непосредственное отношение к оказанию медицинской помощи пациенту, руководителей самого лечебного заведения для восстановления общей картины происшедшего и своевременного назначения обязательной для данной категории дел комиссионной судебно-медицинской экспертизы, сроки проведения которой являются достаточно длительными.

Вместе с тем правоохранительным органам необходимо максимально исключать вероятность необоснованных обвинений при неблагоприятном исходе лечения, если профессиональные обязанности медицинского работника были добросовестно и грамотно выполнены в полном объеме.

Сотрудники правоохранительных органов должны справедливо реагировать как на нарушения прав пациента, так и обоснованно в соответствии с законом обеспечивать защиту медицинских работников.

Немаловажную роль в деятельности по предупреждению ятрогенных преступлений играет прокурорский надзор. Приказом Генеральной Прокуратуры от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» акцентировано особое внимание на защиту закрепленных в Конституции РФ прав на охрану здоровья и медицинскую помощь⁴. Восстановление нарушенных прав и устранение нарушений законности в сфере здравоохранения средствами прокурорского реагирования происходит эффективно и в кратчайшие сроки.

При осуществлении прокурорского надзора, выявляются случаи неоказания (некачественного оказания) медицинской помощи больным, несоблюдения стандартов ее качества. В результате прокурорских проверок устанавливаются факты смерти пациентов. В нередких случаях причиной этому является нехватка самих медицинских работников.

Благодаря надзорной деятельности прокуратуры к ответственности за нарушение законодательства о здравоохранении виновных привлекают и вне уголовно-правовой сферы. Прокурорами выносятся представления, по резуль-

⁴ См.: Законность. 2008. № 3.

татам рассмотрения которых лица привлекаются к дисциплинарной и административной ответственности.

В ходе прокурорских проверок неоднократно выявляются нарушения, связанные с тем, что региональные органы принимают нормативные акты противоречащие федеральному законодательству, нарушения требований законодательства и соответствующих стандартов при проведении иммунизации населения, касающихся соблюдения хранения вакцин, заполнения медицинских документов и добровольных согласий на оказание медицинской помощи. Зачастую, благодаря надзорным функциям прокуратуры, удается выявить нарушения порядка лицензирования фармацевтической и медицинской деятельности, ненадлежащая переподготовка и повышение квалификации медицинского персонала и врачей. В результате принятия мер прокурорского реагирования, устраняются факты нецелевого использования денежных средств, неэффективный и несвоевременный ввод в эксплуатацию медицинского оборудования, нарушения прав самих медицинских работников и другие нарушения прав граждан на охрану здоровья. Вместе с тем, проводимая работа прокуратуры по осуществлению надзорной функции в данном направлении требует дальнейшего совершенствования и повышения эффективности. Задачами органов прокуратуры является действенное устранение нарушений прав граждан на охрану здоровья, принятие полного комплекса мер, направленных на предотвращение данного рода нарушений, использование упреждающего характера прокурорского надзора в этой сфере общественных отношений, усиление контроля за деятельностью органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления по охране прав граждан. Выполнение вышеперечисленных задач позволит добиться высокого профилактического эффекта, направленного на предупреждение ятрогенных преступлений.

Деятельность сотрудников правоохранительных органов в данном направлении призвана способствовать созданию обстановки нетерпимости к нарушениям прав граждан на охрану здоровья, повышению ответственности каждого должностного лица, и самих граждан за здоровье как отдельного человека, так и всей нации.

Библиографический список

1. *Гецманова И.В.* Актуальные вопросы расследования и оценки преступлений, связанных с дефектами оказания медицинской помощи // *Медицинское право.* 2007. № 2, 2 кв.
2. *Давыдовский И.В.* Врачебные ошибки // *Советская медицина.* 1941. № 3.

References

1. *Getsmanova I.V.* Actual issues of investigation and assessment of crimes related to defects in the provision of medical care // *Medical Law.* 2007. No. 2, 2 sq.
2. *Davydovsky I.V.* Medical errors // *Soviet medicine.* 1941. No. 3.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10021

УДК 343.988

И.Н. Вишневецкая

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖЕНЩИН: ПОНЯТИЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Введение: в статье рассматриваются новые виды классификации преступности в России и необходимости учета их криминологических особенностей. Отмечается, что наряду с общепринятыми в криминологии критериями классификаций — по содержанию преступных действий и специфике личности преступника, целесообразно использовать и такой критерий как личность жертвы преступления. Данный подход позволяет проанализировать преступность под новым углом зрения, с учетом ее видового многообразия. **Цель:** обосновать понятие личности жертвы преступления как одного из возможных критериев классификации преступности и продемонстрировать целесообразность, в этой связи, выделения такого отдельного вида преступности как преступления против женщин, выявить их криминологические особенности для наиболее эффективной борьбы с данными преступлениями. **Методологическая основа:** использовался общенаучный — диалектический метод научного познания, а также частнонаучные методы — формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический. **Результаты:** предпринята попытка обоснования понятия преступлений против женщин. Выявлены и обоснованы криминологические особенности данного вида преступности. **Выводы:** преступления против женщин представляют собой специфическую разновидность преступности в России, отличающуюся широким распространением, высоким уровнем латентности, спецификой физического и психологического состояния потерпевшей, существенной виктимологической составляющей, полимотивностью и преобладанием насильственных и умышленных форм совершения.

Ключевые слова: жертва преступления, гендерные признаки преступности, преступления против женщин, семейно-бытовое насилие, детерминанты, мотивация преступлений против женщин.

I.N. Vishnevetskaya

CRIMES AGAINST WOMEN: CONCEPT AND CRIMINOLOGICAL FEATURES

Background: the article discusses new types of crime classification in Russia and the need to take into account their criminological features. It is noted that along with the classification criteria generally accepted in criminology - according to the content of criminal actions and the specificity of the identity of the offender, it is advisable to use such a classification criterion as the personality of the victim of the crime. This approach allows us to analyze crime from a new angle, taking into account its species diversity. **Objective:** substantiate the concept of the personality of the crime victim as one of the possible criteria for classifying crime and demonstrate the appropriateness, in this regard, of isolating such

© Вишневецкая Ирина Николаевна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: irina-vishnevetskaya@yandex.ru

© Vishnevetskaya Irina Nikolaevna, 2020
Candidate of law, Associate professor, Public prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

*a separate type of crime as crimes against women, to identify their criminological features for the most effective fight against these crimes. **Methodology:** the general scientific - the dialectical method of scientific knowledge was used, as well as the private scientific methods - formal-legal, system-structural, comparative-legal, statistical. **Results:** an attempt was made to substantiate the concept of crimes against women. The criminological features of this type of crime have been identified and justified. **Conclusions:** crimes against women are a specific type of crime in Russia, characterized by a wide distribution, a high level of latency, the specifics of the physical and psychological state of the victim, a significant victimological component, polymotivity and the prevalence of violent and intentional forms of commission.*

Key-words: *the victim of crime, gender signs of crime, crime against women, family domestic violence, determinants and motivation of crimes against women.*

В криминологической науке для детального изучения особенностей преступности, анализа детерминации и разработки наиболее действенных мер предупреждения и профилактики применяется криминологическая классификация преступности, представляющая собой разделение преступности на отдельные виды по различным основаниям. В основу классификаций в большинстве случаев закладываются либо содержание преступных действий (насильственная преступность, экономическая преступность, коррупционная преступность и так далее), либо специфика личности преступника (женская преступность, преступность несовершеннолетних, молодежная преступность и так далее). Однако, на наш взгляд, не менее актуально учитывать как возможный критерий классификации преступности и личность жертвы преступления. В таком случае можно говорить о преступности против женщин, против несовершеннолетних, мигрантов и т.д.

Рассмотрим возможность такой классификации преступности на примере преступлений против женщин. Согласно данным ГИАЦ МВД РФ за 2018 г. было выявлено 931107 лиц, совершивших преступления, из них 145468 составляли женщины (15,6%)¹. Число женщин совершивших преступления в 2018 г. несколько увеличилось по сравнению с 2017 г., в котором эта цифра составляла 15,2%². В том же 2017 г. число женщин потерпевших от преступных посягательств, составило почти 45,9% от общего числа потерпевших³. Таким образом, в сфере уголовно-правовых отношений женщины гораздо чаще выступают жертвами преступных посягательств, нежели в качестве лиц их совершивших, а меры, реализуемые в целях профилактики насилия в отношении женщин, в том числе семейно-бытового, явно недостаточны.

Так, согласно статистике Генеральной прокуратуры РФ за 2018 г. было зарегистрировано 3374 только изнасилований и покушений на изнасилования⁴. От семейно-бытового насилия чаще всего страдают жены (сожительницы) — 46%, дети — 15%, мужья (сожители) — 14%, родители — 9%, сестра и братья — 6%,

¹ Характеристика лиц, совершивших преступления в Российской Федерации за 2018 год. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 25.03.2019).

² Характеристика лиц, совершивших преступления в Российской Федерации за 2017 год. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 25.03.2019).

³ Число лиц, потерпевших от преступных посягательств в 2017 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения: 05.04.2019).

⁴ Сведения о зарегистрированных преступлениях по отдельным видам за 2018 год. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.03.2019).

иные родственники — 9% [1, с. 30]. В кризисных центрах для женщин, действующих в субъектах Российской Федерации, ежегодно получают помощь около 60 тыс. женщин и более 10 тыс. девочек, подвергшихся насилию⁵. Вместе с тем такие кризисные центры, кризисные отделения, оказывающие помощь пострадавшим от насилия созданы пока еще не во всех субъектах Российской Федерации. Недостаточно вовлечены в процесс оказания помощи женщинам, пострадавшим от насилия, общественные организации и объединения, гражданское общество. По оценкам представителей некоммерческих организаций, ежегодно из Российской Федерации вывозится за рубеж более 150 тыс. женщин в возрасте до 30 лет. Число наших соотечественниц, находящихся в сексуальном рабстве за границей составляет около 500 тыс. чел.⁶

С криминологической точки зрения, преступления против женщин складываются в специфический вид преступности, выделяющийся из общего объема преступности гендерным признаком жертвы преступления, в качестве которой выступают лица женского пола. Данный вид преступности является составной частью преступности в целом, но специфические особенности позволяют выделять его в качестве самостоятельного объекта криминологического изучения.

Современное законодательство многих стран при назначении наказания виновному лицу требует оценки личности и поведения потерпевшего. В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда⁷. На наш взгляд, при криминологическом рассмотрении данного вида преступности пострадавших от преступных посягательств женщин более правильно будет называть «жертвы преступления». Данное понятие более широкое, т.к. включает в себя и лиц, которые фактически пострадали, но не обратились в правоохранительные органы, и лиц подавших заявления, которые незаконно не были приняты сотрудниками правоохранительных органов, и лиц, которые понесли ущерб от противоправного деяния, но, в установленном законом порядке, не были признаны в качестве потерпевших и т.д.

Характерные особенности преступлений, совершаемых против лиц женского пола, проявляются в их социально-правовом статусе в обществе, в детерминации данных преступлений, мотивации формирования преступного поведения в отношении женщин и т.д.

Одной из характерных особенностей преступлений против женщин является преобладание в их структуре умышленных и насильственных деяний.

Как показывают исследования, женщины становятся потерпевшими в 70% случаев угроз убийством и причинением тяжкого вреда здоровью [2, с. 18].

⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 11, ст. 1618.

⁶ См.: *Саттеруэйт М.* Патология насилия. URL: http://expert.ru/expert/2006/15/prichiny_demograficheskoy_katastrofy_79296/ (дата обращения: 30.03.2019).

⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2019. № 31, ст. 4474.

Особую тревогу вызывает тот факт, что 73% насильственных преступлений в отношении членов семьи совершаются в отношении членов семьи женского пола (бабушки, матери, жены, дочери) — 24 981 деяние, по отношению ко всем преступлениям в отношении членов семьи — 34 029. Что касается социального статуса жертв, то из них жены — 54% (13 814), дочери — 15% (3 911) [3, с. 106]. Почти 86% девушек начинают свою половую жизнь с сексуального насилия, а каждая третья — становится проституткой под непосредственным руководством взрослых, в т.ч. и прямо ответственных за их воспитание [4, с. 33].

В 2017 году число женщин, потерпевшим по преступлениям, сопряженным с насильственными действиями, составило: 79,2% — насильственные действия сексуального характера; 95,4% — половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста; 78,8% — развратные действия⁸.

В отношении женщин насилие выражается преимущественно в таких формах как принуждение к сожительству и проституции, изнасилование, бытовое насилие и убийство на почве алкоголизма, наркомания, садизм и психологическое насилие. Аналогичная ситуация складывается не только в России. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения каждая пятая женщина в мире подвергалась сексуальному насилию в детстве, а каждая третья — в разные периоды своей жизни становилась жертвой физического или сексуального насилия со стороны полового партнера⁹.

Еще одной характерной особенностью является высокий уровень латентности данного вида преступности. Поскольку пострадавшие женщины зачастую не обращаются ни в медицинские, ни в правоохранительные органы объективной картины преступлений официальная статистика не отражает. По мнению ряда экспертов, с заявлениями о конфликтах и фактах насилия в семье никуда не обращались 76,7% потерпевших [5, с. 154].

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить виктимологическую составляющую данного вида преступности. Большинство насильственных преступлений в семье связано с систематическим совместным употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов потерпевшим и преступником. По оценкам специалистов, поведение около 40% женщин — жертв насильственных преступлений сопровождалось провокацией с их стороны [6, с. 123]. При этом по мнению ряда исследователей, виктимологически значимое поведение женщин-жертв преступлений против половой свободы, может выражаться не только в виде провокационного поведения насильственного и ненасильственного характера, но и безответственно-безразличного поведения, которое создает объективную возможность совершения преступлений [7, с. 106–108].

К качественным характеристикам преступлений против лиц женского пола можно отнести и полимотивность. В настоящий период даже семейно-бытовые преступления перестают совершаться в условиях спонтанно возникшей конфликтной ситуации, а становятся закономерным результатом длительных

⁸ Мужчины и женщины России, 2018: статистический сборник. Росстат. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf (дата обращения: 05.04.2018).

⁹ Доклад ВОЗ «О ситуации в мире в области предупреждения насилия — 2014 г.». URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/violence-prevention/ru> (дата обращения: 07.04.2019).

конфликтов, обуславливающих ненависть и вражду между сторонами. По результатам исследований 94,5% потерпевших от домашнего насилия отметили, что преступлению предшествовали семейные конфликты, которые, по словам 35,5% потерпевших, длились несколько месяцев [5, с. 154].

Почти половине всех особо жестоких бытовых убийств предшествует длительная конфликтная ситуация в семье¹⁰.

В качестве специфической черты необходимо отметить также безнаказанность и как закономерное следствие — неоднократность совершений противоправных посягательств (криминологический (фактический) рецидив). Так, 20,4% потерпевших от насилия в семье ответили, что насильственные действия совершались систематически (2–3 раза в неделю), 18,4% — регулярно (1–2 раза в неделю), 13,3% — 1–2 раза в месяц, 1% — почти каждый день [5, с. 154].

Прослеживается связь преступности против женщин с организованной преступностью. Такие преступления, как торговля людьми, использование рабского труда, организация занятия проституцией, вовлечение в занятие проституцией и многие другие преступные деяния подобного рода, как правило, осуществляют преступные группы, обладающие высокой степенью организованности и криминального профессионализма. Эта специфика учитывается уголовным законодательством путем включения данного обстоятельства в число квалифицированных признаков. Данная деятельность зачастую прикрывается коррумпированными должностными лицами и имеет замаскированный характер.

Представляется необходимым, при анализе характерных признаков данного вида преступности, учитывать так же специфику физического и психологического состояния потерпевшей. Так, ст. 63 Уголовного кодекса РФ содержит обстоятельства, отягчающие наказание, в число которых включено «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного». Кроме того, данные обстоятельства закреплены в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков целого ряда преступных деяний. Например, п. «в», ч. 2, ст. 117 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за истязание женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в п. «е», ч. 2, ст. 126 УК законодатель выделяет в качестве отягчающего обстоятельства похищение женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в п. «б», ч. 4, ст. 131 УК закреплена повышенная ответственность за изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста; в ст. 133 УК закреплена норма, в соответствии с которой одним из оснований уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера является использование материальной или иной зависимости потерпевшей; ст. 145 УК защищает права женщин, находящихся в состоянии беременности или имеющих детей в возрасте до трех лет при необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении по вышеуказанным обстоятельствам и т.д.

Таким образом, преступления, совершаемые против женщин, как специфическая и самостоятельная разновидность преступности в России в силу широкой

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 11, ст. 1618.

распространенности и общественной опасности требуют особого внимания законодателя и правоохранительных органов и без сомнения, нуждается в дальнейшем научном изучении и анализе.

Библиографический список

1. *Нигматуллин М.Р.* Виктимологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений // Виктимология. 2017. № 4. С. 29–32.
2. *Данелян Л.В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (по материалам Тюменской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 22 с.
3. *Голубых Н.В., Богатова Е.В.* Национальная стратегия действий в интересах женщин как основа профилактики насилия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 103–108.
4. *Семерикова А.А.* Проституция и сексуальное насилие. Криминологический и виктимологический подход // Юридические исследования. 2017. № 9. С. 31–38.
5. *Ивасюк О.Н.* Криминологические особенности семейно-бытовых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 153–156.
6. *Ивасюк О.Н.* Роль органов внутренних дел в предупреждении бытовой преступности и минимизации ее социальных последствий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 121–124.
7. *Ивасюк О.Н., Калашников И.В.* Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемые в отношении женщин // Вестник Московского ун-та МВД России. 2018. № 5. С. 104–110.

References

1. *Nigmatullin M.R.* Victimological Characteristics of Victims of Domestic Crimes // *Victimology*. 2017. No. 4. P. 29–32.
2. *Danelyan L.V.* Criminal and Criminological Characteristic of Threat of Murder or Causing Heavy Harm to Health (on materials of the Tyumen region): extended abstract of dis. cand. of law. Tyumen, 2011. 22 p.
3. *Golubykh N.V., Bogatov E.V.* National Strategy for Women as Violence Prevention Basis // *Bulletin of the Ural legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 4. P. 103–108.
4. *Semerikova A.A.* Prostitution and Sexual Violence. Criminological and Victimological Approach // *Legal researches*. 2017. No. 9. P. 31–38.
5. *Ivasyuk O.N.* Criminological Features of Domestic Crimes // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2015. No. 7. P. 153–156.
6. *Ivasyuk O.N.* Role of Law-enforcement Bodies in Prevention of Domestic Crime and Minimization of Its Social Consequences // *Bulletin of economic security*. 2016. No. 2. P. 121–124.
7. *Ivasyuk O.N., Kalashnikov I.V.* Victimological Features of Crimes against Sexual Freedom Made against Women // *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 5. P. 104–110.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10022

УДК 340.13

А.А. Никитин

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ

Введение: судебное усмотрение и возможность законодательного установления его пределов являются актуальными проблемами юридической науки. Через призму судебного усмотрения автор исследует действующее законодательство, регулирующее проверку в кассационном порядке законности судебных решений, вступивших в законную силу, по уголовным, гражданским и административным делам. Анализируются также поправки в процессуальное законодательство, изменяющие процедуру кассационного производства, вступившие в силу с 1 октября 2019 г. **Цель:** определить возможность установления в законодательстве границ судебного усмотрения, которые должны обеспечивать его законность, а также предупреждать судебный произвол. **Методологическая основа:** совокупность всеобщих, общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов. В первую очередь в работе используются системный и функциональный подходы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о том, что изменения, внесенные в действующее законодательство предусматривающие сочетание сплошной и выборочной кассации, направлены на установление оптимального уровня судебного усмотрения в кассационном производстве. **Выводы:** дальнейшее совершенствование законодательства должно осуществляться на основе изучения судебной практики, сформированной уже с учетом принятых поправок.

Ключевые слова: судебное усмотрение, пределы усмотрения, процессуальное законодательство, кассационное производство.

А.А. Nikitin

LEGAL LIMITATION OF JUDICIAL DISCRETION

Background: judicial discretion and the possibility of legislatively establishing its limits are actual problems of legal science. Through the prism of judicial discretion, the author examines the current legislation governing the cassation of the legality of the court decisions that have entered into force in criminal, civil and administrative cases. The author also analyzes amendments to procedural legislation that have been adopted but have not yet entered into legal force, modifying the cassation proceedings. **Objective:** to determine the possibility of establishing in the legislation the boundaries of judicial discretion, which should ensure its legality and prevent judicial arbitrariness. **Methodology:** the set of universal, general scientific, private scientific and private legal methods. First of all, the system and functional approaches are used in the research. **Results:** the author argues that the amendments to the current legislation providing for the combination of continuous and selective cassation are aimed at establishing the optimal level of judicial discretion in the cassation proceedings. **Conclusions:** further improvement of the legislation should be car-

© Никитин Александр Александрович, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexnik-82@mail.ru
© Nikitin Aleksandr Aleksandrovich, 2020
Candidate of law, Associate professor of Prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

ried out on the basis of judicial practice study, which has already been formed taking into account the adopted amendments.

Key-words: *judicial discretion, boundaries of discretion, procedural law, cassation proceedings.*

Среди разных видов правового (юридического) усмотрения наибольшее внимание как со стороны профессионального юридического сообщества, так и общественности в целом привлекает судебное (судейское) усмотрение. Это обусловлено значением для жизни социума уголовных, гражданских и административных дел, рассматриваемых судами, а также широким общественным резонансом, который вызывают отдельные судебные решения и приговоры. Зачастую, судебные акты становятся предметом широкого обсуждения, имеющего негативную окраску, поскольку общество (в особенности его непрофессиональное большинство) дает иную оценку фактическим обстоятельствам рассмотренных судами дел. Полагаем, что не имеет особого смысла проводить разграничение между случаями когда судьи принимали абсолютно законное, обоснованное и справедливое решение, но оно на морально-психологическом уровне отторгалось общественностью (право и мораль как регуляторы общественных отношений не всегда находятся в согласии), и ситуациями в которых судьи допускали очевидные ошибки. Важно, что и в первом и во втором случае соответствующие судебные решения воспринимались как произвол судей, а его источником называли — судебское усмотрение. В данном контексте требования об ограничении «судебного произвола» и «судейского усмотрения» звучат как синонимы. Однако объективно это не так.

Судебный произвол — явление абсолютно негативное, обусловленное целым комплексом причин, среди которых юридическое усмотрение занимает далеко не первое место. Практика показывает, что произвол возможен даже в вопросах, крайне строго регламентированных законом (порой излишне урегулированных), с минимальными возможностями принятия решения по усмотрению правоприменителя.

Судебное (судейское) усмотрение — необходимое условие осуществления правосудия как особой разновидности правоприменительной деятельности. Это обусловлено тем, что правовые нормы, содержащиеся в законах, являются общими правилами поведения, распространяющимися на однотипные общественные отношения, которые эти нормы регулируют. Возможность распространения правила поведения не на конкретное общественное отношение, а на группу однотипных отношений предполагает, что правовые нормы должны обладать некоторой абстрактностью (в большей или меньшей степени). Соответственно применить норму права судья или иной правоприменитель может только по усмотрению — соотнеся абстрактную конструкцию правоотношения, содержащейся в норме, с конкретным общественным отношением. Кроме того, закон далеко не совершенен. Он может содержать пробелы, противоречия, иметь другие недостатки. Устранить неясность закона, дать наиболее точное его толкование, разъяснение, восполнить пробел закона призван судья как законный посредник между правом и спорными правоотношениями [1, с. 80]. Для этого суд (судья) должен быть наделен правом разрешения ряда вопросов по собственному усмотрению [2, с. 1].

Необходимо оговориться, что в данной работе мы используем термины «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение» как синонимы и не проводим между ними различия, поскольку они не влияют на решение задач исследования.

В отличие от произвола, усмотрение закононо. Здесь следует согласиться с бывшим председателем Верховного Суда Израиля А. Бараком, определяющего усмотрение как полномочие, которое закон дает судье, чтобы сделать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна [3, с. 13]. Большинство российских ученых в своих работах рассматривают судебское усмотрение аналогично [4, с. 40–45; 5, с. 321–340; 6, с. 263–304; 7, с. 132–136; 8, с. 23].

Правильное установление пределов усмотрения обеспечивает его законность. Очевидно, что для судебного усмотрения границы должны устанавливаться только законами. Это согласуется с положением ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, которая устанавливает, что судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Однако это возвращает нас к тезису — закон не совершенен, в т.ч. и в части установления пределов судебного усмотрения. Обратимся к конкретным примерам.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает процедуры проверки законности судебных актов, вступивших в законную силу в кассационном порядке. В соответствии со ст. 401.3 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее — УПК РФ) существует две процедуры обжалования, зависящих от обжалуемого судебного решения.

1. Сплошная кассация, применяемая при обжаловании судебных решений, указанных в п. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ. В этом случае кассационная жалоба, представление подаются через суд первой инстанции и рассматриваются в порядке, установленном ст. 401.7 и 401.8 УПК РФ. Это обновленный порядок кассационного производства по уголовным делам, включенный в УПК РФ законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»² и вступивший в силу с момента начала действия кассационных судов общей юрисдикции, т.е. с 1 октября 2019 г.

2. Выборочная кассация, используемая при обжаловании судебных решений, указанных в п. 1 и п. 2 ч. 3 ст. 401.3 УПК РФ. Кассационная жалоба, представление подаются непосредственно в суд кассационной инстанции, полномочный рассматривать дело и рассматриваются по правилам ст. 401.10–401.12 УПК РФ. Ранее двухэтапный порядок выборочной кассации распространялся на все производство по проверке вступивших в законную силу решений по уголовным делам судом кассационной инстанции. С 1 октября 2019 г. процедура выборочной кассации сохранена для пересмотра промежуточных судебных решений по уголовным делам и для рассмотрения кассационных жалоб и представлений, поданных в Судебную коллегия по уголовным делам или Судебную коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, на судебные решения, если они до этого были предметом рассмотрения кассационного суда общей юрисдикции или кассационного военного суда.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921; Российская газета. 2019. 30 дек.

² См.: Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 42, ч. II, ст. 6375; 2018. № 47, ст. 7134.

В рамках выборочной кассации согласно ст. 401.10 УПК РФ кассационные жалоба, представление, поданные в соответствующий суд кассационной инстанции изучаются судьей данного суда единолично. По итогам такого изучения судья принимает одно из двух решений: об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (если отсутствуют основания для пересмотра судебных актов в кассационном порядке), или о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (ч. 2 ст. 401.10 УПК РФ). В случае принятия второго решения, дело рассматривается по существу судом кассационной инстанции коллегиально.

Таким образом, данная двухэтапная процедура проверки законности вступивших в законную силу судебных актов в кассационном порядке включает два уровня судебского усмотрения.

Первый уровень — судебское усмотрение судьи, изучающего кассационную жалобу, представление. Возникает вопрос — каков предмет такого изучения? Полагаем, что исходя из смысла решений, принимаемых судьей в соответствии с ч. 2 ст. 401.10 УПК РФ, предметом изучения является наличие либо отсутствие оснований для отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке. Представляется, что данный вывод верный, хотя закон напрямую не указывает на необходимость для судьи при изучении кассационных жалобы или представления установить наличие оснований для отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке. Логично предположить, что если принятие одного из двух решений требует установления отсутствия оснований для отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке, то принятие второго — установления их наличия. Данный вывод подкрепляется и позицией Верховного Суда РФ, который в п. 14 Постановления Пленума «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» обращает внимание, что при передаче дела для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции следует указывать на то, в чем именно выразились нарушения уголовного закона (неправильное его применение) и (или) нарушения уголовного-процессуального закона, а также мотивы, по которым их следует признать существенными, повлиявшими на исход дела³.

Следовательно, судьей единолично предварительно решается тот же вопрос, который в дальнейшем будет предметом рассмотрения коллегиального состава в судебном заседании суда кассационной инстанции. Положение лиц, подавших кассационную жалобу, представление зависит от того, какое решение примет судья, изучавший данные жалобу или представление. Отказ в передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции выполняет роль своеобразного «фильтра», преграждающего путь к следующему этапу — коллегиальному рассмотрению в судебном заседании. Учитывая, что ч. 4 ст. 30 УПК РФ устанавливает коллегиальное рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке получается, что при выборочной кассации поданные жалоба, представление, по которым судьям принял отрицательное решение, по существу судом кассационной инстанции не рассматриваются.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

Решение о передаче жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения судом кассационной инстанции в судебном заседании дает возможность подавшим такую жалобу или представление лицам перейти к следующему этапу.

Второй уровень — судебное усмотрение, выраженное в судебном решении суда кассационной инстанции и сформированное на основе судебского усмотрения каждого из судей, входящих в состав суда, рассматривающего дело в судебном заседании суда кассационной инстанции. Данный уровень имеет также и проверочное значение в отношении усмотрения судьи, изучавшего кассационные жалобу или представление и вынесшего решение о передаче дела для рассмотрения в судебном заседании.

Практикующими юристами и учеными ставился вопрос об оправданности существования в рамках процедуры выборочной кассации права судебского усмотрения, принадлежащего судье, единолично изучающему кассационные жалобу, представление, поскольку в отдельных случаях реализация этого полномочия преграждала заинтересованным лицам доступ к правосудию в суде кассационной инстанции. С одной стороны, подобный «фильтр» в выборочной кассации уменьшает количество дел, рассматриваемых коллегиально судом кассационной инстанции, за счет «отбраковки» жалоб, представлений, не содержащих оснований отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке. А это дает возможность соответствующему суду кассационной инстанции более тщательно рассматривать дела, переданные на его рассмотрение судьей.

С другой стороны, решение судьи может быть ошибочно. И, если вывод о наличии оснований для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке фактически проверяется в судебном заседании суда кассационной инстанции, то вывод об отсутствии оснований для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке такой проверки не проходит (за исключением случаев отмены соответствующего постановления судьи Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем). А ведь второе решение фактически затрудняет дальнейший доступ к правосудию.

Введенная с 1 октября 2019 г. процедура сплошной кассации в отличие от выборочной не предусматривает двухэтапности. В суде кассационной инстанции судья единолично рассматривает кассационную жалобу, представление лишь на предмет наличия или отсутствия оснований для их возвращения без рассмотрения. Здесь судья уже не решает вопрос о наличии или отсутствии оснований для пересмотра решения в кассационном порядке, т.к. это полномочие коллегиального состава суда кассационной инстанции. Следовательно, такой порядок предполагает значительно меньший объем усмотрения судьи, чем при выборочной кассации. Основное судебное усмотрение, при сплошной кассации, реализуется в судебном заседании коллегиальным составом суда.

Аналогичные изменения внесены в законодательство, регулирующее проверку законности судебных решений, вступивших в законную силу, в кассационном порядке по гражданским делам (гл. 41 Гражданского процессуального кодекса РФ⁴) и по административным делам (гл. 35 Кодекса административного судопро-

⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2019. № 30, ст. 4115.

изводства РФ⁵). В гражданском и административном судопроизводствах вместо ранее действовавшего единого двухэтапного порядка выборочной кассации созданы две процедуры: сплошной и выборочной кассации⁶.

Изменения, внесенные в процессуальное законодательство, позволяют сделать вывод о том, что законодатель не смог однозначно ответить на вопрос об оправданности существования дополнительного судебного усмотрения в рамках выборочной кассации. Если возможность такого усмотрения, существовавшая ранее, недостаток, то почему выборочная кассация не ликвидирована полностью? А иначе для чего введена сплошная кассация?

Полагаем, что проявленная законодателем осторожность и сохранение выборочной кассации наряду со сплошной в данном случае оправдана. Следует вспомнить, что современная кассация как процедура проверки законности вступивших в законную силу судебных решений, действует с момента вступления в законную силу изменений, которые были внесены в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ принятыми в декабре 2010 г. законами. На тот момент она восприняла двухэтапный и выборочный порядок от производства в суде надзорной инстанции. Сегодня практически вся накопленная правоприменительная практика — это практика функционирования двухэтапной системы, к которой накопилось немало вопросов. Но практика деятельности кассационных судов общей юрисдикции еще слишком незначительна для того, чтобы провести корректное сравнение сплошной и выборочной кассации и сделать вывод в пользу одной из них. Возможно, что принятые в 2018 г. изменения в процессуальные кодексы, предусматривающие совместное существование и сплошной и выборочной кассации, приведут к установлению искомого баланса судебного усмотрения в кассационном производстве.

Таким образом, решение вопроса о дальнейшем совершенствовании законодательства, в части регулирования процедуры проверки законности судебных решений, вступивших в законную силу, в кассационном порядке, должно основываться на изучении правоприменительной практики деятельности судов в изменившихся условиях. Это позволит более объективно оценить воздействие судебного усмотрения на качество отправления правосудия и законодательно закрепить оптимальные пределы такого усмотрения.

Библиографический список

1. Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2009. 128 с.
2. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. 176 с.
3. Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 364 с.
4. Горевой Е.Д. Внутреннее судейское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2008. 136 с.
5. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судейское усмотрение. М.: Юрлитинформ, 2009. 344 с.

⁵ См.: Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391; 2019. № 49, ч. V, ст. 6965.

⁶ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 17 октября 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49, ч. I, ст. 7523; 2019. № 42, ч. II, ст. 5808.

6. *Климова Г.З., Сенякин И.Н.* Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 344 с.

7. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист, 2006. 174 с.

8. *Сенякин И.Н., Степин А.Б., Подмосковный В.Д.* Судебное усмотрение в частном праве. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 240 с.

References

1. *Guk P.A.* Judicial Precedent: Theory and Practice. Moscow: Yurlitinform, 2009. 128 p.
2. *Abushenko D.B.* Judicial Discretion in Civil and Arbitration Proceedings. Moscow: Norma, 2002. 176 p.

3. *Barak A.* Judicial Discretion. Moscow: Norma, 1999. 364 p.

4. *Gorevoy E.D.* Internal Judicial Conviction in the Evaluation of Evidence in Criminal Cases. Moscow: Yurlitinform, 2008. 136 p.

5. *Kaufman M.A.* Gaps in Criminal Law and Judicial Discretion. Moscow: Yurlitinform, 2009. 344 p.

6. *Klimova G.Z., Senyakin I.N.* Rehabilitation as a Legal Institution (questions of theory and practice). Saratov: Publishing House of the Saratov state Academy of law, 2005. 344 p.

7. *Lupinskaya P.A.* Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation and Practice. Moscow: Yurist, 2006. 174 p.

8. *Senyakin I.N., Stepin A.B., Podmoskovny V.D.* Judicial Discretion in Private law. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2005. 240 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10023

УДК 347.963

С.Е. Якушева, Н.В. Желоков

О НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: защита прав и свобод граждан является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Главным условием доверия граждан органам прокуратуры является ее открытость и доступность. Также во многом авторитет органов прокуратуры обусловлен личностными качествами ее сотрудников, и в первую очередь морально-этическими качествами. В связи с чем поднимается вопрос правильного подбора персонала, оценка как личностных, так и профессиональных качеств сотрудников. **Цель:** на основе анализа мнений ряда ученых и проведенного социологического исследования определить вопрос сочетания нравственных начал и правовых основ в деятельности сотрудников прокуратуры. **Методологическая основа:** применялись системно-структурный, формально-логический, социологический, сравнительно-правовой, диалектический методы научного познания, которые позволяют полно и всесторонне исследовать нравственные начала в деятельности сотрудников прокуратуры. **Результаты:** на основе проведенного социологического исследования, респондентами которого стали студенты Академии и работники прокуратуры, предпринята попытка показать сходство и отличие в понимании таких категорий, как «мораль», «нравственность», «нравственные начала в деятельности работника прокуратуры». **Выводы:** властные полномочия, предоставленные прокурорам, многократно повышают их ответственность перед обществом. Моральная атмосфера в органах прокуратуры напрямую влияет на общественное мнение, авторитет служащих единой централизованной системы органов прокуратуры.

В целях укрепления авторитета органов прокуратуры, воспитания в молодых сотрудниках высоких морально-нравственных качеств необходим поиск путей повышения нравственной культуры, следование им в повседневной служебной деятельности. Работу с кадрами следует рассматривать как один из инструментов формирования высоких морально-этических качеств сотрудников прокурорской системы.

Ключевые слова: мораль, правовая культура, нравственность, морально-этические качества, справедливость, гуманность, прокуратура, прокурор, уголовное судопроизводство, требования к сотрудникам прокуратуры, нравственные качества прокурора, моральные принципы.

© Якушева Светлана Евгеньевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: don800@rambler.ru

© Желоков Николай Вячеславович, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zhelokov2007@mail.ru

© Yakusheva Svetlana Evgenevna, 2020

Candidate of law, Associate professor, Prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

© Zhelokov Nikolai Vyacheslavovich, 2020

Candidate of law, Associate professor, Criminal and penal law department (Saratov State Law Academy)

S.E. Yakusheva, N.V. Zhelokov

ON THE MORAL PRINCIPLES OF PROSECUTORIAL ACTIVITY

Background: the protection of the rights and freedoms of citizens is one of the priority areas of activity of prosecution bodies. The main condition for trusting citizens to the prosecution authorities is its openness and accessibility. Also, the authority of the prosecution authorities is largely due to the personal qualities of its employees, and primarily to its moral and ethical qualities. In this connection, the question of the correct selection of personnel, assessment of both personal and professional qualities of employees arises. **Objective:** based on an analysis of the opinions of a number of scientists and a sociological study to define the combination of moral principles and legal foundations in the activities of prosecutors. **Methodology:** system-structural, formal-logical, sociological, comparative-legal, dialectical methods of scientific knowledge were applied, which allow us to fully and comprehensively study the moral principles in the activities of prosecutors. **Results:** on the basis of a sociological study, the respondents of which were students of the Academy and prosecutors, an attempt was made to show similarities and differences in the understanding of such categories as "morality", "ethics", "moral principles in the activities of the prosecutor's employee". **Conclusions:** authoritative powers granted to prosecutors greatly increase their responsibility to society. The moral atmosphere in the prosecution authorities directly affects public opinion, the authority of employees of a single centralized system of prosecution authorities.

In order to strengthen the authority of the prosecution authorities, to educate high moral standards in young employees, it is necessary to search for the ways to increase the moral culture, and to follow them in everyday work. Work with personnel should be considered as one of the tools for the formation of high moral and ethical qualities of the staff of the prosecution system.

Key-words: morals, legal culture, morality, moral and ethical qualities, justice, humanity, prosecutor's office, prosecutor, criminal trial, requirements to the staff of prosecutor's office, moral qualities of the prosecutor, moral principles.

*Во главе управления должны стоять люди,
абсолютно наилучшие во всех отношениях.
Аристотель (384–322 гг. до н. э.)*

Проблема взаимодействия власти и морали является одной из сложнейших в жизни общества. Становление правового государства и гражданского общества во многом зависит от уровня правовой культуры и нравственных устоев, сложившихся в государстве и обществе. Как верно отмечает профессор О.И. Цыбулевская, «...нравственные устои конкретного общества представляют собой совокупность нравственных воззрений, норм, отношений и ценностей, сложившихся на всей совокупности особенностей национально-исторического, социально-структурного, политического, культурного развития социума. И даже при всей относительности моральных ценностей, плюрализме нравственных оценок государственно-организованное общество всегда основывалось и существует на особом официально признанном и закреплённом в нормах права минимуме социально устойчивой морали» [1, с. 188].

Правовая культура складывается непосредственно из профессионально-этических качеств должностного лица и каждого гражданина в целом. Одним

из направлений национальной безопасности государства на сегодняшний день является разработка верного курса государственной политики в области духовного и нравственного воспитания законопослушных граждан. К сожалению, можно констатировать снижение уровня доверия ко всем государственным, в т.ч. правоохранительным органам, рост правового нигилизма, и, как следствие, низкий уровень правовой и нравственной культуры государственных служащих.

Человеческий фактор был, есть и остается определяющим в прокурорской службе. Прокуратура — государственный орган, история существования которого насчитывает почти 300 лет. «История российской государственности свидетельствует о том, что во все времена потрясений и перемен, определявших выбор пути нашего Отечества, особую роль играла именно прокуратура. На протяжении нескольких исторических эпох прокуратура шла по пути к формированию такого мировоззрения, в котором объединились бы правопослушание и следование правилам нравственности, заложенным еще в библейских заповедях. Строгость и гуманность — вот те два краеугольных камня, тот фундамент, на которых строилась и держалась российская прокуратура» [2, с. 42].

Защита прав, свобод и законных интересов как отдельных граждан, так и защита интересов общества, и государства в целом проходят «красной нитью» по всей деятельности органов прокуратуры, при этом касаясь не только прокурорского надзора как основной функции прокуратуры, но и будучи составной частью ее иных функций [3, с. 3]. Именно в этом заключается социальный характер службы в органах прокуратуры.

Государство нуждается в действенном механизме регулирования поведения людей, для чего устанавливаются правила поведения, закрепляемые в нормах права, общество в этих же целях определяет моральные и нравственные устои, причем, во всех сферах общественной жизни. Не является исключением и российская прокуратура, к работникам которой всегда предъявлялись высокие морально-нравственные требования.

Следует согласиться с мнением А. Звягинцева в том, что «...защита интересов каждого гражданина и всего государства — основополагающий принцип, к которому стремились и стремятся поколения российских прокуроров. Работа прокурора является одной из наиболее сложных и социально значимых юридических специальностей. ... Главным условием доверия населения к прокуратуре, ее имиджа в обществе выступает повседневная практика, умение прокуроров оправдать ожидания граждан. В связи с этим огромное значение имеют открытость прокуратуры обществу, прозрачность ее практических действий в области борьбы с преступностью и нарушениями законности, научное осмысление ее роли в укреплении законности и правопорядка. Основополагающие принципы правоприменения базируются на нравственных требованиях справедливости, гуманности, охраны конституционных прав, чести и достоинства человека. Именно поэтому система органов прокуратуры должна быть едина в стремлении звать к «человеческому в человеке» и объединять свои усилия для восстановления и укрепления духовных и нравственных начал жизни» [2, с. 42]. Критерием нравственности при этом можно считать отношение личности к общественному благу, т.к. общество — есть продукт взаимодействия индивидов в процессе совместной деятельности.

Морально-этические качества каждого прокурора — фундамент, основа построения работы всей единой централизованной системы органов прокуратуры российского государства.

Деятельность сотрудника правоохранительных органов, а тем более сотрудника органов прокуратуры — сложная совокупность объективных и субъективных компонентов. И мораль только тогда выступает регулятором поведения для прокурора, своеобразным «определителем» нравственности всех его поступков, когда те или иные нравственные нормы, нравственные ценности восприняты самим человеком, стали его собственными личностными ценностями» [1, с. 189].

Таким образом, многие принципы, а точнее вопросы профессиональной этики, официально признанные, не могут навязываться со стороны государства прокурорским работникам, ведь выбор они должны сделать в первую очередь сами, и в дальнейшем осознанно отвечать за свои действия и поступки. При этом о высокой нравственности работников прокуратуры следует говорить лишь тогда, когда внутренняя политика государства направлена на создание «равной жесткой требовательности ко всем нарушителям нравственных норм, а также на создание надежной социальной, экономической и правовой защиты служителей закона» [4, с. 53]. Действительно, реализация моральных принципов и норм прокурором напрямую связана с его личным осознанием своего особого социального статуса, своего исключительного положения в системе органов государственной власти и обществе в целом. При этом мораль работника органов прокуратуры, в отличие от других членов общества, не может базироваться лишь на его собственном представлении о добре и зле, т.к. связана главным образом с общественными потребностями.

Считаем важным остановиться на вопросе подбора кадров с учетом особенностей службы в органах прокуратуры.

Прокуратура Российской Федерации традиционно являлась так называемым «государственным поверенным в делах законности». Работников прокуратуры и сегодня нередко называют «слуги государевы». А прокуратура в целом, не относясь ни к одной ветви власти и обладая при этом довольно обширными полномочиями, действуя только ей присущими методами и средствами, занимает важнейшее место в государственном механизме.

Люди все чаще обращаются в органы прокуратуры, в поисках истины, наконец, в поисках элементарной поддержки. Находят ли они поддержку? Насколько эффективна помощь прокуратуры? К сожалению, современная российская прокуратура далека от совершенства. Эффективность ее деятельности зависит от каждого сотрудника в отдельности. И как никогда раньше остро стоит проблема кадрового обеспечения прокуратуры. В частности, профессор В. Джатиев предположил, что «...причина вовсе не в том, что нет высококвалифицированных и морально устойчивых специалистов, а в недостатках практики их подбора» [5, с. 32].

Более десяти лет назад, в 2008 г. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка в интервью журналу «Закон» привел сведения относительно распределения прокурорских работников по стажу работы в органах прокуратуры: так, оказалось, что количество имеющих стаж до трех лет составляет 17,5%; от 3 до 10 лет — 46,4%; свыше 10 лет — 36,1%¹.

¹ Интервью Ю. Чайка журналу «Закон». URL: <http://www.rg.ru/2008/12/23/chajka.html> \t “_blank (дата обращения: 10.08.2019).

В ст. 40.1. ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» установлены ограничения при приеме на службу в органы прокуратуры: наличие иностранного гражданства, наличие судимости и др.² Также в качестве одного из условий приема на данную службу следует назвать требование о прохождении испытательного срока в целях проверки соответствия занимаемой должности. Формально это все «препоны», которые установлены законодательством РФ для лиц желающих служить в органах прокуратуры [6, с. 8].

Однако когда соответствующий кадровый орган принимает решение о рекомендации гражданина к назначению на определенную должность, он при этом тщательно изучает, и впоследствии учитывает морально-этические качества претендента, сведения о его близких родственниках и биографические данные в целом, что нередко создает дополнительные сложности будущим сотрудникам прокуратуры.

Дипломированный выпускник, по определению, обязан обладать высоким уровнем знаний законодательства Российской Федерации, знать и соблюдать нормы этики прокурорского работника, регламент работы со служебной информацией, основы делопроизводства. Также он должен иметь представление о навыках управления персоналом; уметь эффективно распределять рабочее время; анализировать нормы законодательства и применять его; иметь навык подготовки делового письма. Будущий работник должен уметь пользоваться компьютерной техникой и необходимыми программными продуктами.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации устанавливаются квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей сотрудниками органов прокуратуры Российской Федерации³. Стоит отметить, что назначение прокуроров на должность, их подчиненность осуществляется на четко структурированном уровне.

Прокуратура субъекта в каждом конкретном случае определяет, кто войдет в будущий коллектив на местах. Прокуратура — один из немногих государственных органов, в котором процедура подбора кадров проходит весьма сложно.

В последние годы проверке морально-этических качеств претендентов уделяется значительное внимание. Как никогда усложняются задания психологических тестирований с целью установления дальнейшей профессиональной пригодности лица. Работодатель должен быть полностью уверен в способностях прокурора исполнять возлагаемые на него служебные обязанности. Конечно существует ряд негласных, формально не определенных факторов, но объективно влияющих на службу в органах в дальнейшем. Здесь стоит отметить в первую очередь биографические данные, сведения о родственниках, а именно о привлечении близких родственников ко всем видам ответственности. Географическое расположение региона, — потенциального места работы, — это то же имеет важное значение. Все это неизбежно приводит к выводу, что кадровые органы с особой тщательностью отбирают будущих служителей закона. На службу принимают

² См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; 2019. № 30, ст. 4107.

³ См.: Приказ Генеральной прокуратуры России от 10 декабря 2012 г. № 443 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими органов прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2013. № 2.

лучших, достойнейших, которые будут свято беречь и приумножать традиции прокуратуры. При отборе сотрудников, кадровые органы в первую очередь обращают внимание на нравственные свойства личности, профессиональные качества будущего прокурора. Важнейшую роль при этом играет уровень органа прокуратуры в прокурорской системе, где будут формироваться особенности профессиональной деятельности молодого сотрудника.

В наибольшей степени нравственные устои прокурорского работника проявляются при осуществлении им такой важнейшей функции, как участие в судах.

Так, говоря об участии в уголовном судопроизводстве, Н.М. Яковлев отметил, что будучи государственным обвинителем, «... прокурор должен поддерживать обвинение, защищая права жертв преступлений, опираясь не только на уголовное, уголовно-процессуальное законодательство, но и в том числе на всю палитру нравственно-этических устоев гражданского общества, свое цивилизованное мироощущение, свой положительный жизненный опыт и правильное понимание сути правоприменения закона» [7, с. 28]. При этом государственный обвинитель обязан четко и убедительно излагать свои аргументы и доводы в обоснование занимаемой позиции, не придерживаясь лишь обвинительной точки зрения, а взвешивая все обстоятельства дела, устанавливая объективную истину, тем самым обеспечивая законность уголовного судопроизводства. «Бездоказательное обвинение — верный признак беззакония» [5, с. 31].

«Эффективность достижения цели в уголовном судопроизводстве зависит от нравственных качеств прокурора, их правильного понимания, уяснения и неуклонного выполнения ими предписаний уголовно-процессуального закона, направленного на обеспечение прав и законных интересов участников процесса, что напрямую связано с уровнем их правосознания. Соблюдение простых норм нравственности — одно из обязательных условий должной морали любого человека и определения уровня его правосознания. Искажение их в личностной морали прокурора деформирует сам смысл его служения интересам государства, общества и конкретных граждан» [8, с. 167].

Но что понимают сами сотрудники органов прокуратуры под нравственностью и моралью? Сотрудникам прокуратуры города Саратова и студентам выпускного курса Саратовской государственной юридической академии было предложено ответить на ряд вопросов анкеты. В опросе приняло участие 62 респондента, из них 15 — сотрудники прокуратуры, 47 — студенты.

Удивительно, но большинство сотрудников уже после прочтения первого вопроса оказались в полном замешательстве, потому что с трудом представляли, что такое нравственность. Студенты же, напротив, весьма развернуто дали определение нравственности. Мнения распределились следующим образом: нравственность сотрудники прокуратуры охарактеризовали как внутренние духовные качества человека и этические нормы, которыми человек руководствуется; совокупность норм и правил поведения, признанная абсолютным большинством общества; это и отношение к себе. Наиболее ценными представляются мнения четырех сотрудников (26,6%): нравственность — это «моральная чистота»; нравственность — это «разум сердца»; наконец, нравственность — «это истинная, совершенно здоровая природа человека». Студенты, в свою очередь, указали, что нравственность — качество человека, которое не дает ему идти против интересов общества, государства; субъективное отношение индивида к явлениям окружающей действительности; нравственность — внутренний мир

человека, не позволяющий ему нарушать права и интересы других. Учащиеся полагают, что это также: ответственность за себя, своих близких и окружающих; духовность и вера.

В последующем в ответе на вопрос о соответствии поведения сотрудников правоохранительных органов общим нормам морали, за редким исключением, наблюдалось единодушие как среди студентов, так и работников, лишь 13% сотрудников прокуратуры и 25% студентов считают, что соответствует. Остальные же категоричны в своем выборе: поведение работников не соответствует, в особенности, сотрудников МВД. Тем не менее, в адрес прокуроров, а в некоторых случаях судей студенты высказались положительно, т.к. только их поведение соответствует нормам морали и нравственности, 5% опрошенных студентов даже составили «рейтинг поведения», согласно которому, на первом месте — прокуроры, на втором — судьи, а на последнем — сотрудники полиции. Стоит отметить, что большинство учащихся ссылались на опыт, полученный в результате прохождения производственной практики. Сотрудники органов прокуратуры оставили наиболее благоприятное впечатление о своих морально-этических качествах. Однако 4% респондентов в лице студентов утверждают, что СМИ умышленно и безосновательно создают негативный образ сотрудника правоохранительных органов без видимых на то причин, кроме того, стремятся на конкретном негативном примере опорочить всю систему правоохранительных органов страны. «Просто многие хотят запятнать репутацию слухами среди населения; между тем, когда случается, что работник правоохранительных органов нарушают нормы морали, об этом «кричат», а про добросовестную работу забывают и «молчат», — таков менталитет российского населения, порочащий облик работников правоохранительных органов». Оказалось, что в «арсенале» студентов нашлись и весьма резкие высказывания: «сотрудники забывают о своем предназначении, работают в своих личных интересах; часто их поведение соответствует поведению криминальных структур». По мнению одного из опрошенных, «сотрудники, борясь со злом, постепенно уподобляются ему, становясь злом еще большим, чем то, которое они должны предотвращать».

Среди общих единичных вопросов, заданных исключительно сотрудникам прокуратуры, особой откровенности в ответе потребовал, на наш взгляд, такой: часто ли Вам приходится идти вразрез со своими моральными принципами? Тем не менее, 10 сотрудников (66,7%) написали категорическое «нет». Остальным редко, но приходилось идти вразрез со своими моральными принципами, признались они.

А какими же моральными принципами руководствуются респонденты, какими видят основные принципы профессиональной этики прокурора? Ответы представились весьма разнообразные: это, во-первых, строгое неукоснительное соблюдение закона, внимательность и уважение к человеку, забота о человеке; честность, справедливость, скромность, неподкупность, требовательность. Это также принципы профессионализма и речевой этики; ответственности, принцип свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры, дорожить честью работника прокуратуры. Отдельно стоит указать принцип соблюдения справедливости при решении судеб людей, умение сохранять чувство собственного достоинства при отсутствии снобизма, принцип приоритета служебной необходимости над личными амбициями и интересами. Студенты добавили к принципам такие, как терпеливость, решительность и упорство, целеустремлен-

ность, благородство и верность Конституции и законам Российской Федерации. Некоторые из представителей прокуратуры (20%) считают, что стоит руководствоваться принципами, сформулированными в ст. 40.4 Федерального закона «О прокуратуре РФ».

Тем не менее, в значимости действующего Кодекса этики прокурорского работника уверены многие. И вновь несколько человек выразили такую точку зрения, согласно которой нужно ссылаться на базовый закон: все самое главное содержится в Присяге, которую приносит прокурор. Один человек предположил, что все зависит от внутренних качеств человека.

Нравственные начала в деятельности работника прокуратуры... Как же распределились мнения на ключевой вопрос анкеты? Оказывается, для прокурорских работников принципы профессиональной этики и нравственные основания — в сущности, тождественные понятия, впрочем, как и для студентов. Тем не менее наряду с честностью, бескорыстием, беспристрастностью, добропорядочностью, воспитанностью, важнейшими структурными компонентами профессиональной этики выступают идейные устремления, волевые качества, доброта; умение находить общий язык с людьми, принципиальность.

Для учащихся нравственные начала кроются в основополагающих идеях, создающих этическую направленность при выполнении ими своих должностных обязанностей. Согласно мнению одного из студентов, «нравственные начала — это всегда такие начала, когда работник должен не отступать от общих норм, не идти в противоречие с ними; руководствоваться честью, совестью и законодательством. Нравственные начала в деятельности прокурора — для работников — первостепенно, высокий профессионализм, «высокий профессионализм — обращенное в профессию творчество». Наконец, нравственные начала были определены как, во-первых, «сам человек, затем — общество и государство». Действительно, правосознание и духовность — основа государственности.

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1) властные полномочия, предоставленные прокурорам, многократно повышают их ответственность перед обществом. Моральная атмосфера в органах прокуратуры напрямую влияет на общественное мнение, авторитет служащих единой централизованной системы органов прокуратуры;

2) на сегодняшний день попрежнему остается актуальной проблема невысокой нравственной, политической и правовой культуры государственных служащих. Это напрямую относится и к сотрудникам органов прокуратуры. Поиски путей повышения нравственной культуры, следование им в повседневной служебной деятельности требуют дальнейших научных исследований в области теории и практики.

Библиографический список

1. *Цыбулевская О.И.* Нравственные основания современного российского права / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004. 218 с.
2. *Звягинцев А.* Правосознание и духовность как основа государственности // *Законность.* 2008. № 2. С. 42–46.
3. *Цыбулевская О.И.* Мораль; Право; Власть / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2004. 124 с.

4. *Шувалова Н.Н.* Этика и этикет государственной и муниципальной службы: учебник. М.: Юрайт, 2015. 374 с.
5. *Джатиев В.* Зачем России прокуратура? // Законность. 2008. № 8. С. 30–32.
6. *Цуканов О.* Кадровый резерв для прокуратуры // Домашний адвокат. 2007. № 2. С. 8–12.
7. *Яковлев Н.М.* Нравственные основы формирования современного правового сознания прокуроров как необходимое условие обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Безопасность бизнеса. 2006. № 4. С. 28–37.
8. Государственная служба: нравственные основы, профессиональная этика: учебное пособие. М., 2016. 211 с.

References

1. *Tsybulevskaya O.I.* The Moral Bases of Modern Russian Law / Under the editorship of Matuzov N.I. Saratov: SGAP, 2004. 218 p.
2. *Zvyagintsev A.* Sense of Justice and Spirituality as Statehood Basis//Legality. 2008. No. 2. P. 42–46.
3. *Tsybulevskaya O.I.* Morals; Law; Power / Under the editorship of N.I. Matuzov. Volga region academy of public service named after P.A. Stolypin. Saratov: Volga region academy of public service named after P.A. Stolypin, 2004. 124 p.
4. *Shuvalova N.N.* Ethics and Etiquette of the Public and Municipal Service: textbook. M.: prod. Uright, 2015. 374 p.
5. *Dzhatiyev V.* Why Is Prosecutor's Office for Russia?//Legality. 2008. No. 8. P. 30–32.
6. *Tsukanov O.* Personnel Reserve for the Prosecutor's Office //the House lawyer. 2007. No. 2. P. 8–12.
7. *Yakovlev N.M.* Moral Bases of Formation of Modern Legal Consciousness of Prosecutors as a Necessary Condition of Ensuring Rights, Freedoms and Legitimate Interests of Participants of Criminal Trial//Safety of business. 2006. No. 4. P. 28-37.
8. Public Service: Moral Bases, Professional Ethics: textbook. M., 2016. 211 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10024
УДК 336.22

В.В. Попов, Е.Г. Тришина

О РАЗЪЯСНЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ РФ И ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ ПО ВОПРОСУ УПЛАТЫ НАЛОГА ИНЫМИ ЛИЦАМИ В БЮДЖЕТ*

Введение: данная статья опирается на исследования особенностей уплаты налогов за налогоплательщиков иными лицами, в т.ч. учитываются цифровые технологии. Данные новеллы, внесенные в Налоговый кодекс РФ, были введены в действие с 1 января 2017 г. Однако законодательные положения являются слишком общими и нуждаются в систематических разъяснениях со стороны Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы. В статье анализируются правовые позиции указанных органов относительно норм Налогового кодекса РФ, касающихся тематики исследования. **Цель:** уяснение позиций Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы, связанных с возможностью уплаты налогов иными лицами и их соответствие общему смыслу фискальной политики Российского государства. **Объектом** исследования являются общественные отношения в сфере налогообложения, связанные с уплатой налогов за налогоплательщиков иными лицами. **Методологическая основа:** автором используются как общенаучные методы (анализа), так и специальные методы (сравнительно-правовой). **Результаты:** при проведении исследования выявлено, что под понятие «иные лица» подпадают и физические лица, и организации. Дополнение ст. 45 Налогового кодекса РФ правомочием иных лиц платить налоги за налогоплательщиков отвечает как налоговым интересам страны, так и частным интересам налогоплательщиков субъектов. **Выводы:** введение в субъектный состав налоговых правоотношений иных лиц вполне обоснованно, хотя при этом признак индивидуальности уплаты налога, закрепленный в ст. 8 Налогового кодекса РФ

© Попов Василий Валерьевич, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vpopov1970@rambler.ru

© Тришина Елена Геннадьевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: obyana@bk.ru

© Popov Vasily Valeryevich, 2020

Doctor of law, Professor, Professor of Financial, banking and customs law department имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Saratov State Law Academy)

© Trishina Elena Gennadievna, 2020

Candidate of law, Associate professor, Associate professor, Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики».

входит в противоречие со смыслом ст. 45 в части ее дополнения иными лицами. Что касается правовых позиций Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы, их правовые акты не лишены правовых и технических упущений и противоречий в рамках собственных же подходов федеральных ведомств.

Ключевые слова: налог, уплата, обязанность, налогоплательщик, иные лица, уполномоченные органы, правовые позиции.

V. V. Popov, E. G. Trishina

**ON CLARIFICATIONS OF THE MINISTRY OF FINANCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FEDERAL
TAX SERVICE REGARDING THE PAYMENT OF TAX
BY OTHER PERSONS TO THE BUDGET**

Background: the article is related to the study of tax payment features for tax payers by other persons, taking into account digital technologies. These novelties introduced in the Tax Code of the Russian Federation were put into effect on January 1, 2017. However, the legislative provisions are too general and need to be systematically clarified by the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Federal Tax Service. The article analyzes the legal positions of these bodies in relation to the norms of the Tax Code of the Russian Federation regarding research topics. **Objective:** clarification of the positions of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Federal Tax Service related to the possibility of paying taxes by other persons and their compliance with the general sense of the fiscal policy of the Russian state. The object of the study is public relations in the field of taxation related to the payment of taxes for taxpayers by other persons. **Methodology:** the authors use both general scientific methods (analysis), and special methods (comparative and legal). **Results:** in the course of the research it was revealed that both individuals and organizations fall under the concept of "other persons". The addition of Article 45 of the Tax Code of the Russian Federation with the power of other persons to pay taxes for taxpayers meets both the tax interests of the country and the private interests of taxable entities. **Conclusions:** the introduction of other entities into the subject matter of tax relations is quite justified, although at the same time the sign of individuality of tax payment is enshrined in art. 8 of the Tax Code of the Russian Federation is in conflict with the context of Art. 45 regarding the fact of its addition by other persons. As for the legal positions of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Federal Tax Service, their legal acts are not without legal and technical omissions and contradictions within the framework of their own approaches of the federal departments.

Key-words: tax, payment, duty, taxpayer, other persons, authorized bodies, legal positions.

В законодательство о налогах и сборах законодатель периодически вносит новеллы. Так, в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ¹ в ст. 45 Налогового кодекса РФ² (далее — НК РФ) были включены дополнения, касающиеся возможности уплаты налога за налогоплательщиков иными лицами. Предоставление такой возможности имеет два аспекта: во-первых, государство в большей степени решает проблему налоговых недоимок со стороны налогообязанных субъектов, т.к. их наличие влечет необходимость объявления

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 49, ст. 6844.

² См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; 2019. № 31, ст. 4428.

налоговых амнистий, с другой стороны, добросовестные налогоплательщики получают возможность прибегнуть к помощи других субъектов в целях уплаты возложенных на них налогов, чтобы избежать претензий со стороны фискальных органов [1, с. 25–28].

Однако при этом стоит признать, что таким образом один из признаков налога, индивидуальность уплаты (ст. 8 НК РФ) — уже не характеризует платеж в полной мере, если уплата производится не самим налогоплательщиком, а иными лицами [2, с. 261–262; 3, с. 17–19].

Конечно же, поскольку положения ст. 45 НК РФ не были конкретизированы, в период, прошедший со вступления названного федерального закона в действие, уполномоченными федеральными органами (Минфином России и ФНС России) были приняты многочисленные акты, разъясняющие принятые дополнения. Иначе бы это нарушало принцип определенности, закрепленный в ст. 3 НК РФ [4, с. 227].

Так, ФНС России 6 февраля 2017 г. проинформировала, что при уплате налога иным лицом важно, чтобы платежные документы позволяли идентифицировать тот факт, что деньги уплачены именно за налогоплательщика, для чего в поле «ИНН плательщика» следует указывать ИНН самого налогоплательщика или «0» при его отсутствии, а не фактического плательщика. Что касается последнего, сведения о нем (название организации либо ФИО физического лица) указываются в поле «Плательщик», а в поле «Назначение платежа» — соответствующие ИНН и КПП или только ИНН фактического плательщика, а также наименование или ФИО налогоплательщика. Причем оплату можно осуществить в платежных терминалах банков, непосредственно в кредитных организациях и в почтовых отделениях. В свете цифровизации экономики и сферы налогообложения налоговое ведомство разрешило использование интернет-сервиса «Заплати налоги» по реквизитам налогового уведомления через онлайн-сервисы банков, заключивших соглашение с ФНС России, при наличии электронной банковской карты. При этом для физических лиц возможность оплаты налогов за иное лицо посредством интернет-сервиса «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц» отсутствует³, что является техническим упущением ФНС России.

Исходя из рассмотренной позиции ФНС России, возникает вполне правомерный вопрос, можно ли зачесть переплату по излишне уплаченным, а также излишне взысканным налогам, пеням и штрафам в счет предстоящих платежей или погашения недоимки, задолженности по пеням и штрафам за иного лица-налогоплательщика, что было бы в тренде используемого фискального подхода. Однако Минфин России в Письме от 6 марта 2017 г. № 03-02-08/12572⁴ «О зачете излишне уплаченных (взысканных) налогов, сборов, пеней и штрафов» пояснил, что поскольку НК РФ не предусмотрен зачет в счет предстоящих платежей или погашения недоимки, задолженности по пеням и штрафам иного лица, потому этого делать нельзя. То есть федеральный финансовый орган не рискнул расширительно толковать нормы ст. 45 НК РФ в силу отсутствия прямого указания на это в кодифицированном акте.

³ О налоговых платежах, перечисленных иным лицом. URL: https://www.nalog.ru/rn53/news/activities_fts/6417305/ (дата обращения: 15.08.2019).

⁴ См.: URL: <https://www.audit-it.ru/law/account/902785.html> (дата обращения: 15.08.2019).

На открытый перечень иных лиц ФНС России обратила внимание в Письме от 11 мая 2017 г. № ГД-4-8/8767@, констатируя, что таким субъектом может стать любое лицо⁵.

Впоследствии в Письме от 25 января 2018 г. N ЗН-3-22/478@⁶ ФНС России конкретизировала свою позицию и информацию от 6 февраля 2017 года. Согласно мнению налогового ведомства, ст. 45 НК РФ не содержит ограничений в части перечисления налогов иными лицами. К примеру, одни организации могут со своих счетов оплачивать налоги за другие организации, а руководители возглавляемых ими организаций могут уплатить налоги за счет собственных средств за названных налогоплательщиков. Значимым аспектом как полагает налоговое ведомство, является то, что не имеет значения, какими гражданско-правовыми основаниями связаны налогоплательщик и иное лицо для осуществления платежа. Главное, чтобы платежный документ был заполнен правильно и позволял четко определить, чья обязанность по уплате налога исполнена.

В продолжении налоговое ведомство Письмом от 15 сентября 2017 г. № БС-4-21/18529@⁷ обозначило критерий, повторенный в Письме от 25 января 2018 г. N ЗН-3-22/478@, что т.к. специальные нормы, которые бы регулировали отношения между налогоплательщиками и иными лицами, в НК РФ отсутствуют, они могут регулироваться нормами гражданского законодательства на основе принципа свободы договорной правосубъектности данных сторон для целей уплаты налогов.

Стоит обратить внимание, что еще 12 ноября 2013 г. Приказом Минфина России № 107н были утверждены Правила указания информации в реквизитах распоряжений о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему РФ, которые предусматривают порядок оформления платежных документов при уплате налогов иными лицами. Это связано с тем, что НК РФ до принятия Федерального закона от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ закреплял закрытый перечень лиц, на которых накладывалась обязанность уплаты налога за налогоплательщиков. К ним, в частности, относились законные представители и опекуны. Так, на основании ст. 51 НК РФ уплату налога за физическое лицо, признанное безвестно отсутствующим, исполняет лицо, уполномоченное на то органом опеки и попечительства, а за недееспособное лицо — его опекун. Отличие состоит в том, что обязанность исполняется за счет денежных средств самих безвестно отсутствующих и недееспособных лиц, но порядок уплаты, по сути, схож с ранее обозначенными правилами. Также необходимо указать, что на основании ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1⁸ «О банках и банковской деятельности» перечисление денег за организацию возможно физическим лицом лишь в безналичной денежной форме.

В целях реализации государственных фискальных интересов Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием на-

⁵ См.: Письмо от 11 мая 2017 г. № ГД-4-8/8767@ «Об урегулировании задолженности бюджетных учреждений». URL: <https://www.klerk.ru/doc/463343/> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶ URL: <http://www.v2b.ru/documents/pismo-fns-rf-ot-25-01-2018-zn-3-22-478/> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷ URL: <https://www.klerk.ru/doc/466804/> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸ См.: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6, ст. 492; 2019. № 30, ст. 4151.

логового администрирования»⁹ п. 7 ст. 45 НК РФ был дополнен информацией, что при обнаружении налогоплательщиком (иным лицом, представившем в банк поручение на перечисление налога за налогоплательщика) ошибки в документе, не повлекшем неперечисление платежа в бюджетную систему РФ, налогоплательщику предоставляется право в течение трех лет с даты перечисления представить в налоговый орган по месту учета заявление об уточнении платежа с приложением подтверждающих документов, для уточнения основания, типа, принадлежности платежа, налогового периода, статуса плательщика и счета Федерального казначейства. Заявление может быть направлено в традиционной форме на бумажном носителе либо в электронной форме с усиленной квалифицированной электронной подписью по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика. Сама формулировка последних положений дает основание полагать, что с заявлением может обратиться лишь налогоплательщик. Хотя и иное лицо должно быть наделено таким правомочием, поскольку, как правило, является таким же налогоплательщиком и соответственно имеет доступ в личный кабинет.

В Налоговом кодексе РФ закреплено, что иное лицо не вправе требовать возврата из бюджетной системы РФ уплаченного за налогоплательщика налогового платежа. Такой же позиции придерживается и Минфин России. Тем не менее, его позиция совершенно противоположна относительно возврата неналоговых платежей, ошибочно уплаченных иными лицами за субъектов, обязанных произвести оплату таких платежей. В частности, в Письме от 21 мая 2018 г. № 23-01-06/34205¹⁰ на имя заместителя руководителя Федерального казначейства федеральный финансовый орган подчеркнул, что по вопросу правомерности возврата администраторами доходов бюджетов излишне или ошибочно уплаченных сумм неналоговых платежей плательщикам — третьим лицам, осуществившим такой платеж (к примеру, арендную плату, административный штраф) за лицо, обязанное его уплатить, нужно исходить из того, что возможность уплаты налогов иными лицами, закреплена НК РФ. Применительно к неналоговым платежам подобного законодательного закрепления нет. Кроме того, Минфин России сослался на положения КоАП РФ, Уголовного кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ в части того, что субъект, привлеченный к соответствующему виду юридической ответственности, должен выплатить административный или уголовный штраф самостоятельно. А в соответствии с ГК РФ обязанность своевременного внесения арендной платы возлагается на арендатора. Как полагает Минфин России, т.к. порядок уплаты неналоговых платежей в бюджет иным лицом за лицо, обязанное их уплатить, не установлен, администратор бюджетных доходов не может принять к учету платежные документы от иных лиц и должен осуществить возврат такого платежа, как излишне (ошибочно) уплаченного иному лицу¹¹. Возникает вопрос, почему федеральный законодатель так категоричен в отношении иных лиц по поводу возможного

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 31, ст. 4821.

¹⁰ URL: http://komi.roskazna.ru/upload/iblock/fa1/o-vozvrate-administratorom-nenalogovykh-dokhodov-tretim-litsam_8038_24_05_2018_ver1_.pdf_2_1_247_28_05_2018_ver1_.pdf (дата обращения: 15.08.2019).

¹¹ См.: Приказ Минфина России от 18 декабря 2013 г. № 125н «Об утверждении Порядка учета Федеральным казначейством поступлений в бюджетную систему Российской Федерации и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70460570/> (дата обращения: 15.08.2019).

возврата из бюджета налога. Получается, что фискальные интересы здесь преобладают над частными интересами названной категории лиц. И иным лицам отводится второстепенная роль в налоговых правоотношениях.

В целом анализ правовых актов Минфина России и ФНС России показывает, что федеральные ведомства, прежде всего, в своих позициях отражают фискальные потребности государства, не выходя за границы нормативных положений, закрепленных в Налоговом кодексе РФ. Однако их письма и приказы не лишены правовых и технических упущений и противоречий в рамках собственных же подходов.

Библиографический список

1. Попов В.В., Тришина Е.Г. Добросовестность налогоплательщика как условие правомерного поведения при уплате налогов (вопросы правоприменения) // *Налогожурнал*. 2016. № 6. С. 25–28.
2. Попов В.В., Тришина Е.Г. О содержании признака индивидуальности уплаты налога согласно статье 45 Налогового кодекса РФ // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 3 (128). С. 255–262.
3. Садчиков М.Н. Индивидуализация налоговой обязанности // *Налогожурнал*. 2018. № 4. С. 17–19.
4. Попов В.В. Принципы налогового права и российское законодательство о налогах и сборах: проблемы реализации // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2011. № 5 (81). С. 226–229.

References

1. *Popov V.V., Trishina E.G.* Fairness of a Taxpayer as a Condition of Good Behavior while Paying Taxes (Enforcement Issues) // *Taxes-journal*. 2016. № 6. P. 25–28.
2. *Popov V.V., Trishina E.G.* On the Essence of the Tax Payment Individuality Trait According to Article 45 of the Tax Code of the Russian Federation // *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2019. № 3 (128). P. 255–262.
3. *Sadchikov M.N.* Individualization of the Fiscal Liability // *Taxes-journal*. 2018. № 4. P. 17–19.
4. *Popov V.V.* Principles of a Tax Law and Russian Legislation on Taxes and Fees: Sales Problems // *Herald of Saratov State Academy of Law*. 2011. № 5 (81). P. 226–229.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10025

УДК 347.73

Е.Ф. Быстрова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение: совершенствование механизма защиты прав потребителей на финансовом рынке — актуальная проблема государства. Одним из наиболее значимых шагов в этом направлении стало создание в Российской Федерации института финансового уполномоченного. Деятельность финансового уполномоченного направлена на оперативное разрешение споров финансовых организаций и потребителей финансовых услуг, стимулирование урегулирования претензий потребителя в досудебном порядке. **Цель:** анализ процессуальных особенностей деятельности финансового уполномоченного, взаимодействия его с судами, участниками финансового рынка, гражданами, Банком России, изучение вопросов функционирования Службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного в целях поиска направлений совершенствования деятельности финансового уполномоченного. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы исследования, метод правового мониторинга. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно роли финансового омбудсмана в формировании режима законности в финансовой сфере. **Выводы:** необходимо наладить взаимодействие Банка России и Службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного в части обмена значимой в надзорном аспекте информацией в целях укрепления финансовой стабильности и защиты интересов потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: финансовый уполномоченный, Банк России, финансовый рынок.

E.F. Bystrova

ACTUAL ISSUES OF PROTECTING THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES AT THE PRESENT STAGE

Background: improving the mechanism of protecting consumer rights in the financial market is an urgent problem of the state at the present stage. One of the most significant steps in this direction was the creation in the Russian Federation of the institution of a financial agent. The activities of the financial agent are aimed at promptly resolving disputes of financial organizations and consumers of financial services, stimulating the settlement of consumer claims in pre-trial procedure. **Objective:** analysis of the procedural features of the activities of the financial agent, its interaction with the courts, participants in the financial market, citizens, the Bank of Russia, the study of the functioning of the Service for the activities of the financial agent in order to find areas for improving the activities of the

© Быстрова Екатерина Федоровна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: bystrova.ekaterina75@mail.ru

© Bystrova Ekaterina Fedorovna, 2020
Candidate of law, Associate professor, Financial, banking and customs law department named after professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

financial agent. Methodology: the dialectical method of scientific knowledge, formal legal, systemic, comparative legal research methods, the method of legal monitoring. Results: the author's position on the role of the financial ombudsman in shaping the rule of law in the financial sphere is argued. Conclusions: it is necessary to establish cooperation between the Bank of Russia and the Service for ensuring the activities of a financial agent in terms of exchanging information that is relevant in a supervisory aspect in order to strengthen financial stability and protect the interests of consumers of financial services.

Key-words: *financial agent, Bank of Russia, financial market.*

На протяжении последних нескольких лет Банком России проведена масштабная работа по внедрению новых форм и методов работы с обращениями граждан, права которых нарушаются поднадзорными Банку России участниками финансового рынка. В 2016 г. в г. Владимире и г. Саратове были созданы подразделения Службы Банка России по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг, которые рассматривают письменные обращения граждан. Создание таких центров компетенций по рассмотрению обращений было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, ранее существовавшая практика децентрализованного рассмотрения обращений надзорными подразделениями территориальных учреждений Банка России уже не могла быть сохранена в связи с централизацией функции банковского надзора на уровень центрального аппарата Банка России. Во-вторых, в центрах компетенций процесс рассмотрения жалоб удалось технологически отстроить так, чтобы максимально сократить время ответа заявителю. Практика показала, что на 37% обращений, поступающих в Банк России ответ может быть получен в течение 1–2 дней. При этом жалобы, требующие глубокого анализа, рассматриваются более детально [1, с. 11]. Вместе с тем добиться общения с потребителями в режиме он-лайн при таком формате было невозможно.

Данная проблема была решена путем создания в структуре Службы Банка России по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Единого коммуникационного центра. С 2018 г. потребители финансовых услуг смогли воспользоваться возможностью устной коммуникации с регулятором — были созданы два территориальных подразделения Единого коммуникационного центра Службы, которые стали принимать телефонные звонки потребителей, давать консультации и разъяснения. Функционирование новых подразделений позволило снизить социальную напряженность в случае, когда требуется оперативная информация, например, при отзыве лицензии, а также повысить финансовую грамотность населения, т.к. консультации касаются самых различных вопросов деятельности на финансовом рынке, при этом устная коммуникация дает возможность в более доступной форме донести до потребителя необходимую информацию.

2018 г. стал знаковым в аспекте развития новых институтов, направленных на полное и всестороннее обеспечение прав участников финансового рынка, также в связи с принятием Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»¹. Опыт создания института финансового уполномоченного (финансового омбудсмена) не нов для

¹ См.: Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 24, ст. 3390.

российской правовой системы. Инициатором процесса стала Ассоциация российских банков во главе с Г.А. Тосуняном. В 2010 г. Советом Ассоциации российских банков (протокол от 20 сентября 2010 г. № 2) было утверждено Положение об общественном примирителе на финансовом рынке (финансовом омбудсмене)². Согласно Положению финансовый омбудсмен является постоянно действующим общественным органом разбирательства споров, возникающих между финансовыми организациями и их клиентами — физическими лицами. В соответствии со ст. 3 Положения к компетенции Финансового омбудсмана отнесено разрешение гражданско-правовых споров, заявителем в которых является физическое лицо — клиент финансовой организации, возникающих в связи с заключением, изменением, исполнением или прекращением договоров, заключенных с финансовыми организациями и не связанных с осуществлением физическим лицом предпринимательской деятельности, а также жалоб, возникающих вследствие или в связи с деятельностью финансовых организаций, если возможность обращения к Финансовому омбудсмену предусмотрена в письменных декларациях (заявлениях) сторон спора. Следовательно, рассмотрение споров финансовым омбудсменом возможно только в отношении кредитных и иных финансовых организаций, официально присоединившихся к данному институту.

Это был первый в России опыт создания такой структуры, он показал, что полномасштабное развитие данного института возможно в случае, если взаимодействие с финансовым омбудсменом будет обязанностью, а не правом кредитных организаций и иных участников финансового рынка.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о двух подходах к организации деятельности финансового омбудсмана: 1) создание государственной организации (например, в Великобритании Служба финансового омбудсмана (Financial Ombudsman Service) является органом, учрежденным парламентом страны, и действует в соответствии с положениями Акта о финансовых услугах и рынках); 2) частная организация (в Германии, где впервые возник этот институт, который был введен в 1992 г. союзом немецких банков) [2, с. 47]. На сегодняшний день институт финансового омбудсмана достаточно широко распространен и существует, кроме Германии и Великобритании, во Франции, Нидерландах, Дании, Швеции, Норвегии, Португалии, Италии, Ирландии, Бельгии, Литве, Венгрии, Польше, Пакистане, Шри-Ланке. В СНГ первый институт финансового омбудсмана был создан в Армении в 2009 г.

В Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» заложена концепция обязательного взаимодействия с финансовым уполномоченным для следующих финансовых организаций:

- 1) страховых организаций (кроме страховых организаций, осуществляющих исключительно обязательное медицинское страхование);
- 2) микрофинансовых организаций;
- 3) кредитных потребительских кооперативов;
- 4) ломбардов;
- 5) кредитных организаций;
- 6) негосударственных пенсионных фондов.

²См.: Положение об общественном примирителе на финансовом рынке (финансовом омбудсмене) // Вестник Ассоциации российских банков. 2010. № 18.

Для иных финансовых организаций, не указанных в данном перечне, закреплен принцип добровольного присоединения к взаимодействию с финансовым уполномоченным.

В соответствии со ст. 28 закона финансовые организации обязаны принимать участие в рассмотрении обращения, представлять по запросу финансового омбудсмена документы, разъяснения и сведения, связанные с рассмотрением обращения. Закон предусматривает ведение реестра финансовых организаций, обязанных взаимодействовать с финансовым омбудсменом. Согласно ст. 11 закона финансовая организация с даты включения ее в реестр обязана уплачивать взносы для обеспечения деятельности Службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Значимой новеллой закона стала обусловленность размера взносов количеством обращений, поступивших в отношении данной финансовой организации. Таким образом, создан стимул для того, чтобы финансовые организации стали максимально клиентоориентированными и улаживали отношения с потребителями их услуг до их обращения к финансовому уполномоченному. Законом предусмотрена удачная правовая конструкция для обеспечения правомерного поведения финансовых организаций.

Представляется, что деятельность финансового уполномоченного определенным образом снизит нагрузку на судебную систему. Статьей 15 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» предусмотрена возможность обращений к финансовому омбудсмену по определенной категории споров в случае, если размер требований потребителя финансовых услуг не превышает 500 тыс. руб. либо если требования вытекают из нарушения страховщиком порядка осуществления страхового возмещения, установленного Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»³, и если со дня, когда потребитель узнал или должен был узнать о нарушении своего права, прошло не более 3 лет. Причем в соответствии со ст. 25 закона, обратиться в суд по такой категории споров заявитель вправе в случае непринятия решения финансовым уполномоченным по истечении установленного срока либо прекращения рассмотрения им обращения, либо несогласия с вступившим в силу решением финансового уполномоченного. Таким образом, часть споров с финансовыми организациями будет урегулирована в досудебном порядке. И при этом не стоит забывать, что за каждое обращение потребителя финансовой организации придется уплачивать взносы. Как справедливо отметил руководитель Службы Банка России по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг М.В. Мамута: «...финансовые организации быстро поймут, что им гораздо выгоднее урегулировать спор с потребителем на ранней стадии, даже до перехода в службу финансового уполномоченного, и таким образом, удастся значительно снизить число споров по ОСАГО, которых сейчас судах насчитывается сотни тысяч» [3, с. 44].

Доступность обращения заявителей к финансовому уполномоченному обеспечена посредством закрепления в законе обязанности уполномоченного рассматривать обращения заявителей на бесплатной основе, за исключением обращений, поданных лицами, которым уступлено право требования потребителя финансовых услуг к финансовой организации (ст. 16 Федерального закона от 4

³См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18, ст. 1720; 2019. № 18, ст. 2212.

июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»).

Важно, что закон устанавливает достаточно сжатые сроки рассмотрения обращений заявителей. В соответствии со ст. 20 закона по общему правилу финансовый уполномоченный принимает решение в течение 15 рабочих дней со дня, следующего за днем передачи ему обращения, в случае направления обращения потребителем финансовых услуг. Срок рассмотрения обращения увеличивается до 30 рабочих дней в случае направления обращения лицом, которому уступлено право требования потребителя финансовых услуг к финансовой организации. Законом устанавливаются определенные случаи приостановления течения указанных сроков, например, на период времени, необходимый для уведомления сторон о проведении очного рассмотрения обращения. Но в целом следует отметить, что срок рассмотрения обращения и принятия решения по нему достаточно небольшой, что позволит заявителю достаточно оперативно получить решение по имеющейся у него проблеме.

Возможность обжаловать решение финансового уполномоченного предоставлена как потребителю финансовых услуг, так и финансовой организации в случае несогласия с решением уполномоченного. Поэтому на стадии формирования института финансового уполномоченного очень важна грамотная организация его работы, подбор высокопрофессионального персонала в Службу обеспечения деятельности финансового уполномоченного, которая будет готовить проекты правоприменительных актов финансового уполномоченного. Это позволит выносить обоснованные решения, которые не будут отменяться в судебном порядке, создаст определенный вотум доверия данному институту.

Решение финансового уполномоченного, вступившее в законную силу и не приостановленное (в связи с обжалованием финансовой организацией), подлежит исполнению. В случае неисполнения финансовой организацией решения в установленный в нем срок финансовый уполномоченный выдает потребителю финансовых услуг удостоверение, являющееся исполнительным документом. На основании удостоверения, выданного финансовым уполномоченным и предъявленного не позднее трехмесячного срока со дня его получения, судебный пристав-исполнитель приводит решение финансового уполномоченного в исполнение в принудительном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации. В принудительном порядке, установленном для исполнения решений финансового уполномоченного, приводятся в исполнение и условия соглашения между потребителем и финансовой организацией в случае если условия соглашения не исполнены финансовой организацией добровольно.

Анализируя процессуальные особенности функционирования института финансового уполномоченного, можно сделать вывод не только об обязанности финансового омбудсмена по содержательному изучению обращения гражданина, но и о наличии у него необходимых полномочий по рассмотрению жалобы по существу и вынесению решения, а также правовых инструментов принудительного исполнения его решений. В отличие от контрольно-надзорных органов государства, юрисдикционные полномочия которых как правило ограничены недопустимостью вмешательства в оперативную деятельность поднадзорных организаций, финансовый уполномоченный выносит решение по сути спора. Вместе с тем сравнивая процедурные аспекты деятельности финансового уполномоченного с процессуальным порядком судопроизводства, следует отметить

значительно более короткие сроки рассмотрения обращения и менее сложную форму рассмотрения спора финансовым уполномоченным.

После того, как институт финансового уполномоченного начнет активно работать, возможно спрогнозировать уменьшение количества не только судебных споров, но и обращений потребителей в надзорные органы, в т.ч. в Банк России, которые служат источником информации о нарушениях в деятельности поднадзорных организаций. Рассматривая «жалобу как подарок», Банк России имеет возможность оперативно анализировать информацию, поступающую в форме обращений, в надзорных целях. В этом состоит поведенческий надзор. Вместе с тем у финансового уполномоченного также будет сосредоточена важная в надзорном аспекте информация о нарушениях в деятельности кредитных и некредитных финансовых организаций. В связи с этим представляется очень важным определить конкретные процессуальные формы взаимодействия Банка России и Службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного в части обмена значимой в надзорном аспекте информацией.

Библиографический список

1. *Мамута М.В.* Соответствие стандарту защиты прав потребителей будет обязательно для всех страховых компаний // *Современные страховые технологии.* 2017. № 2. С. 6–11.
2. *Тихомиров К.А.* Место и роль института финансового омбудсмена в финансовой и банковской системах государства // *Финансовое право.* 2015. № 12. С. 46–48.
3. *Мамута М.В.* Омбудсмен: залог доверия финансовому рынку // *Современные страховые технологии.* 2018. № 4. С. 41–44.

References

1. *Mamuta M.V.* Compliance with the Consumer Protection Standard will Be Mandatory for All Insurance Companies // *Modern insurance technology.* 2017. No. 2. P. 6–11.
2. *Tikhomirov K.A.* Place and Role of the Institution of Financial Ombudsman in the Financial and Banking Systems of the State // *Financial Law.* 2015. Number 12. P. 46–48.
3. *Mamuta M.V.* Ombudsman: Guarantee of Trust in the Financial Market // *Modern insurance technologies.* 2018. № 4. P. 41–44.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10026

УДК 336:346.6

М.Н. Садчиков, Н.М. Курбатов

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: проблема правового регулирования и обеспечения информационной безопасности при использовании технологии блокчейн в банковском секторе экономики Российской Федерации приобретает все большую актуальность. Это обусловлено не только масштабом соответствующего сектора экономики, но и новым уровнем угроз безопасности при проведении транзакций и построения архитектуры баз данных. **Цель:** изучить риски, возникающие в связи с активным внедрением технологии блокчейн в банковской и финансовой сферах, разработать мероприятий по минимизации возможных потерь, а также предложить возможные правовые инструменты, направленные на повышение информационной безопасности в финансовом секторе экономики Российской Федерации. **Методологическая основа:** совокупность всеобщих, общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов. В работе используются системный и функциональный подходы, статистический, сравнительный и формально-юридический методы. **Результат:** была сформирована аргументированная авторская позиция о недостаточном регулировании технологии блокчейн при внедрении и дальнейшем ее использовании как элемента цифровой экономики Российской Федерации; выделены потенциальные угрозы (компьютерные атаки), характерные при использовании технологии блокчейн в банковском секторе экономики Российской Федерации. **Вывод:** учитывая значительный полезный потенциал технологий блокчейн для банковского и финансового секторов экономики Российской Федерации необходимо на законодательном уровне приступить к разработке правовых норм применения данной технологии и разработке мероприятий по обеспечению информационной безопасности.

Ключевые слова: блокчейн, цифровая экономика, кибербезопасность, угрозы информационной безопасности, киберпреступность, распределенные базы данных.

© Садчиков Михаил Николаевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: taxprofy@mail.ru

© Курбатов Николай Михайлович, 2020

Соискатель кафедры Информационного права в управлении (Удмуртский государственный университет); e-mail: nikolaiudgu@mail.ru

© Sadchikov Mikhail Nikolaevich, 2020

Candidate of law, Associate professor, Associate professor, Financial, banking and customs law department named after professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

© Kurbatov Nikolai Mikhailovich, 2020

Applicant, Department of Information law in management (Udmurt State University)

M.N. Sadchikov, N.M. Kurbatov

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION AND INFORMATION SECURITY WHEN USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE BANKING SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION ECONOMY

Background: the problem of legal regulation and information security when using blockchain technology in the banking sector of the Russian Federation is becoming increasingly important. This is due not only to the scale of the relevant sector of the economy, but also to the new level of security threats when conducting transactions and building a database architecture. **Objective:** to study the risks arising from the active implementation of blockchain technology in the banking and financial sectors, to develop measures to minimize possible losses, and to propose possible legal tools aimed at improving information security in the financial sector of the Russian Federation economy. **Methodology:** a set of general, general scientific, private scientific and private law methods. The paper uses system and functional approaches, statistical, comparative, and formal legal methods. **Results:** a reasoned author's position was formed on the insufficient regulation of blockchain technology in the implementation and further use of it as an element of the digital economy of the Russian Federation; potential threats (computer attacks) characteristic of the use of blockchain technology in the banking sector of the Russian economy were highlighted. **Conclusion:** given the significant potential of blockchain technologies for the banking and financial sectors of the Russian economy, it is necessary to start developing legal norms for the use of this technology and developing measures to ensure information security at the legislative level.

Key-words: blockchain, digital economy, cybersecurity, information security threats, cybercrime, distributed databases.

Бурное развитие информационных технологий в настоящее время привело к их широкому распространению и внедрению во все сферы человеческой жизнедеятельности. Активную роль информационные технологии играют в развитии экономики. Одной из наиболее обсуждаемых инноваций последних лет стала технология распределенной базы данных — блокчейн. Блокчейн — фундаментальная технология, привносящая новые принципы построения баз данных и обмена информацией. Применение блокчейна может привести к существенному изменению банковской и финансовой сферы, а также экономики страны в целом. В настоящее время во всем мире проводится тестирование новых финансовых продуктов построенных на основе указанной технологии.

Однако применение инноваций в любых в сферах тесно связано с новыми рисками, в том числе особую угрозу для применения блокчейна представляют компьютерные атаки, направленные против данной системы. Потери от совершенных в 2017 г. кибератак оцениваются экспертами в более чем 400 млрд долл. США. При этом по прогнозам исследователей количество кибератак, и, соответственно, ущерб от них в 2018 и 2019 г. значительно увеличится¹.

Данные угрозы обуславливают актуальность выбранной темы исследования. Целью работы является изучение рисков, возникающих в связи с активным внедрением технологии блокчейн в банковскую и финансовые сферы, разработка мероприятий по минимизации возможных потерь, а также предложение

¹ Потери организаций от киберпреступности. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 02.03.2019).

возможных правовых инструментов, направленных на повышение финансовой безопасности.

Блокчейн — это технология, описывающая структуру организации распределенной базы данных. Другими словами, это цепочки блоков, хранящихся в децентрализованной системе, которая не имеет единого места хранения (общего сервера). Все блоки в блокчейне связаны между собой, а каждый последующий блок указывает на предыдущий, таким образом достигается возможность построения последовательной и непрерывной цепочки данных блоков, которые выстроены в соответствии с заранее определенными и согласованными правилами. В таком виде база данных хранится на большом числе вычислительных устройств, участвующих в процессе валидации блокчейна.

Именно архитектура построения базы данных является принципиальным новшеством данной технологии. Принцип децентрализации, являющийся одной из ключевых особенностей блокчейна, позволяет осуществлять транзакции без участия посредников. Участнику транзакции не нужно устанавливать доверительные отношения с посредником или партнером по транзакции, поскольку данный функционал берет на себя децентрализованная система хранения информации блокчейн.

Кроме того, блокчейн обладает следующими свойствами, обусловившими его популярность и распространенность [1, с. 61–64]:

анонимность — в первоначальной идее блокчейна его участники могут сохранять анонимность, используя лишь виртуальные идентификаторы для отслеживания транзакций;

прозрачность — участники системы могут изучить все совершенные транзакции с начала функционирования блокчейна;

неизменность и необратимость — данные свойства, в первую очередь, направлены на предотвращение мошенничества. Согласно данному принципу, блоки, внесенные в систему уже невозможно отменить или изменить.

Активное применение и изучение блокчейна удачно вписывается в концепцию современной цифровой экономики. Необходимость по развитию цифровой экономики России была озвучена Президентом Российской Федерации на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам². Кроме того, развитию данной сферы способствует издание Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»³.

Развитие цифровой экономики возможно в тех сферах, которые поддаются формализации, таким образом ее внедрение может повлиять на все секторы социальной и экономической деятельности страны. Кроме того, развитие цифровой экономики связано не только с распространением программного обеспечения, но и с бурным развитием информационной индустрии, повышением наукоемкости производств. Информация — важнейший фактор развития производств в современном мире. Благодаря развитию интернет-технологий, а также повы-

² Путин: формирование цифровой экономики — вопрос нацбезопасности РФ. Центральное государственное информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 02.03.2019).

³ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шению доступности программного и аппаратного обеспечения, у современных предприятий появилась возможность снижения издержек производства и ускорения производственного цикла. Развитие цифровой экономики оказывает значительное влияние как на внешнюю и внутреннюю среду бизнеса, так и на политические возможности страны.

Таким образом, внедрение блокчейна соответствует последним вызовам рынка и отвечает всем критериям цифровой экономики. Однако с учетом вышеуказанных особенностей данной технологии применение блокчейна особенно актуально в финансовой и банковской сферах. Внедрение блокчейна позволяет осуществлять все виды финансовых транзакций, в т.ч. операции пенсионных фондов, налоговых органов, работу с долговыми обязательствами, акциями и ценными бумагами, фьючерсами, свопами и т.д.

Заинтересованность банков в применении данной технологии, в первую очередь связана с сокращением издержек стоимости осуществляемых операций в 2–3 раза. За счет использования блокчейна у банков появится возможность экономить на посреднических услугах (курьерская доставка, страховые услуги), а также за счет сокращения персонала. При этом данная технология создает преимущества и для клиентов банков, а именно происходит сокращение времени, необходимого на обработку сделок, повышение доверия к транзакциям, поскольку использование блокчейна не позволяет сфальсифицировать банковские документы.

По оценке экспертов банка Santander, использование технологии блокчейн позволит банкам сократить финансовые издержки на 20 млрд долл. США уже к 2022 г. По их оценке, возможность применения данной технологии существует в более 10 бизнес-процессах банковской деятельности [2, с. 41–44].

Однако возможность применения технологии блокчейна ограничивается не только ее использованием в банковском секторе. Распределенные системы хранения информации могут применяться во многих государственных процессах. На основе блокчейна можно разработать системы в области здравоохранения и медицины, образования, регистрации и администрирования юридических лиц, выдачи различных справок и лицензий. Главной особенностью всех указанных систем является простой, удобный и быстрый доступ к необходимой информации, а также ее достоверность. Перспективность данной технологии настолько высока, что Министерство обороны Российской Федерации приступило к разработке технологических инструментов защиты от кибератак, построенных на базе технологии блокчейн⁴.

Рассмотрим существующий опыт внедрения блокчейна в Российской Федерации.

В настоящее время в России ведется активная деятельность по исследованию вопроса применимости блокчейна в различных сферах экономики, наибольший объем исследований приходится на банковский сектор. Так, в ходе XXV Международного финансового конгресса, проходившего в 2016 г. в Санкт-Петербурге, было сообщено об основании технологического Консорциума, основной целью которого является исследование возможностей применения блокчейна в банковской деятельности в России. Участниками Консорциума стали: Бинбанк, Банк «Открытие», Тинькофф Банк, группа QIWI, МДМ Банк. Кроме того,

⁴ Минобороны РФ начало разработку технологии на базе блокчейна для защиты от кибератак. URL:<https://www.securitylab.ru/news/494182.php> (дата обращения: 10.03.2019).

в рамках данного объединения изучаются концепции и принципы по цифровому взаимодействию финансовых институтов, особое внимание уделяется цифровой идентификации клиентов, поскольку стандартизация данного направления позволит снизить банковские издержки и избежать повторных проверок клиентских данных⁵.

Во внедрении технологии блокчейн заинтересованы и крупные коммерческие банки Российской Федерации. В октябре 2016 г. ПАО Сбербанк России запустил новый сервис по оформлению защищенных сделок, разработанный на основе блокчейна⁶. Первая сделка-аккредитив с использованием блокчейна была совершена 21 декабря 2016 г. Транзакция была осуществлена между АО «Альфа-Банк» и авиакомпанией «S7 Airlines»⁶. ПАО Сбербанк и АО «Альфа-Банк» начали использовать данную технологию в факторинге начиная с октября 2017 г. Это позволило задействовать в операциях большое число поставщиков при сохранении конфиденциальной информации о проводимых сделках. Использование банками технологии блокчейн является настоящим прорывом для участников рынка. Эффект от применения данной инновации можно сравнить с переходом от телефонии к интернет-связи. Глава ПАО «Сбербанк» Герман Греф считает: «Технология блокчейн — это новый Интернет. Это идея такого же уровня, как Интернет, и запрещать ее в России, это значит отставать»⁷.

Развитие блокчейна не осталось и без внимания со стороны государства. С появлением виртуальных валют, основанных на блокчейне, Росфинмониторинг обратил внимание, что операции с использованием данных технологий относятся к категории подозрительных и «использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма»⁸. Аналогичной позиции придерживались многие другие государственные органы и отдельные должностные лица. Однако учитывая значительный полезный потенциал блокчейн-технологий для развития экономики, государственной и иных сфер общественных отношений, государство от настороженного отношения к блокчейну переходит к регулированию его применения. Возможности использование данной технологии активно обсуждаются на государственном уровне. Так, 15 августа 2017 г. в Российской Федерации был создан комитет «Программно-аппаратные средства технологии распределенного реестра и блокчейн», тем самым было положено начало стандартизации данной технологии и ее оптимальной архитектуры⁹.

⁵ В Санкт-Петербурге объявлено о создании в России консорциума по исследованию и применению блокчейн и криптотехнологий. Официальный сайт банка «Открытие». URL: <https://www.open.ru/about/press/42235> (дата обращения: 02.03.2019).

⁶ Структура Сбербанка запустила сервис для заключения сделок на блокчейне. URL: <https://rb.ru/news/blockchain-zdes/> (дата обращения: 05.03.2019).

⁷ Альфа-Банк и S7 Airlines впервые в России провели сделку с использованием блокчейн. Официальный сайт «Альфа-банка». URL: https://alfabank.ru/press/news/2016_12/21/1.html (дата обращения: 08.03.2019).

⁸ Греф: «Технология блокчейн — это новый интернет». URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/gref_tekhnologiya_blokcheyn_eto_novyy_internet3795/ (дата обращения: 15.03.2019).

⁹ Информационное сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL: <http://fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 25.05.2019).

¹⁰ См.: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2017 г. № 2831 «О создании технического комитета по стандартизации „Программно-аппаратные средства технологий распределенного реестра и блокчейн“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, Центральным Банком Российской Федерации была разработана собственная технология, основой которой послужили принципы блокчейна — мастерчейн¹¹. Данная платформа позволяет проводить финансовые платежи между посредниками в режиме реального времени, а также обладает возможностями хранения актуальной информации о сделках и клиентах, создания различных финансовых сервисов. Также в октябре 2017 г. опубликован проект постановления Правительства Российской Федерации о проведении пилотного проекта в городе Москве по применению блокчейна при администрировании сведений, внесенных в Единый государственный реестр недвижимости¹².

При этом несмотря на все рассмотренные выше преимущества использования блокчейна, данная технология обладает потенциальными рисками, которые могут привести к нарушению функционирования системы, а также к существенному финансовому ущербу.

Традиционной целью большинства совершенных кибератак являлось незаконное получение финансовых средств. Именно поэтому технология блокчейн представляет особый интерес для киберпреступлений. В системах, построенных на базе данной технологии, в настоящее время задействован огромный финансовый потенциал. Мошенникам уже удалось взломать ряд систем, построенных на основе технологии блокчейн. Израильская компания CoinDash в результате совершенной компьютерной атаки лишилась 7,5 млн долл. США, а в апреле 2018 г. сеть Verge подверглась атаке, в результате которой преступники в течение трех часов полностью контролировали все транзакции, совершаемые в данной системе¹³.

Стоит отметить, что многие из потенциальных угроз, связанных с применением блокчейна, носят теоретический характер, и еще ни разу не осуществлялись, однако возможность применения указанных уязвимостей сохраняется. Другая часть угроз связана не с самой архитектурой данной технологии, а с нюансами построения частных систем. Изучение потенциальных угроз позволит предложить меры технического и правового характера, направленные на предупреждение возможного ущерба и привлечения виновных лиц к ответственности. В рамках исследования был выделен ряд потенциальных угроз, характерные для блокчейн.

Компьютерная атака «Атака 51%».

Данный вид атаки возможен, когда у злоумышленников под контролем находится значительное число вычислительных мощностей, участвующих в процессе формирования и валидации блоков блокчейна (более 50% от общего объема вычислительных мощностей). В результате проведения данной атаки вся сеть блокчейна становится подконтрольна злоумышленникам, таким образом, они обладают возможностью по созданию необходимых поддельных блоков, тем самым компрометируя реальные транзакции.

¹¹ «Мастерчейн» — первый юридически чистый блокчейн в России. URL: <http://masterchain.rbc.ru/> (дата обращения: 09.03.2019).

¹² См.: Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии «Блокчейн» в целях мониторинга достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56630759/> (дата обращения: 05.03.2019).

¹³ Кибератаки будущего: чего ждать в 2018 году // Центральное государственное информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4843186> (дата обращения: 08.03.2019).

Кроме того, «атака 51%» приводит к возможности манипулирования двусторонними операциями и запретом к подтверждению новых реальных транзакций.

Злоумышленники, использующие «атаку 51%», также обладают возможностью на повторное использование ранее использованных средств. Данное правонарушение получило название двойная трата (double-spending). Однако даже в этом случае у злоумышленников отсутствует возможность изменять уже добавленные в блокчейн блоки.

С целью минимизации этой угрозы рекомендуется использовать блокчейн-сети, построенные на алгоритме консенсуса PoS (Proof-of-Stake). Поскольку архитектура данной сети предполагает наличие валидатора блокчейна, который регулирует внесение новых транзакций в блокчейн, но его контроль не основывается на вычислительных мощностях, а опирается на долю владения сетью.

Компрометация инфраструктуры сети.

Злоумышленниками может быть захвачена инфраструктура организации, отвечающая за распространение обновлений и администрирования сети. Таким образом, под угрозой находятся все устройства, подключенные к сети, поскольку у злоумышленников появляется возможность удаленно распространить необходимое программное обеспечение, за счет которого у них появится возможность в том числе влиять на верификацию блоков в блокчейне.

Компьютерные DDoS атаки.

DDoS (Distributed Denial of Service) атаки являются распространенным видом компьютерных преступлений и затрагивают не только технологию блокчейн. DDoS представляет из себя распределенную атаку вида «отказ в обслуживании». Данный вид атак может применяться даже против крупных и хорошо защищенных компаний.

Алгоритм проведения атаки выглядит следующим образом:

злоумышленники проводят анализ сети с целью выявления наиболее слабых узлов;

на выявленные узлы проводятся атаки, делая атакующих администратором сети;

на подконтрольные узлы устанавливаются вредоносные программы, работающие в фоновом режиме;

зараженные устройства по команде злоумышленников начинают распространять вредоносный код на другие устройства этой сети.

Опасность данной атаки заключается в том, что пользователи сети могут не подозревать о компрометации системы.

Компьютерная атака «Сивиллы».

«Атака Сивиллы» характеризуется присвоением одному узлу нескольких идентификаторов. Такое вмешательство в алгоритмы работы блокчейна приводит к нарушению работы всей системы.

Рассматриваемая атака проводится следующим образом: блокчейн с целью верификации транзакции посылает запросы участникам-получателям. Однако за счет использования «Атаки Сивиллы» получатели сообщения могут быть одним пользователем, присвоившим псевдоидентификаторы другим узлам системы. Таким образом, работа сети замыкается на узлах-псевдонимах и находится под контролем злоумышленника.

Данная атака начинает получать большее распространение, поскольку применение блокчейна растет из года в года, а требование от пользователей подтверждать свои идентификаторы негативно сказывается на масштабируемости сети.

Компьютерная атака «информационного затмения».

В случае использования «атаки информационного затмения» злоумышленник получает контроль над узлами сети, а значит и над информацией, содержащейся в них. Особенностью данной атаки является возможность мошенника «затмить» другие узлы сети так, чтобы они взаимодействовали только с ранее зараженными узлами.

Этот вид атаки является первой стадией к проведению «Атаки 51%». Общий алгоритм атаки выглядит следующим образом: в случае, если сеть содержит три основных узла, два из которых имеют по 30% всех вычислительных мощностей, а третий — 40%, злоумышленник, обладающий узлом с долей 40%, может раздробить его на два дополнительных узла, с тем условием, что они не смогут компоновать блоки друг друга. За счет таких манипуляций злоумышленник становится частью цепочки всего консенсусного блока, а значит обладает возможностью перенаправления исходящих соединений на требуемые IP-адреса.

Алгоритмические уязвимости блокчейна.

В настоящее время все транзакции, осуществляемые в сети блокчейн, проводятся с помощью использования определенных хэш-функций. Наиболее распространенными стандартами являются SHA-256 и ECDSA. Считается, что данные хэш-функции невозможно расшифровать на современных компьютерах. Однако в настоящее время многими исследователями осуществляются попытки создания квантовых компьютеров. Данные устройства характеризуются большими вычислительными мощностями, кроме того, им под силу расшифровать данные, полученные после применения хэш-функций.

Необходимо помнить, что описанная угроза относится не только к безопасности блокчейна, но и ко всем современным информационным системам, поскольку все интернет-шифрование построено на указанных функциях.

Фишинг и использование бот-сети.

Кроме того, блокчейн не защищен от таких простых способов воздействия, как заражение компьютеров пользователей вредоносными программами. Наиболее уязвимой частью любой технологической системы является человек. Поэтому низкий уровень подготовки сотрудников, их информационной грамотности может привести к заражению всей сети компании или компрометации критической информации. Зачастую злоумышленники маскируют вредоносный код под обновления лицензионных программ либо под письма из государственных органов, таких как налоговая, пенсионный фонд и т.д.

Селфиш-майнинг.

Данная уязвимость связана с возможностью объединения пользователей блокчейна в группы с целью увеличения получаемых доходов. Централизация пользователей может привести к разрушению первоначальной идеи сети — децентрализации. В случае продолжения объединения пользователей блокчейн не приведет к инновационному развитию экономики, а результатом внедрения блокчейна будет лишь централизованная экономика в электронном формате.

В таблице обобщена информация о потенциальных угрозах, связанных с применением блокчейна, с указанием уровня риска данных уязвимостей и мероприятий по противодействию.

Потенциальные угрозы, характерные при использовании технологии блокчейн в банковском секторе экономики Российской Федерации

№	Уязвимость	Уровень риска	Мероприятия по противодействию
1.	Атака 51%	Высокий	Изменение архитектуры блокчейн сетей. Использование PoСконсенсуса
2.	Компрометация инфраструктуры сети	Средний	Контроль за администрированием сетей. Внедрение ГосСОПКА и других систем обнаружение кибератак
3.	DDoS атаки	Средний	Развития устойчивости информационных систем, внедрение последних разработок по противодействию DDoS
4.	Атака Сивиллы	Средний	Использование соглашений по распределению идентификаторов при построении блокчейна
5.	Атака информационного затмения	Высокий	Изменение архитектуры блокчейн сетей. Использование PoСконсенсуса
6.	Алгоритмические уязвимости	Высокий	Развитие современных алгоритмов шифрования и хэш-функций
7.	Фишинг и использование бот-сети	Высокий	Повышение информационной грамотности сотрудников, создание правил информационной безопасности внутри организации. Внедрение ГосСОПКА и других систем обнаружение кибератак
8.	Селфиш-майнинг	Низкая	Создание соглашений использования блокчейна, регламентов по объединению пользователей внутри сети

Стоит отметить, что угрозы, связанные с архитектурой технологии, находится под постоянным контролем экспертов-разработчиков. Найденные уязвимости устраняются. Однако необходим ряд мер со стороны государства по минимизации возможных рисков.

Во-первых, необходимо проводить планомерную работу по стандартизации данной технологии на государственном уровне. Разработка определенной архитектуры и стандартов позволит расширить сферы применения технологии блокчейн, а также повысить ее надежность и защищенность.

Отсутствие стандартов в настоящее время может привести к возникновению ранее неизвестных проблем, поэтому особую роль в обеспечении безопасности блокчейн-систем играет коллективный надзор.

При этом государственные стандарты должны принимать в учет характерные особенности блокчейна, позволившие данной технологии стать столь популярной во всем мире. Неэффективная регламентация блокчейн систем может привести к снижению ее актуальности и ликвидации отличительных особенностей распределенных баз данных.

Во-вторых, необходимо расширить контроль правоохранительных органов за созданием блокчейн-систем. Исследование угроз и потенциальных кибератак может проводиться на базе государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак. Активное участие правоохранительных органов в вопросах обеспечения безопасности внедряемых систем позволит предотвратить ряд потенциальных киберпреступлений.

В-третьих, необходимо проводить планомерную работу с образовательными учреждениями по подготовке профессионалов в сфере создания и контроля блокчейн-систем. Проведенный в рамках исследования анализ установил, что

большая часть выявленных уязвимостей связаны с человеческим фактором при разработке и внедрении данной технологии.

В части инструментов правового характера, представляется возможным предложить следующие.

Во-первых, право на использование финансовыми институтами блокчейн-технологий обусловить наличием в их организационной структуре сотрудников соответствующей квалификации. Так, действующее законодательство содержит требования к органам управления кредитной организации¹⁴. Публичный характер банковской деятельности предполагает, что риски, связанные с использованием блокчейн технологий, относятся не только к финансовым институтам, но и к неограниченно-широкому кругу лиц, включая клиентов, контрагентов и партнеров кредитных организаций. Требования к профессиональной компетенции сотрудников информационной безопасности финансовых институтов направлено на предупреждение рисков причинения ущерба широкому кругу лиц.

Во-вторых, учитывая, что на основе блокчейн-технологий создаются финансовые инструменты (виртуальные валюты), необходимы правила, позволяющие определять порядок их учета в составе финансов кредитных организаций. Данные правила позволят учитывать финансовые риски и применять соответствующие меры пруденциального характера.

Наконец, не стоит забывать о развитии технологий, использующихся в современных информационных системах, таких как хэш-функции. Необходимо проводить постоянные исследования, целью которых является поиск новых, более эффективных алгоритмов, защищенных от взлома с учетом повышения вычислительных мощностей современных вычислительных устройств.

Блокчейн — это новая технология, которая представляет собой набор принципов построения распределенных информационных систем. Данная технология имеет огромный потенциал по использованию в современном информационном мире. Стоит помнить, что большую роль во внедрении этой технологии играют именно нюансы ее построения. Построение и применение блокчейн-систем может быть как эффективным, так и неэффективным.

При этом в связи с недостаточным распространением данной технологии, в настоящее время анализ ряда потенциальных угроз, характерных для распределенных баз данных, а также использование лучших практик и принципов построения блокчейна является чисто теоретическим.

В связи с развитием цифровых технологий и внедрения в экономику Российской Федерации элементов «Цифровой экономики», необходимо уже сегодня на научном уровне приступать к активному исследованию данной технологии и разработке мероприятий по обеспечению информационной безопасности технологии блокчейн при использовании ее в банковском секторе экономики Российской Федерации. После чего целесообразно внедрение данной технологии в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2017 г. № 203 и реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

¹⁴ См.: Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (с изм. и доп. на 27 декабря 2018 г. № 514-ФЗ // Ведомости СНД РСФСР. 1990. № 27, ст. 357; Российская газета. 2018. № 295.

Библиографический список

1. *Мащенко П.Л., Пилипенко М.О.* Технология блокчейн и ее практическое применение // Наука, техника и образование. Московский технологический университет. 2017. № 2. С. 61–64.
2. *Литвинова Д.А.* Использование blockchain в банковской системе // Экономика, управление, финансы: материалы VII Международной научной конференции (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар: Новация, 2017. С. 40–44.

References

1. *Mashchenko P.L., Pilipenko M.O.* Blockchain Technology and Its Practical Application // Science, technology and education. Moscow technological University. 2017. No. 2. P. 61–64.
2. *Litvinova D.A.* Using Blockchain in the Banking System // Economics, Management, Finance: proceedings of the VII International scientific conference (Krasnodar, February 2017). Krasnodar: Novation, 2017. P. 40–44.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10027

УДК 35.078.3

Д.И. Яковлев

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КАМЕРАЛЬНОЙ И ВЫЕЗДНОЙ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК

Введение: статья посвящена анализу некоторых проблем правового регулирования, возникающих при проведении камеральных и выездных налоговых проверок, а также некоторых аспектов защиты прав налогоплательщиков и налоговых агентов, которые обращаются к досудебному урегулированию споров с налоговыми органами. **Цель:** обозначить некоторые актуальные проблемы правового регулирования, возникающие при проведении камеральных и выездных налоговых проверок, а также досудебного урегулирования споров между налогоплательщиками и налоговыми органами и найти пути их разрешения. **Методологическая основа:** использованы диалектический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция по некоторым вопросам, возникающим при правовом регулировании осуществления камеральных и выездных налоговых проверок. **Выводы:** в статье проанализированы некоторые коллизионные моменты, возникающие при проведении камеральных и выездных налоговых проверок и досудебного урегулирования споров налогоплательщиков с налоговыми органами. Автором также предложены поправки в некоторые статьи Налогового кодекса РФ, которые позволят устранить ряд проблем правового регулирования в указанной сфере налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налог, налогоплательщик, налоговый агент, налоговые органы, защита прав, камеральная проверка, выездная проверка, цифровизация экономики, досудебное разрешение споров, налоговый контроль.

D.I. Yakovlev

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF IN-HOUSE AND ON-SITE TAX AUDITS

Background: the article is devoted to the analysis of the problems of legal regulation arising during the conduct of chamber and exit tax audits, as well as some aspects of protection of the rights of taxpayers and tax agents who turn to pre-trial tax audits to resolve disputes with the tax authorities. **Objective:** to identify the main problems of legal regulation arising during the conduct of chamber and exit tax audits, as well as the pre-trial settlement of disputes between taxpayers and tax authorities. **Methodology:** dialectical and comparative-legal methods are used. **Results:** the author's position on some issues arising in the legal regulation of chamber and exit tax audits is justified. **Conclusions:** the article analyzes some of the conflicting points arising during the conduct of chamber and exit tax audits and pre-trial settlement of disputes between taxpayers and tax authorities. The

© Яковлев Дмитрий Иванович, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Н.И. Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yd7878@yandex.ru

© Yakovlev Dmitry Ivanovich, 2020

Candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department of financial, banking and customs law named after Professor N.I. Himicheva (Saratov state law Academy)

author also proposed amendments to the regulations that will eliminate a number of gaps and problems of legal regulation in this area of tax relations.

Key-words: *tax, taxpayer, tax agent, tax authorities, protection of rights, desk audit, field audit, digitalization of the economy, pre-trial settlement of disputes, tax control.*

Основным направлением налогового контроля в Российской Федерации является устранение нарушений налогового законодательства, а также своевременное выявление и изъятие недоимок в бюджетную систему РФ.

Налоговый кодекс РФ (далее НК РФ) устанавливает определенный перечень методов налогового контроля, но, несмотря на их большое количество, наиболее действенными являются налоговые проверки.

НК РФ (ст. 87) предусматривает два вида налоговых проверок: камеральные и выездные.

Исходя из сложившейся практики, выездная налоговая проверка является самым распространенным методом при котором выявляется наибольшее количество правонарушений в налоговой сфере.

Налоговые органы могут использовать некоторые явные признаки, наличие которых позволяет им делать вывод о целесообразности проведения выездной налоговой проверки у того или иного налогоплательщика или налогового агента:

- 1) отражение в бухгалтерской или налоговой отчетности убытков на протяжении нескольких налоговых периодов;
- 2) налоговая нагрузка у данного налогоплательщика ниже ее среднего уровня по данной сфере деятельности;
- 3) отражение в налоговой отчетности значительных сумм налоговых вычетов за определенный период.

Заслуживающей отдельного пояснения является и ст. 93 НК РФ, регламентирующая такое мероприятие налогового контроля, как истребование документов у налогоплательщика. Срок исполнения требования, в соответствии с НК РФ не должен превышать десяти рабочих дней. Однако в п. 2 ст. 88 этого же нормативного акта закрепляется, что камеральная налоговая проверка может проводиться в течение трех месяцев, а в некоторых случаях шести месяцев, что является достаточным для сбора, анализа информации полученной от налогоплательщика и вынесения акта, при выявлении нарушения налогового законодательства. Анализируя указанные сроки, которыми, в силу НК РФ руководствуется и налоговый орган и налогоплательщик очевидно не равенство их правового положения, фактически налоговый орган имеет гораздо длительные сроки для рассмотрения документов и принятия по ним процессуального решения. Таким образом, следовало бы несколько изменить данную процедуру, предоставив налогоплательщику больший срок для сбора и предоставления документов в налоговый орган, увеличив его, как минимум, до 14 дней.

НК РФ закрепляет несколько способов уведомления и передачи документов налогоплательщику (лично под расписку, личный кабинет налогоплательщика и др.). Необходимо обратить особое внимание на шестидневный срок, по истечении которого налогоплательщик считается извещенным надлежащим образом либо получившим документы через почту (п. 4 ст. 31; п. 6 ст. 69 ст. 101.4 НК РФ). Однако в силу различных объективных причин (ошибка курьера, ошибка в работе почтового служащего и т.д.) налогоплательщик может фактически не

уклоняясь от его получения — его тем не менее не получить, что в дальнейшем может повлечь за собой наступление ответственности по ст. 126 НК РФ.

Обращаясь также к ст. 106 НК РФ следует отметить, что налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и их представителей, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность.

Резюмируя изложенное, необходимо сказать, что если налогоплательщик не получил это письмо, то обязанности что-то предоставить не должно возникать.

Также обращаясь к нормам НК РФ, лицо, совершившее налоговое правонарушение, по мнению налогового органа, вправе, в случае несогласия с фактами, изложенными в акте, а также с выводами и предложениями должностного лица, обнаружившего факт налогового правонарушения, представить в соответствующий налоговый орган письменные возражения по акту в целом или по его отдельным положениям. В данном случае руководитель налогового органа (заместитель) обязан, рассматривая возражения налогоплательщика, установить вину налогоплательщика, а также основание для привлечения лица к ответственности, в отношении которого был составлен акт, за совершение налогового правонарушения, а налогоплательщик, несмотря на п. 6 ст. 108 (презумпция невиновности) НК РФ, должен доказать, что письмо им получено не было по не зависящим от него причинам.

Еще одним проблемным моментом, заслуживающим разъяснения, является тот факт, что в соответствии с гражданским законодательством некоторая информация, которая является предметом налоговой проверки, может составлять коммерческую, служебную или профессиональную тайну.

Обращаясь к гражданскому и налоговому законодательству, необходимо пояснить, что налогоплательщик может самостоятельно определять, какие из документов, находящихся у него содержат такую информацию.

В соответствии с гражданским законодательством, налогоплательщик вправе отказать в их предоставлении, однако, налоговый орган в соответствии со ст. 126 НК РФ имеет право наложить санкцию на налогоплательщика, налогового агента и плательщика страховых сборов.

Анализируя п. 2 ст. 86 НК РФ можно сделать вывод, что только банки имеют возможность не предоставлять информацию в налоговый орган, если на нее нет прямого указания в данной статье. Также можно обратить внимание, что налоговые органы, в силу ст. 102 НК РФ являются субъектами налоговой тайны и обязаны не разглашать сведения, полученные ими в результате налоговых проверок, за исключением случаев указанных в законе.

Необходимо пояснить, что также одним из приоритетных направлений современной государственной политики, в том числе в сфере налогового контроля, в соответствии с распоряжением Правительства¹, является курс на внедрение цифровизации, которая включает в себя:

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации“». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.02.2020).

институт информационных ресурсов в бюджетной сфере, к которым относится государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет»²;

институт бюджетного учета и отчетности, заключающийся в передаче полномочий отдельных федеральных органов исполнительной власти по ведению бюджетного учета и формированию бюджетной отчетности.

Анализируя порядок проведения камеральной и выездной налоговых проверок, нельзя не обозначить необходимость упрощения данных процедур для налогоплательщика и налогового агента. Так, например, в силу п. 1 ст. 23 НК РФ указанные субъекты в силу закона, обязаны передавать в налоговые органы документы для осуществления их регистрации, уплаты налогов и прочих операций. Для обращающихся в налоговые органы субъектов может появиться необходимость длительного ожидания (п. 2 ст. 88 НК РФ), копирования документов и их заверения у нотариуса.

На помощь в упрощении процедур финансового контроля должны повсеместно прийти системы кибербезопасности и электронные системы быстрого доступа к проверяемому объекту внутреннего финансового контроля.

И последней немаловажной проблемой, о которой необходимо упомянуть, является защита прав налогоплательщиков, которая сегодня актуальна. Согласно НК РФ, налогоплательщик и иные субъекты налоговых правоотношений могут воспользоваться как административным, так и судебным способом защиты своих нарушенных прав и законных интересов. Следует отметить, что досудебное разрешение налоговых споров было определено еще в Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 гг., утвержденной Министерством финансов Российской Федерации и Федеральной налоговой службой 13 февраля 2013 г.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что, предусмотренный частью 4.3 Концепции, переход «от досудебного порядка разрешения налоговых споров к внесудебному урегулированию споров без участия суда, в т.ч. развитие примирительных процедур» означает качественно новый подход ко всей системе урегулирования налоговых споров³.

Возвращаясь к цифровизации, которая в настоящее время затронула все сферы государственного аппарата, можно отметить, что на сайте ФНС России имеется интернет-сервис «Узнать о жалобе», с помощью которого налогоплательщик может в режиме онлайн затребовать информацию о процессе рассмотрения своих жалоб и заявлений, что, безусловно, позволяет говорить об оперативности и прозрачности данного процесса. Еще одним удобным для налогоплательщика является интернет-сервис «Решения по жалобам», обратившись к которому можно получить свободный доступ к базе решений вышестоящих налоговых

² См.: Постановление Правительства РФ от 30 июня 2015 г. № 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами „Электронный бюджет“» (вместе с Положением о государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 28, ст. 4228.

³ См.: Приказ ФНС России от 13 февраля 2013 г. № ММВ-7-9/78 «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы». URL: <http://base.garant.ru/70316282/> (дата обращения: 05.02.2020).

органов, вынесенных по результатам рассмотрения жалоб (обращений) налогоплательщиков.

Указанный сервис позволяет заранее, еще до того, как жалоба будет отправлена, проверить возможность разрешения проблемы, а главное, оценить свои доводы и сложившуюся позицию налоговых органов по подобным спорам.

По словам главы ФНС России, «служба активно развивает электронные услуги: на ее официальном сайте представлено более 50 сервисов, которые позволяют налогоплательщикам решать большинство своих вопросов в режиме онлайн, не посещая инспекцию»⁴.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в качестве стратегической цели необходимо добиваться максимального развития внесудебных механизмов урегулирования налоговых споров, с помощью которых можно добиться максимально возможного разрешения налоговых споров без участия суда.

⁴См.: Приказ ФНС России от 13 февраля 2013 г. № ММВ-7-9/78 «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы». URL: <http://base.garant.ru/70316282/> (дата обращения: 06.02.2020).

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10028

УДК 347.963

А.Е. Решетняк

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Введение: в статье рассматривается значение прокурорского надзора в сфере потребительского кредитования. Это касается исполнения законодательства, направленного на выявление и пресечение нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов. Обозначены основные направления работы в указанной сфере и их недостатки. Освящены возможные меры прокурорского реагирования за нарушения законодательства в сфере потребительского кредитования, а также освещена роль органов прокуратуры в правовом просвещении граждан и повышении их финансовой грамотности. **Цель:** выявить существующие проблемы в осуществлении прокурорского надзора в сфере потребительского кредитования, а также предложить пути их решения. **Методологическая основа:** системный анализ, синтез, дедукция, сравнительно-правовой метод, метод диалектической логики, а так же статистический. **Результаты:** выявлены существующие проблемы в организации и осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в кредитно-банковской сфере, в т.ч. по выявлению и пресечению нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов. **Выводы:** в современных социально-экономических условиях прокурорский надзор в сфере потребительского кредитования становится особенно актуальным и приоритетным. Он обусловлен необходимостью защиты прав потребителей финансовых услуг, обеспечению здоровой конкуренции на финансовом рынке, а также сохранению финансовой безопасности страны. Для более тщательной организации такого надзора необходимо обеспечить систематическое обучение прокурорских работников, на которых возложен надзор за кредитно-банковской сферой, а также обеспечить им частичный доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну. Кроме того, видится необходимым утверждения приказа Генеральной прокуратуры по организации надзора в кредитно-банковской сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, кредитная организация, потребительское кредитование, надзорные органы, финансовые операции, Банк России, займы.

A.E. Reshetnyak

THE ROLE OF PROSECUTOR'S BODIES IN LAW ENFORCEMENT OF CONSUMER CREDITING

Background: the article deals with the importance of prosecutorial supervision in the field of consumer crediting, in particular the implementation of legislation aimed at identifying and preventing illegal activities in the provision of consumer credits. The main directions of work in this area and their non-delivery are indicated. The possible measures

© Решетняк Анастасия Евгеньевна, 2020
Аспирант кафедры финансового банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия)

© Reshetnyak Anastasia Evgenievna, 2020
Postgraduate student, Financial banking and customs law department named after professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

of the prosecutor's response to violations of legislation in the sphere of consumer crediting, as well as the role of the prosecution authorities in the legal education of citizens and improving their financial literacy are highlighted. Objective: to identify existing problems in the implementation of prosecutorial supervision in the field of consumer crediting, as well as to suggest ways to their solution. Methodology: systemic, analysis, synthesis, deduction, comparative legal, dialectical logic, statistical. Results: existing problems in the organization and implementation of prosecutor's supervision over the implementation of legislation in the credit and banking sector, including the identification and suppression of illegal activities in the provision of consumer loans. Conclusions: in modern socio-economic conditions, prosecutor's supervision in the field of consumer lending becomes particularly relevant and priority. It is due to the need to protect the rights of consumers of financial services, ensure healthy competition in the financial market, as well as preserve the financial security of the country. For more thorough organization of such supervision, it is necessary to ensure the systematic training of prosecutors, who are entrusted with the supervision of credit and banking, as well as provide them with partial access to information constituting bank secrecy. In addition, it seems necessary approval of the order on the organization of supervision in the credit and banking sector.

Key-words: *prosecutor's supervision, credit organization, consumer lending, supervisory authorities, financial operations, Bank of Russia, loans.*

Усиленный контроль со стороны государства за финансовой деятельностью хозяйствующих субъектов, позволяет ему поддерживать экономическую безопасность и стабильность страны. Согласно мнению представителей Саратовской школы финансового права им. Н.И. Химичевой, банковский кредит, в т.ч. потребительский, входит в финансовую систему Российской Федерации [1, с. 29]. Отсутствие особого надзора в указанной сфере может привести к экономическому кризису и иным неблагоприятным последствиям как для граждан, так и для экономической системы в целом. В этой связи, актуальным является вопрос обеспечения эффективного контроля и надзора за осуществлением участниками финансовой системы их финансовой деятельности.

Одним из надзорных органов в кредитно-банковской сфере является прокуратура Российской Федерации. В связи с тем, что социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России, способствует росту значительного количества преступлений и правонарушений в области финансов, вопросы законности в сфере кредитования физических лиц находятся на особом контроле прокуратуры Российской Федерации.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹, предметом прокурорского надзора является соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, в том числе, органами управления и руководителями коммерческих организаций. Указанное позволяет говорить о том, что под сферу деятельности прокурорского надзора подпадают банки и небанковские кредитные организации.

Особую значимость прокурорского надзора в кредитно-банковской сфере подчеркивает приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», в соответствии с которым надзор за ис-

¹ См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. от 27 декабря 2018 г. № 536-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

полнением банковского законодательства является направлением, на котором прокурорам необходимо сосредоточить усилия².

Наиболее значимой областью прокурорского надзора является надзор за соблюдением законодательства в сфере потребительского кредитования [2, с. 101].

Популярность потребительского кредита не уменьшается, а объемы его предоставления с каждым годом растут, что подтверждается статистическими данными, представленными ниже в таблице.

Кредиты, предоставленные физическим лицам в 2016–2019 годах*

	Количество предоставленных кредитов по состоянию			
	на 01.01.2016 г.	на 01.01.2017 г.	на 01.01.2018 г.	на 01.01.2019 г.
Российская Федерация	5 861 351	7 210 282	9 233 726	12 456 050
Саратовская область	66 615	81 356	107 169	151 500

* Таблица составлена на основе статистических данных, приведенных в годовых отчетах Банка России за 2016–2019 гг. Официальный сайт Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/udstat.aspx?Month=01&Year=2019&TblID=302-02m> (дата обращения: 06.03.2019).

Большая часть граждан, обращающихся за предоставлением потребительского кредита, имеет низкий уровень доходов. Это связано с потребностью в товарах и услугах, которая будет возникать, несмотря на низкие доходы, а также нехватку собственных накоплений [3, с. 43]. Низкий уровень финансовой грамотности подавляющей части населения Российской Федерации требует усиленного прокурорского надзора за исполнением законодательства в кредитно-банковской сфере.

Прокуратурой принимаются меры организационного, межведомственного и координирующего характера, касающиеся противодействия нелегальным кредиторам, в т.ч. посредством проведения межведомственных совещаний и информационного взаимодействия по данному вопросу с Банком России.

Так, 16 февраля 2017 г. подписано Соглашение о взаимодействии Генеральной прокуратуры РФ и Центрального банка РФ. В 2016 г. в Генеральную прокуратуру из Центробанка поступило более 130 сообщений о неправомерных действиях кредитных организаций, а также о сомнительных операциях банков и их клиентов. По данным фактам прокуратурой организованы проверки, по результатам которых возбуждены десятки уголовных дел³.

Важной составляющей прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере потребительского кредитования является правовое просвещение граждан. Прокуратурой на регулярной основе размещаются статьи, содержащие разъяснение положений действующего законодательства в сфере потребительского кредитования, на официальном сайте администраций муниципальных образований, а также в средствах массовой информации.

² См.: Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (с изм. от 21 июня 2016 г. № 361). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201609&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3554904780107002#05184886128232344> (дата обращения: 06.02.2019).

³ См.: Генеральная прокуратура Российской Федерации и Центральный банк Российской Федерации подписали Соглашение о взаимодействии. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1164379/> (дата обращения: 12.03.2019).

Наиболее значимой частью прокурорского надзора в указанной сфере является непосредственное выявление и привлечение к ответственности лиц, незаконно осуществляющих профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 3 Кировского района г. Саратова индивидуальный предприниматель О. по постановлению прокурора признан виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 14.56 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 20000 руб. О. обратился в Саратовский областной суд с апелляционной жалобой, ссылаясь на то, что он имеет право на осуществление деятельности по предоставлению займов. Вместе с тем, судом апелляционной инстанции сделан обоснованный вывод об ошибочном толковании О. норм действующего законодательства. Профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов может осуществляться только определенным кругом юридических лиц. В ходе проверки установлено, что О. деятельность по выдаче займов осуществляется на постоянной и регулярной основе, более 4 раз в год, что образует признаки профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов. При этом О. в качестве одной из таких организаций, не зарегистрирован, не обладает присущими им признаками и соответствующим статусом. Апелляционным определением решение суда первой инстанции оставлено без изменения, жалоба без удовлетворения⁴.

Кроме того, прокуратурой проводятся проверки по фактам распространения в сети Интернет и средствах массовой информации сведений о незаконном оказании услуг по предоставлению займов.

Так, например, прокуратурой Татищевского района Саратовской области проведена проверка, в ходе которой установлено, что в Центральный банк РФ поступило обращение ООО МКК «ВостокЦентрУслуг» по вопросу незаконной кредитно-банковской деятельности частными лицами и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными на территории Татищевского района.

В соответствии с информацией официального сайта ФНС РФ граждане В.М., С.А., В.Д., А.Н. и некоторые другие в качестве индивидуальных предпринимателей на территории Саратовской области не зарегистрированы.

Кроме этого, указанные лица отсутствуют в реестре индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных и осуществляющих свою деятельность на территории Татищевского района.

По результатам проверки, прокуратурой района в порядке ст. 39 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в суд направлено заявление о блокировке Интернет-сайта, на котором размещены сведения об осуществлении кредитно-банковской деятельности лицами, не имеющими права на занятие данной деятельностью на территории Татищевского района. Решением суда указанная информация признана запрещенной к распространению на территории Российской Федерации⁵.

⁴ См.: Постановление Саратовского областного суда от 21 апреля 2016 № 4А-248/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Материалы прокуратуры Татищевского района Саратовской области. Документ опубликован не был.

Помимо прочего, прокурорами, при выявлении фактов осуществления незаконной кредитно-банковской деятельности могут быть направлены материалы проверки по п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ для уголовного преследования в соответствующие правоохранительные органы.

На практике, при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере потребительского кредитования, могут возникнуть определенные проблемы. Так, при осуществлении прокурорского надзора у прокурора может возникнуть необходимость истребовать определенную информацию из банка или небанковской кредитной организации. Согласно ст. 6 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок.

Вместе с тем, сведения об операциях, о счетах и вкладах клиентов и корреспондентов, а также иные сведения, устанавливаемые кредитной организацией, являются, согласно ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»⁶, банковской тайной.

Указанной выше статьей определен исчерпывающий перечень органов, которым кредитная организация обязана предоставить необходимые сведения, составляющие банковскую тайну. Однако органы прокуратуры в указанном перечне отсутствуют, в связи с чем сотрудниками банка устраивается волокита при исполнении запросов прокуроров, а также отказ в предоставлении необходимых сведений [4, с. 83].

25 апреля 2014 г. на обсуждение в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 508767-6 «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1, наделяющий прокуратуру полномочиями по получению информации в кредитных организациях. Однако на рассмотрение законопроекта в первом чтении, 22 февраля 2018 г., последний был отклонен. При этом за принятие законопроекта проголосовало 73 депутата (16,2%), против 0 (0,0%), остальные воздержались. В этой связи, видится обоснованной речь депутата Государственной Думы Юрия Синельщикова, на обсуждении законопроекта⁷: «Прокурор сможет получать информацию только тогда, когда к нему поступит сообщение о совершенном или готовящемся правонарушении: сообщают прокурору, что такой-то банк накануне банкротства срочно перекачивает деньги или криминальные деньги за рубеж, тогда прокурор включает свои механизмы и получает необходимую информацию, для того чтобы пресечь эти безобразия, для того чтобы пресечь эту деятельность». Его также поддержал Николай Коломейцев, говоря о том, что прокурорским работникам не хватает в данной ситуации элементарного доступа к информации, при этом без правильного анализа невозможно выработать объективное решение имеющейся проблемы.

При этом прокурор вправе запрашивать и получать сведения, составляющие банковскую тайну, в ходе проведения проверки исполнения требований Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

⁶ См.: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. от 27 декабря 2018 г. № 514-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. ст. 492.

⁷ См.: Стенограммы по законопроекту № 508767-6. URL: <http://lexfeed.ru/law/508767-6> (дата обращения: 20.02.2019).

Однако банки, руководствуясь понятием «банковская тайна», также не всегда своевременно предоставляют необходимую прокурорам информацию.

Помимо этого, в настоящее время нет утвержденной приказом Генеральной прокуратуры РФ инструкции по организации надзора в кредитно-банковской сфере.

Ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор Бажанов С.В., связывает существующие проблемы, при осуществлении прокурорского надзора за кредитно-банковской сферой, также с отсутствием деятельности по отслеживанию принадлежности собственности, находящейся на территории Российской Федерации, что порождает невозможность определить, какое количество средств контролируется резидентами и действует в интересах отечественного воспроизводства. Указанное, в свою очередь, приводит к незаконному выводу банковских активов за рубеж [5, с. 111].

Анализ прокурорской практики свидетельствует о многочисленных фактах нарушений действующего законодательства в сфере потребительского кредитования как со стороны кредитных организаций, так и со стороны физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Направленность на укрепление законности и правопорядка, предупреждение и пресечение правонарушений, обеспечение прав и свобод граждан имеет такую автономную форму юридической деятельности как надзор [6, с. 65].

В заключении хотелось бы отметить, что при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере потребительского кредитования прокурорам необходимо строго соблюдать банковскую и коммерческую тайны. Естественно, что сами материалы и результаты прокурорских проверок, а также акты прокурорского реагирования должны быть конфиденциальными и не подлежат опубликованию в средствах массовой информации. При этом необходимо принятие правового акта, направленного на предоставление кредитными организациями прокурорским работникам сведений, необходимых для проведения полной и всесторонней проверки по поступившей информации о правонарушении в кредитно-банковской сфере. Данный акт может быть принят посредством принятия федерального закона, который внесет изменения в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». При этом необходимо прописать четкие критерии, по которым прокурор будет иметь право на получение информации, составляющую банковскую тайну, а также процедуру их получения. Помимо этого, на уровне Генеральной прокуратуры РФ необходимо утверждение приказа по организации надзора в кредитно-банковской сфере. Кроме того, немаловажным улучшением качества надзора в рассматриваемой сфере будет являться организация и проведение всевозможных семинаров и курсов для прокурорских работников по обучению выявления преступлений и правонарушений в кредитно-банковской сфере. Такое обучение, в частности на территории Саратовской области, видится возможным благодаря совместным усилиям Банка России, прокуратуры Саратовской области, а также кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», обладающей глубокими теоретическими познаниями в указанной сфере, и привлечения иных кафедр академии.

Библиографический список

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 799 с.
2. Морозов И.П. Прокурорский надзор за исполнением законов о банках и банковской деятельности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 26. С. 98–105.
3. Клюев В.С., Любимов А.А. Проблемы и перспективы развития банковского потребительского кредитования в России // Проблемы социально-экономического развития региона: сборник статей XV Международной научно-практической конференции (г. Пенза, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 25–26 января 2018 г.). 2018. С. 42–47.
4. Газалова А.Б. Перспективы развития прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленного на выявление и пресечение нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 81–85.
5. Бажанов С.В. Роль органов прокуратуры в обеспечении законности в кредитно-банковской отрасли российской экономики // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 105–111.
6. Баранов М.Л. Соотношение понятий «государственный контроль» и «государственный надзор»: теория и практика вопроса // Право и жизнь. 2011. № 159. С. 64–97.

References

1. Financial Law: textbook / resp. ed. N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed., revised and suppl. M.: Norma: INFRA-M, 2017. 799 p.
2. Morozov I.P. Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws on Banks and Banking // Law and Order in Modern Society. 2015. No. 26. P. 98–105.
3. Klyuev V.S., Lyubimov A.A. Problems and Prospects for the Development of Consumer Banking in Russia // Problems of Socio-economic Development of the Region: a collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference (Penza, Penza State University of Architecture and Construction, January 25–26, 2018). 2018. P. 42–47.
4. Gazalova A.B. Prospects for the Development of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Legislation Aimed at Identifying and suppressing Illegal Activities in the Provision of Consumer Loans // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. No. 9. P. 81–85.
5. Bazhanov S.V. The Role of Prosecutors in Ensuring the Rule of Law in the Credit and Banking Industry of the Russian Economy // Journal of Russian law. 2018. No. 2 (254). P. 105–111.
6. Baranov M.L. The Relationship between the Concepts of "State Control" and "State Supervision": the Theory and Practice of the Issue // Law and Life 2011. No. 159. P. 64–97.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10029
УДК 009:304

И.Ю. Новичкова, В.С. Слобожникова, И.В. Суслов

ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Введение: статья посвящена итогам работы, прошедшей в Саратовской государственной юридической академии (25–26 января 2019 г.) Международной научно-практической конференции «Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности». **Цель:** анализ состояния российской социо-гуманитарной науки с точки зрения социоисторической динамики; исследование отношений общества, власти и политики; определение современных угроз и вызовов, которые стоят перед социо-гуманитарной наукой. **Методологическая основа:** дискурс-анализ научных исследований ученых участвовавших в конференции; дифференциация и синтез социально-гуманитарных научных исследований, системно-процессуальный и деятельностный анализ состояния социо-гуманитарной науки в широком временном социоисторическом интервале. **Результаты:** научное переосмысление концептуального состояния общественно-гуманитарных наук в России в историческом контексте и реалиях XXI в. **Выводы:** развитие социо-гуманитарной науки в новом векторе исторического развития России происходит на междисциплинарном и полидисциплинарном уровне; в ответ на вызовы времени модифицируются социокультурные контексты, политические цели и идеологии, экономические реалии, нормы и традиции.

Ключевые слова: социо-гуманитарная наука, итоги конференции, проблематика исследований.

© Новичкова Ирина Юрьевна, 2020

Доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: novichkova-irina@yandex.ru

© Слобожникова Валентина Сергеевна, 2020

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, политологии и социологии (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: svs@ssla.ru

© Суслов Иван Владимирович, 2020

Кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: suslov85@inbox.ru

© Novichkova Irina Yuryevna, 2020

Doctor of sociology, Professor, History, political science and sociology department (Saratov State Law Academy)

© Slobozhnikova Valentina Sergeevna, 2020

Doctor of political sciences, Professor, Head of the History, political science and sociology department (Saratov State Law Academy)

© Suslov Ivan Vladimirovich, 2020

Candidate of sociological sciences, Associate professor, History, political science and sociology department (Saratov State Law Academy)

I.Yu. Novichkova, V.S. Slobozhnikova, I.V. Suslov

SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES OF MODERN RUSSIA:
BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

Background: the article is devoted to the results of the work held at the Saratov State Law Academy (25–26 January 2019) of the International Scientific and Practical Conference “Russian Social and Humanitarian Science before the Challenges of Our Time.”

Objective: analysis of the state of Russian social and humanitarian science from the point of view of sociohistoric dynamics; research into social relations, power and politics; identification of contemporary threats and challenges facing social and human science.

Methodology: discourse - analysis of scientific research of scientists participating in the conference; differentiation and synthesis of social and humanitarian scientific research, system-procedural and activity analysis of the state of social and humanitarian science in a wide time sociohistoric interval. **Results:** scientific rethinking of the conceptual state of social and human sciences in Russia in the historical context and realities of the XXI century. **Conclusions:** development of social and humanitarian science in the new vector of historical development of Russia takes place at the interdisciplinary and multidisciplinary level; Sociocultural contexts, political goals and ideologies, economic realities, norms and traditions are modified in response to the challenges of time.

Key-words: socio-humanitarian science, results of the conference, research issues.

Трудно себе представить простые времена в России для общественно-гуманитарных наук, они имеют дело с подвижной, динамичной, постоянно находящейся в движении Современностью в лице общества, власти, политики. В СССР социально-гуманитарное знание могло развиваться только в жестких рамках марксистско-ленинской парадигмы в условиях обязательной ангажированности. Власть, проводя волюнтаристский курс, использовала потенциал общественно-гуманитарных наук в идейно-политических целях, что отражалось и на их содержании, и на структуре.

Положение социо-гуманитарных наук в современной России нельзя назвать беззаботным. Часть общества, особенно поклонники Запада, не может им простить «грехов» периода СССР, обслуживания власти, разработки, как сегодня стало очевидным, утопических теорий. Для маргинализованной, поверхностно-образованной части все, что не дает непосредственной и быстрой выгоды — просто не должно существовать, в т.ч. и гуманитарное знание. Власть, ситуативно сосредоточившись на экономике и социальной сфере, на наш взгляд, недостаточно опирается на современный потенциал общественно-гуманитарных наук для решения сложнейших проблем Современности, отвечая на вызовы времени. В обществе происходят сложные процессы, с которыми наша страна прежде не сталкивалась. Общество меняет свои качественные характеристики, между поколениями углубляется качественная дифференциация, тургеневское деление на «отцов» и «детей» сегодня не просто вчерашний, а поза-, позапоза-вчерашний день.

Общественно-гуманитарные науки призваны улавливать тренды социальных трансформаций, которые задают направления развития и создают дискурсы, отвечающие вызовам времени. Современность влечет, озадачивает, разочаровывает,

порой шокирует, требует анализа, определения, выявления тенденций. После радикального отказа от формационной трактовки истории человечества все более популярной становится триада: премодерн — модерн — постмодерн. Очевидно, что изменения в современном обществе, называемом и постиндустриальным, и постмодерном, и постинформационным, и постсекулярным происходят стремительнее, интенсивнее в сравнении с прошлыми столетиями.

В условиях перемен XXI в. меняются исторические оценки значимых событий и действующих лиц, происходит обновление ведущих институциональных дискурсов, появляются новейшие глобальные, региональные риски и пути их преодоления, пересматриваются прогнозные сценарии будущего. В ответ на вызовы времени модифицируются социокультурные контексты, политические цели и идеологии, экономические реалии, нормы, традиции.

Все эти проблемы, имеющие динамичный характер, в социо-гуманитарном знании современной России анализируются на междисциплинарном уровне, в сравнительной перспективе, с применением комплексных методологий, воплощаются в академических полемиках, медийных дебатах, дискутируются на интернет-форумах и общественных аренах.

Если учесть, что в прошлом 2018 г. исполнилось 25 лет действующей Конституции Российской Федерации, то это было, по меркам истории, совсем недавно. Все это время, общественно-гуманитарные науки серьезно работали «над собой», осваивались новые концептуальные основы, на базе которых изучалась и изучается Современность. Важным фактором развития социально-гуманитарных наук (как и цивилизаций по А. Тойнби) являются вызовы. Если цивилизации вынуждены отвечать на вызовы природы или агрессивных соседей, то общественные науки совершенствуются в процессе осмысления постоянно меняющейся современности.

25–26 января 2019 г. в Саратовской государственной юридической академии состоялась Международная научно-практическая конференция «Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности». Ее инициатором и организатором выступила кафедра истории, политологии и социологии. В ходе конференции обсуждались актуальные проблемы, находящиеся в фокусе внимания социогуманитарных наук.

Изменения в современном обществе, называемом и постиндустриальным, и постинформационным, происходят стремительнее и интенсивнее, по сравнению с прошлым столетием. В ответ на вызовы времени модифицируются социокультурные контексты, политические цели и идеологии, экономические реалии, нормы, традиции. В условиях XXI в. меняются исторические оценки значимых событий и действующих лиц, обновляются ведущие институциональные дискурсы, появляются новейшие глобальные, региональные риски и пути их преодоления, пересматриваются прогнозные сценарии будущего. Все эти проблемы, имеющие динамичный характер, анализируются на междисциплинарном уровне в сравнительной перспективе, с применением комплексных методологий, воплощаются в академических полемиках, медийных дебатах, на интернет-форумах и общественных аренах идут оживленные дискуссии.

В работе конференции приняли участие более 70 ученых из разных регионов России и зарубежья (Саратов, Москва, Рязань, Уфа, Махачкала, Курск, Красноярск, Ханты-Мансийск, Екатеринбург, Волгоград, Нижний Новгород, Саранск,

Омск, Ульяновск, Пермь, Челябинск, Владивосток, Ставрополь, Париж, Минск, Ташкент).

Научная программа конференции включала пленарное заседание, круглый стол «Общественно-гуманитарные науки в контексте образовательного процесса» и работу 6 секций.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам Международной научно-практической конференции «Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности» обратился проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, профессор, доктор юридических наук Е.В. Вавилин. В своем выступлении он отметил актуальность проводимой конференции и ее важность для развития гуманитарного образования в высшей школе.

С пленарными докладами выступили: А.И. Демидов (доктор философских наук, профессор СГЮА) «Большой поворот» постмодернизма; В.М. Долгов (доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС) «Общественные науки в границах политических интересов»; В.А. Чолахян (доктор исторических наук, профессор СНИГУ им. Н.Г.Чернышевского) «Некоторые тенденции современной российской историографии»; С.А. Сивова (доктор социологических наук, профессор СГЮА) «Социально-управленческая мысль: проблемы и перспективы современного этапа»; В.С. Слобожникова (доктор политических наук, профессор СГЮА) «Освоение социо-гуманитарными науками России феномена постсекулярности»; С.Ф. Афанасьев (доктор юридических наук, профессор СГЮА) «К вопросу об интеграции науки и высшего образования»; Н.А. Барышникова (доктор экономических наук, доцент СГЮА) «Междисциплинарные экономико-правовые исследования как новая форма организации знания: проблемы и перспективы»

Доклады пленарного заседания дали возможность познакомиться с результатами исследований российских и зарубежных ученых, работающих в разных областях гуманитарной науки, и вызвали большой интерес участников во время обсуждений. Они отличались несомненной глубиной теоретического анализа и высокой практической актуальностью рассматриваемых проблем.

Научное познание начинается с выбора методологии. Переход в постиндустриальное общество сопровождается ростом популярности постмодернистской парадигмы. Однако, как в пленарном докладе отметил профессор А.И. Демидов (СГЮА), отказ от рациональности, утверждение зыбкости мира и невозможности достичь ясного понимания социальных процессов несет в себе серьезные угрозы и риски. Под покровом постмодернизма, силы выступающей против диктатуры и политического, культурного, социального тоталитаризма, оказывается возможным проводить опыты по манипуляции сознания и установлению негласного контроля за, казалось бы, «освобождающимся» обществом.

Популярность западных концепций в среде российских ученых — опасная тенденция, считает профессор В.М. Долгов (ПИУ — филиал РАНГХИС). К сожалению, история России полна противоречивых примеров реформ и революций, проходивших по схемам западных общественных концепций. Национальная наука (по мнению докладчика пленарного заседания) обязана предложить оригинальные подходы к познанию российской действительности. Виктор Михайлович считает, что данная научная задача окрашена в политические тона и от ее решения зависит сохранение российского государства. Но современная

российская политическая элита идейно расколота (В.М. Долгов указывает на лагерь патриотов, западников и др.) и пока не в состоянии предложить общественной науке ясного заказа на суверенизацию.

Социально-гуманитарные науки следует более активно привлекать к разработке инструментов социально-политического инжиниринга. Однако С.А. Сивова (профессор СГЮА) в пленарном заседании отметила слабую институционализацию социально-управленческих исследований. Особенностью современной российской науки, по ее мнению, является ее слабая интегрированность в систему высшего образования. Недавнее создание отдельного министерства высшего образования и науки может рассматриваться как один из способов решения вышеуказанной проблемы. С.Ф. Афанасьев (профессор СГЮА) в пленарном докладе отметил, что будущее развитие России за созданием научно-образовательных центров.

Современная эпоха проходит под знаком интеграций. Н.А. Барышникова (профессор СГЮА) в пленарном докладе проанализировала личный опыт экономико-правовых исследований. Соединение усилий экономической и правовой наук, кроме очевидных преимуществ, таит в себе и сложности, связанные с несогласованностью и нечеткостью терминологии, а также противоречивостью инструментального аппарата исследований. Однако преодоление вызовов современности общественными науками невозможно без развития междисциплинарных исследований.

Круглый стол «Общественно-гуманитарные науки в контексте образовательного процесса» вел член Общественной палаты Саратовской области, профессор СГЮА И.Н. Коновалов. В нем приняли участие и выступали: М.В. Калининкова (профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского), С.В. Березин (референт Министерства образования Саратовской области), профессор Е.И. Демидова (зав. кафедрой истории, философии, политологии, социологии ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова), А.Т. Ташпекова (доцент Саратовского военного института войск национальной гвардии) и ученые кафедры истории, политологии и социологии СГЮА: Л.В. Логинава, С.А. Сивова, В.Н. Купин, В.А. Труханов, В.В. Щепланова и др. По окончании круглого стола, поводя итоги первого дня работы конференции, ее участники выработали рекомендации Совету ректоров Саратовской области, министерству образования Саратовской области, руководителям вузов и преподавателям социально-гуманитарных дисциплин.

На следующий день работа конференции продолжилась на секциях: «Философское переосмысление концептуальных оснований общественно-гуманитарных наук», «Современная историософия: между прошлым и будущим», «Национальная политическая наука современной России: тенденции, рецепция и новация», «Российская социология в контексте пространства мировых тенденций и российских реалий», «Прогностика в юридической науке в условиях глобальных перемен», «Российская экономическая наука в реалиях национальных и глобальных вызовов». Тематические направления конференции позволили обсудить проблемы современности через призму общественно-гуманитарных наук, улавливающей тренды социальных трансформаций, которые задают направления развития и создают дискурсы, отвечающие вызовам времени.

В рамках переосмысления концептуальных оснований общественно-гуманитарных наук авторы обратились к цифровому повороту в теории познания, «большому повороту» постмодернизма, освоению феномена постсекулярности,

проблемам и перспективам социально-управленческой мысли, тенденциям современной российской историографии. Не остались без внимания и проблемы интеграции науки и высшего образования, состояния гуманитарных наук в новом векторе исторического развития России, междисциплинарные экономико-правовые исследования как новая форма организации знания.

Современная историософия представлена работами о российской цивилизации, осмыслением геополитического положения нашей страны и подходами в анализе отдельных тем исторического знания.

Как свидетельствуют статьи политологов, российская политическая наука находится в поисках самоидентичности, анализирует политический дискурс демократии, обращается к проблемам религии и политики, решает проблему понятийного аппарата.

Серьезными вызовами для российской социологии стали мировые тенденции и российские реалии. Ведется интенсивный поиск основ управления общественными процессами, общественным сознанием в информационном обществе, подходов к анализу проблем изучения человеческого капитала, неет-молодежи, конфликтных ситуаций, террористических практик.

Перспективы юридической науки в условиях глобальных перемен XXI в. представлены формированием инновационных источников российского национального права, правовым конформизмом в сфере правотворчества, основными направлениями цифровизации права, эволютивным толкованием права в правосудии по гражданским делам.

В рамках проблематики российской экономической науки в реалиях национальных и глобальных вызовов ученые обратились к междисциплинарному подходу анализа концепции абсорбиционной способности экономики к инновациям, роли концепции устойчивого социально-экономического развития в решении глобальных проблем современности, неравенстве методов в экономической науке, реализации трудового потенциала мигрантов в социально-экономическом региональном пространстве.

Ответы на многие вызовы Современности можно найти не только в рамках конкретных общественно-гуманитарных наук, но и проводя междисциплинарные исследования. У социогуманитарного знания современной России существуют общие проблемы не только теоретического, концептуального плана, а также и прикладного. Общественно-гуманитарные науки нужны обществу, власти, политике. Только объективное знание может быть основой прогрессирующего развития страны, эффективного решения проблем.

К началу конференции в электронном формате был выпущен сборник материалов конференции, в котором представлены тексты докладов очных и заочных участников конференции [1]. Все предоставленные работы разделены на два логических блока в соответствии с основными направлениями общественно-гуманитарного знания. В первом — статьи об интеллектуальных процессах, происходящих в гуманитарном знании современной России, с позиции философов, историков, социологов, политологов, экономистов, юристов. Отдельный раздел посвящен новейшим исследованиям прикладного характера. Данное разделение носит условный характер, однако является важной характеристикой дизайна структуры издания.

Это одно из немногих современных изданий, в которых представлен калейдоскоп научно-исследовательской практики российских гуманитарных ученых.

Следует отметить, что усилиями профессорско-преподавательского состава кафедры истории, политологии и социологии, а также ректората Саратовской государственной юридической академии было продемонстрировано единство в многообразии отечественной гуманитарной науки. Российские исследователи готовы к сотрудничеству и диалогу.

Материалы сборника, связаны между собой не только принадлежностью к той или иной общественно-гуманитарной дисциплине. В статьях из разных тематических блоков прослеживается внимание к общим проблемам, стоящим перед современной наукой. В качестве важнейшей обсуждаемой темы следует назвать общее состояние наук об обществе в современный период выхода из модерна (статьи А.И. Демидова, В.С. Слобожниковой).

Перспективы дальнейшего развития гуманитарных наук и их связь с высшим образованием отражены в статьях Е.С. Дорофеевой, С.Ф. Афанасьева, Э.И. Ахметовой. Выйти за дисциплинарные границы собственных наук предлагается в статьях Н.А. Барышниковой, Л.Ш. Султановой, И.В. Сулова. Частные случаи развития современной историографии поднимаются В.А. Чолохьяном, А.И. Бичехвостом, Л.В. Климович. Поиски российской политологии собственной идентичности ведутся И.В. Бирюлиным, а споры о методе в экономических науках К.В. Фениным.

Тема безопасности и рисков проходит красной нитью через весь сборник материалов конференции, лишь подтверждая его актуальность. Теоретические рамки концепта «национальная безопасность» определяются статьей В.А. Труханова. Эстафету подхватывает В.В. Щербланова, отмечая социально-экономические причины терроризма. Кроме того, в сборнике представлены исследования по социологии «силовых» профессий (статьи И.Ю. Сурковой, В.Э. Алексеенко, В.А. Михайлова).

В статьях рецензируемого сборника подчеркивается возрастание роли религии в современном обществе и рисков, связанных с данным процессом. С методологических позиций феномен постсекулярности характеризуется В.С. Слобожниковой, политическое значение религий (их взаимодействие с государством и связь с террористическими движениями) раскрывается И.В. Кудряшовой и А.А. Маковским, затрагивается также и правовая проблематика, связанная с применением закона об оскорблении чувства верующих (в статье Г.К. Уразалиевой).

Безопасность, риски и религия актуализируют геополитические исследования, которые также представлены в данном сборнике в статьях В.Н. Купина, А.М. Харитоновой, Н.Р. Красовской и А.А. Гуляева. Популярностью на страницах сборника пользуется также тема цифровизации таких общественных сфер как право (в статьях Н.Н. Ковалевой и Е.В. Гаврилова), экономика (в статье В.А. Максимова) и процессов познания (в статье А.В. Голубинской). Проблемы управления на современном этапе общественного развития исследуются С.А. Сивовой, К.С. Арутюнян и В.В. Афанасьевой с Е.А. Пилипенко. Кроме того, в сборнике широко представлены вопросы экономического и правового развития России.

Тематические направления сборника дают возможность представить проблемы современности через призму общественно-гуманитарных наук, улавливающей тренды социальных трансформаций, которые задают направления развития и создают дискурсы, отвечающие вызовам времени. Материалы сборника можно рекомендовать не только исследователям и преподавателям, чей научный интерес сформировался давно и захватывает в свое поле новые объекты и предметы

анализа, но и студентам, магистрантам, аспирантам, только начинающим свой путь в науке и нуждающимся в расширении исследовательского кругозора и углублении спектра методологических принципов.

Конференция и сборник материалов утверждают и укрепляют такую новейшую тенденцию в развитии мировой и отечественной общественной науки как трансдисциплинарность. Использование социологических методов политическими науками, экономических концептов и терминов в правовых исследованиях, философских подходов в трактовке хода исторического развития — это лишь некоторые примеры сближения научных дисциплин, отраженные в настоящем сборнике. Подобные междисциплинарные исследования позволяют рассмотреть изучаемый объект с неожиданной стороны, усилить уровень аргументации и аналитики.

Создание общественными науками единого языка описания и комплекса методологических подходов позволит не только настроить исследовательскую оптику в стремлении к ясности понимания современных процессов, но и повысить статус и престиж гуманитарной науки в глазах общества и власти. Интеграция научного знания — это важнейшее направление и инструмент научного прогресса.

Подводя итоги прошедшей Международной научно-практической конференции «Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности», ее участники отметили высокий научный уровень ее проведения, выразили огромную благодарность руководству Саратовской государственной юридической академии за помощь в организации конференции. В ходе конференции обсуждались актуальные проблемы, находящиеся в фокусе внимания общественно-гуманитарных наук. Тема, заявленная в названии современна и важна, поскольку отражает состояние полидисциплинарного научного дискурса, объектом которого выступают особенности исследования современных общественных процессов, с точки зрения гуманитарных наук — философии, истории, политологии, социологии, права и экономики.

В материалах сборника отражены изменения (стремительные, интенсивные в сравнении с прошлым столетием) в современном обществе, называемом и постиндустриальным, и постинформационным. Авторы статей исследуют, как в ответ на вызовы времени модифицируются социокультурные контексты, политические цели и идеологии, экономические реалии, нормы, традиции. Кроме того, в материалах сборника отмечается как в условиях XXI в. меняются исторические оценки значимых событий и действующих лиц, происходят обновления ведущих институциональных дискурсов, появляются новейшие глобальные, региональные риски и пути их преодоления, пересматриваются прогнозные сценарии будущего. Все эти проблемы, имеющие динамичный характер, анализируются на междисциплинарном уровне, в сравнительной перспективе, с применением комплексных методологий.

В рамках переосмысления концептуальных оснований общественно-гуманитарных наук авторы обратились к цифровому повороту в теории познания, «большому повороту» постмодернизма, освоению феномена постсекулярности, проблемам и перспективам социально-управленческой мысли, тенденциям современной российской историографии. Не остались без внимания и проблемы интеграции науки и высшего образования, состояния гуманитарных наук в новом векторе исторического развития России, междисциплинарные экономико-правовые исследования как новая форма организации знания.

Библиографический список

1. Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Сулова]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 392 с.

References

1. Russian Social Sciences and Humanities in front of the Challenges of Our Time: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (January 25–26, 2019, Saratov) / [ed. V.S. Slobozhnikova, I.V. Suslova]; FSBEI of HE «Saratov State Law Academy». Saratov: Publishing house of FSBEI of HE «Saratov State Law Academy», 2019. 392 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10030

УДК 49.8

Н.Н. Ковалева

**1.0 МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО
ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ» (ОБЗОР)**

N.N. Kovaleva

**1.0 INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE “PROBLEMS AND CHALLENGES OF DIGITAL
SOCIETY: TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL
REGULATION OF DIGITAL TRANSFORMATIONS” (REVIEW)**

С 17 по 18 октября 2019 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» проходило уникальное по междисциплинарному охвату мероприятие — 1.0 Международная научно-практическая конференция «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций».

17 октября 2019 г. состоялось пленарное заседание Международной конференции, которое открыл выступивший с приветственным словом доктор юридических наук, профессор Е.В. Вавилин ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Он поддержал важность научной проблематики трансформации права в условиях развития цифровых технологий, регулирование технологий блокчейн, идентификации субъектов и цифрового профиля, методологии правового регулирования общественных отношений в сфере использования цифровых технологий и оборота данных, развития цифровой экономики и единой цифровой среды доверия, проблемы систематизации информационного законодательства, а также вопросы междисциплинарного подхода в современных научных исследованиях процессов цифровых трансформаций, он положительно оценил предложения кафедры информационного права и цифровых технологий о необходимости сделать Международную научно-практическую конференцию «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» ежегодной. Также к участникам

© Ковалева Наталия Николаевна, 2020
Доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия)

© Kovaleva Nataliya Nikolaevna, 2020
Doctor of law, Professor, acting head of Information law and digital technologies department (Saratov State Law Academy)

конференции обратилась и.о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», д.ю.н., профессор **Н.Н. Ковалева**, которая подчеркнула особую значимость изучения методологии правового регулирования исследования и использования систем искусственного интеллекта в «цифровом обществе» и международного опыта цифровизации на современном этапе и его правового регулирования.

В рамках Пленарного заседания конференции с докладом «Проблемы обеспечения информационной безопасности» выступила заведующая сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ **Т.А. Полякова**, которая подчеркнула актуальность продолжения работы по правовому обеспечению информационной безопасности, особенно в условиях развития цифровой экономики, необходимости реализации Стратегии научно-технологического развития России и заявлений о разработке информационно-коммуникационного и цифрового кодекса, и выразившая мнение, что обеспечение информационной безопасности является перспективным направлением в рамках международного сотрудничества, что особенно актуально в условиях развития цифровой экономики.

Выступление заместителя директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь, к.ю.н. **В.А. Шаршуна** было посвящено цифровизации нормотворчества в Республике Беларусь. В частности, им было отмечено, что на современном этапе осуществляется разработка общегосударственной системы обеспечения нормотворческой деятельности (АИС «Нормотворчество»), которая будет обеспечивать прохождение всех проектов нормативных правовых актов по всем стадиям нормотворческого процесса, включая создание проекта, его согласование, публичное обсуждение и официальное опубликование. Внедрение данной системы станет очередным значительным этапом в развитии государственной системы правовой информации и национальной правовой системы в целом, позволит повысить эффективность нормотворческой деятельности и оперативность принятия и вступления в силу актов законодательства, сократить затраты государственных органов на документооборот, сроки официального опубликования нормативных правовых актов, обеспечить осуществление мониторинга правоприменения. Также перспективным направлением в цифровизации нормотворчества является создание соответствующих аналитических систем с использованием технологий больших данных и искусственного интеллекта.

С большим вниманием участники выслушали доклад **Л.К. Терещенко** — заместителя заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, д.ю.н., Заслуженный юрист России, которая, рассказывая о государственном регулировании сферы связи в условиях цифровизации отметила, что основной объем регуляции в сфере связи лежит на государстве, тенденцию к дерегулированию можно усмотреть только по вопросам ценообразования. Вместе с тем есть направления, имеющие важность как для государства, так и для бизнеса, по которым должны прилагаться совместные усилия. В свою очередь, **А.В. Минбалеев** — зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного

права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент, эксперт РАН в своем выступлении «Модели регулирования цифровых отношений» указал, что планирование развития нормативного регулирования цифровой среды в рамках цифровой экономики и его реализация свидетельствуют, что законодатель ставит задачи урегулировать на уровне федерального законодательства как общие вопросы, затрагивающие все цифровые технологии (экспериментальные правовые режимы («цифровые песочницы»), вопросы идентификации и аутентификации в цифровой среде, цифровые права и др.), так и отдельные технологии (блокчейн, большие данные, искусственный интеллект и др.). **Ю.В. Волков** — доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета привел примеры констатации некоторыми авторами «нематериальной» (идеальной) сущности информации, а также иные неточности применения информационных терминов и некорректное их толкование. Решение данной проблемы предлагается в плоскости совершенствования методики правовых исследований. Одновременно, в исследовательской практике предлагается использовать новые методы анализа текстов (метод корпусной лингвистики и векторного анализа). Это должно повысить уровень правовых исследований. Точный и быстрый анализ ситуаций, изложенных в векторном формате, позволит сэкономить время, повысить скорость принятия решений, обеспечить высокую прозрачность процесса. Возможность автоматической обработки юридического документа обеспечит его универсальность и заданное качество. **Н.И. Сухова**, к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом «Эволюция права в условиях информационно-цифровых технологий: цифровая трансформация права или правовая цифровизация?» отметила развитие информационно-цифровых технологий и внедрение их в общественные отношения, которые наполняются новым содержанием, требует адекватной реакции права, своевременного реагирования и изменения механизма правового регулирования, в частности, путем разработки и применения соответствующего понятийного инструментария нормативно-правовых конструкций. Правоведам, деятельность которых связана с построением нормативной композиции регулятивного воздействия на общественные отношения, нужно иметь объективные данные и представления об уровне цифровизации конкретного предмета правового регулирования, о степени распространения новых форм отношений, выработанных сообществом участников этих отношений норм их регламентации. Важно решение еще одной задачи — знать, что будет после. Результат прогнозирования рисков противодействия закону должен выражаться в способности правотворца включить в нормативное поле средства нейтрализации этих рисков. **М.В. Шугуров** д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» в своем докладе «Политико-правовой механизм цифровой трансформации экономики в Европейском союзе», отметил, что реализация в рамках ЕС особой региональной модели цифровой трансформации, в которой ключевым звеном является Единый цифровой рынок, развитие которого вызывает мультипликационный эффект цифровизации остальных сфер общества. В соответствии с данной моделью управление процессами цифровизации осуществляется на основе особого механизма, предполагающего использование правовых инструментов наднационального права, а также инструментов

стратегического регулирования – стратегий и программ, предусматривающих не только мероприятия по формированию соответствующей правовой базы, но и организационные меры по инфраструктурному обеспечению цифровизации.

На площадке академии собрались более 100 ученых разных направлений: юристы, экономисты, философы, ученые в сфере ИКТ, представители бизнеса и органов государственной власти. Именно тот факт, что на дискуссию собрались представители разных научных направлений, сделал обсуждение вопросов цифровых трансформаций очень результативным.

Так, активное участие представители органов власти приняли не только на основной площадке конференции, но и в проходивших в ее рамках круглых столах: **А.А. Шугаев** — советник министра информации и печати Саратовской области, кандидат политических наук, **Н.А. Калашникова** — заместитель министра экономического развития Саратовской области — начальник управления контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд с докладом о контроле в сфере государственных и муниципальных закупок, **Е.Е. Устинов** — и.о. заместителя председателя контрольно-аналитического комитета Саратовской области с докладом о выявленных нарушениях в сфере внутреннего государственного финансового контроля, **А.Н. Гордеев** — начальник отдела функционирования контрактной системы Управления Федерального казначейства по Саратовской области с докладом об инновациях, в сфере государственных закупок, **Ю.Л. Потапов** — начальник управления бюджетного учета и отчетности государственных закупок, мониторинга деятельности учреждений министерства здравоохранения Саратовской области с докладом об особенностях и проблемах закупки товаров, работ и услуг в сфере здравоохранения, **А.П. Батракова** — референт отдела формирования материально-технической базы и государственных закупок министерства культуры Саратовской области с докладом об особенностях и проблемах закупки товаров, работ и услуг в сфере культуры, **А.А. Серебряков** — прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции с докладом о прокурорском надзоре за исполнением законов в сфере электронных закупок для государственных и муниципальных нужд, **А.В. Коновалов** — старший прокурор отдела по надзору за исполнением законов в сфере экономики и природоохранного законодательства управления по надзору за исполнением федерального законодательства с докладом о прокурорском надзоре за исполнением законов в сфере государственных и муниципальных закупок.

Среди представителей бизнес-структур проявивших максимальную заинтересованность, были **В.А. Руденко** — главный метролог ПАО «Саратовнефтегаз», кандидат технических наук, **Т.В. Турбина** — руководитель Департамента правового обеспечения АО «НЭСК», **С.Е. Коротков** — системный аналитик ООО «Мария».

Участие в работе 1.0 Международной конференции принимали зарубежные ученые из Казахстана, Беларуси, Чехии и др., известные отечественные ученые и специалисты в области информационного права и информационной безопасности, представители бизнеса и управления.

Кроме того, в рамках конференции прошли 4 круглых стола: «Теория и практика использования искусственного интеллекта в правосудии по гражданским и административным делам», «Цифровые государственные и муниципальные закупки: опыт, проблемы, перспективы», «Противодействие киберпреступности:

уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты», «Право и искусственный интеллект: опыт, проблемы, перспективы».

Среди международных участников можно выделить доклады: «Электронизация чешской судебной системы» доцента кафедры гражданского процессуального права Юридического факультета Университета им. Т. Масарика (г. Брно, Чехия), JUDr., Ph.D. **Радима Халуца, Р.Д. Акшаловой** докторанта специальности «6D030200 — Международное право», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева — «Информационно-коммуникационные технологии и возобновляемые источники энергии: международно-правовые аспекты», **А.М. Жлус** — доцента кафедры криминалистики Белорусского государственного университета кандидата юридических наук, доцента «Информатизация и цифровизация общества в аспекте влияния на развитие преступной деятельности», **А.Г. Кунец** — магистра юридических наук, аспиранта кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, научного сотрудника отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь — «Сущностные предпосылки генезиса понятия «информационное общество», **Е.В. Перепелица** — к.ю.н., старшего научного сотрудника отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации, Национальный центр правовой информации Республики Беларусь «Правотворческая политика в цифровом контенте» и др.

18 октября 2019 г., как результат проведения конференции состоялось подписание международного между Саратовской государственной юридической академией и национальным центром правовой информации республики Беларусь Соглашения с Национальным центром правовой информации Республики Беларусь и открытие на базе Саратовской государственной юридической академии Центра доступа к эталонной правовой информации Республики Беларусь (ЦЭПИ) при кафедре информационного права и цифровых технологий. Создание ЦЭПИ и подписанное Соглашение открывают широкие возможности взаимодействия с Белорусскими государственными структурами, отвечающими за цифровизацию соседнего государства. Кроме того, в ЦЭПИ можно воспользоваться любой информацией Республики Беларусь связанной с правом как нормативно-правовыми актами, так и комментариями, научными статьями в области юриспруденции, что безусловно облегчит проведение сравнительно-правовых исследований для студентов, магистрантов и ученых.

Проведение подобных мероприятий стимулирует развитие научной мысли в разных странах и обеспечивает более тесное взаимодействие в научной среде.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10031
УДК 347.9

Е.М. Кобзаренко

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Введение: к проблемным вопросам правоприменительной практики по гражданским делам данной категории относятся не только отсутствие в действующем законодательстве таких понятий, как репутационный вред, нематериальные блага, принадлежащие юридическому лицу и их перечня, но и указания на компенсацию репутационного вреда, как на способ защиты права. **Цель:** выявить способы преодоления возникшей правовой неопределенности по вышеуказанным вопросам. **Методологическая основа:** сравнительный анализ механизма защиты деловой репутации гражданина и юридического лица. **Результаты:** автором предлагаются возможные пути решения вышеуказанных проблем, в том числе введение правовой презумпции о наличии у всякого юридического лица положительной деловой репутации с момента его правовой регистрации. **Выводы:** в правовой регламентации нуждается понятие репутационный вред, способы его компенсации, момент возникновения деловой репутации юридического лица.

Ключевые слова: нематериальные блага, деловая репутация юридического лица, репутационный вред.

Е.М. Kobzarenko

CERTAIN PROBLEMS OF THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CONSIDERING CIVIL CASES ON THE PROTECTION OF THE BUSINESS REPUTATION

Background: problematic issues of the law enforcement practice in civil cases of this category include not only the absence in the current legislation of such concepts as reputational harm, intangible goods belonging to a legal entity and their list, but also indications of compensation for reputational harm as a way of protecting the right. **Objective:** identify ways to overcome the legal uncertainty arising on the above issues. **Methodology:** comparative analysis of the mechanism for protecting the business reputation of a citizen and a legal entity. **Results:** the author suggests possible solutions to the above problems, including the introduction of a legal presumption that every legal entity has a positive business reputation from the moment of its legal registration. **Conclusions:** the concept of reputational harm, the methods of its compensation, the moment of occurrence of a legal entity business reputation need legal regulation.

Key-words: intangible goods, business reputation of a legal entity, reputational damage.

© Кобзаренко Елена Михайловна, 2020

Адвокат, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Саратовской области; e-mail: barrister67@mail.ru

© Kobzarenko Elena Mikhailovna, 2020

Lawyer, member of the qualification commission of the Saratov region Law Chamber

Одним из условий успешной предпринимательской или некоммерческой деятельности юридического лица является его положительная деловая репутация. Существуют сферы, в которых организации, лишённые доверия, просто не могут существовать. Поэтому следует согласиться с тем, что «деловая репутация нарабатывается с момента создания и является самым значимым капиталом предприятия» [1, с. 121]. В связи с тем, что деятельность юридических лиц ведётся в условиях постоянной борьбы за получение прибыли, рынков сбыта, положительных отзывов и оценок и т.п., исключить факты недобросовестности, вряд ли представляется возможным. Зачастую, именно конкуренты распространяют не соответствующие действительности сведения, причиняя существенный вред деловой репутации юридического лица.

Как следует из содержания ст. 150 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ), деловая репутация относится к числу нематериальных благ, которые защищаются в соответствии с ГК РФ и «другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения»¹.

По мнению О.В. Кузнецовой деловой репутацией может обладать любой субъект, способный вести предпринимательскую и иную деятельность, т.е. как физическое лицо, включая лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, так и юридическое лицо любой организационно-правовой формы [2, с. 19].

Однако при реализации права на судебную защиту этого неимущественного права мы сталкиваемся с целым рядом проблем, которые, безусловно, нуждаются в разрешении.

Прежде всего, следует отметить, что в действующем законодательстве отсутствует понятие «деловая репутация». Принято исходить из того, что это нематериальное благо, представляющее собой некую оценку профессиональных и деловых качеств субъекта права.

Но как только возникает необходимость защиты неимущественных прав юридического лица, в том числе права на деловую репутацию, мы обнаруживаем отсутствие в гражданском законодательстве норм, которые бы устанавливали понятие и виды нематериальных благ, принадлежащих юридическому лицу, а равно момент, с наступлением которого законодатель связывает их возникновение.

Для сравнения, когда речь идет о защите нематериальных благ, принадлежащих физическому лицу, в правоприменительной практике обычно ссылаются на существующую в действующей законодательстве презумпцию о наличии у гражданина чести, доброго имени и деловой репутации. Она сформулирована в ч. 1 ст. 150 ГК РФ. В той же норме содержится ответ на вопрос о том, с какого момента эти блага принадлежат субъекту права. Прямо указано, что они неотчуждаемы и принадлежат гражданину от рождения.

Перед нами явно курьезная ситуация. Законодатель признает, что новорожденный младенец в момент появления на свет приобрел деловую репутацию, при этом никак не регламентирует тот же вопрос, когда речь идет о юридическом лице.

¹ См. ст. 150 ГК РФ (в ред. от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27, ст. 3434.

По нашему мнению, вполне логичным и обоснованным, исходя из принципа равенства прав субъектов права, сформулированного в ст. 1 ГК РФ, было бы создание юридической конструкции, в которой нематериальные блага, принадлежащие юридическому лицу, были бы определены, перечислены, установлен момент их возникновения и способ защиты.

Обоснованным представляется мнение Т.А. Нуждина, который полагает, что «при внимательном прочтении положений ст. 150 ГК РФ можно заметить, что ряд нематериальных благ, присущих гражданину — физическому лицу, имеют своего рода эквивалент и для юридического лица (деловая репутация гражданина — деловая репутация организации; личная и семейная тайна — коммерческая и служебная тайна; право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства — организация также вправе изменять свой юридический и фактический адрес; право на имя — право на фирменное наименование и коммерческое обозначение; право авторства — исключительные права и средства индивидуализации юридических лиц (товарные знаки, знаки обслуживания и т. д.)» [3, с. 114].

До момента введения в действие новой редакции ст. 152 ГК РФ (до 1 октября 2013 г.), Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» № 3 от 24 февраля 2005 г. предлагал расширительно толковать положения ст. 151 ГК РФ («Компенсация морального вреда»), и распространять ее действие на правоотношения, возникшие в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении юридических лиц².

Как видно указанные рекомендации в значительной мере основаны на правилах аналогии права, применение которых допустимо гражданским законодательством. Однако это всегда имеет своим последствием неоднозначную судебную практику.

В этой связи представляет интерес мнение экс-президента Адвокатской палаты г. Москвы Г.М. Резника: «Распространил Пленум на юридических лиц и понятие морального вреда, определяемое в ст. 151 ГК РФ как физические и нравственные страдания. Высший Арбитражный суд пока занимает по данному вопросу противоположную позицию, отказывая юридическим лицам в компенсации морального вреда. Правда, не исключено, что она будет пересмотрена. Во всяком случае, недавно Московский арбитражный суд удовлетворил иск Альфа-банка к газете «Коммерсант» о компенсации неимущественного вреда, назвал его не моральным, а репутационным» [4, с. 21].

Наряду с этим существует правовая позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой, моральный и репутационный вред — это различные категории. Отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права

² См.: п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. 15 марта.

и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положениях ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом³.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ в ст. 152 ГК РФ привели к невозможности применения по отношению к юридическим лицам правил о компенсации морального вреда. Об этом прямо указано в ч. 11 ст. 152 ГК РФ, которая гласит: «Правила настоящей статьи и защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица»⁴.

Исходя из содержания вышеуказанной нормы, способы восстановления нарушенного права на положительную деловую репутацию юридического лица, в самом общем виде, можно сформулировать следующим образом:

- 1) требование опровержения сведений тем же или аналогичным способом (ч. 1 и 2 ст. 152 ГК РФ);
- 2) реализация права на ответ (ч. 2 ст. 152 ГК РФ);
- 3) замена или отзыв документа организации, в котором содержатся несоответствующие действительности, порочащие сведения (ч. 3 ст. 152 ГК РФ);
- 4) удаление информации и пресечение или запрещение дальнейшего распространения, уничтожение материальных носителей (ч. 4 ст. 152 ГК РФ);
- 5) удаление информации в сети «Интернет» и опровержение сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет» (ч. 5 ст. 152 ГК РФ);
- 6) обращение в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности, в случае невозможности установления лица, распространившего их распространившего (ч. 8 ст. 152 ГК РФ);
- 7) возмещение убытков, причиненных распространением таких сведений (ч. 9 ст. 152 ГК РФ).

Приведенный перечень является исчерпывающим и, как представляется, не подлежит расширительному толкованию.

Как видим, о репутационном вреде, возможности и способах его компенсации законодатель вновь умолчал, создав правовую неопределенность в регулировании деликтных отношений.

Вместе с тем, в «Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации» № 1 за 2017 г. указано, что «в случае умаления репутации юридического лица оно вправе защищать свое право путем заявления требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица»⁵.

Безусловно, вред деловой репутации причиняется в любом случае ее умаления. При этом у юридического лица возникают не только убытки, связанные

³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана В.А. на нарушение его конституционных прав п. 7 ст. 152 ГК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

⁴ См.: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 5 июля.

⁵ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. (в ред. от 26 апреля 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с распространением порочащих сведений, но и такие негативные последствия как утрата положительного общественного мнения, возникновение недоверия со стороны бизнес-партнеров, утраты конкурентоспособности и пр.

Результаты рассмотрения гражданского дела по иску негосударственного образовательного учреждения к редакции издания и его учредителю о взыскании денежной компенсации за распространение сведений, умаляющих деловую репутацию, которое рассмотрела Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ⁶, обсуждались в средствах массовой информации. Интерес СМИ вызван тем, что при рассмотрении этого дела затрагивался дискуссионный вопрос о возможности взыскания в пользу юридического лица компенсации нематериального репутационного вреда. Принятое судом решение оказало существенное влияние на судебную практику по данной категории дел. Следует обратить внимание на то, что Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, поддержав позицию суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требований о компенсации нематериального вреда, не исключила саму возможность ее взыскания, а лишь подтвердила вывод суда первой инстанции о недоказанности в ходе рассмотрения дела этих юридически значимых обстоятельств.

«Что самое важное, ВС РФ сделал вывод о принципиальной возможности взыскания компенсации репутационного вреда в порядке ст. 152 ГК РФ. Безусловно, данная позиция представляется корректной в свете ч. 2 ст. 45 Конституции РФ»⁷.

Своего рода алгоритм доказывания юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению при рассмотрении исковых требований о взыскании компенсации репутационного вреда может выглядеть следующим образом:

- противоправное поведение ответчика;
- негативные последствия для истца;
- причинно-следственную связь между ними.

Причем, наряду с этими обстоятельствами, именно на истца суд возлагает бремя доказывания наличия у него сформированной деловой репутации в той или иной сфере. Эта задача представляется трудно исполнимой.

Неизбежно возникает вопрос о том, какими доказательствами истец должен подтвердить наличие деловой репутации. В частности, как быть в случае, если речь идет о малоизвестной компании или об организации, которая только вчера прошла государственную регистрацию? Означает ли это, что они лишены деловой репутации?

Какими именно средствами доказывания должен быть подтвержден сам факт существования положительной деловой репутации юридического лица? Возможно возникнет необходимость в проведении по этому вопросу социологического опроса. При этом следует признать, что результаты таких замеров общественного мнения будут различаться в зависимости от того, какую группу населения опрашивали, в какое время, как именно был сформулирован вопрос.

⁶ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу А-56502/2015; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. (в ред. от 26 апреля 2017 г.)) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: «Экономика и жизнь» 14.12.2016 года «Репутационный вред: ВС РФ поставил точку». URL: <https://www.eg-online.ru/article/332499/> (дата обращения: 17.10.2019).

Такой подход открывает для ответчиков в подобных спорах возможность ссылаться на отсутствие деловой репутации истца, как на основание для отказа в удовлетворении исковых требований.

Если руководствоваться аналогией права, исходя из принципа равенства участников гражданских отношений, а также положений ст. 150 ГК РФ, о моменте возникновения личных неимущественных прав физических лиц, более правильным было бы презюмировать существование положительной деловой репутации юридического лица именно с момента его регистрации.

Ведь с момента решения учредителей о создании юридического лица, все действия, связанные с оформлением учредительных документов и государственной регистрацией юридического лица, происходят в строгом соответствии с законодательством. Принимая решение о регистрации юридического лица, уполномоченный государственный орган признает тем самым, что цели его деятельности законны.

Правом на получение компенсации за причиненный репутационный вред должны пользоваться и те юридические лица, для которых проблематично доказать размер понесенных убытков. Поэтому обоснованной представляется точка зрения О.В. Кузнецовой, которая считает: «Несомненно, что урон, который не выражается в прямых убытках, юридическому лицу может быть причинен распространением не соответствующих действительности сведений».

В соответствии с действующим законодательством, право на возмещение убытков, вероятнее всего, может реализовать юридическое лицо, которое достаточно длительное время участвует в деловом обороте.

Поскольку в соответствии ч. 2 ст. 15 ГК РФ «под убытками понимаются расходы, которое лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которое это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)»⁸. Применительно к правоотношениям, связанным с необходимостью защиты деловой репутации юридического лица, речь не идет о возмещении реального ущерба, скорее доказыванию подлежит факт неполучения дохода в связи с распространением не соответствующих действительности негативных сведений. При этом возникает, по меньшей мере, две проблемы:

первая состоит в том, что достоверно в ходе судебного разбирательства установить, какие именно факторы привели к неполучению дохода, крайне затруднительно. Кроме установленного факта распространения некой негативной информации о субъекте делового оборота, на неполучение дохода могут влиять иные факторы, например, изменение конъюнктуры рынка, сезонная динамика, любые изменения, произошедшие с клиентом или бизнес-партнером и т.п. Есть мнение, что на продажи, например, влияют 10 факторов⁹. И лишь один из них — действия конкурентов;

вторая сводится к тому, что оценить финансовую состоятельность, факт получения юридическим лицом дохода, возможно лишь при анализе бухгалтерской и налоговой отчетности, которая, в свою очередь, формируется за отчетный период,

⁸ См. ст. 15 ГК РФ (в ред. от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

⁹ Сергей Дмитриев. 10 факторов, влияющих на продажи. URL: <https://psycho.ru/library/2583> (дата обращения: 17.10.2019).

определенный ч. 1 ст. 285 Налогового кодекса РФ как один год¹⁰. В связи с этим, в целях всесторонней, полной и объективной оценки такого рода доказательств, следует сопоставить сведения о финансовом состоянии юридического лица, как минимум за два года. За один год до распространения несоответствующих действительности сведений о нем и за год после.

Попробуем смоделировать ситуацию, которая бы иллюстрировала, что взыскание убытков, как представляется, не является универсальным способом защиты нарушенного права на деловую репутацию юридического лица.

Например, вновь созданное юридическое лицо, в первый же месяц своего существования, столкнулось с недобросовестной конкуренцией. Другое юридическое лицо, известное потребителям и занимающее прочное положение в том же сегменте рынка, распространило некую негативную не соответствующую действительности информацию о деятельности своего конкурента. При таких обстоятельствах шансы доказать в суде факт возникновения убытков стремятся к нулю.

Поэтому обоснованно заключить, что восстановление нарушенного права на положительную деловую репутацию не может быть поставлено в зависимость от времени ведения хозяйственной деятельности. Ведь одним из начал гражданского законодательства, в соответствии со ст. 1 ГК РФ является «равенство участников, регулируемых им отношений».

Преодоление этих правовых проблем возможно путем дополнения ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага» частью 3 следующего содержания: «Юридическим лицам с момента их регистрации в установленном законом порядке принадлежат нематериальные блага, такие как фирменное наименование, исключительные права на товарные знаки и знаки обслуживания, положительная деловая репутация, свобода предпринимательской деятельности, коммерческая и служебная тайна, свобода изменения юридического и фактического адреса и т.д.».

Таким образом, в отношении юридического лица была бы создана правовая презумпция о наличии положительной деловой репутации а также установлен момент ее возникновения. Такая презумпция существовала бы до момента, пока в ходе справедливого судебного разбирательства не будет доказано иное.

Кроме того, одним из возможных способов преодоления неопределенности в вопросе о наличии правовых оснований удовлетворения требований юридических лиц о денежной компенсации репутационного вреда, могло бы стать дополнение ГК РФ новой ст. 151-1 «Компенсация репутационного вреда» следующего содержания: «Если юридическому лицу причинен репутационный вред, действиями, умаляющими его положительную деловую репутацию, то суд возлагает на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда».

Библиографический список

1. Земскова С.И., Шахов В.В. Долгий путь к чести и достоинству. Кострома, 2007. 376 с.
2. Кузнецова О.В. Возмещение морального вреда: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2009. 67 с.
3. Нуждин Т.А. Нематериальные блага юридического лица: проблемы правового регулирования. Право и экономика. 2008. № 10. С. 113–115.
4. Резник Г.М. Что сказал и чего не сказал, хотя должен был сказать Пленум // Адвокат. 2005. № 3. С. 12–21.

¹⁰ См.: ст. 285 Налогового кодекса РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.

References

1. *Zemskova S.I., Shakhov V.V.* A Long Way to Honor and Dignity. Kostroma, 2007. 376 p.
2. *Kuznetsova O.V.* Compensation for Moral Harm: Practical guide. M.: Justicinform, 2009. 67 p.
3. *Nuzhdin T.A.* Intangible Benefits of a Legal Entity: Problems of Legal Regulation. Law and economic, 2008. No. 10. P. 113–115.
4. *Reznik G.M.* What Was Said and What Was not Said though the Plenum // should have said. "Lawyer" 2005, No. 3. P. 12–21.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10032

УДК 342.5;342.9

В.М. Баранов

**НОВАТОРСКИЙ УЧЕБНИК ПО ТЕОРИИ,
ПРАКТИКЕ, ТЕХНИКЕ ДЕВИАНТНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

V.M. Baranov

**INNOVATIVE TEXTBOOK ON THE THEORY, PRACTICE,
AND TECHNIQUE OF DEVIANT PUBLIC ADMINISTRATION**

На стыке наук государственного управления, конституционного права и административного права есть сложнейшие проблемы, доктринальная разработка которых имеет жизненно важное значение для функционирования (иногда — выживания) суверенных государств. Архиважны такого рода проблемы для их устойчивого позитивного развития. Речь о дефектах, ошибках, погрешностях, изъянах и других недостатках государственного управления. Этот «негативный пласт» государственного управления крайне редко становится предметом серьезных научных объяснений. Вольно или невольно, но исследовательская междисциплинарная практика идет по пути идеализации существующего положения дел.

Научно-концептуальное обеднение (а точнее — истощение) современной теории государственного управления требует новых взглядов, новых подходов, особенно таких которые могут дать ясные, глубокие, исчерпывающие и не поверхностные популистски-демагогические ответы на отнюдь не риторический вопрос — почему по большей части в государственном управлении все идет как-то не так, как заявляется, обещается, декларируется.

К сожалению, те редкие научные работы, что затрагивают проблемы дефектов и недостатков государственного управления, в большинстве своем сводятся к простым пересказам актов (порою, кусками из таковых просто залит весь объем издания) и к комментированию в самой упрощенной модальности и манере.

© Баранов Владимир Михайлович, 2020

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности (Нижегородская академия МВД России); e-mail: baranov_prof@bk.ru

© Baranov Vladimir Mikhailovich, 2020

Doctor of law, Professor, honored scientist of Russia, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant chief for innovative development of scientific activity (Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia)

Тогда как задача науки государственного управления состоит в выработке и теоретическом обосновании наиболее рациональных и обоснованных решений и концепций оздоровления системы и процесса государственного управления, излечения таковых от их «застарелых пороков и болезней».

Мощным притоком инновационных знаний в теории государственного управления явилась линейка учебников и научных монографий доктора юридических наук, профессора И.В. Понкина (из ИГСУ РАНХиГС и из МГЮА), из которых я в этот раз остановлю свое внимание на учебнике по девиантологии государственного управления¹ — излагающем авторскую теорию указанного автора. Это издание — логическое развитие и системное дополнение к другому авторскому учебнику этого автора «Теория государственного управления»², заслуживающего отдельного внимания и так же самых высоких похвал.

Рецензируемый учебник посвящен феномену ненадлежащего, дефектного государственного управления, природу и суть которого многие специалисты государственного управления (как отечественные, так и зарубежные) не сумели вовремя разглядеть, распознать, объяснить да и просто понять.

В аннотированном обзоре этого учебника на с. 2 отмечено: «В учебнике представлены ключевые основы и концепты теории государственного управления. Является дополнением к авторскому учебнику «Теория государственного управления». Предназначен для обеспечения учебных курсов и дисциплин в рамках указанных программ магистерской подготовки, а также для обеспечения референтных программ Master of Public Administration (MPA). Раскрыты ключевые теоретические вопросы и актуальные проблемы тематического горизонта девиантологии государственного управления. Изложено содержание референтных правовых актов и документов, показаны существующие научные концепции и подходы, содержание научных дискуссий. Эта «обрисовка» содержания учебника справедлива, но не полна: в работе присутствуют и иные значимые творческие достижения.

Ценность этого издания в том, что оно основано на фактах, на аналитике высшей пробы, на механизмах перекрестной валидации и верификации, но главное — оно лишено пустословия, предельно конкретно и очень насыщено источниками и неординарными мыслями.

Учебник, пожалуй, является самым фундаментальным и динамичным исследованием в российском сегменте науки государственного управления по указанной тематике, а по масштабам исследования вполне может быть «квалифицирован» уникальным изданием. Он характеризуется широким охватом различных сегментов проблем в государственном управлении, современным (уровня развития актуальной науки самого последнего времени) подходом к изложению научного материала. Книга являет собой богато спроектированную мозаику теорий, доктрин, подходов, методов и практик, соответствующих наиболее актуальным темам этого универсума — теории государственного управления. Перед нами простая для понимания и весьма элегантно по концептуальному дизайну модель учебника новой формации по теории государственного управления (в ее

¹ См.: Понкин И.В. Девиантология государственного управления: учебник. М.: ИНФРА-М, 2019. 301 с. (Высшее образование: Магистратура).

² См.: Понкин И.В. Теория государственного управления: учебник / предисл. А.Б. Зеленцова. М.: ИНФРА-М, 2019. 529 с. Подробный анализ этого издания проведен в рецензии: Архипов Д.Н., Баранов В.М. Учебник новой формации по теории государственного управления // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2019. № 3 (47). С. 211–213.

девиантологической части), основанного на эмпирических наблюдениях, но более всего на формализации и абстрагировании. При этом удачно выдерживается эмпирическое тестирование на любой прикладной предметно-объектной области.

«Раскладка» по главам в этой необычной книге такова: **Введение**; **Глава 1** — «Предметно-объектная область теории девиантологии государственного управления, особенности и перспективы ее становления»; **Глава 2** — «Неопределенности и риски в государственном управлении» (§2.1. Горизонт неопределенностей в государственном управлении, §2.2. Риски в государственном управлении, §2.3. События «черный лебедь» в государственном управлении); **Глава 3** — «Патологии, дефекты и дисбалансы в государственном управлении» (§3.1. Понятие и виды дефектов государственного управления, §3.2. Ошибки в государственном управлении, §3.3. Дисбалансы в государственном управлении); **Глава 4** — «Дефекты и дисбалансы в праве» (§4.1. Дефекты и дисбалансы нормативного правового регулирования, §4.2. Правовые пробелы, §4.3. Правовые коллизии, §4.4. Дефект правовой нормы); **Глава 5** — «Негативные трансформации и состояния государства и государственного управления» (§5.1. Дисфункциональное государство и дисфункциональность государственного управления, §5.2. Государство-дистопия, §5.3. Несостоятельное государство и несостоятельность государственного управления, §5.4. «Параллельное государство»); **Глава 6** — «Токсичные звенья в системе государственного управления»; **Глава 7** — «Устойчивость и мощь системы государственного управления» (§7.1. Резистентность и резильентность системы государственного управления к негативным факторам, §7.2. Концепт сильного государства); **Глава 8** — «Подходы к проектированию, организации и реализации омологированного государственного управления» (§8.1. Риск-ориентированные управленческие подходы в государственном управлении, §8.2. Управление неопределенностями в рамках и в процессе государственного управления, §8.3. Управление ошибками в рамках и в процессе государственного управления); **Заключение**; **Список рекомендуемой литературы**; **Общий список тем для рефератов, контрольных работ, докладов, самоконтроля, аттестаций.**

Даже это простое перечисление рассмотренных проблем убедительно демонстрирует, что читателям представлена полноценная, плодотворная, перспективная теория — самореферентная и субстантивная, устойчивая и все более заявляющая свои права на самые серьезные позиции.

У победы, как говорят, всегда множество родителей, только проигрыш — сирота. Постфактум всегда найдется множество авторов, которые будут представлять себя критиками действий, приведших к провалу. Но совсем иное дело — разработать и написать теорию провалов, действуя систематизирующе прогностически, совсем уйдя от партийно-политических точек зрения и пристрастий.

Считаю важным констатировать: ко дню сегодняшнему разработка такой теории (автор занимается ее построением последние 5–7 лет) давно назрела. Это уже не только личная инициатива И.В. Понкина, а объективно — веление времени и общественная потребность, закономерное событие. Процессы, происходящие сегодня во многих государствах мира, тлетворны и смертоносны, создали и продолжают создавать массу проблем, от которых страдает население. Игнорировать все это в науке государственного управления уже никак невозможно. Да и очевидный интеллектуальный голод (не только профессионалов, но демонстрируемый вместе с энтузиазмом теми же слушателями-магистрантами и аспирантами по направлениям подготовки, связанным с государственным управлением и ад-

министративным правом) на такие творческие научно-дидактические работы способствовал тому, что работы И.В. Понкина сегодня весьма востребованы (тут можно по-хорошему позавидовать слушателям ИГСУ РАНХ и ГС). Но едва ли рецензируемый учебник и другие названные мною работы И.В. Понкина стали бы кому-то интересны, если бы не их высокое научное и аналитическое качество, не их очевидная самобытность.

Впрочем, эта глобальная проблема имеет давнюю историю. Еще Суворову приписывали авторство крылатого выражения: «Для Отчизны наибольшая опасность не во внешнем враге таится, а в собственных ее идиотах». В этом контексте И.В. Понкин обоснованно пишет в своем учебнике о феномене (и беде для нас) токсичных лидеров и исполнителей в государственном управлении (автор отмечает, что изначально это понятие было введено североамериканскими авторами).

Замечательно, что за столь серьезные вопросы взялся именно этот правовед-исследователь, привыкший смело разрушать стереотипы и принципиально игнорирующий конъюнктурную политкорректность (но пишущий при этом, с юридической точки зрения, безусловно и весьма «чисто»).

И.В. Понкин — это достойный наследник своего научного учителя — Г.В. Мальцева, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, известного и за пределами нашей страны российского правоведа — теоретика права и конституционалиста. Научные исследования И.В. Понкина — это, как признается многими правоведами, давно выступают достоверными источниками. Его работы всегда переполнены массой источников, довольно малоизвестных и уникальных, но легко верифицируемых. И в каждой работе этого автора представляется нетривиальный и весьма любопытный угол зрения на традиционный и исчерпывающе понятный, казалось бы, ранее горизонт юридической действительности. И в каждой его работе обнаруживается до сих пор дотошность, тщательность, филигранная выстроенность каждой фразы и каждого слова. Занятый кропотливым поиском детализации и выверения значения слов и выражений, уточнения дефиниций и концептов, И.В. Понкин именно из частных выводит крупные научные построения и на выходе всегда дает читателю богатейшую пищу для размышлений. В существенной мере именно эти (а равно многие иные), имеющие мало прецедентов в отечественной юридической науке, особенности научного стиля письма И.В. Понкина и предопределяют залог успеха на «поле» столь сложной тематики.

Для столь грандиозной и амбициозной задачи — индивидуально, самостоятельно поднять чуть ни с нуля теорию, практику, технику девиантологии государственного управления — объем учебника сравнительно невелик — всего 301 стр. Однако от близкостоящих образцов учебной литературы — большеформатных и большеобъемных изданий — учебник И.В. Понкина отличается наукоемкостью и, в частности, концептуальной емкостью (в авторских разработках), емкостью юридичности, предельной конкретизированностью, заполненностью преимущественно субстратами, квинтэссенциями, фундаментальностью подходов, последовательным изложением научного и образовательного материала, постепенным нарастанием сложности излагаемых вопросов, подробными доказательствами. Издание включает множество очень специфических материалов по специальным вопросам, доступных лишь высоко- и узко-квалифицированным специалистам, но излагаемых в доступной для понимания форме. Очень много материалов доступны ранее были только на иностранных языках. Я имею в

виду не те из них, которые приводились в российской науке в цитатах (хотя сейчас простейшая проверка позволяет верифицировать и сами эти источники, и цитаты из них). И.В. Понкин ввел в научный оборот целую серию работ иностранных исследователей, которые до него на русский язык не переводились. И все это приносит немалое удовольствие — следить за ходом мысли признанного мастера научно-юридического пера.

Парадоксально, но факт: учебник И.В. Понкина, посвященный (хотя и в научной обработке) «чернухе» в государственном управлении, не дисфоричен, но напротив — весь пронизан большим и разумным оптимизмом. Точно так же, как становится оптимистичен врач, наконец-то точно диагностировавший заболевания своего пациента и нашедший необходимые релевантные терапевтические решения. Такой оптимизм в книге И.В. Понкина основан на глубоком и всестороннем исследовании заявленного тематического горизонта. И в этом смысле, перед нами замечательная в дидактическом ракурсе книга, при этом не замусоренная идеологической и партийно-политической пропагандой. Учебник порождает позитивную догматизацию того, как и в какой сложной модальности надлежит преподавать теорию недостатков и проблем государственного управления.

Оценивая дидактический аспект учебника, надо подчеркнуть сложность, которая стояла перед автором в связи с сущностью темы — девиантологией государственного управления. Ведь по сути он был вынужден, обращаясь к крупным и частным дефектам государственного управления, системно критиковать этот вид деятельности. Конечно, существует определенная свобода преподавания и от ее пределов напрямую зависит «критическая составляющая» преподавания того или иного предмета, той или иной учебной дисциплины. Будем честны — до сих пор среди преподавателей юридических вузов есть немало убежденных сторонников того, что в учебно-воспитательном процессе критика действующего законодательства и тем более действий политической власти должна быть сведена к минимуму или вообще отсутствовать. Это якобы мешает формированию у будущих юристов чувства законности, способствует уменьшению у них стремления активно бороться за правопорядок³. Увлекающиеся критикой государственного управления и его законодательной основы преподаватели, дескать, таким путем приобретают «дешевую» популярность у студентов, удовлетворяют свои личные амбиции и искусственно преувеличивают свою креативность.

Автор учебника сумел соблюсти меру «отрицательного» и «позитивного» при изложении столь специфичного (и в определенной степени «взрывоопасного») материала. Он грамотно преодолел многие существующие здесь доктринальные и методические «капканы» и «ловушки», что свидетельствует не только о профессионализме ученого, но и о дидактическом мастерстве профессора.

И.В. Понкин предлагает значительное число приемлемых и множество инструментализированных рецептов, алгоритмов. Очень актуальны размышления и толкования автора о способах оперирования ошибками, рисками, неопределенностями в государственном управлении.

Теперь касательно критики рецензируемого учебника. При всем том, что работы И.В. Понкина и некоторые (а порою — и многие) его позиции и подходы очень часто (а то и всегда) сильно перевозбуждают его критиков, ищущих

³ Подробнее об этом см.: Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М.: Проспект, 2018. 352 с.

любые, разные (порой надуманные) основания для придинок или, не находя релевантных аргументов, просто старающихся его походя «задеть», приписав чуждые ему суждения и тут же ожесточенно поспорив с ними⁴. Полагаю новый учебник И.В. Понкина однозначно стяжает не только восторженные отзывы, но и яростные упреки, порождают острое несогласие.

Хотя от критики не застрахован ни один исследователь, в данном конкретном случае, как думается, их следует ждать в явном переизбытке, слишком «благодатная» для дискуссии тема.

Но большинство правоведов-административистов, конституционалистов и теоретиков науки государственного управления все же считает, (хочется надеяться, что я не ошибаюсь), что достоинства работ И.В. Понкина и его научный вес в этих науках значительно перевешивают критику, которую он привлекает, стяжает своими талантами и результатами.

Что считаю нужным заявить о недостатках учебника? Полагаю, если уйти от субъективизма, то основная масса таких недочетов — в поле того, что еще не нашло места в указанном учебнике И.В. Понкина, хотя по богатству палитры это сегодня наиболее «богатое» по содержанию издание по этому тематическому горизонту.

Кто-то из мудрых считал, что критика сначала ранит сердце и лишь затем доходит до разума. Надеюсь 10 моих критических замечаний не сильно «поранят» сердце уважаемого мною исследователя и помогут ему «отшлифовать» свои последующие труды.

Впрочем, есть и у нас замечания, кои мы просто никак не можем обойти вниманием (по нашей новой традиции таковых всегда и по любой книге будет для ровного счета 10).

1. И.В. Понкин пишет очень сложно. Читать его работы нелегко. Оценивая стиль изложения некоторых фрагментов учебника не могу не вспомнить следующую микроэпохалку Вольта Сулова, опубликованную 3 сентября 1986 г. в «Литературной газете»:

«Всего одну страницу прочитав,
Могу уже заметить осторожно:
Теоретически, конечно, автор прав!
Практически — осилить невозможно!».

Труд И.В. Понкина содержит не одну такую страницу. Хотя, не станем отрицать, возможно, только в такой методологической раскладке и удастся (может получиться) препарировать и объяснить все те сложнейшие вопросы, за которые берется названный автор. Интересно, что местами (объективно имеющее место) сложности научной лексики и научных построений И.В. Понкина вовсе не замечаешь, увлеченно прочитывая один параграф за другим. Но магистранты просто «умрут» над учебником И.В. Понкина при подготовке к экзаменам. Хотя не исключено и то, что те, кто все же осилит учебник, серьезно повысят свой квалификационный уровень — за ними выстроятся в очередь «охотники за головами» из HR-подразделений крупнейших отечественных и зарубежных компаний.

⁴ Подробнее об этом см.: *Понкин И.В.* Спор с вульгарно-атеистическим радикалом о светскости государства (ответ на статью О.В. Маргышина): Концепт и онтология светского государства и светскости государства, многообразие моделей, дефектность идеологизированных подходов / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2019. 42 с.

2. Глава 4 рецензируемого учебника, посвященная дефектам в праве, может быть позитивно принята только авансом, слишком многие ожидаемые от нее содержательные моменты не нашли в ней отражения. Крайне мало сказано о дефектах правовых дефиниций в законах, хотя эта тема неплохо разработана в российской правовой науке⁵. Явно не хватает параграфа, посвященного аномии и дисномии, хотя сам автор писал об этом⁶.

3. Избыточной видится ложная скромность автора, который словами Фрэнка Найта, задействованными в эпиграфе к разделу «Введение» рецензируемого учебника, пытается внушить читателю, будто бы в этом учебнике принципиально нового немного. Это не так. Рецензируемый учебник И.В. Понкина является образцом новаторства в науке научного и дидактического ценного продукта. Здесь больше бы подошел другой эпиграф. Стивен Скиена в своей книге «Руководство по разработке алгоритмов» отметил: «Для автора традиционно великодушно принять вину за все недостатки. Я — нет. Любые ошибки, недостатки или проблемы в этой книге являются чьей-либо ошибкой, но я был бы рад узнать о них, чтобы определить, кто виноват»⁷.

4. Затронув в рецензируемом учебнике тему «сильного государства» (§7.2) и тему «параллельного государства» (§5.4), И.В. Понкин, по непонятным причинам, не стал раскрывать тему «глубинного государства», хотя опять же сам писал об этом⁸.

5. Недостаточно полно, по моему мнению, раскрыта и объяснена тема дисбалансов в государственном управлении (несколько кратких заходов по отдельным аспектам не смогли возместить этот недочет). Явно не хватает, в частности, раскрытия вопросов дисбаланса «архитектуры» системы государственного управления, законодательного дисбаланса⁹.

6. Остается сожалеть, что в рецензируемом учебнике И.В. Понкина обойдены вниманием такие более чем референтные источники, как книга Вилфреда Долфсмю «Провалы государства. Общество, рынки и правила»¹⁰ и книга В.А. Кокорева «Экономические провалы»¹¹. Конечно, обозначенные публикации не по юриспруденции, не по теории государственного управления: они ближе к экономическому профилю. Но эти работы «входят» в тематическое поле учебника.

⁵ См.: Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Юридическая техника, 2007. 1456 с.

⁶ См.: Понкин И.В. Аномия и дисномия в государстве: к вопросу о рисках // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 304–306.

⁷ Цит. по: Gaither's Dictionary of Scientific Quotations. A Collection of Approximately 27,000 Quotations Pertaining to Archaeology, Architecture, Astronomy, Biology, Botany, Chemistry, Cosmology, Darwinism, Engineering, Geology, Mathematics, Medicine, Nature, Nursing, Paleontology, Philosophy, Physics, Probability, Science, Statistics, Technology, Theory, Universe, and Zoology / Editors Carl C. Gaither and Alma E. Cavazos-Gaither. Second Edition. New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2012. xlv; 2770 p. P. ix.

⁸ См.: Понкин И.В. Концепт глубинного государства («Deep State») // Право и государство (Казахстан). 2019. № 3. С. 43–60.

⁹ См.: Белоусов С.А. Дисбаланс в системе российского законодательства (методология и опыт исследования). Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2014. 344 с.; *Его же*. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2015. 472 с.

¹⁰ См.: Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Д. Кадочникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 256 с.

¹¹ См.: Кокорев В.А. Экономические провалы. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. 336 с. (Сер.: Экономическая история России).

Уместно указать и на необходимость оценки книги И.П. Кожокаря «Дефекты нормативно-правового регулирования»¹²(впрочем, тут пожелание на будущее, поскольку учебник И.В. Понкина готовился чуть ранее, нежели вышла книга И.П. Кожокаря).

7. Не очень удачной мне видится идея И.В.Понкина об изъятии из корпуса текстов теории девиантологии государственного управления (в сравнении с изданием 2017 года¹³) все, что связано со способами разрушения государственности извне и изнутри, способами провоцирования, причинами и условиями дисфункционализации и обрушения системы государственного управления, — в отдельную книгу¹⁴, которая, сама по себе, получилась интересной, но такой подход сильно обеднил рецензируемый учебник.

8. При всей той скрупулезности, даже педантичности, с которой И.В. Понкин всегда относится в своих работах к источникам и ссылочно-библиографическому аппарату, странно было встретить на с. 29 отсылку к цитате из труда Сэмюэля Джонсона в виде «цит. по:» и далее к рядовой статье в «Независимой газете». Могу подсказать И.В. Понкину: искомая цитата — из письма Джонсона (так что в любом случае будет в перепечатке) доступна на языке оригинала, например, в следующем издании: *The Oxford Dictionary of Quotations: Fifth edition / Edited by Elizabeth Knowles. Oxford: Oxford University Press, 2001. xv; 1136 p. P. 417.* Справедливости ради, отметим, что это единственное такое место в учебнике, что мне удалось найти, чтобы «придраться» к качеству цитирования.

9. Выступая протагонистом идеи создания теории девиантологии государственного управления, И.В. Понкин не обозначает и не «разбирает» детально аргументацию ее антагонистов, что способствовало бы ее лучшему пониманию и развитию.

10. В учебнике И.В. Понкина есть много содержательных моментов, которые дискуссионны, что, впрочем, и неудивительно, ибо в принципе не может не быть спорным издание по теме дефектов, дисбалансов, изъянов, погрешностей в государственном управлении и его нормативно-правовом обеспечении. Но эти замечания я решил оставить для личного дискутирования с И.В. Понкиным на конференциях, семинарах, совещаниях и собраниях, где мы с ним нередко пересекаемся. Да и не хотелось бы выдавать раньше времени потенциальному читателю этого издания его содержание.

Учебник И.В. Понкина — весьма рационален в построении именно как учебник (в традиционном понимании такового), очень толков и ценен в педагогическом измерении. Он создан так, чтобы преподавателям было легко готовиться и организовывать занятия, хотя материал в нем сложен, а сам учебник — явно для профи.

Учебник И.В. Понкина надо читать. Он — хорошее упражнение даже для самого искушенного ума высококлассного профессионала-аналитика. Издание заставляет и побуждает думать, размышлять, рефлексировать, сомневаться и главное, спорить.

¹² См.: *Кожокарь И.П.* Дефекты нормативно-правового регулирования. М.: Проспект, 2019. 298 с.

¹³ См.: *Понкин И.В.* Теория публичного управления: Учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / предисл. А.Б. Зеленцова / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Буки Веди, 2017. 728 с.

¹⁴ См.: *Понкин И.В.* Неклассические войны. М.: Инфра-М, 2019. 87 с.

Думается, пришло время для проведения крупной международной научной конференции по теме — «Учебник в юриспруденции». Вопреки пессимистическим прогнозам, современные ученые-правоведы (некоторая часть таковых) вновь начинают играть все более заметную роль в интерпретации, объяснении, оценивании недостатков, «болезней», проблем системы государственного управления.

На переломе эпох, когда близятся момент истины и точка бифуркации — любопытно знать что будет происходить в ближайшей политико-правовой перспективе. Очень полезно прочитать и постараться понять названный учебник И.В. Понкина. Информация в этой книге — мощный арсенал концептуального теоретического научного знания, энциклопедических данных, методологического инструктивного научения. И этот учебник способен помочь улучшить сложившуюся ситуацию.

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА (ПРОФЕССОРУ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КОНИНУ 85 ЛЕТ)

TO THE ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST AND TEACHER (PROFESSOR NIKOLAI MIKHAILOVICH KONIN IS 85)

2 марта 2020 г. исполняется 85 лет видному ученому-административисту, доктору юридических наук, профессору кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации **Николаю Михайловичу Конину**.

История Саратовской государственной юридической академии (ранее — Саратовского юридического института им. Д.И. Курского) неразрывно связана с этим ученым и педагогом, ученики которого и сегодня успешно продолжают его дело.

Николай Михайлович Конин относится к числу ярких представителей Саратовской школы ученых-административистов, основателем которой являлся профессор Василий Михайлович Манохин. Эта школа по праву находится среди старейших, наиболее авторитетных и уважаемых юридических научных школ нашей страны.

Влияние Николая Михайловича позитивно отразилось на развитии юридической науки в целом, на организации и осуществлении подготовки кадров Саратовской школы административного права, в рамках которой он стал образцом трудолюбия во всех порученных ему делах.

В 1961 г. после окончания с отличием Саратовского юридического института им. Д.И. Курского он был принят на службу старшим следователем МВД по г. Новомосковску Тульской области.

Активная жизненная позиция Н.М. Кониной была замечена и, несмотря на занятость по службе, он с 1962 г. по 1963 г. избирался депутатом городского совета. В 1963 г. Николай Михайлович принимает решение о поступлении в аспирантуру Саратовского юридического института по специальности «Административное право», которую закончил в 1966 г., успешно защитив кандидатскую диссертацию под руководством В.М. Манохина на тему: «Организационно-правовое положение хозяйственных и иных объединений в аппарате государственного управления». В 1964 г. Н.М. Конин зачисляется ассистентом в состав кафедры, где проходит все служебные ступени: преподаватель, старший преподаватель, доцент и профессор. На основе защищенной диссертации были изданы две монографии: в 1966 г. — «Основы правовой организации и управления общественным производством» и в 1968 г. — «Хозяйственные и иные объединения в отраслях государственного управления». Несомненной представляется актуальность исследований по данной тематике в то время, когда в Советском Союзе осуществлялась экономическая реформа. Проведенное Н.М. Кониным иссле-

дование внесло большой вклад в развитие хозяйственной самостоятельности предприятий, что было важным шагом вперед в условиях советской плановой жестко централизованной экономики. Оно обосновывало правовое обеспечение предпринятых новаций конкретно с точки зрения административного права и науки управления в целом. В 1979 г. им успешно защищается в специализированном совете Ленинградского государственного университета докторская диссертация на тему: «Организационно-правовые основы государственного управления социалистическим производством (административно-правовое исследование)». В 1980 г. ВАК при Совете Министров СССР ему присвоена ученая степень доктора юридических наук, а в 1982 г. — ученое звание профессора по кафедре административного права.

Наряду с непрерывной учебно-педагогической деятельностью Николай Михайлович немало сил и способностей вложил в организационно-административную работу. Он стал основателем в 1977 г. факультета правовой службы в народном хозяйстве (в настоящее время Институт юстиции Академии) и был его деканом в течение одиннадцати лет. Затем в течение двенадцати лет профессор Н.М. Конин успешно работал проректором по научной работе вуза.

В 1999 г. он избирается на должность заведующего кафедрой административного и муниципального права. Указом Президента РФ от 22 сентября 2006 г. Николаю Михайловичу присваивается почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ». Руководство кафедрой он осуществляет до 2014 г. Стремление заведующего совершенствовать лекции и семинарские занятия давало положительный импульс всем сотрудникам кафедры, особенно молодежи: студенты старались не пропускать открытые лекции профессора.

Творческая активность Н.М. Конины на протяжении длительного времени не угасает. Наоборот, постсоветский период становится для него в научном отношении более результативным. Увеличилось количество изданных, а затем и переизданных авторских учебников¹ и учебных пособий² по административному праву.

В последние годы профессор не оставляет разработок по различным направлениям административного права. Результат творческой деятельности Николая Михайловича впечатляет — им опубликовано около 100 научных работ. Кроме названных, становятся известными: «Российское административное право. Особенная часть: курс лекций», 2002; «Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций», 2004; Административное право России: практикум, 2009; Административное право России: учебник / под ред. Н.М. Конины, Ю.Н. Старилова, 2010; Административное право: учебник для бакалавров / Н.М. Конин, Е.И. Маторина, 2014 и др. Несколько глав, написанных профессором, содержит и издание Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М., 2018. Многие из этих книг имеют гриф Министерства образования и науки РФ.

Круг вопросов, который интересует профессора, весьма обширен. К сфере его научных интересов относится проблематика современного административного права: вопросы административно-правового статуса гражданина, особенности исполнительной власти, определение правового статуса Президента Российской

¹ См.: Конин Н.М. Административное право России: учебник. М.: Проспект. 2007.

² См.: Конин Н.М. Административное право России в вопросах и ответах: учебное пособие. Саратов, 2004.

Федерации и места администрации в управленческой государственной системе, способы обеспечения законности и дисциплины в сфере реализации деятельности исполнительной власти, вопросы, связанные с управлением в административно-политической сфере, в частности, организация государственного управления в сфере внутренних дел Российской Федерации, организация государственного управления на отдельных территориях.

Под руководством Николая Михайловича Конины на кафедре подготовлены и защищены более 30 кандидатских и 4 докторских диссертации.

В настоящее время профессор Н.М. Конин исполняет обязанности главного научного сотрудника Академии. Он является членом двух диссертационных советов функционирующих в Академии.

Научно-педагогический опыт, профессионализм, богатые знания, чувство ответственности и требовательности, сочетающиеся с внимательным и чутким отношением к окружающим снискали Н.М. Конину заслуженный авторитет среди признанных ученых, практикующих юристов, выпускников и обучающихся.

Известный ученый-административист, Заслуженный деятель науки РФ Ю.Н. Стариков пишет о юбиляре: «В моей библиотеке много книг с дарственной надписью от Н.М. Конины. Все книги полезные, написаны профессионалом. В них имеются и особенности, заметные даже на первый взгляд. Например, в содержащемся в одном из учебников Н.М. Конины посвящении можно прочитать, ради кого написана данная работа: „Истинным господам моим – добросовестным и старательным студентам и аспирантам – посвящаю”³.

На благо Саратовской государственной юридической академии, Саратовской школы ученых-административистов и российской науки административного права профессор Николай Михайлович Конин трудится на протяжении 56 лет!

Ректорат, коллектив кафедры административного и муниципального права, Совет ветеранов Саратовской государственной юридической академии, друзья и ученики поздравляют Николая Михайловича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и творческого долголетия!

³ *Стартов Ю.Н.* Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения...: сборник научных трудов. Воронеж, 2010. С. 142.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ ПРИДВОРОВ. 85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

NIKOLAI ANTONOVICH PRIDVOROV. 85 YEARS SINCE THE BIRTH OF

Николай Антонович Придворов родился 9 января 1935 г. в селе Паники Медвенского района Курской области в семье директора МТС. В раннем детстве испытал весь ужас Великой Отечественной войны, которая жестоким огненным валом прокатилась по Курской земле. В первые школьные годы пришлось пройти через голод и все тяготы фашистской оккупации. Закончив в 1953 г. среднюю школу в городе Обоянь Курской области, он отправился в Ленинград (Санкт-Петербург), где поступил в старинное российское военное учебное заведение — инженерное училище.

Однако выбор профессии на всю дальнейшую жизнь был еще впереди. В 1958 г., выдержав сложные конкурсные экзамены, поступает в Харьковский юридический институт, окончив который молодой дипломированный специалист вступает на путь практического освоения юриспруденции — в августе 1962 г. на сессии Верховного Совета Калмыкии был избран членом Верховного Суда Республики Калмыкии, а уже через некоторое время Н.А. Придворову была предложена должность председателя судебной коллегии, заместителя председателя Верховного Суда Калмыкии, на которой он проработал до 1966 г.

Несмотря на заманчивые предложения, Николай Антонович остановил свой выбор на научной деятельности. С 1965 г. он становится аспирантом дневного отделения Харьковского юридического института на кафедре гражданского права. Закончив досрочно аспирантуру, в 1967 г. под руководством профессора М.В. Гордона подготовил и защитил кандидатскую диссертацию по гражданскому праву на тему: «Общая и специальная гражданско-правовая защита чести и достоинства личности».

Далее научная деятельность продолжилась. В ряде центральных журналов появляются его статьи, публикации, расширяющие границы данной проблемы, выходят в свет получившие широкую известность научные монографии: Белявский А.В., Придворов Н.А. «Охрана чести и достоинства личности в СССР». Москва: Юридическая литература, 1971. 208 с.; Придворов Н.А. «Достоинство личности и социалистическое право». Москва: Юридическая литература, 1977. 136 с. и др.

С 1967 по 1971 г. Н.А. Придворов работал старшим преподавателем кафедры государственного и административного права Харьковского юридического института. С 1971 по 1987 г. — доцентом, заведующим кафедрой торгового права в Харьковском институте торговли.

Все это время идет активная работа над докторской диссертацией. В 1986 г. ученый с успехом защитил докторскую диссертацию по теории права на тему: «Институт достоинства личности в советском праве», в которой были воплощены результаты многолетнего научного труда по этой сложной и имеющей определяющий характер для всей материи права проблематике.

С 1987 по 1993 г. — профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого (г. Харьков).

Проработав на этой должности до 1993 г., он был приглашен первоначально на работу в г. Курск на должность заведующего кафедрой теории права, а затем в Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина на должность заведующего кафедрой теорией государства и права и деканом юридического факультета.

С 1994 по 2005 г. — профессор, заведующий кафедрой, декан юридического факультета, директор Института права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Длительное время выступал в качестве профессора-консультанта университета, продолжая оказывать неоценимое влияние на развитие научно-образовательного процесса в университете, в настоящее время является профессором кафедры гражданского права университета.

Выступив создателем юридического факультета (института) университета, кафедр, аспирантуры, осуществляя руководство учебным и научным процессом, Н.А. Придворов внес ключевой вклад в организацию и развитие юридического образования и юридической науки.

За эти годы под непосредственным руководством профессора Н.А. Придворова было успешно защищено несколько десятков кандидатских диссертаций и ряд докторских диссертаций в диссертационных советах ведущих вузов Российской Федерации, были налажены и усилены прочные научно-образовательные связи сотрудничества с юридическими вузами России и мира, научными учреждениями и центрами в сфере государственно-правовой науки, а также персонально со многими видными учеными-юристами отечественного и мирового уровня.

Под руководством профессора Н.А. Придворова в 1996 г. было сформировано и стало активно функционировать ведущее научное направление «Проблемы формирования и развития новой российской государственности и нового российского права». Ведущее научное направление формировалось на основе передовых отечественных и зарубежных концептуальных воззрений в области государства и права, интегрируя идеалы свободы, справедливости, формального равенства и правозаконности, связывая воедино права, свободы и законные интересы человека и гражданина и юридически значимые цели и задачи общества и государства, и продолжает развиваться в духе исходных доктринальных общефилософских и государственно-правовых предпосылок, это начинание поддерживается учениками ученого.

От лица вуза — Державинского университета, в котором профессору удалось реализовать многие свои проекты и идеи, заложить прочные научно-образовательные основы в сфере права и государства, а также от лица многочисленных учеников поздравляем Николая Антоновича Придворова с 85-летним юбилеем, желаем здоровья и всего самого доброго!

Ректор ТГУ им. Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, доцент
Стромов Владимир Юрьевич

Директор НИИ государственно-правовых
исследований им. Г.Р. Державина,
доктор юридических наук, доцент
Трофимов Василий Владиславович

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В декабре 2019 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени доктора юридических наук

20 декабря 2019 года — Соловых Светланой Жорисовной на тему «Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции». Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.
Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Д.Х. Валеев.

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

20 декабря 2019 года — Поповой Натальей Ивановной на тему «Преодоление риска принятия противоречащих друг другу судебных актов в арбитражном процессе». Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент А.В. Юдин.

24 декабря 2019 года — Терегуловой Алсу Илдусовной на тему «Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в контексте рационализации стадии предварительного расследования». Специальность 12.00.09 — уголовный процесс.
Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент Е.В. Ежова.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>